

Генералъ-Лейтенантъ К. В. Сахаровъ.

БѢЛАЯ СИБИРЬ.

(Внутренняя война 1918—1920 г. г.)

Генералъ-Лейтенантъ К. В. Сахаровъ.

БѢЛАЯ СИБИРЬ.

«Мы проходили черезъ селенія, разоренныя Пугачевымъ, и поневолѣ отбирали у бѣдныхъ жителей то, что оставлено было имъ разбойниками.

Они не знали, кому повиноваться. Правленіе было всюду прекращено. Помѣщики укрывались по лѣсамъ. Шайки разбойниковъ злодѣйствовали повсюду. Начальники отдѣльныхъ отрядовъ, посланныхъ въ погоню за Пугачевымъ, тогда уже бѣгущимъ къ Астрахани, самовластно наказывали виноватыхъ и безвинныхъ. Состояніе всего края, гдѣ свирѣпствовалъ пожаръ, было ужасно. Не приведи Богъ видѣть русскій бунтъ, безсмысленный и безпощадный. Тѣ, которые замышляютъ у насъ невозможные перевороты, или молоды и не знаютъ нашего народа, или ужъ люди жестокосердые, которымъ и своя шейка — копейка, и чужая головушка-полушка.»

1833—1836 г. г.

А. С. Пушкинъ. «Капитанская дочка.»

Мюнхенъ.
1923 г.

Возрожденіе Россіи будетъ скорѣе, чѣмъ многіе предполагаютъ; оно придетъ изнутри, изъ массъ самого народа. Наша общая вѣра въ нашу Родину и ея судьбы оправдается; наша общая работа и великія жертвы Русскаго народа не пройдутъ безрезультатно.

Возстановленіе своего разрушеннаго дома мы должны дѣлать сами, своими руками; преступно расчитывать, что кто-то можетъ выполнить это за насъ. Нѣтъ сомнѣнія, — друзей мы имѣемъ среди другихъ странъ, народовъ и націй. Но не надо ни на минуту забывать, что всѣ эти друзья заняты своими личными дѣлами и заботами, почти никто изъ нихъ не уясняетъ да и не можетъ уяснить себѣ истиннаго состоянія массъ и необъятныхъ пространствъ Россіи и не знаетъ ни историческаго хода развитія нашего государства, ни лежащаго теперь передъ нимъ правильнаго и исторически-естественннаго пути. Да кромѣ того, обычно эти иностранные друзья при своей помощи возстановленію Государства Россійскаго руководятся своими эгоистическими цѣлями. И эти скрытыя цѣли всегда противуположны интересамъ Россіи, вредны дла нея.

Намъ самимъ зачастую трудно понимать и уяснять современное. Вѣдь отъ разности этого пониманія и затянулась такъ гражданская братоубійственная война, — отъ разности пониманія или отъ незнанія, незнакомства со многими событіями, настроеніями и руководящими цѣлями.

Чтобы успѣшно дѣйствовать, строить, — надо правильно оцѣнить условія и взять вѣрное направленіе; а чтобы правильно судить, необходимо знать возможно подробнѣе и полнѣе о той совокупности внутреннихъ и внѣшнихъ факторовъ, которые вліяли на жизнь нашей страны. Надо знать правду о Россіи. Чтобы людямъ правильно выполнить свою задачу завтра, имъ необходимо быть освѣдомленными о томъ, что было сдѣлано сегодня и вчера, и какъ было сдѣлано.

Цѣль настоящей книги раскрыть это вчерашнее. Предметъ ея — описаніе событій въ восточной Россіи съ осени 1918 года до весны 1920 года.

Все написанное является результатомъ лично пережитаго. Мнѣ пришлось работать въ исключительныхъ условіяхъ, находясь почти въ самомъ центрѣ этого огромнаго русскаго напряженія, среди большихъ русскихъ людей и патріотовъ.

Очень хотѣлъ бы этой книгой помочь и иностранцамъ, расположеннымъ искренно къ Россіи, желающимъ принести ей пользу, и всѣмъ друзьямъ нашей Родины, — разобраться немного въ Русскомъ вопросѣ и получить представленіе о томъ, что нужно Россіи и Русскому народу. Для этой цѣли необ-

ходимо показать тотъ, можетъ быть невольный, но большой вредъ, какой принесла Русскому народу пресловутая интервенція союзниковъ - иностранцевъ. Представляю факты, встрѣчи и дѣйствія въ ихъ неприкрашенномъ видѣ; пусть это не будетъ истолковано какъ результатъ недружелюбнаго чувства, какъ результатъ какихъ-либо оріентацій. Нѣтъ, но при описаніи такого сложнаго процесса борьбы, при безпристрастномъ разсказѣ событій нѣтъ возможности все хвалить или обходить непріятныя стороны молчаніемъ.

А мое стремленіе — дать полный очеркъ всего хода событій и безпристрастное описаніе ихъ. Если невольно, мѣстами иногда проявится мое личное чувство и излишнія подробности, прошу снисходительности, такъ какъ все прежитое очень еще свѣжо, и слишкомъ больно затронуло оно каждое русское сердце.

Нью-Іоркъ (Америка).
Октябрь 1920 г.

Мой трудъ, написанный по свѣжей памяти и съ использованіемъ части сохранившихся и собраныхъ документовъ, пролежалъ два съ половиною года. Многія обстоятельства дѣлали его опубликованіе преждевременнымъ и нежелательнымъ.

Теперь, когда препятствія эти устранились, я имѣю возможность напечатать книгу о бѣломъ движеніи въ Сибири, руководимый той цѣлью, о которой говорю выше.

Нѣкоторые собственныя имена мною поставлены лишь въ иниціалахъ, — изъ-за опасенія повредить людямъ, которые досягаемы для чрезвычаекъ III-го интернаціонала. Но всѣ эти фамиліи у меня имѣются и, когда придетъ время, онѣ займутъ въ книгѣ свое мѣсто. Точно также я нахожу еще рано давать подробности и освѣщеніе нѣкоторыхъ фактовъ, останавливаться болѣе детально на характеристикахъ и оцѣнкѣ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, равно и опубликовывать часть документовъ, оставляя все это до другого раза.

При выполненіи настоящаго труда я началъ подбирать и систематизировать матеріалы, касающіеся бѣлаго движенія въ Сибири, и буду продолжать это дѣло; буду весьма признателенъ,

если кто-либо изъ участниковъ гражданской войны въ восточной части Россіи найдетъ возможность подѣлиться со мною новыми документальными данными. Съ своей стороны, всѣ собранные документы, включительно до нѣсколькихъ собственноручныхъ адмирала А. В. Колчака и другихъ дѣятелей, будутъ мною переданы въ русскій официальный архивъ, когда таковой снова появится послѣ сверженія въ Россіи власти большевиковъ.

Рисунки, помѣщенные въ этой книгѣ, принадлежатъ карандашу поручика Михайловскаго стрѣлковаго полка Л., давшаго ихъ мнѣ еще лѣтомъ 1919 года. Его, лицъ, помогшихъ мнѣ доставленіемъ документовъ и въ подысканіи новыхъ, а также всѣхъ, оказавшихъ помощь при печатаніи моего труда, прошу принять мою искреннюю благодарность.

Мюнхенъ (Баварія).
Іюль 1923 г.

ГЛАВА I.

Борьба за власть.

1.

Послѣ долгихъ и трудныхъ странствій, частью верхомъ, частью на телѣгѣ, черезъ киргизскія песчанныя степи, пріѣхали мы съ женой изъ Астрахани въ Уральскъ, дважды перейдя красный фронтъ. Впервые послѣ почти годового пребыванія въ совѣтской Россіи и послѣ шестимѣсячнаго заключенія въ большевицкой тюрьмѣ, я попалъ въ городъ, гдѣ свободно развѣвался Русскій національный флагъ. Была осень 1918 года. По всей шири Руси отъ Карпатъ и до Тихаго Океана вспыхнули возстанія противъ большевиковъ. Самые разнообразные слои, классы и національности Русскаго народа поднялись противъ угнетателей и кровавыхъ тирановъ, захватившихъ власть въ странѣ именемъ народа и для народа. Національная Русь возстала противъ интернаціонала.

Эти возстанія были разрозненны и не организованны. Это было чисто стихійное движеніе. Только на Волгѣ и къ востоку отъ великой русской артеріи возстанія русскихъ людей нашли помощь и поддержку въ чехо-словацкомъ корпусѣ, примкнувшемъ къ нимъ въ своемъ стремленіи пробить путь на востокъ.

Отрывочныя свѣдѣнія обо всемъ этомъ доходили и въ большевицкій станъ, достигали и Астраханской тюрьмы, гдѣ насъ сидѣло свыше ста офицеровъ; сердца были полны надеждой, — казалось, что всѣ мы, русскіе люди, довольно уже научены пережитой революціей, чтобы не дѣлать снова ошибокъ, чтобы найти объединеніе для общей работы по очисткѣ нашего дома — Россіи отъ большевицкой нечисти.

Уральскъ кишѣлъ на подобіе растревоженнаго муравейника. Все населеніе жило однимъ общимъ интересомъ, — разбить красныя полчища большевиковъ, отнять у нихъ Саратовъ

и Астрахань для соединенія съ Добровольческой арміей генерала Деникина. Мобилизація въ станицахъ проходила полностью, и всѣ мужчины шли въ ряды сражающихся; не хватало винтовокъ, шашекъ и пикъ, — шли съ вилами и косами, составляя особые отряды для поддержанія первой линіи.

Всѣ политическіе лозунги были отброшены. Одна мысль управляла этимъ народнымъ движеніемъ: покончить съ большевизмомъ и тогда заняться разрѣшеніемъ вопросовъ внутренняго устройства. Въ этомъ казаки сходились съ Самарскими и Саратовскими крестьянами и соединились съ ними для борьбы противъ общаго врага.

Въ Уральскѣ впервые пришлось узнать отголоски правдиваго положенія на новомъ бѣломъ фронтѣ. Грустными, похоронными акордами прозвучали извѣстія съ Волги.

— «Казань отдали большевикамъ»...

— «Сколько тамъ погубили людей. Какіе огромные запасы оружія и военнаго имущества оставили краснымъ...»

— «Палъ Симбирскъ...»

— «Самарское правительство не желаетъ поддерживать казаковъ и Сибирскую армію...»

Помню засѣданіе Уральскаго казачьяго круга и докладъ на немъ делегатовъ, вернувшихся изъ Уфы съ такъ называемаго Государственнаго совѣщанія. Залъ наполненъ серьезными бородатыми казаками, только отдѣльными пятнами мелькаютъ пять-шесть молодыхъ безусыхъ лицъ; глаза у всѣхъ смотрятъ пытливо и напряженно; такъ искренно, съ такимъ страстнымъ желаніемъ найти правильный путь, путь объединенія въ работѣ-борьбѣ. И имѣть въ ней успѣхъ. Полная тишина и порядокъ въ отличіе отъ всѣхъ шумныхъ и говорливыхъ собраній 1917 года.

Два казака, пріѣхавшіе изъ Уфы, дѣлаютъ докладъ. Тихо и медленно говорятъ они по очереди; каждое слово ихъ звучитъ въ этой тишинѣ такъ четко, какъ благовѣстъ ночного колокола.

«... Образовали Россійскую директорію изъ пяти лицъ: Авксентьевъ, генералъ Алексѣевъ, Чайковскій, Астровъ и Вологодскій; такъ какъ нѣкоторымъ прибыть сейчасъ нельзя, то будутъ ихъ замѣстители; сейчасъ составъ такой: предсѣдатель директоріи Авксентьевъ, члены: генералъ Болдыревъ, Вологодскій, Зензиновъ и Виноградовъ.

Порѣшили на совѣщаніи, что вся полнота власти сосредоточивается у директоріи. Всѣ остальныя правительства должны подчиниться ей...

Мы подписали за Уральское казачество это обязательство, чтобы Россія могла объединиться въ борьбѣ противъ большевиковъ.»

Ни слова возраженія. Въ глазахъ и на лицахъ спокойная радость удовлетворенныхъ ожиданій и окрѣпшей надежды.

— «Согласенъ ли кругъ и одобряетъ ли дѣйствія избранныхъ делегатовъ?» — спрашиваетъ предсѣдатель.

— «Согласны, согласны» . . . проносится дружное эхо всего круга. . .

Изъ Уральска я отправился автомобилемъ въ Бузулукъ, чтобы оттуда проѣхать черезъ Самару въ Уфу, въ новый главный штабъ для полученія назначенія.

Путь до Бузулука, самъ этотъ городокъ Самарскихъ черноземныхъ степей, дальше тряскій вагонъ до Самары, набитый пассажирами такъ, что въ четырехмѣстномъ купе насъ уплотнилось десять человѣкъ, — все дышало какой-то сумятицей, взволнованностью, неувѣренностью. Крестьяне Бузулуцкаго большого села Марьевки, гдѣ мы остановились на ночлегъ изъза поломки автомобиля, жаловались мнѣ на чеховъ и на новое правительство учредителей за то, что тѣ произвели жестокую экзекуцію этого села.

— «Вишь ты, Ваше Благородье или, какъ тебя называть, не знаемъ, — у насъ нѣкоторые горлотяпы отказались идти въ солдаты, ну къ примѣру, какъ большевики они. А мы ничего, мы міромъ рѣшили идти. Скажемъ такъ: полъ села, чтобы идти въ солдаты, а полъ села противъ того.

Пришли эт-то двѣ роты чеховъ и всѣхъ перепороли безъ разбору, праваго и виноватаго. Чтожъ, это порядо-окъ?»

— «Да еще какъ-то пороли! Смѣхота! Виновныхъ — то, самыхъ большевиковъ, — не тронули, а которыхъ, хорошіе мужики, перепороли. Вонъ дядя Филиппъ сидитъ, сидѣть не можетъ, а у него два сына въ солдаты въ народную армію ушли.»

Крестьяне сочувственно и безобидно засмѣялись, а дядя Филиппъ неловко заерзалъ на лавкѣ.

— «Что жъ, баринъ, и когда конецъ будетъ этому? Кто порядокъ — то установитъ?» обратился ко мнѣ съ вопросомъ старый крестьянинъ въ армякѣ и лаптяхъ. Всѣ сдвинулись ближе.

Я старался объяснить имъ, что теперь порядокъ можно установить только самимъ намъ, всѣмъ сообща, покончивъ съ большевиками. Слушали крестьяне молча, а въ концѣ дядя Филиппъ отвѣтилъ за всѣхъ:

— «Эхъ, не то, баринъ, — намъ бы какая власть не была все-равно, — только бы справедливая была, да порядокъ бы установила. Да, чтобы землю за нами оставили. Если бы землю-то намъ дали, мы бы всѣ на Царя согласились.»

— «Да ужъ чего тогда бы — лучше», раздались голоса въ толпѣ.

Меня, какъ жившаго въ Самарской губерніи раньше, до войны, не удивилъ этотъ заключительный аккордъ, такъ какъ тамошніе крестьяне всегда отличались большимъ, почти святымъ почитаніемъ Царя; всѣ они большіе хлѣборобы, и рѣдкій дѣлалъ запашку меньше чѣмъ двадцать-двадцать пять десятинъ. Постоянная мечта ихъ была разжиться землицей, прикупить ее; ну, а здѣсь такая благодать — даромъ свалилась.

Но меня поразило, что наши дивныя черноземныя Самарскія степи, эта житница Россіи, лежали теперь почти не тронутыми. Десятки верстъ пробѣгалъ автомобиль, далеко, до самаго горизонта уходила волнистая плодородная степь, и только рѣдкими мѣстами попадался таборъ пахарей или плугъ въ работѣ среди чернаго блестящаго вспаханнаго поля. Въ прежніе годы, въ сентябрѣ, бывало, вся степь была чернымъ — черна, вся грудь ея распахана для новаго весенняго посѣва.

Въ селѣ Марьевкѣ нѣсколько тысячъ населенія и, несмотря на будни, почти, всѣ оставались дома. На мой вопросъ о причинахъ такой перемѣны какъ разъ теперь, когда они завладѣли всей землей, крестьяне отвѣтили такъ:

— «Видишь, баринъ, намъ это не способно: одно дѣло, кто землю-то намъ продалъ? Неизвѣстно. Какія они права имѣли землю-то отдавать? Ее распашешь, а потомъ отвѣчай. А другое дѣло война, — все равно пропадетъ. Ты посѣешь, потрудишься, а красная гвардія придетъ, половину стравитъ (истопчетъ), а другую половину отниметъ. . .»

Въ Бузулукѣ я увидѣлъ первый полкъ новой народной арміи. Безъ погонъ, со щиткомъ на подобіе чешскаго на правомъ рукавѣ, почему-то съ георгіевской ленточкой, вмѣсто кокарды, на фуражкѣ. Видъ полутоварищескій. Самъ городокъ, обычно шумный, центръ одного изъ наиболѣе хлѣбородныхъ уѣздовъ Россіи, жилъ теперь тихой, спрятанной жизнью, точно домъ, изъ котораго уѣхали главные хозяева.

Въ вагонѣ пришлось ѣхать вмѣстѣ съ нѣсколькими офицерами. Два изъ нихъ сидѣли, а одному мѣста не хватило, стоялъ. Въ углу же размѣстился какой то желѣзнодорожникъ съ яркой желто-голубой «украинской» ленточкой въ петличкѣ и на утрированно хохлацкомъ жаргонѣ разглагольствовалъ о «самостійной Украйнѣ». Слушалъ его поручикъ, слушалъ, да и говоритъ:

— «Вотъ что, пане добродію, вылѣзайте-ка изъ угла, — я хочу сидѣть. Дорога-то вѣдь наша русская, да и Самарская губернія тоже Россія, ей въ Украйну не попасть.»

— «Какъ такъ? Позвольте, какое вы имѣете право?» перешелъ на литературный русскій языкъ желто-голубой желѣзнодорожникъ.

— «А такое, пане добродію, что я русскій, значитъ здѣсь дома у себя, хозяинъ. Вотъ поѣзжайте на Украйну, тамъ и посидите. Ну! вылѣзайте!»

Сконфуженно оглядываясь, подъ смѣхъ остальной публики вышелъ новоявленный украинецъ изъ купе и даже изъ вагона.

Ѣхали и дѣлились впечатлѣніями, интересами текущихъ дней, событіями войны съ большевиками. Офицеры народной арміи высказывали недовольство отношеніемъ къ нимъ и ихъ полкамъ Самарскаго правительства, что развели опять политику, партійную работу, скрытыхъ комиссаровъ, путаются въ распоряженія команднаго состава; начали чехо-словаковъ втягивать во внутреннюю политику, проводя среди нихъ то же, что Керенскій проводилъ въ 1917 году въ Русской арміи для ея развала.

Выяснялось, что Самарское правительство учредителей пропагандируетъ всячески противъ Сибирскаго правительства и Сибирской арміи, называя ихъ «монархическими и контръ-революціонными»; а въ то время, если что и можно было поставить въ вину сибирякамъ, то это — ихъ слишкомъ сильный кренъ въ сторону соціалистовъ-революціонеровъ.

Оказалось, что много надеждъ возлагалось въ то время русскими людьми на союзниковъ. Какъ разъ въ то время прозвучали торжественно на весь міръ ноты Англійская, Французская, Итальянская, Японская и Американская. Всѣ онѣ призывали Русскій народъ къ продолженію войны противъ Германіи и «ихъ прислужниковъ и агентовъ, большевиковъ». Всѣ они заявляли о своей готовности активно поддержать въ этомъ Россію и клялись, что не преслѣдуютъ никакихъ личныхъ цѣлей, что ни одна пядь Русской земли не будетъ никѣмъ занята.

До чего была сильна и наивна эта вѣра Русскихъ въ помощь союзниковъ! Одна дѣвушка-курсистка, ѣхавшая изъ Бузулука на высшіе курсы въ Самару, увѣряла, что на Волгу направляются пять японскихъ дивизій, что «въ Самару пріѣхали уже триста японцевъ — квартирьеровъ»...

Подтверждались тревожные слухи съ Волжскаго фронта. Передавали объ ужасной соціалистической панамѣ въ Казани, гдѣ Лебедевъ и Фортунатовъ, два партійныхъ работника, забрали власть въ свои руки, митинговали съ рабочими во время боевъ, вели переговоры съ большевиками и . . . предали армію.

Самара произвела жуткое впечатлѣніе. Большой городъ, центръ торговли Поволжья, съ нѣсколькими стами тысячъ жителей, казался обреченнымъ мѣстомъ, ждущимъ своего приговора и часа. Огромная толпа, улицы полны народомъ, но все двигается тихо, безъ обычнаго шума. Почти на всѣхъ лицахъ написано боязливое, тревожное ожиданіе и мольба о спасеніи.

Многіе изъ слуховъ подтвердились. Я нашелъ здѣсь своего однокашника по кадетскому корпусу, полковника С. А. Щепихина, который исполнялъ должность начальника штаба народной арміи при командующемъ Волжскимъ фронтомъ, чешскомъ поручикѣ Чечекѣ, произведенномъ учредителями въ генералъ-маіоры. Вотъ какими пріемами искали они себѣ опору и сторонниковъ!

Положеніе было хуже 1917 года; чехи подъ вліяніемъ пропаганды уже разваливались, воевать не желали; народная армія была крѣпка только офицерами и добровольцами, да и то въ частяхъ, къ которымъ эсъ-эры получали доступъ, тамъ исчезала дисциплина, а съ нею вмѣстѣ и боеспособность. Только отряды полковниковъ Каппеля и Степанова оказывались всюду сильны и духомъ, и боевыми качествами, такъ какъ эти начальники не подпускали и близко къ своимъ войскамъ соціалистовъ.

Они брали Казань, Симбирскъ. Каппель проявлялъ прямо чудеса маневра со своимъ маленькимъ отрядомъ. Но въ Казань, сейчасъ же по взятіи ея, нагрянули эсъ-эры и такъ все перепортили, что наши едва успѣли уйти, нѣкоторые тамъ и остались большевикамъ. Бросили одного сукна на пяти-миліонную армію, болѣе ста аэроплановъ съ огромнымъ имуществомъ, массу пулеметовъ, патронный заводъ; въ Симбирскѣ оставили огромный инженерный паркъ всей Императорской Русской арміи.

А все оттого, что учредители мѣшали и противодѣйствовали вывозу: боялись, что все это можетъ попасть въ руки Сибирской арміи. А понятно, по Волгѣ почти все можно было вывезти.

Отъ другихъ офицеровъ пришлось слышать разсказы о такихъ же непорядкахъ въ Хвалынскѣ, Вольскѣ, Николаевскѣ. Офицерство и добровольцы были возмущены до крайности.

— «Мы не хотимъ воевать за эсъ-эровъ. Мы готовы драться и отдать жизнь только за Россію», говорили они.

— «Такое предательство, хуже 1917 года», горячо разсказывалъ мнѣ капитанъ, трижды раненый въ Германскую войну и два раза уже въ бояхъ съ большевиками. «Какъ только успѣхъ и мало-мальски прочное положеніе, они начинаютъ свою работу противъ офицеровъ, снова натравливаютъ массы, мутятъ солдатъ, кричатъ о какой-то «контръ-революціонности». А какъ опасность, такъ офицеры впередъ. Посылаютъ прямо на уничтоженіе цѣлые офицерскіе батальоны». . .

Когда я пріѣхалъ въ Самару, оттуда шла уже спѣшная и довольно безпорядочная эвакуація, управляемая чешскими комендантами.

— «Завтра (это было 19 сентября 1918 года) будутъ брать мѣста въ поѣздахъ уже съ револьверами въ рукахъ.»

2.

Съ большими трудностями и неудобствами, безконечно долго простаивая на самыхъ маленькихъ станціяхъ, добрались до Уфы.

Здѣсь на вокзалѣ стоялъ оцѣпленный чешскими часовыми поѣздъ, состоявшій изъ шести классныхъ пульмановскихъ вагоновъ. Часовые никого не пропускали, образовавъ на платформѣ около вагоновъ большой свободный полукругъ.

— «Чей это поѣздъ? спросилъ я одного чеха.

— «Нашего генерала Дитерихса.»

— «Какого Дитерихса, русскаго генерала?»

— «Ну да, а теперь онъ нами командуетъ, нашъ генералъ.»

— «Могу я его видѣть?»

— «Да, только его сейчасъ здѣсь нѣтъ, онъ поѣхалъ въ городъ автомобилемъ на совѣщаніе съ директоріей.»

Отправился я въ штабъ Верховнаго Главнокомандующаго генерала Болдырева, члена директоріи. И штабъ, и директорія, и всѣ ея канцеляріи помѣщались въ большой «Національной гостинницѣ». Здѣсь сразу пришлось окунуться въ обстановку, напоминавшую до жуткости недоброй памяти дни лѣта и осени 1917 года. Та же безпорядочная снующая безъ дѣла толпа, масса юркихъ штатскихъ брюнетовъ съ горбатыми носами, всюду грязь, неубранный соръ, стучатъ пишущія машинки, здѣсь же доступный для всѣхъ телеграфъ съ армейскими аппаратами Юза.

Шелъ длинными коридорами, ни отъ кого не могъ добиться толку, какъ пройти къ начальнику штаба. Наконецъ въ самомъ концѣ коридора, при входѣ въ ресторанный залъ одинъ офицеръ мнѣ помогъ.

— «Да вонъ онъ сидитъ у стола, генералъ Розановъ, начальникъ штаба.»

Опять старый знакомый, еще съ довоеннаго времени, съ которымъ вмѣстѣ сражались въ памятныхъ героическихъ Люблинскихъ бояхъ августа 1914 года. Тепло встрѣтились. Оказалось, что генералъ Розановъ только нѣсколько дней самъ прорвался черезъ большевицкій фронтъ.

— «Шелъ въ красной рубахѣ, какъ простой крестьянинъ. Сначала свои пускать не хотѣли, взяли подъ подозрѣніе» . .

Разсказалъ коротко ему и мои злоключенія у большевиковъ въ тюрьмѣ, случайное спасеніе, и какъ дважды пробирался черезъ ихъ фронтъ.

Здѣсь же встрѣтилъ своего давняго пріятеля, полковника генеральнаго штаба Д. А. Лебедева, который работалъ на Дону вмѣстѣ съ генералами Корниловымъ и Алексѣевымъ, а теперь пробрался сюда изъ Добровольческой арміи черезъ Москву. Затѣмъ вскорѣ подошелъ уральскій казакъ, генералъ-маіоръ Хорошкинъ, оказавшійся однокашникомъ по кадетскому корпусу.

Оба они были въ Уфѣ уже нѣсколько недѣль, съ самаго государственнаго совѣщанія. Нѣсколько часовъ проговорили мы; оба они по очереди, одинъ дополняя другого, нарисовали мнѣ обстановку, военную и политическую, среди которой родилась Россійская директорія.

Изъ разсказовъ еще многихъ очевидцевъ тѣхъ дней и изъ тогдашнихъ уфимскихъ газетъ устанавливается такая картина. Послѣ начала возстанія, когда отряды русскихъ офицеровъ и добровольцевъ, поддержанные чехо-словаками, свергли иго большевиковъ и разсѣяли ихъ красноармейскіе полки, образовалось много мѣстныхъ правительствъ. Въ Самарѣ знаменитый Комучъ (Комитетъ членовъ учредительнаго собранія или, какъ тогда больше называли, учредиловки), въ Уральскѣ — казачье правительство, въ Оренбургѣ — атаманъ Дутовъ съ Оренбургскимъ казачьимъ кругомъ, въ Екатеринбургѣ — Уральское горное правительство, образованное евреемъ Кролемъ и имѣвшее всего одинъ уѣздъ территоріи, въ Омскѣ — Сибирское правительство, въ Читѣ — атаманъ Семеновъ, на Дальнемъ Востокѣ, въ Харбинѣ и Владивостокѣ одновременно три правительства: генерала Хорвата, еврея Дербера и коалиціонное.

Въ то же время отряды чеховъ были разсредоточены по всей линіи Великаго Сибирскаго пути, отъ Волги до Тихаго Океана, ихъ военное начальство и политическій комитетъ отдавали свои распоряженія и пытались также управлять.

Получалась полная разноголосица и сумбуръ. Тогда было созвано въ Уфѣ государственное совѣщаніе для выбора единой авторитетной Россійской власти.

Въ совѣщаніе вошли представители большинства перечисленныхъ правительствъ, всѣ наличные члены перваго эсъ-эровскаго учредительнаго собранія, партіи меньшевиковъ, эсъэровъ, умѣренныхъ соціалистовъ, кадетъ и представители отъ нѣкоторыхъ казачьихъ войскъ. Составъ крайне пестрый, не выражавшій народныхъ массъ (какъ и всѣ собранія, начиная съ марта 1917 года), и съ сильнымъ преобладаніемъ партійныхъ соціалистическихъ работниковъ; послѣдніе опредѣленно вели линію этого совѣщанія за признаніе Комуча, какъ правительства Всероссійскаго.

Но на это не шли остальные члены совѣщанія, — несоціалисты. Дѣло чуть не разстроилось.

Вотъ тогда то выступили на сцену чехи. Ихъ политическій руководитель докторъ Павлу заявилъ на этомъ совѣщаніи отъ имени чехо-словацкаго корпуса, что если не будетъ образована единая власть, то чехи бросаютъ фронтъ; причемъ было произведено имъ еще одно давленіе на совѣсть собравшихся и заявлено: чехи полагаютъ, что единственнымъ законнымъ и революціоннымъ правительствомъ будетъ то, которое признаетъ

учредительное собраніе перваго созыва и которое будетъ въ свою очередь признано и поддержано этими «учредителями». Для всякаго русскаго было ясно, что подъ этимъ подразумѣвались соціалисты-революціонеры, т. е. партія, ввергшая подъ руководительствомъ своего лидера Керенскаго въ 1917 году Россію въ бездну разрушенія, позора и гражданской войны.

Заявленіе Павлу, однако, заставило всѣхъ пойти на открытыя уступки, оставивъ втайнѣ свои истинныя намѣренія. Очень быстро было достигнуто соглашеніе, которое и подписали всѣ участники Уфимскаго государственнаго совѣщанія.

Въ качествѣ Всероссійской власти признавалась избранная этимъ же совѣщаніемъ директорія изъ пяти лицъ подъ предсѣдательствомъ Авксентьева, ближайшаго сотрудника и партійнаго товарища Керенскаго. Далѣе слѣдовалъ пунктъ, что директорія отвѣтственна въ своихъ дѣйствіяхъ передъ учредительнымъ собраніемъ перваго созыва и что, какъ только соберется опредѣленное число членовъ его (помнится 250), директорія обязана передать всю полноту власти этому кворуму учредиловцевъ.

Директорія вступила во власть, т. е. начала на бумагѣ отдавать распоряженія, писать къ народу воззванія, выпускать международныя деклараціи. Собиралась образовывать кабинетъ министровъ, причемъ еще на совѣщаніи было обѣщано взять готовый аппаратъ министровъ отъ Сибирскаго правительства въ Омскѣ. Почти все соглашеніе сдѣлано въ угоду Комучу, который примазался къ народной арміи, возставшей на борьбу противъ большевиковъ.

Имѣя въ своемъ составѣ болѣе шестидесяти процентовъ іудеевъ, учредиловцы, съ присущимъ своей партіи апломбомъ, не постѣснялись еще разъ назваться избранниками Русскаго народа, не остановились передъ преступной игрой еще разъ на русской крови. Какое самодовольство звучало въ словахъ — фронтъ учредительнаго собранія!

И какъ разъ теперь, когда все было сдѣлано по ихъ вожделѣніямъ, когда власть вторично послѣ революціи попадала въ руки той же партіи, она показала себя совершенно неспособной къ какой-либо не то, что творческой, а просто плодотворной работѣ.

Падали одинъ за другимъ города на Волгѣ. Отданы Хвалынскъ, Вольскъ, Сызрань, Самара, дальше отступили и очистили Кинель, Бугульму и подходили къ Уфѣ. Вся мѣстность, громко называвшаяся «территоріей учредительнаго собранія», оказалась уже къ началу октября въ рукахъ большевиковъ.

Директорія спѣшно укладывала чемоданы и готовилась къ переѣзду. Куда? Вотъ вопросъ, вставшій передъ всѣми. Сначала хотѣли въ Екатеринбургъ, какъ центръ Урала и, такъ

сказать, независимый городъ. Но казалось, слишкомъ близко отъ боевого фронта и слишкомъ ненадежно. Рѣшено было ѣхать въ Омскъ, въ столицу Сибирскаго правительства, хотя здѣсь какъ-то сама собою напрашивалась всѣмъ мысль, что директорія ѣдетъ въ гости, на готовое къ сибирякамъ, у которыхъ былъ уже сконструированъ работоспособный аппаратъ управленія, образована сильная армія; мобилизація среди крестьянъ и рабочихъ Сибири прошла такъ успѣшно, что была несомнѣнна полная поддержка Сибирскаго правительства всѣмъ населеніемъ.

Въ Уфѣ я на нѣсколько лѣтъ разстался со своимъ вѣрнымъ другомъ, — моя жена рѣшила ѣхать въ Саратовъ къ оставшимся тамъ дѣтямъ, чтобы попытаться ихъ вывезти ко мнѣ на востокъ. Надежнымъ путемъ была доставлена она въ Кинель, гдѣ проходилъ тогда отступавшій чешско-учредиловскій фронтъ, оттуда на лошадяхъ направилась въ Самару. Исчезла на долго въ кровавомъ туманѣ, которымъ соціалисты-большевики окутали Русскую землю. . .

По пріѣздѣ въ Омскъ директоріи и разноцвѣтной толпы бѣженцевъ, сразу обнаружилось теченіе массъ не въ ея пользу; съ другой стороны — директорія оказалась настолько несостоятельной, что почти никто съ нею не считался. Одинъ разъ, напримѣръ, вечеромъ въ гостинницу «Европа», гдѣ стояли члены директоріи, явились нѣсколько человѣкъ изъ партизанскаго отряда Красильникова съ криками, что они пришли арестовывать директоровъ. Этотъ скандалъ удалось локализировать только самому Верховному Главнокомандующему генералу Болдыреву; но никакихъ мѣръ воздѣйствія, никакого наказанія виновныхъ, фактически, въ государственномъ преступленіи — директорія провести не могла. Власть была до того безсильна, что на вопросы генерала Болдырева къ нѣкоторымъ изъ кадровыхъ офицеровъ: «какое мѣсто Вы желаете занять», онъ получалъ въ отвѣтъ: «я не желаю вовсе служить здѣсь, съ эсъ-эрами». . .

Въ массахъ народныхъ къ директоріи относились совершенно безразлично, слои интелигентные неодобрительно, а армія на фронтѣ буквально начинала ее ненавидѣть и глухо волновалась, спрашивая, за кого же и для чего она будетъ проливать кровь и жертвовать жизнями, разъ нѣтъ вѣры и нѣтъ малѣйшей очевидности, что новая миѳическая власть можетъ спасти и оздоровить Россію.

А признаки, подтверждавшіе этотъ печальный выводъ, все сгущались и увеличивались. Директорія была въ Омскѣ болѣе двухъ недѣль и все еще не могла сговориться объ образованіи общаго Россійскаго аппарата министерства. Дѣлами продолжалъ управлять Сибирскій кабинетъ, причемъ одинъ изъ его

самыхъ энергичныхъ членовъ, Сибирскій Военный Министръ генералъ Ивановъ-Риновъ поѣхалъ въ Читу и на Дальній Востокъ, чтобы тамъ на мѣстахъ наладить формированіе арміи и дѣло снабженія ея нашими русскими запасами и присланными отъ союзниковъ.

Въ Омскѣ шли долгіе переговоры, различныя персональныя перестановки въ проектѣ состава кабинета. Но дѣло не двигалось.

Въ концѣ сентября пріѣхалъ въ Омскъ изъ Харбина адмиралъ Колчакъ въ качествѣ частнаго человѣка и даже въ штатскомъ платьѣ. Я былъ у него на третій день пріѣзда, и мы проговорили цѣлый вечеръ. Адмиралъ разсказывалъ мнѣ подробно о своихъ поѣздкахъ въ Америку и Японію, о положеніи на Дальнемъ Востокѣ, о роли разныхъ союзниковъ-интервентовъ, причемъ смотрѣлъ онъ на все мрачными глазами. Онъ тогда, еще въ октябрѣ 1918 года, высказывалъ мысль, что союзники преслѣдуютъ какія-то скрытыя цѣли, что поэтому мало надежды на помощь съ ихъ стороны.

— «Знаете-ли, мое убѣжденіе, что Россію можно спасти только русскими силами. Самое лучшее если бы они совсѣмъ не пріѣзжали, — вѣдь это какой то новый интернаціоналъ. Положимъ, очень ужъ бѣдны мы стали, безъ иностраннаго снабженія не обойтись, ну а это, значитъ, попасть имъ въ зависимость.»

— «Я намѣренъ пробраться въ Добровольческую армію и отдать свои силы въ распоряженіе генераловъ Алексѣева и Деникина,» закончилъ адмиралъ Колчакъ.

Около того же времени прибылъ особымъ поѣздомъ, съ пулеметами и цѣлой командой, одѣтой въ новенькую солдатскую форму съ сине-бѣлыми погонами, членъ Комуча Роговскій. На вопросы, что означаетъ такой пріѣздъ и каково назначеніе сине-бѣлаго отрада, Роговскій давалъ отвѣтъ:

— «Я прибылъ въ качествѣ министра полиціи новаго кабинета, а отрядъ мой есть кадръ новой полиціи, которую я начну образовывать по всей территоріи.»

? ! !

Оказалось, что предсѣдатель директоріи Авксентьевъ далъ въ Уфѣ обязательство своей партіи обезпечить портфель министра полиціи для члена Комуча, которымъ и былъ намѣченъ Роговскій. Шито было слишкомъ бѣлыми нитками. Несомнѣнно, что если Роговскій образуетъ всюду свою полицію, партійную эсъ-эровскую, то фактически вся власть въ странѣ попадаетъ въ руки опять этой злосчастной партіи. На это никто не шелъ. Соглашеніе, почти достигнутое съ сибиряками, вновь разстроилось.

Въ тѣ дни часто произносилось незнакомое для меня имя генерала Нокса, причемъ многіе говорили: вотъ подождите — пріѣдетъ, Ноксъ. . . Какъ будто его пріѣздъ, этого англійскаго генерала, могъ многое измѣнить, создать и дать опору. Я недоумѣвалъ, искалъ объясненія и не могъ найти.

— «Погодите, вотъ пріѣдетъ Ноксъ, — увидите,» отвѣчали мнѣ.

3.

Вскорѣ генералъ Ноксъ прибылъ въ Омскъ въ особомъ довольно скромномъ поѣздѣ въ сопровожденіи небольшой свиты. Ему сдѣлали почти царскую встрѣчу, директорія въ полномъ составѣ была на вокзалѣ, городъ и станцію разукрасили флагами, національными и новыми сибирскими, бѣло-зелеными. Шпалерами стояли и парадировали молодыя Сибирскія войска, одѣтыя въ шинели изъ мѣшечнаго холста.

Въ этотъ день, проходя по мосту черезъ рѣчку Омь, я встрѣтилъ двухъ офицеровъ въ англійской формѣ. Одинъ изъ нихъ былъ полковникъ великобританскаго генеральнаго штаба Нильсонъ, мой хорошій знакомый по Могилевской Ставкѣ въ августѣ 1917 года, настоящій офицеръ; другой русскій полковникъ П. Родзянко, принятый на службу англичанами. Обрадовавшись другъ другу, обмѣнялись первыми фразами, — такъ много воды утекло съ памятныхъ намъ Корниловскихъ дней. Нильсонъ взялъ съ меня обѣщаніе придти къ нему на чашку чая въ тотъ же день вечеромъ.

Надо сказать, что между офицерами всѣхъ армій, настоящими офицерами, существуетъ особая связь, стирающая въ обычное время даже національныя грани. Не даромъ соціалисты называли офицерство враждебно-презрительно «кастой». Да, каста-корпорація, общество культивированной чести, самопожертвованія и даже подвига. Безъ этого не можетъ существовать ни одна армія, а значитъ и ни одна страна. Этотъ духъ культивировался вѣками и представляетъ одно изъ самыхъ цѣнныхъ составныхъ человѣческой цивилизаціи. Духъ этотъ общій, присущій всѣмъ націямъ. Оттого-то и чувствовали себя офицеры разныхъ армій, какъ бы членами одного ордена, братьями по духу, носителями однихъ традицій. Очевидно оттого-то на русскихъ офицеровъ и направился первый и полный ненависти ударъ со стороны разрушителей старой міровой христіанской культуры, соціалистовъ.

Генералъ Ноксъ оказался очень общительнымъ человѣкомъ, типичный англичанинъ, высокаго роста, съ моложавымъ не по лѣтамъ лицомъ, въ высшей степени smart, довольно хорошо говорилъ по русски. Отъ него я узналъ, что Англія готова помогать антибольшевицкимъ русскимъ арміямъ ору-

жіемъ, патронами, всякимъ военнымъ снабженіемъ и обмундированіемъ на 200000 человѣкъ; кромѣ того посылаетъ въ Сибирь нѣсколько сотъ своихъ офицеровъ въ качествѣ инструкторовъ на помощь намъ, русскимъ офицерамъ. Для активной помощи направляется два батальона англійскихъ войскъ, Мидльсекскій и Хэмпширскій, и цѣлая дивизія въ полномъ составѣ изъ Канады.

Прямо въ глазахъ зарябило отъ такихъ цифръ. Чисто великобританскій жестъ. Вѣдь это все обѣщало дѣйствительную помощь въ возстановленіи нашей Родины, Великой Россіи, и давало намъ полную надежду.

Въ поѣздѣ генерала Нокса встрѣтилъ нашего русскаго генералъ-маіора Степанова, тоже стараго знакомаго еще въ Ставкѣ въ дни совмѣстной борьбы противъ развала арміи комиссарами и комитетами Керенскаго. Генералъ Степановъ пріѣхалъ съ Ноксомъ изъ Владивостока, подтвердилъ все, сказанное имъ, и отъ себя добавилъ много интереснаго о личности этого генерала, его исключительно дружественныхъ чувствахъ къ Россіи, о его планахъ, какъ лучше осуществить эту помощь намъ.

Въ это время съ фронта приходили тревожныя вѣсти. Съ одной стороны чехи отказывались воевать, ссылаясь на усталость и на то, что они хотятъ ѣхать драться противъ нѣмцевъ на французскій фронтъ; а съ другой стороны наша новая, молодая Русская армія, теперь объединенная номинально подъ командованіемъ генерала Болдырева изъ частей Сибирской и народной арміи, волновалась все больше и больше неопредѣленностью въ Омскѣ, медлительностью формированія правительственнаго аппарата. Раздавались оттуда уже открыто голоса о необходимости установленія единоличной военной власти, при которой эсъ-эры не могли бы снова дѣлать свои кровавые опыты надъ арміей и страной.

— «Дайте намъ работать, не мѣшайте насъ въ политику», было общее желаніе офицерства.

Полковникъ Д. А. Лебедевъ объѣхалъ фронтъ, побывалъ у генераловъ Дитерихса, Ханжина, Голицина и Гайды; всѣ ему говорили о необходимости скорѣйшей замѣны директоріи единоличной военной властью. Но кѣмъ? Будь здѣсь генералы Алексѣевъ или Деникинъ, — тогда всѣ сходились на нихъ. . .

Въ Омскѣ образовался политическій центръ, въ который вошли всѣ общественные и политическіе дѣятели отъ народныхъ соціалистовъ и правѣе. Этотъ политическій центръ пришелъ также къ выводу, что директорія не способна сдвинуть возъ и довезти его до мѣста, что необходимо ее замѣнить единоличной военной властью.

Дѣйствительно, бѣдная директорія была подобна классической курицѣ, высидѣвшей утятъ и бѣгавшей безпомощно по берегу, когда ея птенцы плавали, ныряли и плескались на водномъ просторѣ. Роды кабинета министровъ происходили очень мучительно. Наконецъ, сталъ помогать, засучивъ рукава, и генералъ Ноксъ, — подѣйствовала его угроза, что работа по снабженію не будетъ начата, пока не установится власть.

Долго камнемъ преткновенія былъ самозванный министръ полиціи Роговскій со своимъ сине-бѣлымъ отрядомъ. Предсѣдатель директоріи Авксентьевъ выкручивался во всю; говорилъ, что онъ обязанъ былъ пойти на это назначеніе въ Уфѣ, иначе бы соглашеніе не состоялось, чехи ушли бы съ фронта.

— «Да они и такъ уходятъ! А потомъ все равно они съ сентября уже не воюютъ и всю мѣстность отъ Волги до Уральскихъ горъ отдали большевикамъ», отвѣчали ему.

Тогда Авксентьевъ попросту умолялъ согласиться на Роговскаго, обѣщая недѣли черезъ двѣ его «прогнать» и замѣнить другимъ, пріемлемымъ лицомъ. Долго спорили изъ за этого пункта. Наконецъ пришли къ соглашенію, Роговскаго не назначать; на этихъ условіяхъ кабинетъ сформировался, и А. В. Колчакъ вошелъ въ него, какъ военный и морской министръ.

На радостяхъ директорія устроила пышный банкетъ, достали даже вина. Говорилось много рѣчей на всѣхъ языкахъ, раздавались призывы къ дружной, энергичной работѣ, трещали фразы о демократіяхъ всего міра; директора и общественность на карачкахъ ползали передъ высокими иностранцами.

Соціалисты-революціонеры къ этому времени основали свои штабъ квартиры въ Уфѣ и Екатеринбургѣ. Въ первомъ городѣ они пробовали мутить среди нашей русской арміи, устраивая митинги и формируя русско-чешскіе батальоны «защиты учредительнаго собранія», а въ Екатеринбургѣ они близко объединились съ родственнымъ имъ по составу чешскимъ національнымъ комитетомъ и дѣйствовали здѣсь во всю, разлагая чехо-словацкіе полки.

Всѣ эсъ-эры сгруппировались теперь около Виктора Чернова, ихъ вождя и одного изъ самыхъ вредныхъ дѣятелей, который шелъ всю революцію въ перегонки съ Керенскимъ; обладая безграничнымъ личнымъ честолюбіемъ, Черновъ не останавливался ни передъ чѣмъ, чтобы перещеголять своего конкурента и товарища по партіи.

И вотъ въ серединѣ октября, какъ разъ ко времени этого банкета, былъ выпущенъ въ Уфѣ «манифестъ» партіи соціалистовъ-революціонеровъ ко всему населенію Россіи, подписанный В. Черновымъ и его ближайшими сотрудниками; въ этой листовкѣ повторялось въ сотый разъ, что «завоеванія рево-

люціи въ опасности», что «новое правительство и армія стали на путь контръ-революціи»; а потому все населеніе призывалось къ оружію и къ повсемѣстной партизанской войнѣ противъ правительства и его арміи.

Неслыханная и небывалая подлость! Вѣдь это самое правительство-директорія была избрана и составлена самими эсъ-эрами; они подписали на Уфимскомъ совѣщаніи обязательство всячески ее поддерживать. Кромѣ того предсѣдателемъ директоріи былъ ихъ же человѣкъ, членъ ихъ партіи Авксентьевъ, и два члена директоріи, Аргуновъ и Зензиновъ, были тоже партійные эсъ-эры. Выходило, что или и они трое повинны въ этомъ предательскомъ возваніи, какъ члены партій, или предательство направлено и противъ нихъ. Эта прокламація-манифестъ широко распространилась и попала въ армію. Волненіе поднялось страшное. Требовали суда надъ преступниками.

Посыпались обращенія къ новымъ министрамъ, къ Авксентьеву, къ генералу Болдыреву; тѣ возмущались и говорили, что примутъ мѣры. Но ничего не дѣлалось, а Авксентьевъ на поставленный прямо вопросъ не могъ дать никакихъ объясненій; такъ и осталось невыясненнымъ, участвовалъ ли онъ въ этомъ воззваніи, которое было на руку только большевикамъ. Впрочемъ о выходѣ своемъ изъ партіи Авксентьевъ, Зензиновъ и Аргуновъ не заявляли, да и по сейчасъ состоятъ въ ней.

Кабинетъ министровъ присоединился къ мнѣнію арміи и политическаго центра о необходимости и своевременности замѣны директоріи единоличной военной властью и обратился къ генералу Болдыреву, какъ Верховному Главнокомандующему съ предложеніемъ взять полноту всей власти на себя. Болдыревъ соглашался съ мотивами и жизненной необходимостью такой замѣны, но отказался ее осуществить, ссылаясь на несвоевременность.

А волненія въ арміи все разростались, увеличивалась и неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, въ способности директоріи быть дѣйствительной, твердой властью.

Въ концѣ октября мнѣ пришлось объѣхать большинство частей нашего фронта. Я ѣздилъ вмѣстѣ съ генераломъ Ноксомъ, будучи командированъ ставкой Верховнаго Главнокомандующаго.

Чехи всюду были выведены съ фронта въ ближайшій тылъ. Русскія молодыя части стояли въ передовой линіи, одновременно ведя бои и формируясь. Работа, которую несли русскіе офицеры была выше силъ человѣческихъ. Безъ правильнаго снабженія, не имѣя достаточныхъ денежныхъ средствъ, при отсутствіи оборудованныхъ казармъ, обмундированія и обуви

приходилось собирать людей, образовывать новые полки, учить, тренировать, подготавливать ихъ къ боевой работѣ и нести въ то же время караульную службу въ гарнизонахъ. Надо еще прибавить, что все это происходило въ мѣстности и среди населенія, только что пережившаго бурную революцію и еще не перебродившаго; работа шла подъ непрекращающіеся вопли соціалистической пропаганды вродѣ приведеннаго выше воззванія Чернова.

Подъ вліяніемъ такой пропаганды въ сентябрѣ и октябрѣ было сдѣлано нѣсколько попытокъ возстаній среди воинскихъ частей тыловыхъ гарнизоновъ. Офицерамъ приходилось жить почти безвыходно въ казармахъ, чтобы предохранить людей отъ провокаторовъ и пропаганды. Не надо забывать, что вся Россія представляла тогда бурлящій котелъ, не было ничего установившагося, настроенія массъ не опредѣлились и легко поддавались самымъ неожиданнымъ колебаніямъ. Жизнь тысячъ этихъ скромныхъ безвѣстныхъ русскихъ работниковъ, строевыхъ офицеровъ, была въ постоянной опасности.

Въ Челябинскѣ видѣлъ смотръ и парадъ 41-го Уральскаго горныхъ стрѣлковъ полка. Послѣ мѣсяца работы полкъ представился, какъ настоящая воинская часть; видна была спайка офицеровъ и солдатъ, хорошее знаніе строевого ученья, умѣнье нести боевую службу въ полѣ. Но внѣшній видъ былъ очень жалкій: болѣе чѣмъ у половины людей отсутствіе шинелей, и сапоги — одна сплошная заплата. Командиръ полка, молодецъ-полковникъ Круглевскій, настоящій заботливый командиръ, дѣлалъ все, что могъ, добывая снабженіе и у интендантства и у состоятельной части населенія.

— «Приходится», говорилъ онъ, — «прямо выпрашивать. Вѣдь у меня половина людей осталась въ казармахъ, не въ чемъ выйти. На нѣсколько человѣкъ одна пара сапогъ, по очереди ходятъ на ученье, въ столовую и на дворъ.»

Въ Челябинскѣ же встрѣтился съ М. К. Дитерихсомъ, впервые съ осени 1917 года, когда онъ вернулся въ Ставку послѣ неудачнаго похода на Петроградъ генерала Крымова. Работая вмѣстѣ съ Дитерихсомъ и подъ его начальствомъ съ 1915 года, я хорошо зналъ его раньше; и теперь прямо не узналъ: генералъ постарѣлъ, исхудалъ, осунулся, не было въ глазахъ прежней чистой твердости и увѣренности, а ко всему онъ былъ одѣтъ въ неуклюжую и невоенную чешскую форму, безъ погонъ, съ однимъ ремнемъ черезъ плечо и со щиткомъ на лѣвомъ рукавѣ. Онъ состоялъ начальникомъ штаба у командующаго чешскими войсками генерала Яна Сырового.

— «Много пережить пришлось тяжелаго», сказалъ мнѣ М. К. Дитерихсъ, — «развалъ арміи, работа съ Керенскимъ,

убійство Духонина почти на моихъ глазахъ. Пришлось скрываться отъ большевиковъ. Потомъ работа съ чехами»...

Мрачно и почти безнадежно смотрѣлъ генералъ Дитерихсъ на предстоящую зиму.

— «Надо уходить за Иртышъ», было его мнѣніе, — «вы не можете одновременно формироваться и бить большевиковъ, да и снабженія нѣтъ, а англичане когда-то еще дадутъ. Чехи...» онъ махнулъ рукой, — «чехи воевать не будутъ, развалили ихъ совсѣмъ».

На слѣдующій день я былъ на похоронахъ доблестнаго солдата, чешскаго полковника Швеца. Онъ воевалъ на германскомъ фронтѣ, затѣмъ поднялъ возстаніе противъ большевиковъ и сражался неутомимо съ ними. Полкъ его обожалъ. Но развалъ шелъ среди всѣхъ чеховъ и, когда коснулся полка Швеца, тотъ пробовалъ бороться, сдержать массу, одинъ изъ всѣхъ продолжалъ со своимъ полкомъ вести боевыя дѣйствія на фронтѣ. Но вотъ полкъ отказался выполнить боевую задачу, рѣшительно потребовалъ увода въ тылъ и образованія комитета. Полковникъ Швецъ собралъ солдатъ, говорилъ съ ними, грозилъ, что онъ обращается къ нимъ въ послѣдній разъ, требуя полнаго подчиненія и выполненія боевого приказа. Полкъ не подчинился.

Тогда полковникъ Швецъ вернулся въ свой вагонъ и застрѣлился. На похоронахъ его въ Челябинскѣ собралась многотысячная толпа и было не мало искреннихъ слезъ. На могилѣ этого героя политиканы, русскіе и чехи, говорили звонкія рѣчи и лили крокодиловы слезы... Можетъ быть, они и не сознавали тогда, что истинными убійцами этого честнаго солдата были они, виновники развала.

Много пришлось видѣть разныхъ людей и картинъ чехословацкаго воинства въ Сибири, но, чтобы не отвлекаться, оставлю это для отдѣльной главы.

Изъ Челябинска я проѣхалъ вмѣстѣ съ генераломъ Ноксъ въ Екатеринбургъ, въ городъ, который сталъ для русскаго народа мѣстомъ величайшей святыни и небывалаго позора. Еще сидя въ большевицкомъ застѣнкѣ, лѣтомъ 1918 года мы прочитали въ мѣстныхъ «извѣстіяхъ» офиціальное сообщеніе московскаго совдепа объ убійствѣ Государя; тамъ же была замѣтка, въ которой комиссары лживо и лицемѣрно заявляли, что Царская Семья перевезена ими изъ Екатеринбурга въ другое, «безопасное» мѣсто.

Больно ударила по душѣ эта ужасная, злая вѣсть всѣхъ русскихъ офицеровъ и простыхъ казаковъ, — болѣе ста человѣкъ было насъ заключено въ городской тюрьмѣ Астрахани. Какъ будто отняли послѣднюю надежду и вмѣстѣ съ тѣмъ надругались надъ самымъ близкимъ и дорогимъ, надругались

низко, по хамски, какъ гады. Даже красноармейцы, державшіе въ тюрьмѣ караулъ, и астраханскіе комиссары казались въ тѣ дни сконфуженными, — ни одинъ изъ нихъ ни словомъ, ни намекомъ не обмолвился о злодѣяніи; точно и они чувствовали себя придавленными совершившимся ужасомъ и позоромъ. . .

Генералъ Ноксъ имѣлъ неофиціальное порученіе отъ своего короля донести возможно подробнѣе объ Екатеринбургской трагедіи.

Съ стѣсненнымъ сердцемъ входили не только мы, русскіе, но и бывшіе съ нами англійскіе офицеры, въ Ипатьевскій домъ, въ которомъ Царская Семья томилась два послѣднихъ мѣсяца заключенія, и гдѣ преступная рука посягнула на Ихъ священную жизнь.

Насъ сопровождалъ и давалъ подробныя объясненія чиновникъ судебнаго вѣдомства Сергѣевъ, который и велъ въ то время слѣдствіе по дѣлу Цареубійства. Изъ его словъ тогда уже вставала картина жуткой кровавой ночи съ 16 на 17 іюля.

Когда бѣлые впервые заняли Екатеринбургъ, всѣ цареубійцы и ихъ главные сообщники бѣжали заблаговременно; кое-кого изъ мелкоты, — нѣсколькихъ красноармейцевъ внѣшней охраны, родственниковъ убійцъ и даже сестру чудовища Янкеля Юровскаго, удалось захватить и привлечь къ слѣдствію съ первыхъ же дней; съ самаго начала все дѣло было взято въ свои руки группой строевыхъ офицеровъ и ими то были получены первыя нити, по которымъ установлено почти полностью преступленіе.

Весною 1919 года во главѣ слѣдствія были поставлены генералъ Дитерихсъ и слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ Н. А. Соколовъ, которые съ помощью специальной экспедиціи тщательно обслѣдовали всю мѣстность вокругъ города по радіусу въ нѣсколько десятковъ верстъ. Обшарили почти всѣ шахты, собирали каждый признакъ, шли по самому малѣйшему намеку, чтобы разсѣять мракъ, нависшій надъ концомъ Царской Семьи. Мнѣ пришлось быть еще два раза въ Екатеринбургѣ и бесѣдовать съ обоими; выводъ ихъ былъ тотъ же, который сообщилъ намъ осенью 1918 года Сергѣевъ: въ ночь на 17 іюля новаго стиля Государь Императоръ Николай Александровичъ и Его Семья были звѣрски умерщвлены въ подвалѣ Ипатьевскаго дома.

Кромѣ Сергѣева, тогда же довелось подробно говорить съ докторомъ Деревенько, лѣчившимъ Наслѣдника, съ протоіереемъ Сторожевымъ, который былъ большевиками дважды допущенъ въ домъ заключенія служить обѣдню, и еще съ рядомъ лицъ, жившихъ въ Екатеринбургѣ.

Навсегда осталось въ памяти то общее изъ ихъ разсказовъ, что свѣтитъ, какъ вѣнцы мучениковъ изъ старо-русской Четьи-Минеи; каждый штрихъ, всякая подробность говорили о томъ величавомъ смиреніи, съ которымъ Царственные Узники переносили тяжелый крестъ страданій, всевозможныя лишенія и даже надругательства большевиковъ.

Всѣ осмотры и ознакомленія съ матеріалами слѣдствія за этотъ пріѣздъ въ Екатеринбургъ легли въ основу донесенія объ убіеніи Царской Семьи, посланнаго тогда же генераломъ Ноксъ въ Лондонъ.

Домъ Екатеринбургскаго горнопромышленника Ипатьева — небольшой особнякъ на площади противъ собора былъ окруженъ двумя стѣнами; вторую, сплошной деревянный заборъ, вышиною болѣе сажени, большевики построили спеціально для того, чтобы еще болѣе отдѣлить Высокихъ Заключенныхъ отъ внѣшняго міра.

Караулы неслись самые строгіе, причемъ наружный, вокругъ дощатаго забора, былъ изъ красноармейцевъ, внутренній же состоялъ изъ чекистовъ-инородцевъ (іудеи и латыши) и нѣсколькихъ человѣкъ русскихъ, самыхъ отъявленныхъ мерзавцевъ, каторжанъ. При этомъ внутреннемъ караулѣ имѣлись два пулемета, стоявшіе всегда наготовѣ въ окнахъ верхняго этажа, чтобы отразить возможное нападеніе. Комиссары жили все время подъ опасеніемъ, что русскіе люди освободятъ своего Царя изъ ихъ хищныхъ кровавыхъ рукъ.

Настроеніе народныхъ массъ Екатеринбурга, хотя и было придавлено терроромъ, но поднялось бы и смяло кучки святотатцевъ во главѣ съ Янкелемъ Юровскимъ, если бы только въ народъ проникли слухи о возможности того страшнаго конца, который эти выродки готовили Царской Семьѣ. Оттого-то комиссары не довѣряли красноармейцамъ внутренняго караула, по той же причинѣ они постарались покрыть такой тайной свое злодѣяніе и затерять слѣды его. Лишь черезъ нѣсколько дней послѣ 17 іюля 1918 года поползъ шепотомъ разсказъ о томъ, что неслыханное совершилось. Но наряду съ этимъ выросли тогда же легенды, будто Царская Семья вывезена изъ Екатеринбурга, что кто-то и гдѣ-то видѣлъ Ихъ, проѣзжающими въ направленіи на Пермь.

Записываю отрывочныя воспоминанія того, что запечатлѣлось тогда въ Екатеринбургѣ. Несомнѣнно появятся подробные отчеты слѣдствія, вѣроятно также, что люди, жившіе въ этомъ городѣ лѣто 1918 года, дадутъ полную картину тѣхъ тяжелыхъ недѣль и страшныхъ дней. Здѣсь умѣстно отмѣтить лишь, что съ первыхъ же часовъ занятія бѣлыми Екатеринбурга были приложены всѣ усилія, чтобы не только открыть правду, какъ бы ужасна она ни была, но и собрать всѣ пред-

меты-реликвіи, сохранившіеся отъ Царской Семьи; все собранное было потомъ опечатано и при описяхъ отправлено на англійскій крейсеръ «Кентъ».

За время правленія директоріи все это дѣлалось по частному почину русскихъ людей, не встрѣчая не только сочувствія, а иной разъ такъ даже скрытое противодѣйствіе; но настроеніе офицерства, солдатъ и крестьянской массы было таково, что эти разрушители Государства Россійскаго не смѣли открыто препятствовать.

Послѣ того, какъ эсъ-эровская директорія была замѣнена единоличной властью адмирала А. В. Колчака, слѣдствіе пошло въ порядкѣ государственнаго дѣла. И только тогда чешскій генералъ Гайда принужденъ былъ спѣшно выѣхать изъ Ипатьевскаго дома, который онъ занималъ для своего штаба.

Задача будущаго поколѣнія — открыть все полностью: и великій, единственный въ міровой исторіи, подвигъ мученичества нашего Государя и Его Семьи, и неслыханную мерзость Ихъ мучителей - убійцъ, и низость безвольнаго непротивленія тѣхъ, кто могъ въ тѣ дни противустоять убійцамъ. Все будетъ открыто. И не далекъ тотъ день, когда передъ обновленной Россіей развернется вся картина и встанутъ и засіяютъ образы Царственныхъ Великомучениковъ.

Но многое еще придется пережить до того и нашей странѣ, и намъ, современникамъ. . . . .

Въ Екатеринбургѣ въ то время, въ октябрѣ 1918 года, были два энергичныхъ генерала, — русскій — В. В. Голицынъ, формировавшій 7-ю дивизію горныхъ стрѣлковъ Урала и чехъ Гайда. Очень молодое длинное лицо, похожее на маску, почти безцвѣтные глаза съ твердымъ выраженіемъ крупной, хищной воли и двѣ глубокихъ, упрямыхъ складки по сторонамъ большого рта. Форма русскаго генерала только безъ погонъ, снятыхъ въ угоду чешскимъ политиканамъ. Голосъ его тихій, размѣренный, почти нѣжный, но съ упрямыми нотками и съ легкимъ акцентомъ; короткія, отрывистыя фразы съ неправильными русскими оборотами.

Гайда проводилъ такую точку зрѣнія:

— «Русскій народъ совсѣмъ не можетъ имѣть теперь, немедленно, парламентаризма. Я въ этомъ убѣдился, пройдя всю Россію и Сибирь въ два конца. И отъ революціи всѣ устали, хотятъ только порядка. По моему мнѣнію, Россіи нужна только монархія и хорошая демократическая конституція. Но теперь нельзя. Надо скорѣе военную диктатуру.. Я поддержу своими полками, если найдется русскій генералъ, который возьметъ власть на себя».

Такъ говорилъ Гайда въ октябрѣ 1918 года въ вагонѣ у генерала Нокса. Но и онъ былъ безсиленъ удержать свои

части на фронтѣ и поневолѣ требовалъ замѣны ихъ дивизіей генерала Голицына.

На нашихъ глазахъ эта смѣна и происходила. Русскіе полки и батальоны, которые пришлось видѣть на фронтѣ, поражали своей малочисленностью, скуднымъ снабженіемъ, плохимъ обмудированіемъ.

Непостижимо, какъ могли при тѣхъ условіяхъ наши отряды и молодые полки не только держаться на фронтѣ, но и вести наступленіе, очищать отъ большевиковъ огромныя пространства Сибири и Урала. А это было такъ, сама дѣйствительность тому свидѣтельство. Горячая любовь къ Родинѣ, выносливость русскаго человѣка, да всеобщая ненависть къ большевикамъ дѣлали это дѣло. А выносливость, прямо, единственная въ мірѣ! Легкія, вѣтромъ подбитыя шинели, рваные сапоги, отсутствіе бѣлья. Въ передовой линіи генералъ Голицынъ представилъ Ноксу одного молодого капитана, какъ наиболѣе отличившагося и дважды раненаго. И у него не было второй нижней рубахи на перемѣну. Никогда не забуду этой картины, какъ розовый, хорошо упитанный англійскій генералъ, одѣтый щеголемъ, похлопалъ по плечу этого героя-капитана, съ худымъ, изможденнымъ лицомъ и впалыми глазами:

— «Ничего, ничего, мы Вамъ дадимъ бѣлья».

Какъ огнемъ, вспыхнуло краской лицо капитана, сверкнули гордо глаза:

— «Покорно благодарю, мнѣ ничего отъ васъ не надо. Вотъ солдатамъ, если привезли, дайте».

Полураздѣтую армію одѣть было необходимо.

— «Наши интенданты — красные», говорили генералы Голицынъ и Вержбицкій: «что отъ нихъ заберемъ въ бояхъ, то и имѣемъ; съ тыла ничего еще не получали».

Духъ и внутренняя спайка среди этихъ частей были замѣчательныя. Офицеры и солдаты жили въ общихъ землянкахъ, зачастую оберъ-офицеры стояли въ строю и въ бою, какъ рядовые. Тяжелая боевая служба среди начавшейся уже зимы неслась въ высшей степени добросовѣстно, безъ отказа. Жила среди всѣхъ насъ большая вѣра въ справедливость своего дѣла. Между всѣми было полное довѣріе; никакихъ недомолвокъ, недоговоренностей. Та отчужденность и подозрительность къ своему офицеру, которую старательно привили и раздули наши политиканствующіе соціалисты въ 1917 году, исчезли совершенно и замѣнились нормальными отношеніями, чувствомъ взаимной дружбы, что, вѣдь, такъ естественно между сынами одного народа, между офицеромъ и солдатомъ одной арміи.

Маленькій, весь сплошной нервъ, генералъ Вержбицкій, стоявшій со штабомъ у самыхъ передовыхъ частей наиболѣе

опаснаго направленія, такъ говорилъ генералу Ноксу на вопросъ его о снабженіи и о нуждахъ:

— «А вотъ, Ваше Превосходительство, посмотрите сами. Одѣты въ лапти и зипуны. Винтовки? Есть и винтовки, — у красныхъ отняли. Патроны? Патроновъ мало. Ну, ничего добудемъ, добудемъ, Ваше Превосходительство.... Обѣщаете дать? Что-жъ, спасибо, большое спасибо. Не откажусь».

Онъ побарабанилъ нервно маленькой крѣпкой рукой по столу и послѣ молчанія продолжалъ:

— «Это все герои, Ваше Превосходительство, они прошли отъ самаго Иркутска, очистили Сибирь и Уралъ. И дальше пойдемъ. Надо весь Уралъ очистить.»

И онъ здѣсь же на картѣ развилъ основу стратегическаго плана; ясно и просто показалъ положеніе красныхъ и ихъ затрудненія изъ-за малаго количества путей въ горахъ Урала, оцѣнилъ направленія, силы....

Всѣ генералы и офицеры жаловались на неустройство тыла, что политическія распри тамъ — отзываются тяжело на боевой арміи, что необходимо какъ можно скорѣе установить такую власть, которая могла бы наладить порядокъ въ тылу; всѣ они представляли себѣ и вѣрили, что это по плечу только единоличной военной власти.

По возвращеніи въ Омскъ я получилъ назначеніе во Владивостокъ, чтобы тамъ на Русскомъ Островѣ собрать 500 офицеровъ и 1000 солдатъ и подготовить изъ нихъ кадръ для будущаго корпуса, причемъ генералъ Ноксъ обѣщалъ всевозможную помощь этому дѣлу.

Въ Омскѣ волненія и политическій муравейникъ продолжали кипѣть все больше. Черновское воззваніе оставалось безъ всякаго отвѣта. Вслѣдствіе этого, были даже сдѣланы попытки отдѣльныхъ офицеровъ и воинскихъ частей арестовать его сообщниковъ, но, благодаря чехамъ и попустительству директоріи, Черновъ спасся и ускользнулъ съ другими эсъэрами.... прямо въ совѣтскую Россію, къ большевикамъ.

Политическій центръ на своихъ засѣданіяхъ, даже мало и скрываясь, пришелъ къ рѣшенію, что необходимъ переворотъ и врученіе всей власти одному лицу — адмиралу Колчаку.

Вмѣстѣ съ генераломъ Степановымъ и Ноксомъ 2 ноября я выѣхалъ во Владивостокъ.

4.

При проѣздѣ по желѣзной дорогѣ, — а ѣхали мы съ остановками въ нѣкоторыхъ городахъ, — создавалось такое впечатлѣніе, будто ѣдешь не по одной странѣ, а попадаешь изъ одного удѣльнаго княжества въ другое. Центральной власти, какого-либо объединенія и единаго управленія на общее госу-

дарственное благо, на общее дѣло не было. Мѣстная власть дѣйствовала всюду на свой образецъ, преслѣдуя только тѣ задачи, которыя ей казались нужными и важными.

Это отражалось на всемъ. Всего хуже было то, что даже тѣ запасы, которые имѣлись въ обширной Сибири, не могли распредѣляться правильно между ея частями; каждый думалъ только о своемъ раіонѣ, какъ бы обезпечить его нужды. То же явленіе наблюдалось и въ отношеніи арміи.

Русь! Однажды тебя погубило такое раздробленіе на удѣлы, свернуло съ твоего историческаго пути и ввергло на нѣсколько столѣтій въ темное татарское иго. Много страданій пережила тогда родная страна и гибель нашей чисто-русской, славянской культуры. Только живой инстинктъ народа, соединивъ его вокругъ Московскаго Великаго Князя, спасъ Россію, воскресилъ страну; она окрѣпла и вѣками сумѣла образовать Великое Государство Россійское. Не для того же, чтобы снова распасться на отдѣльные удѣлы и ввергнуться въ гибельное состояніе расчлененія, подпасть подъ иноземную власть, новое иго, горше татарскаго.

Въ Иркутскѣ былъ губернаторомъ (или, какъ тогда еще называли, губернскимъ комиссаромъ) Яковлевъ, партійный эсъэръ, ведшій очень ловко свои дѣла, но личность очень темная, по отзывамъ мѣстныхъ людей. Меня посѣтилъ старый боевой другъ, полковникъ Лабунцовъ, раненый въ одномъ бою со мною, подъ Люблиномъ, и братъ по Георгіевскому кресту. Онъ развернулъ ужасную картину того, что творилось во всей округѣ; Яковлевъ положительно развращалъ народъ и молодые войска, всячески затрудняя ихъ работу; онъ не отводилъ казармъ и квартиръ, умышленно тормозилъ дѣло снабженія. Населеніе здѣсь волновалось, мѣстами вспыхивали возстанія, которыя раздувались всячески изподтишка губернской властью.

Въ то же время про Читу и управленіе атамана Семенова шли самые лучшіе разсказы изъ разныхъ источниковъ; то, что мы увидали, въѣхавъ въ Забайкалье, подтверждало эти разсказы. На станціяхъ порядокъ, правильное движеніе поѣздовъ, удовлетвореніе нуждъ всѣхъ слоевъ населенія. Городъ Читу проѣхали ночью, не останавливаясь.

Были уже и тогда люди, которые, наоборотъ, съ пѣной у рта доказывали, что въ Читѣ творились безобразія; эти люди постоянно связывали имя атамана Семенова съ японцами. Средняго мнѣнія не было, — или полная похвала, или неистовая брань и подтасовка фактовъ; съ самаго начала здѣсь плелась интрига и провокація. Мнѣ лично пришлось познакомиться и узнать близко атамана Семенова только въ февралѣ 1920 года, уже тогда, когда я съ арміей пробился черезъ всю Сибирь въ

Забайкалье. Объ этомъ я буду подробно писать въ одной изъ послѣдующихъ главъ.

А здѣсь сдѣлаю нѣкоторое отступленіе, чтобы была яснѣе связь нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ событій. Еще, когда я былъ въ большевицкой тюрьмѣ въ Астрахани, всѣ мы, читая коммунистическія газеты, встрѣчали чаще всѣхъ имена Корнилова, Дутова и есаула Семенова. Невыразимая злоба и самая отборная ругань сопровождала каждое упоминаніе ихъ на столбцахъ совдепской прессы. Для насъ же, заключенныхъ и обреченныхъ на смерть русскихъ офицеровъ, эти имена были отдаленными родными огнями, которые освѣщали мракъ большевицкаго ужаса, окутавшій всю Россію. Они поддерживали въ насъ надежду на возрожденіе Родины. Атаманъ Семеновъ началъ есауломъ, по своему почину, за свой рискъ и страхъ, борьбу противъ разрушителей-большевиковъ, и велъ онъ эту борьбу неослабно, не выпуская изъ рукъ оружія. Онъ оказывалъ поддержку всѣмъ остальнымъ антибольшевицкимъ борцамъ, шелъ съ ними на соединеніе. Но, понятно, передавать дѣло эсъ-эрамъ или другимъ безсильнымъ людямъ для новаго опыта и провала — атаманъ Семеновъ не хотѣлъ и не могъ. Поэтому онъ, хотя и признавалъ номинально директорію, но твердо держалъ власть въ своихъ рукахъ.

Въ Харбинѣ и полосѣ отчужденія Восточно-Китайской желѣзной дороги управлялъ генералъ Хорватъ, старый и опытный администраторъ, знавшій отлично мѣстныя условія и весь край, пользовавшійся большимъ авторитетомъ даже среди китайцевъ. Онъ признавалъ директорію, но, понятно, продолжалъ вполнѣ самостоятельно управлять Дальнимъ Востокомъ.

Грустно было видѣть русское положеніе въ Харбинѣ мнѣ, бывшему здѣсь въ послѣдній разъ въ 1905 году, передъ заключеніемъ Портсмутскаго мира. Городъ шумѣлъ теперь праздной, хорошо одѣтой и сытой толпой; сюда стеклось, кромѣ невольныхъ бѣженцевъ отъ большевиковъ, масса спекулянтовъ и укрывавшихся отъ воинской повинности; преобладали горбатые носы и говоръ съ Бердичевскимъ акцентомъ. Китайцы, прежніе «хóди», смотрѣли и держали себя вызывающе, выказывая какъ-бы свое превосходство надъ нами въ нашемъ несчастіи.

Владивостокъ — жемчужина Россіи. Какъ говорилъ генералъ Ноксъ, это самый красивый и живописный городъ въ мірѣ по своему расположенію, только неблагоустроенный и грязный.

— «Если бы онъ попалъ въ хорошія руки» . . . . добавилъ онъ.

Упаси Господи! Будутъ и русскія руки хорошими, будутъ еще, можетъ быть, самыми лучшими; для Владивостока и для всей Русской земли, — во всякомъ случаѣ.

Владивостокъ представлялъ изъ себя какой-то хаосъ, еще не установившійся послѣ сверженія тамъ большевиковъ; безпорядокъ и неустройство здѣсь были самые большіе изъ всѣхъ мѣстъ. Какая-либо русская власть, которая могла бы наладить жизнь и урегулировать отношенія, отсутствовала. Былъ губернаторъ Циммерманъ, былъ комендантъ крѣпости полковникъ Бутенко, но оба оказывались безсильными и тратили все время и силы на то, чтобы лавировать между самыми разнообразными и противными другъ другу элементами, что нахлынули сюда.

Дѣло было такъ. Большевиковъ выгнали изъ Владивостока чехи подъ командой генерала Дитерихса при помощи и поддержкѣ японскихъ частей; на помощь къ чехамъ направлялся и отрядъ русскихъ офицеровъ, но чехи ихъ не приняли и даже требовали разоруженія. Тотчасъ же вслѣдъ за сверженіемъ совѣтской власти во Владивостокѣ образовалось съ одной стороны правительство эсъ-эровъ, еврея Дербера и земское, а съ другой стороны междусоюзническій совѣтъ изъ неполномочныхъ и случайныхъ иностранныхъ офицеровъ, оказавшихся въ Владивостокѣ; миссіи тогда еще не прибывали. Когда русскій отрядъ полковника Бурлина все же пришелъ во Владивостокъ, пріѣхалъ также сюда генералъ Хорватъ, чтобы объединить власть во всемъ краѣ Дальняго Востока, то этотъ случайный «союзническій» совѣтъ по настоянію эсъ-эровъ потребовалъ разоруженія отряда Бурлина. На русской землѣ разоружали русскую воинскую часть, состоявшую почти сплошь изъ офицеровъ! И этотъ позорный актъ совершился. И совершили его именемъ союзниковъ Россіи, опираясь на ихъ авторитетъ и силу. Когда черезъ нѣсколько недѣль начали прибывать настоящіе представители союзниковъ, то дѣло рѣшили поправить и оружіе вернули.

Самозванное правительство Дербера, не опиравшееся ни на одинъ слой населенія, пало само собою, безболѣзненно. Во главѣ управленія Дальнымъ Востокомъ сталъ генералъ Хорватъ, который и переѣхалъ изъ Харбина во Владивостокъ. Сюда же былъ назначенъ ставкой генералъ Ю. Д. Романовскій, какъ представитель центральной власти при иностранныхъ союзническихъ миссіяхъ. Здѣсь же находился въ это время и генералъ Ивановъ-Риновъ, который по сформированіи въ Омскѣ новаго кабинета пересталъ быть военнымъ министромъ, оставаясь номинально командующимъ Сибирской арміей.

Во Владивостокъ прибывали, да прибывали союзники. Здѣсь были воинскія части японцевъ, высадились англійскіе Мидльсекскій, а затѣмъ и Хемпширскій батальоны, канадскія войска и американцы. Былъ образованъ международный совѣтъ, причемъ главное командованіе союзными войсками и

предсѣдательствованіе на этомъ совѣтѣ было номинально вручено, какъ старѣйшему, японскому генералу Отаки. Фактически же распоряжался каждый по своему, мало считаясь не только съ русскими людьми, но и съ русскими интересами.

Больныя и обидныя воспоминанія! Какъ разъ въ пути между Читой и Манчжуріей было получено извѣстіе о заключеніи перемирія на французскомъ фронтѣ между союзниками и центральными имперіями, о революціи въ Германіи, о бѣгствѣ Кайзера и т. д.

Долгожданная побѣда была достигнута; четыре года страданій и великихъ жертвъ принесли свои плоды. И русская кровь, пролитая такъ обильно на поляхъ всего свѣта, служила вмѣстѣ съ другими тѣмъ фундаментомъ, на которомъ теперь должны были утвердиться миръ, право и справедливость. Вѣдь изъ-за нихъ воевало человѣчество?...

Англійскіе офицеры шумно радовались побѣдѣ. Они выражали съ чисто офицерской искренностью мнѣніе, что безъ Россіи и ея жертвъ никогда бы имъ не получить этой побѣды. Да, вѣрно, истина. Но изъ-за этихъ то великихъ жертвъ и изъ-за медлительности, изъ-за затяжки войны, изъ-за того, что отъ Россіи потребовали слишкомъ большого напряженія, наша страна не выдержала и впала въ такое несчастье, въ степень гибельнаго разоренія. А понятно, если бы Россія не вступила въ войну, или, вступивъ, не жертвовала такъ беззавѣтно, то Антантѣ никогда не выиграть бы войны.

Какъ теперь отнесутся къ намъ бывшіе союзники? Во что теперь выльется ихъ призывъ къ Русскому народу? Вотъ вопросы, которые вставали передъ нами. Понятно, все, что обѣщалось, будетъ, выполнено; несомнѣнно, останутся прежнія отношенія къ вамъ, какъ къ нашимъ близкимъ союзникамъ, — такъ отвѣчали англичане.

Но то, что пришлось видѣть съ первыхъ шаговъ во Владивостокѣ, било не по самолюбію даже, а по самой примитивной чести. Каждый иностранецъ чувствовалъ себя господиномъ, бариномъ, третируя русскихъ, проявляя страшное высокомѣріе. Было впечатлѣніе, что теперь, когда долгая война окончилась, имъ совсѣмъ не до насъ; что они дѣлаютъ величайшее одолженіе, пріѣхавъ сюда, оставаясь здѣсь.

Надо отдать справедливость, что лучше всѣхъ относились японцы; ихъ офицеры и солдаты проявляли самую большую, почти полную корректность; чувствовалось даже искреннее, чуткое и дружеское пониманіе нашего несчастія и временнаго характера его Хуже всѣхъ было отношеніе домашнихъ, такъ сказать, интервентовъ, войскъ сформированныхъ изъ нашихъ бывшихъ военноплѣнныхъ.

Лучшія зданія въ городѣ, всѣ вагоны, мѣста въ поѣздахъ отдавались иностранцамъ; наши соотечественники какъ бы согнули спину и тащили на себѣ ихъ, ожидая спасенія. Вѣдь была обѣщана помощь, призывали къ совмѣстной войнѣ съ нѣмцами и большевиками. Нѣмцы выбыли изъ строя враговъ, въ Версалѣ собралась мирная конференція, но другой-то врагъ, большевики, остались. И русскіе люди ждали отъ интервентовъ помощи, вѣрили въ нее.

Въ первой половинѣ ноября прибылъ во Владивостокъ со своимъ штабомъ французскій генералъ Жанэнъ. Ступилъ онъ на русскую землю, привѣтствуемый, какъ избавитель, какъ заранѣе признанный герой. На привѣтственныя рѣчи Жанэнъ отвѣчалъ опредѣленно и довольно ясно, обѣщая поддержку, самую активную, выражая вѣру въ успѣхъ общаго дѣла. Сюда же прибылъ французскій батальонъ, что-то около взвода ихъ колоніальныхъ цвѣтныхъ войскъ, да одна батарея. И вслѣдъ за англійскими батальонами французы двинулись по желѣзной дорогѣ на западъ, къ нашимъ боевымъ линіямъ.

Когда генералъ Ноксъ объѣзжалъ фронтъ, его повсюду встрѣчали не только дружественно, но торжественно. Выставлялись почетные караулы, оркестръ игралъ англійскій гимнъ, предоставлялось все лучшее, что только было у самихъ. На его слова о помощи, заранѣе благодарили, почти вездѣ просили прислать хоть взводъ англійскихъ солдатъ, – необходимо было показать нашимъ солдатамъ и офицерамъ, что давнія обѣщанія союзниковъ о помощи не одни слова. Атаманъ Дутовъ въ тяжелые дни Оренбурга прислалъ телеграмму ему въ Омскъ: дайте мнѣ одну роту французскихъ или англійскихъ войскъ, и я отстою Оренбургъ, а то казаки уже не вѣрятъ словамъ о помощи союзниковъ.

Въ отвѣтъ мы слышали, что помощь будетъ, но не сейчасъ, что надобно подождать, не все еще готово; войска еще въ пути. Мы ждали и вѣрили.

5.

Въ это время въ Омскѣ разыгрывались центральныя событія, имѣвшія важное значеніе на весь дальнѣйшій ходъ борьбы. Адмиралъ Колчакъ, какъ военный министръ, объѣхалъ фронтъ, посѣтилъ войсковыхъ начальниковъ и убѣдился, что организація арміи и ея снабженіе поставлены въ условія совершенно неудовлетворительныя; не было ни общаго плана, ни согласованной работы, не было надежды при существующемъ порядкѣ наладить интенданство. Кромѣ этого А. В. Колчакъ получилъ уже лично теперь завѣренія отъ войсковыхъ начальниковъ, что дальше такъ идти не должно, что армія можетъ сама сдѣлать переворотъ, а это было бы гибельнымъ для фронта;

что въ директорію совершенно никто не вѣритъ, ждутъ замѣны ея единой властью и хотѣли бы видѣть ее въ лицѣ адмирала.

Вслѣдъ за тѣмъ выѣхалъ на фронтъ Верховный Главнокомандующій, членъ директоріи генералъ Болдыревъ; и они разминулись, — генералъ Болдыревъ ѣхалъ въ Уфу, а адміралъ Колчакъ возвращался изъ Екатеринбурга въ Омскъ.

А въ новой столицѣ въ то же время шли совѣщанія кабинета министровъ, на которыхъ рѣшалось, какъ слѣдуетъ произвести смѣну директоріи; о томъ, что ее надо смѣнить, вопросъ былъ уже рѣшенъ, такъ какъ выяснилась не только совершенная безполезность и безсильность этой власти, но и ея чрезмѣрный склонъ на сторону соціалистовъ-революціонеровъ, т. е. той партіи, которая ей же объявила войну и призвала къ ней населеніе. Ясно было, что при оставленіи у власти директоріи произойдетъ взрывъ; вспыхнутъ возстанія, которыя не только погубятъ начатое успѣшно Сибирскимъ правительствомъ дѣло, но ввергнутъ страну въ состояніе анархіи и еще худшаго большевицкаго разгула, чѣмъ было до лѣта 1919 года.

Совѣтъ министровъ пришелъ къ рѣшенію передать всю полноту власти адмиралу Колчаку, какъ Верховному Правителю и Верховному Главнокомандующему. Это было вечеромъ 17 ноября, а въ ночь на 18 ноября полковники Сибирскаго казачьяго войска Волковъ и Катанаевъ со своими казаками окружили квартиры предсѣдателя и членовъ директоріи и арестовали ихъ. Такъ что, когда совѣтъ министровъ пришелъ къ адмиралу Колчаку объявить о своемъ рѣшеніи и просить взять на себя тяжкое время высшей власти, — директоріи фактически не существовало; она вся была арестована, а генералъ Болдыревъ находился въ Уфѣ.

Мнѣ извѣстно совершенно достовѣрно, что адмиралъ А. В. Колчакъ не только самъ не добивался власти, но и уклонялся отъ нея. Личность Верховнаго Правителя вырисовывается исключительно свѣтлой, рыцарски-чистой и прямой; это былъ крупный русскій патріотъ, человѣкъ большого ума и образованія, ученый путешественникъ и выдающійся морякъ-флотоводецъ. Александръ Васильевичъ Колчакъ, какъ человѣкъ, отличался большой добротой, мягкимъ и даже чувствительнымъ сердцемъ; его волевой характеръ, надломленный революціей, былъ очень вспыльчивъ. Настроенія быстро мѣнялись подъ давленіемъ незначительныхъ событій и первыхъ извѣстій, амплитуда колебаній отъ полной надежды до упадка ея проходила легко и быстро. Въ дни подъема настроенія вліяніе его на людей было почти неограничено; прямой глубоко проникающій взглядъ горящихъ глазъ умѣлъ подчинить себѣ волю другихъ, какъ бы гипнотизируя ихъ силою многогранной души. Адмиралъ принялъ на себя тяжесть власти, какъ подвигъ, ру-

ководимый чувствомъ самопожертвованія во имя чести и спасенія Родины; и все дальнѣйшее его служеніе, до конца было проникнуто сильной любовью къ Россіи и высоко развитымъ сознаніемъ долга.

18 Ноября 1918 года адмиралъ Колчакъ былъ поставленъ передъ совершившимся фактомъ. Онъ подчинился ему и принялъ на себя всю полноту Верховной власти.

Верховный Правитель и Верховный Главнокомандующій,
Адмиралъ Александръ Васильевичъ Колчакъ.

Послѣдовалъ чисто-комическій конецъ директоріи. Арестованные Авксентьевъ, Зензиновъ, Аргуновъ и Роговскій провели тревожную, полную безпокойства ночь. Когда ихъ на утро посѣтили прокуроръ и слѣдователь, чтобы начать дѣло противъ офицеровъ, арестовавшихъ ихъ, то бывшіе директоры предстали блѣдные и дрожащіе, прося спасти ихъ жизнь. Имъ было заявлено, что имъ нечего бояться, что, офицерамъ, произведшимъ арестъ грозитъ военно-полевой судъ. На вопросъ прокурора, что хотѣли бы директоры, — они заявили:

— «Отправьте насъ поскорѣе въ безопасное мѣсто». А пока не отправятъ, просили держать ихъ подъ арестомъ и подъ стражей, такъ какъ «иначе ихъ можетъ убить толпа». Вотъ какъ вѣрили эти правители въ народъ, во главѣ котораго имѣли наглость встать.

Всѣмъ имъ выдали деньги въ иностранной валютѣ для поѣздки заграницу и на жизнь тамъ и отправили. Генералъ Болдыревъ проѣхалъ прямо во Владивостокъ, а оттуда въ Японію; остальные не рискнули ѣхать черезъ Сибирь, а пробрались какимъ-то кружнымъ путемъ черезъ Китай. Всѣ они дали честное слово жить за границей тихо и въ политическую жизнь Россіи не вмѣшиваться. Но это слово оказалось «клочкомъ бумаги».

Почти съ перваго дня появленія за границей всѣ они начали свою дѣятельность, мутя еще больше ту международную тину, что съ первыхъ дней революціи создалась около имени Россія.

Полковники Волковъ и Катанаевъ были преданы военно-полевому суду, который вынесъ имъ оправдательный приговоръ, принявъ во вниманіе то, что настоящими государственными преступниками были директоры, — такъ какъ выяснилась ихъ связь съ большевицскими организаціями, — и что офицеры дѣйствовали исключительно въ интересахъ страны и народа. Около зданія суда весь день стояла густая толпа, привѣтствовавшая оправданныхъ офицеровъ радостными криками и устроившая имъ овацію.

Верховный Правитель въ первый же день вступленія на свой постъ издалъ указъ къ войскамъ и населенію, разъяснявшій обстоятельства и самый порядокъ врученія ему власти. Были посланы извѣщенія о томъ же всѣмъ союзнымъ представителямъ. Затѣмъ послѣдовалъ короткій и точный приказъ, запрещавшій какую-либо пропаганду среди войскъ и населенія, призывавшій всѣхъ къ работѣ, самой горячей и дружной, для возрожденія Родины; съ перваго же дня почувствовалась другая рука, честная и прямая, тогда казалось и твердая, которая поведетъ армію именно на спасеніе Русскаго народа и его правъ, а не для пресловутыхъ и ложныхъ завоеваній революціи.

Затѣмъ была опубликована декларація, основъ которой покойный А. В. Колчакъ держался до самаго конца; сущность была въ томъ, что онъ беретъ на себя всю полноту власти, чтобы сбросить большевицкую тиранію, возстановить право народа и его свободу, дать порядокъ и возможность каждому заниматься его трудомъ. Послѣ этого имъ было обѣщано передать въ Москвѣ всю власть вновь избранному народомъ Національному учредительному собранію.

Какъ разъ на другой день послѣ переворота я пріѣхалъ въ первый разъ съ Русскаго Острова во Владивостокъ, утромъ зашелъ въ штабъ крѣпости и тамъ узналъ объ этихъ событіяхъ изъ полученнаго по телеграфу указа. На верху, надъ штабомъ помѣщалась британская военная миссія. Я заглянулъ къ генералу Ноксу, который встрѣтилъ меня очень взволнованный и сказалъ, что теперь будетъ плохо, что союзники могутъ даже прекратить помощь.

Пришлось долго доказывать и убѣждать въ естественной послѣдовательности этихъ событій, въ ихъ неизбѣжности, что объ этомъ въ сущности было извѣстно въ Омскѣ еще до нашего отъѣзда, напомнить ему поѣздку на фронтъ, всѣ встрѣчи тамъ, даже слова чешскаго генерала Гайды; объяснить, что директорія фактически не могла остаться, такъ какъ тогда развалилась бы армія.

Генералъ Ноксъ обѣщалъ поддержку и сейчасъ же поѣхалъ къ Жанэну. Что они говорили и какое было сначала отношеніе союзниковъ къ совершившемуся перевороту, мнѣ неизвѣстно. Но безъ сомнѣнія, не такое трагическое, какъ представлялось съ перваго раза главѣ британской военной миссіи. Даже чехи, по спинамъ которыхъ взгромоздилась на высокое мѣсто директорія, даже и они только частично поволновались, но и пальцемъ не двинули.

Черезъ нѣсколько дней послѣ ареста директоріи, была сдѣлана изъ Куломзино, рабочаго предмѣстья Омска, попытка произвести возстаніе, организованное и подготовленное эсъ-эрами. Бунтовщикамъ удалось было захватить тюрьму, выпустили оттуда преступниковъ, надѣясь съ ихъ помощью развить дѣйствія; но съ этимъ легко и быстро справились, возстаніе ликвидировали. Характерно и показательно, что англійскій батальонъ, стоявшій въ Омскѣ, пришелъ въ эту ночь, чтобы охранять адмирала Колчака, къ его дому.

Черновское наслѣдіе въ Уфѣ и оставшіеся тамъ еще кое-кто изъ членовъ учредительнаго собранія выпустили отъ себя манифестъ, снова призывая народъ и армію къ возстанію, пробовали опереться на чеховъ и поднять русскія части, но эта попытка не удалась совершенно, хотя и доставила нѣсколько непріятныхъ дней. Пришлось посылать спеціальный отрядъ изъ Челябинска въ Уфу, такъ какъ чешскіе начальники не позволяли арестовывать бунтовщиковъ. И большинство ихъ ускользнуло за линію фронта на соединеніе съ большевиками.

Едва ли найдется кто-либо сомнѣвающійся въ томъ, что руководило съ самаго начала и руководитъ дѣйствіями соціалистическихъ партій и ихъ работниковъ. Имъ важна не Россія и не Русскій народъ, они рвались и рвутся только къ власти, одни, — болѣе чисто убѣжденные, фанатики, чтобы про-

водить въ жизнь свои книжныя теоріи, другіе смотрятъ болѣе практически, и имъ важна власть, чтобы быть на верху, имѣть лучшее мѣсто на жизненномъ пиру. Борьбу между собою соціалисты большевики и эсъ-эры подняли исключительно изъ этихъ побуждающихъ мотивовъ, до Россіи и народа имъ попрежнему дѣла было меньше всего. И вотъ, когда они увидали, что въ этой борьбѣ власть попадаетъ къ самому народу, къ наиболѣе активной, подготовленной и искренней его части, они кончили на время свои семейные счеты, и эсъ-эры пошли помогать большевикамъ.

Русская армія была не только на сторонѣ новой власти, она долго ждала ее, желала и, такъ сказать, сама она вызвала эту власть къ жизни. Страна всюду и сразу подчинилась ей.

Генералъ Хорватъ, бывшій во главѣ всего края Дальняго Востока, послалъ отъ себя телеграмму въ день переворота, что онъ признаетъ законность его: всецѣло подчиняется Верховному Правителю. Генералъ Ивановъ-Риновъ, какъ командующій Сибирской арміей и атаманъ Сибирскаго казачьяго войска, телеграфировалъ всѣмъ высшимъ войсковымъ начальникамъ и атаманамъ, что въ дни напряженія народной воли и силы къ освобожденію Родины отъ предателей-большевиковъ необходима немедленная и полная поддержка Верховнаго Правителя въ тяжеломъ дѣлѣ, принятомъ имъ на себя.

Цѣлый рядъ общественныхъ организацій, городскихъ учрежденій, многіе сельскіе сходы присылали въ Омскъ телеграммы съ выраженіемъ своей радости въ перемѣнѣ и увѣренности въ успѣхѣ дѣла, всѣ, предлагали Верховному Правителю свою готовность поддержать его въ русскомъ національномъ дѣлѣ; вскорѣ послѣдовали многочисленные адреса и депутаціи отъ крестьянъ, рабочихъ, желѣзнодорожниковъ съ выраженіемъ тѣхъ же чувствъ къ новой власти.

Молча примирились съ переворотомъ и союзныя миссіи, а черезъ нихъ и правительства Антанты. Признанія своего они въ эти дни не высказали, да не высказали его и до конца, въ теченіи цѣлаго года. Фактъ съ этимъ «признаніемъ» — необъяснимая, на первый взглядъ, и во всякомъ случаѣ странная сторона отношенія нашихъ бывшихъ союзниковъ къ Русскому дѣлу, а слѣдовательно и къ Русскому народу.

Оказывалась самая дѣйствительная матеріальная помощь, т. е. присылались въ нашу армію орудія, винтовки, боевые припасы, обмундированіе, обувь и проч. Сибирь полна была иностранными представителями, и военными, и гражданскими; были здѣсь и иностранныя войска, все же какъ-никакъ помогавшіе намъ, — они несли охрану желѣзной дороги. Выходило, что союзники не только признаютъ, но и помогаютъ

новому Русскому правительству, какъ своему союзнику. А вотъ самое слово «признаніе» громко, прямо и открыто не произносилось. При этомъ надо замѣтить, что актъ этого офиціальнаго признанія висѣлъ все время въ воздухѣ, какъ призракъ, то приближаясь, то удаляясь, то подходя снова почти вплотную. Онъ, какъ болотный блуждающій огонь, дразнилъ и манилъ къ себѣ. Естественно, что чѣмъ дальше, тѣмъ больше разгоралось желаніе Омскаго правительства быть признаннымъ; подъ конецъ это сдѣлалось чуть-ли не главнымъ, руководящимъ стимуломъ его усилій и дѣйствій.

Много зла принесла такая двойственная неопредѣленная политика уже тѣмъ однимъ, что иностранцы использовали ее для своихъ цѣлей, чуждыхъ русскому національному дѣлу; не разъ получались отъ союзныхъ миссій такія заявленія: сдѣлайте то и то, такъ какъ наше правительство находитъ это необходимымъ для признанія. Такъ было не разъ съ выпускомъ «либеральныхъ, демократическихъ» декларацій; хотя и не столь ясно, но такое же давленіе было при избраніи неправильнаго операціоннаго направленія для главнаго удара на Пермь, Вятку, Котласъ.

Но какъ бы то ни было союзники фактически, неофиціально признавали новое правительство, помогали ему и желали удачи.

Русскіе армія и народъ подчинились повсемѣстно, кромѣ Читы и стоявшаго во главѣ ея атамана Семенова. Этотъ эпизодъ надо разсказать нѣсколько подробнѣе, чтобы понять самое возникновеніе его, подкладку этого непризнанія и неподчиненія.

6.

Къ тому, что сказано было объ атаманѣ Семеновѣ, слѣдуетъ добавить, что между нимъ и адмираломъ Колчакомъ были недоразумѣнія еще въ ту пору, когда адмиралъ былъ въ Харбинѣ, передъ пріѣздомъ въ Омскъ, лѣтомъ 1918 года. Эти недоразумѣнія возникли изъ за того, что адмиралъ потребовалъ тогда подчиненія себѣ Манджурскаго отряда атамана Семенова, отряда, который былъ имъ сформированъ совершенно самостоятельно, куда входили добровольцы, всецѣло преданные атаману и вѣрившіе въ него. Послѣдовалъ отказъ, въ отвѣтъ на что получилась угроза не давать въ будущемъ отряду никакихъ снабженій. Затѣмъ, на одной изъ станцій, гдѣ одновременно оказались поѣзда адмирала и атамана, адъютантъ послѣдняго напуталъ и не доложилъ ему; въ результатѣ вышла неловкость и обида въ томъ, что атаманъ не явился къ адмиралу.

Теперь послѣ переворота 18 ноября 1918 года въ Омскѣ были получены свѣдѣнія о томъ, что атаманъ Семеновъ не собирается признать адмирала Колчака, какъ Верховнаго Правителя и Главнокомандующаго. Не знаю, какія были основанія для такого заключенія, но мнѣ извѣстно слѣдующее: атаманъ Семеновъ не получилъ ключа къ шифру между директоріей, ея ставкой и Владивостокомъ. Когда произошелъ въ Омскѣ переворотъ, Чита не могла расшифровать телеграммъ, видѣла въ то же время, что между Владивостокомъ и Омскомъ идетъ усиленный обмѣнъ ихъ. Наконецъ атаманъ Семеновъ получилъ короткую телеграмму безъ шифра, что директорія смѣщена и власть единолично перешла въ руки адмирала Колчака. Атаманъ Семеновъ запросилъ тогда подробности переворота, а также, кто именно вручилъ адмиралу власть. Но въ то же время, какъ мнѣ разсказывалъ позднѣе самъ атаманъ Семеновъ, дожидаясь отвѣта, онъ приказалъ заготовить и подписалъ телеграмму о признаніи власти адмирала Колчака, какъ Верховнаго Правителя. Но въ Омскѣ поспѣшили и сдѣлали очень большую оплошность; атаманъ Семеновъ, не имѣя отвѣта на свой запросъ и не успѣвъ отправить своей телеграммы о признаніи, получилъ по телеграфу же знаменитый и такъ нашумѣвшій приказъ № 61. Этотъ приказъ гласилъ, что атаманъ Семеновъ — единственный отказался признать Верховнаго Правителя, не подчинился ему и поэтому отрѣшается отъ всѣхъ должностей, какъ «измѣнникъ Родинѣ».

Пусть каждый поставитъ себя на мѣсто атамана Семенова и отвѣтитъ себѣ, что онъ испыталъ бы при подобныхъ обстоятельствахъ. Офицеръ, который съ первыхъ дней большевизма началъ противъ него борьбу и создалъ большой отрядъ изъ ничего, затѣмъ очистилъ цѣлую область отъ красноармейскихъ бандъ, установилъ порядокъ, началъ раньше всѣхъ другихъ получать поддержу отъ союзниковъ, — такой офицеръ объявляется измѣнникомъ. И главное въ тотъ часъ, когда онъ готовъ все, сдѣланное имъ, принести, какъ составную часть цѣлаго Русскаго, и подчинить только-что появившейся власти.

Послѣ приказа № 61 атаманъ Семеновъ отмѣнилъ телеграмму о признаніи и вмѣсто нея послалъ другую, что онъ готовъ былъ подчиниться, но теперь этого не сдѣлаетъ, такъ какъ считаетъ себя, своихъ помощниковъ и свой отрядъ незаслуженно оскорбленными и опозоренными. Дѣйствительно офицеры и казаки всѣхъ частей Забайкалья были сильно возмущены приказомъ № 61 и волновались.

Загорѣлся костеръ чисто русской вражды и дѣленія на два лагеря. Большіе русскіе патріоты, единомышленники по убѣжденіямъ и дѣйствіямъ, разошлись и заняли непримиримую

позицію. А тутъ нашлось немало досужихъ людей, готовыхъ подкидывать дрова въ огонь. Полетѣли доносы о задержанныхъ яко-бы Читой поѣздахъ съ военнымъ снаряженіемъ и боевыми припасами для арміи, о случаяхъ самоуправства. Люди, которымъ было выгодно и раньше очерненіе атамана Семенова, работали во всю. Клевета шла главнымъ образомъ изъ вражескаго стана, отъ большевистскихъ агентовъ и ихъ сторонниковъ; дѣйствовали ловко и скрытно, такъ что казалось будто обвиненія идутъ изъ нейтральныхъ, непартійныхъ источниковъ и изъ союзныхъ круговъ.

Сначала въ Омскѣ рѣшили заставить атамана Семенова подчиниться силой, открывъ противъ него военныя дѣйствія. Былъ сформированъ отрядъ подъ командой генерала Волкова. Не успѣлъ послѣдній доѣхать до Иркутска и приступить къ выполненію плана, какъ японцы заявили, что они не могутъ допустить столкновенія въ Забайкальѣ и, если Волковъ начнетъ военныя дѣйствія противъ Семенова, то японцы оставляютъ за собою свободу дѣйствій и, вѣроятно, выступятъ, чтобы помочь Читѣ.

Совершенно неожиданный результатъ конфликта. Само собою разумѣется, что на разрывъ съ японцами, одними изъ союзниковъ, и на враждебныя дѣйствія съ ними пойти не могли; Омскъ отставилъ приказъ о наступленіи на Читу. Японское вмѣшательство какъ бы предупредило новое братское кровопролитіе. Но послѣ этого японцы продолжали вмѣшиваться въ конфликтъ, а досужіе люди, кому это было на руку, стали говорить, что даже они его создали, раздуваютъ и поддерживаютъ.

Одно изъ несчастій нашего лихолѣтья, и именно на бѣлой, антибольшевицской сторонѣ, заключалось въ такъ называемыхъ иностранныхъ оріентаціяхъ. Были: японская оріентація, англійская, американская, появилась, привезенная съ юга Россіи, германская оріентація. Не приходилось мнѣ встрѣчать въ бѣломъ движеніи оріентаціи на французовъ; слишкомъ ужъ много съ этой стороны было печальныхъ фактовъ, отвергнувшихъ совершенно симпатіи русскихъ людей и массъ. Достаточно назвать Одесскую эпопею, когда русская армія и цѣлый большой городъ оказались въ безвыходномъ положеніи, попали совсѣмъ неожиданно, въ два дня, во власть большевиковъ, вслѣдствіе странныхъ, если не сказать хуже, дѣйствій французскаго штаба въ Одессѣ. Затѣмъ политика французовъ въ Малороссіи съ стремленіемъ создать самостійность Украйны, разсказы о возмутительно скверныхъ отношеніяхъ къ русскимъ бѣженцамъ и офицерамъ. Еще въ Сибири это не такъ было замѣтно, а всѣ русскіе, пріѣзжавшіе изъ Добровольческой арміи и изъ Европы не могли говорить о французахъ безъ пѣны у рта, — такъ переболѣло оскорбленное чувство.

Упоминая о кокомъ-либо мало мальски выдающемся русскомъ человѣкѣ, начинали прямо съ того, что «онъ такой-то оріентаціи». Рѣдко приходилось встрѣтить мнѣніе, которому одному надлежало быть въ эту пору, въ годину народнаго испытанія и святой борьбы за Русь. Только одна оріентація можетъ быть у русскихъ людей — чисто русская, оріентація на Россію — и должна быть у всѣхъ. Остальныя отношенія вытекаютъ уже изъ нея; если иностранная нація желаетъ искренно возстановленія и возрожденія Россіи, — она нашъ другъ; если она къ тому же помогаетъ намъ въ борьбѣ противъ большевиковъ, — она нашъ союзникъ. Такъ ясно и естественно.

Но на дѣлѣ было иначе. Это коренная ошибка, происходящая отъ слишкомъ мягкаго и довѣрчиваго русскаго характера, да отъ старой привычки смотрѣть на Европу снизу вверхъ. Но и иностранныя миссіи старались не мало надъ этимъ, чтобы навербовать побольше своихъ сторонниковъ и ревниво смотря за ихъ симпатіями.

Послѣ того, какъ Омское правительство отказалось отъ плана подчинить Читу силой, начались переговоры. Атаманъ Семеновъ выставилъ одно условіе: пусть будетъ отмѣненъ приказъ № 61, и онъ всецѣло подчинится. Изъ Омска же шло требованіе сначала подчиненіе, а затѣмъ уже отмѣна приказа № 61. Оттуда были посланы въ Забайкалье комиссіи для выясненія, насколько справедливы обвиненія въ задержаніи атаманомъ поѣздовъ съ военными грузами, и для провѣрки всей его дѣятельности. Комиссіи долгое время сидѣли въ Читѣ, были допущены къ полному контролю, и въ результатѣ выяснили, что всѣ обвиненія являлись выдумкой или клеветой.

Ѣздилъ въ Читу генералъ Ивановъ-Риновъ, была телеграмма отъ атамана Дутова съ просьбой кончить конфликтъ.

Но къ несчастью долго еще тянулась эта исторія, отвлекая много вниманія, людей и силъ, тормозя невольно общую работу. Не разъ дѣлались Верховному Правителю представленія отъ цѣлаго ряда лицъ, отъ совѣщаній высшихъ начальниковъ о необходимости кончить дѣло примиреніемъ. Но переговоры затягивались и часто прерывались оттого, что японская миссія находила для себя возможнымъ выступать и ставить условія; такъ ими указывалось, что необходимо при ликвидаціи конфликта сохраненіе за атаманомъ Семеновымъ всей власти въ Забайкальѣ на правахъ командующаго арміей, они де заинтересованы въ этомъ, вслѣдствіе долгой и крупной помощи, оказанной ими за все время въ этой области и матеріально, и военными дѣйствіями. Необходимо отмѣтить, что части японской арміи съ ея традиціями представляли лучшія и наиболѣе дисциплинированныя среди иностранныхъ войскъ въ Сибири. И не

разъ они выполняли первое слово, сказанное въ началѣ интервенціи, объ активной помощи. Кровь японскихъ офицеровъ и солдатъ была пролита на поляхъ Сибири вмѣстѣ съ Русской арміей; отношеніе японскихъ войскъ къ нашему населенію было не только вполнѣ лойяльное, но отличалось предупредительностью и сочувствіемъ. Къ несчастью, ихъ дипломатія всѣхъ видовъ полна была такой же неясностью, запутанностью и перекрещивалась со скрытыми международными замыслами, которые и до сего времени подернуты дымкой двусмысленности.

Наконецъ, въ исходѣ зимы произошла отмѣна приказа № 61, конфликтъ былъ конченъ и примиреніе состоялось. Но трещина осталась, и, какъ будетъ видно ниже, осталась она до самаго конца.

7.

Не все было благополучно и на остальномъ обширномъ пространствѣ Сибири. Партіи соціалистовъ-революціонеровъ и меньшевиковъ ушли въ подполье, спрятались, тщательно замаскировались, но не прекратили свою губительную работу. А гдѣ было можно, тамъ они дѣйствовали и въ открытую.

Такимъ обѣтованнымъ мѣстомъ для нихъ являлся Владивостокъ, благодаря интернаціональному характеру, пріобрѣтенному этимъ городомъ съ 1918 года отъ массы наѣхавшихъ туда интервентовъ. Къ декабрю 1918 года здѣсь были уже полностью всѣ военныя миссіи, прибыли высокіе иностранные комиссары, въ Сибири сосредоточились войска японскія, британскія, американскія, немного итальянскихъ и чехи, а на рейдѣ стояли военныя суда всѣхъ націй. При этомъ, чѣмъ дальше шли переговоры въ Версалѣ, тѣмъ неопредѣленнѣе и запутаннѣе было отношеніе здѣсь этой разношерстной массы. Какъ-то вышло, что войска бывшихъ союзниковъ, прибывшія въ Сибирь, чтобы образовать общій съ русскими фронтъ противъ нѣмцевъ и большевиковъ, теперь на этотъ фронтъ не шли, — война съ нѣмцами была кончена, а «вмѣшиваться въ наши внутреннія дѣла» союзники не желали.

Вмѣстѣ съ тѣмъ во Владивостокѣ нѣкоторыми изъ союзныхъ представителей допускался прямой контроль именно надъ чисто внутренними распоряженіями русской власти, здѣсь какъ разъ и было вмѣшательство въ наши внутреннія дѣла. Особенно отличались этимъ два лица одной изъ дружественныхъ націй, генералъ Гревсъ и его начальникъ штаба полковникъ Робинсонъ. Такъ съ ихъ стороны послѣдовалъ формenный протестъ, когда генералъ Ивановъ-Риновъ арестовалъ рядъ вредныхъ лицъ, бывшихъ въ связи съ большевиками[1])

[1]) Медвѣдевъ, Огаревъ и др.

и ведшихъ пропаганду среди населенія, призывавшихъ его открыто къ возстанію противъ правительства. Господа Гревсъ и Робинсонъ заявили, что они не могутъ допустить этого ареста и настаиваютъ на освобожденіи, оставляя въ противномъ случаѣ за собою свободу дѣйствій. Затѣмъ съ ихъ стороны послѣдовалъ новый протестъ, когда изъ Омска военный министръ хотѣлъ смѣстить коменданта Владивостокской крѣпости полковника Бутенко, офицера въ сущности неплохого, но впавшаго слишкомъ въ сильную оріентацію на эту націю и объединявшагося раньше съ эсъ-эрами. Когда полковникъ генеральнаго штаба Чубаковъ, служившій въ этой иностранной миссіи и работавшій одновременно въ противуправительственныхъ партіяхъ, былъ вызанъ въ Омскъ для отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, то отъ генерала Гревса, представителя дружественной націи, послѣдовалъ рядъ телеграммъ съ отказомъ. Въ концѣ концовъ онъ потребовалъ гарантій личной безопасности Чубакова и непреданія его суду. А послѣ этого Чубаковъ перешелъ, при первомъ удобномъ случаѣ, на сторону большевиковъ и въ Красноярскѣ вошелъ крупнымъ лицомъ въ чрезвычайную слѣдственную комиссію (большевистская че-ка).

Можно было бы написать нѣсколько томовъ, приводя всѣ случаи подобнаго «невмѣшательства», — такъ ихъ было много. Были даже документально установлены сношенія съ американской военной миссіей нѣкоторыхъ шаекъ, возстававшихъ съ оружіемъ въ рукахъ въ раіонѣ Сучанскихъ копей и бывшихъ фактическими большевиками.

Много, можетъ быть и невольнаго, зла причинили Россіи эти представители интервенціи, Гревсъ и Робинсонъ, но не мало зла причинено ими и своему отечеству; ибо по ихъ дѣйствіямъ судили Русскій народъ и общество о всей странѣ ихъ. А въ связи съ другими агентами и мелкими представителями ея въ Сибири, извращенно представлявшими здѣсь интересы своей страны, мнѣніе о ней среди русскихъ составилось крайне отрицательное.

Это отразилось и на мѣстной прессѣ; газеты день ото дня все ѣдче и остроумнѣе писали о дѣйствіяхъ этихъ интервентовъ и о ихъ хозяйничаньѣ на Дальнемъ Востокѣ. И вотъ въ одинъ день начальникъ миссіи Гревсъ пріѣхалъ къ генералу Иванову-Ринову, какъ помощнику Хорвата, и просилъ, нельзя ли подѣйствовать и надавить на газеты для прекращенія непріятныхъ фельетоновъ. Это ужъ совсѣмъ не вязалось съ его прежними протестами, что онъ и его войска прибыли во Владивостокъ защищать всяческія свободы. Но надо оговориться, что эти газеты были праваго лагеря.

Нѣтъ сомнѣнія, что многіе изъ этихъ господъ дѣйствовали по незнанію и полному непониманію того, что происходило въ

Россіи, ни нашихъ настроеній, ни вѣрованій и надеждъ; но былъ несомнѣнно и умышленный, организованный вредъ.

Въ декабрѣ будучи по дѣламъ во Владивостокѣ, я заѣхалъ отдать визитъ полковнику Робинсону, посѣтившему на Русскомъ Островѣ мою военную инструкторскую школу. Робинсонъ вышелъ, радостно улыбаясь во всю ширину лица, и началъ меня поздравлять; когда, видимо, на моемъ лицѣ отразилось недоумѣніе, онъ быстро скрылся и вернулся съ переводчикомъ. Начался разговоръ.

— «Поздравляю Васъ, генералъ, скоро будетъ конецъ вашей гражданской войнѣ. Мы получили извѣстія изъ Версаля.»

— «?!»

— «Союзники рѣшили пригласить на Принцевы Острова всѣ русскія партіи: отъ большевиковъ, отъ генерала Деникина, отъ адмирала Колчака, отъ Юденича и изъ Архангельска, а также и отъ народа.»

— «Съ какой цѣлью?»

— «Чтобы вы могли сговориться и кончить войну.»

Долго мнѣ пришлось доказывать полковнику Робинсону, всю нелѣпость этого плана и его неосуществимость; почти полтора часа затянулся мой визитъ, а въ концѣ его почтенный полковникъ Робинсонъ съ ясной улыбкой заявилъ мнѣ:

— «Нѣтъ все это не такъ. Вотъ послушайте, что мнѣ пишетъ миссисъ Робинсонъ изъ дому о томъ, какъ тамъ у насъ говорятъ ваши русскіе.» И онъ вытащилъ изъ письменнаго стола пачку писемъ своей жены. — «А миссисъ Робинсонъ у насъ пишетъ даже въ газетахъ!»

Аргументъ такой вѣсскій, что отбилъ у меня охоту говорить съ нимъ когда-либо впредь.

Весьма характерный случай среди этого разговора. Зная нѣсколько англійскій языкъ, я слѣдилъ внимательно за словами Робинсона и за тѣмъ, какъ переводчикъ переводилъ ему мои мысли. Въ одномъ мѣстѣ почти въ началѣ разговора, когда я разъяснялъ Робинсону задачи нашей арміи и всего дѣла борьбы, я обнаружилъ, что переводчикъ отклонился въ сторону и плелъ уже отъ себя. Я остановилъ его и по англійски сказалъ, что моя мысль была совсѣмъ не та. Переводчикъ смутился и задалъ мнѣ невольный вопросъ:

— «А вы развѣ говорите по англійски?»

Онъ тоже былъ русскій, но моисеева закона — изъ Польскаго края, либо изъ Шклова. И большинство переводчиковъ въ Сибири были изъ того же изгнаннаго племени. Какъ они путали и перевирали, часто явно умышленно. Одинъ англійскій офицеръ, капитанъ Стевини, отлично говорящій по русски, — онъ воспитывался въ Москвѣ, — передавалъ мнѣ такой фактъ. Только-

что пришелъ на одну большую Сибирскую станцію эшелонъ войскъ одной державы; ихъ офицеры встрѣчены нашими; радушныя рукопожатія, улыбки, и начинается разговоръ при помощи переводчика. Наши говорятъ, онъ переводитъ по англійски, — тѣ отвѣтятъ или зададутъ вопросъ, онъ къ нашимъ обращается по русски.

— «И такъ вралъ, такъ извращалъ всѣ мысли и слова», — докончилъ капитанъ Стевини, — «что я подошелъ и по англійски предупредилъ иностранныхъ офицеровъ».

Переводчикъ-еврейчикъ переводилъ, напримѣръ, слова стараго боевого русскаго полковника о томъ, что всѣ устали отъ партійной борьбы и отъ словоговоренія, — такъ: «всѣ почти русскіе офицеры сочувствуютъ соціалистамъ-революціонерамъ и хотѣли бы, чтобы у власти стали снова они». Нечего сказать, хорошее и довольно правильное впечатлѣніе составлялось при такихъ условіяхъ у американцевъ!

Во Владивостокѣ образовалась штабъ-квартира соціалистовъ-революціонеровъ, оставшихся въ Сибири; другая часть ихъ перекочевала въ Москву и тамъ открыла другой свой центръ. Связь шла черезъ Европу съ одной стороны, а съ другой — при помощи большевистскихъ агентовъ черезъ фронтъ. Во Владивостокѣ же они работали почти въ открытую, подготовляли и проводили тотъ планъ, который погубилъ дѣло русскихъ людей, направленное къ возрожденію Родины.

Отсюда они раскинули по всей Сибири свою сѣть. Прежде всего были устроены опорные пункты, которые образовались въ самой администраціи. Верховный Правитель получилъ отъ директоріи въ наслѣдство аппаратъ, далеко не готовый и не совершенный, но съ значительной дозой введенныхъ въ него партійныхъ соціалистическихъ дѣятелей. Какъ уже сказано раньше, губернаторомъ Иркутска былъ эсъ-эръ Яковлевъ, и онъ оставался незамѣненнымъ до послѣднихъ дней. Онъ умѣлъ, когда нужно, явиться въ золотыхъ губернаторскихъ погонахъ, въ черномъ пальто съ красной подкладкой, по военному тянулся и часто прибавлялъ титулъ; а вечеромъ того же дня онъ шелъ къ своимъ «товарищамъ» въ синей блузѣ, и они при его участіи дѣлали въ его губерніи свое дѣло. И сдѣлали его.

Въ другомъ важномъ центрѣ и университетскомъ городѣ, Томскѣ, былъ губернаторомъ тоже партійный соціалистъ-революціонеръ, Михайловскій, который именовалъ себя поручикомъ и даже носилъ военную форму, надѣвъ вмѣстѣ съ нею и личину самаго искренняго благожелательства къ арміи и лойяльности. У Михайловскаго начальникомъ контръ-развѣдки, т. е. тайной полиціи, былъ еврей Д., бывшій коммунистскій дѣятель. Въ Томскѣ была и другая контръ-развѣдка, военная, съ талантливымъ товарищемъ прокурора Смир-

новымъ во главѣ; Смирновъ прямо задыхался, съ неимовѣрными трудами открывалъ заговоры, находилъ склады оружія, посылалъ обстоятельные и обоснованные доклады, но имъ ходу не давали.

До самой весны 1919 года министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ также соціалистъ, Граціановъ, приходившійся вдобавокъ сродни губернатору Михайловскому. Между прочимъ было занято крѣпко эсъ-эрами въ Томскѣ почтово-телеграфное вѣдомство. Благодаря этому, многія важныя телеграммы, особенно шифрованныя, извращались и замедлялись, а также обо всѣхъ распоряженіяхъ заблаговременно предупреждались ихъ партійные дѣятели. Въ центральной конторѣ у чиновника Рыбака нашли въ стѣнѣ складъ оружія, подготовленный на случай возстанія и спрятанный въ тайникѣ въ стѣнѣ; былъ произведенъ арестъ, начался процессъ, который, увы, ни къ чему не привелъ.

Слѣдующей цитаделью ихъ былъ Красноярскъ, гдѣ имѣлась эсъ-эровская тайная типографія и гдѣ работалъ, скрываясь подъ чужой фамиліей, одинъ изъ наиболѣе вредныхъ іудеевъ, Дерберъ. Какъ будетъ видно дальше, катастрофа, погубившая все дѣло, и грянула одновременно предательствомъ въ тылу арміи, въ Томскѣ, Красноярскѣ, Иркутскѣ и Владивостокѣ. И вѣдь это было все извѣстно раньше, русскими людьми были обнаружены эти гнѣзда интернаціонала, но не было силы вырвать ихъ съ корнемъ и обезвредить.

Дальше работа соціалистовъ-революціонеровъ направилась въ народныя массы; для этой цѣли они избрали такія безобидныя и полезныя учрежденія, какъ кооперативы. И центральныя управленія и мѣстныя отдѣленія были наполнены ихъ людьми и отвѣтственными партійными работниками. «Синкредитъ», «Центросоюзъ» и «Закупсбытъ», три главныхъ кооператива въ Сибири, были всецѣло въ рукахъ эсъ-эровъ. Этимъ путемъ распространялась литература, добывались деньги, велась пропаганда на мѣстахъ и подготавливались возстанія.

Наконецъ, были направлены усилія проникнуть въ дѣйствующія арміи. Къ сожалѣнію и это удалось имъ сдѣлать; не всюду, въ одну лишь армію вошли они, но и этого было достаточно, чтобы замкнуть кругъ.

Борьба за власть не была окончена. Временно она отошла лишь на второй планъ, чтобы подготовить силы и ждать удобнаго момента. И въ то же время всячески мѣшать живой работѣ русскихъ людей, сплотившихся около Верховнаго Правителя, чтобы спасти Родину и дать своему народу не эфемерную, а истинную свободу идти и развиваться своимъ историческимъ путемъ. А работа была и безъ того тяжелая, чрезмѣрная, требовавшая героическихъ напряженій.

ГЛАВА II.

Армія и тылъ.

1.

Не прошли даромъ волненія въ Уфѣ. Наши части на этомъ направленіи были очень слабы численно; они состояли изъ остатковъ народной арміи, сведенныхъ теперь въ неорганизованные отряды подъ начальствомъ молодого способнаго генерала Каппеля; затѣмъ здѣсь же дѣйствовали полки и батареи сформированные въ Уфимскомъ раіонѣ изъ добровольцевъ и мобилизованныхъ; они вмѣстѣ съ чешскими частями входили въ отрядъ генерала Войцеховскаго. Насколько эти части были исключительны, можно судить по тому, что въ волжскихъ батареяхъ Каппеля номерами были офицеры, они же иногда составляли цѣлыя роты, которыя дрались и умирали, какъ ни одна воинская часть въ свѣтѣ.

Уфимскіе и Камскіе полки имѣли въ своихъ рядахъ больше крестьянъ, — населеніе этихъ раіоновъ опредѣленно встало все противъ большевиковъ. Какъ примѣръ, могу привести 30-й стрѣлковый Аскинскій полкъ, сформированный изъ жителей волости этого названія; полкъ дрался выше похвалы, а волость давала не только пополненіе людьми, она снабжала полкъ одеждой, обувью, обозомъ и пищевыми продуктами. Вотъ какъ русскій народъ хотѣлъ сбросить большевицское ярмо и какъ умѣлъ онъ жертвовать. Или другой полкъ, 15-й стрѣлковый Михайловскій полкъ, стяжавшій себѣ боевую славу, какъ одинъ изъ первыхъ; онъ былъ сформированъ и пополнялся жителями Михайловскаго уѣзда, посылавшими подкрѣпленія по первому слову.

Генералъ Каппель съ волжанами дѣлалъ чудеса. Онъ нѣсколько разъ отбивалъ попытки красныхъ взять Уфу тѣмъ, что самъ переходилъ въ наступленіе, искусно маневрируя своими небольшими отрядами, и выигрывалъ блестящія дѣла,

нанося большевикамъ тяжелыя пораженія. Въ то же время уфимцы съ чехами сдерживали натискъ на другихъ направленіяхъ. Но вотъ чехи ушли въ тылъ. Волненія въ Уфѣ и пропаганда соціалистовъ поколебали фронтъ.

И въ концѣ декабря, какъ разъ передъ Рождественскими праздниками, Уфа пала. Наши отступили на востокъ къ горнымъ проходамъ черезъ Уральскій хребетъ. Здѣсь удалось удержать фронтъ въ теченіи всей зимы.

Но необходимо было немедленно влить какія-то свѣжія части для устойчивости, необходимо было волжанамъ дать время хоть немного отдохнуть, сформироваться, пополниться, одѣться, чтобы весной можно было начать съ ними наступленіе.

Еще болѣе настойчиво требовалось ввести въ армію опредѣленный порядокъ, перейти отъ хаотической отрядной организаціи къ правильному дѣленію на корпуса, дивизіи и полки, создать небольшіе работоспособные штабы и органы снабженія.

Можно себѣ представить всю трудность этой сложной задачи, которая стояла тогда передъ Верховнымъ Главнокомандующимъ и его ставкой. Его начальникъ штаба генералъ Д. А. Лебедевъ справился съ честью съ этой задачей; ему случалось вести работу иногда цѣлыя сутки, зачастую завтракая и обѣдая у себя въ кабинетѣ. Приходилось работать безъ устали и безъ малѣйшаго откладыванія дѣла, ибо жизнь требовала быстрыхъ рѣшеній, и каждый пропущенный день могъ свалить все хрупкое тогда сооруженіе. Шла лихорадочная дѣятельность среди бурлившаго, не установившагося еще русскаго моря; надо было одновременно разбираться и вести дѣло съ разнообразными военными представителями интервенціи, говорить съ ними, выслушивать ихъ безконечныя требованія и вводить ихъ въ рамки.

Всѣ силы, дѣйствовавшія на фронтѣ противъ большевиковъ были раздѣлены на три отдѣльныхъ арміи: Сибирскую на Пермскомъ направленіи съ базой въ Екатеринбургѣ, Западную на Уфимскомъ направленіи съ базой въ Челябинскѣ и Оренбургскую, дѣйствовавшую на югѣ. Арміи были составлены изъ тѣхъ войскъ, которыя дѣйствовали и раньше на этихъ направленіяхъ, съ подачей имъ изъ тыла всего маломальски боеспособнаго, что можно было къ этому времени собрать. Во главѣ армій были поставлены: Оренбургской — атаманъ генералъ Дутовъ, Западной — генералъ Ханжинъ, а командовать Сибирской арміей былъ назначенъ генералъ Гайда, поссорившійся къ этому времени съ чехами и поступившій на русскую службу. Почему именно выборъ остановился на этомъ иностранцѣ, такъ мнѣ и не удалось выяснить точно; было это сдѣлано А. В. Колчакомъ, отчасти, какъ бы въ благодарность за то, что Гайда въ свое время одинъ изъ первыхъ

опредѣленно поддержалъ его и проявилъ не только полную лойяльность, но и преданность.

Всѣ три генерала получили права командующихъ отдѣльными арміями, т. е. почти равныя правамъ Главнокомандующаго, для того, чтобы дать имъ болѣе возможности и свободы проявлять инициативу въ устройствѣ и увеличеніи ихъ силъ. Для той же цѣли армейскіе раіоны были опредѣлены до рѣки Иртыша, давая огромныя пространства для производства людской, конской и повозочной мобилизацій, для устройства всякихъ мастерскихъ и образованія запасовъ путемъ использованія средствъ раіона.

Работа шла очень живо, почти лихорадочнымъ темпомъ. Арміи сами формировали новыя части, составляли запасныя для подготовки пополненія, вели ему учетъ, расходовали его, сообразно съ нуждами фронта, имѣющимися средствами снабженія и планомъ дѣйствій; налаживали все сложное снабженіе.

Ставка регулировала эту работу, вводя ее, насколько было возможно, въ общія нормы, уравнивая излишки, пополняя недостачу. Приходилось заново пересмотрѣть и пересоставить всѣ штаты, многія законоположенія, наладить совершенно разстроенный аппаратъ для подачи изъ Владивостока получаемаго отъ союзниковъ вооруженія и боевыхъ запасовъ. Надо сказать, что вѣдь тѣ нормы, по которымъ была построена наша старая русская армія, разваленная соціалистами въ 1917 году, въ большинствѣ своемъ теперь требовали измѣненія; съ одной стороны за время германской войны въ нихъ нашлось много неправильнаго, неоправдавшагося и тогда опытомъ, съ другой — были въ нихъ и анахронизмы, уже отжившіе свой вѣкъ, возстановленіе которыхъ было бы реставраціей ихъ вопреки здравому смыслу и жизненнымъ требованіямъ.

Путь для работы лежалъ теперь такой: взять изъ стараго все лучшее, освященное успѣхами русской арміи, связанное съ нею исторически, вытекавшее изъ естественныхъ условій и особенностей Русскаго народа; необходимо было въ дополненіе къ этому ввести все, что требовалось самой жизнью и новыми условіями, вызванными войной. Ибо отрицать, это новое, не принимать его во вниманіе, держаться слѣпо старыхъ образцовъ было бы также безразсудно, какъ и другая крайность — полное отрицаніе своихъ историческихъ нормъ и стараніе изобрѣсти что-то совершенно новое, ничѣмъ даже не напоминающее прежняго.

Работа должна была идти по твердому пути, сопрягая эти два условія, необходимыя для ея успѣха; и тѣ результаты, которыхъ удалось добиться за зиму, говорятъ сами, краснорѣчивѣе всякихъ словесныхъ доказательствъ, за то, насколько правильно и напряженно велась эта работа.

Фронтъ былъ удержанъ на Уральскихъ проходахъ къ западу отъ Аши Балашовской; всѣ попытки красныхъ прорвать его отбивались. Въ то же время армія пополнялась, росла, пріобрѣтала правильную организацію.

Волжскій корпусъ генерала Каппеля вывели въ тылъ въ раіонъ города Кургана, на Тоболъ, чтобы отличные боевые кадры его пополнить, подучить, одѣть и снабдить всѣмъ необходимымъ. Послѣднюю задачу взялъ на себя генералъ Ноксъ, обѣщавшій, все, что нужно для волжанъ, подать въ первую очередь. Пополненіе людьми и конскимъ составомъ должна была сдѣлать ставка, такъ какъ Волжскій корпусъ былъ оставленъ въ ея распоряженіи. Тутъ сказалась нѣкоторая автономность армій; ни Сибирская армія, ни Западная не давали пополненія людьми, такъ какъ каждая была занята всецѣло пополненіемъ и формированіемъ «своихъ» частей; лошади были получены изъ Западной арміи, нѣсколько съ опозданіемъ она же дала и часть людей. Часть же пополненія генералъ Каппель былъ принужденъ взять изъ плѣнныхъ красноармейцевъ, которыхъ послѣ нѣкотораго обученія поставили въ строй.

Вскорѣ произошло событіе очень радостное, но имѣвшее большое вліяніе на уклоненіе въ неправильную сторону.

23—24 декабря была взята Пермь войсками Сибирской арміи; операція была проведена среди лютыхъ морозовъ съ малыми для насъ потерями и дала блестящіе результаты.

Это явилось какъ бы компенсаціей за потерю Уфы и показало, что работа надъ созданіемъ армій идетъ успѣшно. Запасы, взятые въ Перми, склады и военные заводы давали кромѣ того возможность пополнить многіе пробѣлы въ снабженіи нашихъ войскъ. А эта сторона, не взирая на всю проявленную энергію и работу, оставляла желать много лучшаго. Не говоря уже о томъ, что наше воинство было одѣто такъ разнообразно, какъ великое ополченіе 1613 года, многаго прямо не хватало такого, безъ чего жизнь и служба становились невозможными; было мало полушубковъ, валенокъ и даже шинелей, чувствовался острый недостатокъ въ винтовкахъ и патронахъ.

На Сибирскую армію щедро даны были награды. Генералы Гайда и Пепеляевъ получили чины генералъ-лейтенанта и Георгія 3-ей степени; многіе изъ офицеровъ были произведены въ слѣдующіе чины, причемъ Гайда, начавшій съ этихъ поръ проявлять большую самостоятельность, отдавалъ иногда приказы о производствѣ прямо изъ поручиковъ въ подполковники.

Штабъ-квартира Сибирской арміи была въ Екатеринбургѣ. Это — центръ горнопромышленнаго уральскаго раіона, населеніе котораго отличается довольно большой зажиточностью,

сохраненнымъ крѣпкимъ семейнымъ укладомъ, религiозностью, монархическимъ настроенiемъ, честностью и въ большинствѣ прямымъ, хотя и нетвердымъ характеромъ; это не былъ матерiалъ для большевиковъ, наоборотъ съ перваго дня возстанiя мѣстные жители присоединились къ бѣлымъ и шли цѣлыми селами и волостями въ новую армiю адмирала Колчака. Однимъ изъ яркихъ примѣровъ этому служатъ знаменитыя Ижевская и Воткинская дивизiи, составленныя цѣликомъ изъ рабочихъ двухъ большихъ заводовъ этихъ названiй и примкнувшихъ къ нимъ волостей; эти дивизiи до сихъ поръ борятся противъ большевиковъ въ Забайкальѣ, пройдя пѣшкомъ черезъ Уралъ и Сибирь болѣе четырехъ тысячъ верстъ.

Всѣ эти простые и хорошiе русскiе люди были поставлены послѣ революцiи передъ совершившимся фактомъ крушенiя стараго порядка, прежнихъ устоевъ и передъ задачей исканiя новаго, лучшаго. Въ своей довѣрчивости они шли вначалѣ за тѣмъ, кто умѣлъ и бралъ на себя смѣлость громче и красивѣе говорить, беззастѣнчивѣе обѣщать. Все это было учтено соцiалистами-революцiонерами, которые еще съ 1917 года много работали надъ пропагандой въ этомъ краѣ. Выметенные отсюда большевиками, они теперь, послѣ освобожденiя Урала, устремили опять на него свои усилiя и попытались снова раскинуть здѣсь свою сѣть.

Не знаю какими путями, — пользуясь ли старыми связями съ чехо-словацкимъ нацiональнымъ комитетомъ, или играя на чрезмѣрномъ честолюбiи Гайды, — но имъ удалось проникнуть и въ его армiю; были введены партiйные работники въ самый штабъ, среди нихъ такой, какъ извѣстный затѣмъ по Владивостокскому и Иркутскому возстанiямъ штабсъ-капитанъ Калашниковъ. Они сумѣли захватить въ свои руки цѣликомъ освѣдомительный отдѣлъ, важный тѣмъ, что онъ завѣдывалъ всей информацiей, имѣлъ въ своихъ рукахъ типографiи и всѣ средства пропаганды.

И отсюда поплелась сѣть по всей Сибирской армiи. Исподволь, весьма искусно, тщательно и скрытно для посторонняго глаза шла эта подготовка. Тѣ генералы и высшiе чины гражданской администрацiи, которые боролись противъ этой преступной работы, устранялись съ пути подъ разными предлогами, включительно до клеветы и подстроенныхъ обвиненiй; такъ было съ Екатеринбургскимъ губернаторомъ, затѣмъ также былъ убранъ начальникъ военно-административнаго отдѣла Сибирской армiи генералъ Домонтовичъ, работавшiй въ Екатеринбургѣ съ первыхъ дней возстанiя.

Пробовали эсъ-эры провести такой же планъ и въ Западной армiи, но въ самомъ началѣ, въ серединѣ мая удалось ихъ попытки совершенно искоренить

Эта подпольная дѣятельность эсъ-эровъ дала свои плоды гораздо позднѣе и обратила военные неуспѣхи фронта въ полную катастрофу арміи, привела къ разгрому всего дѣла, возглавляемаго адмираломъ А. В. Колчакомъ. Теперь же въ началѣ его блестящаго и полнаго надеждъ періода они, какъ мыши, подтачивали и буравили тотъ корабль, на который забрались сами, спасаясь отъ разбушевавшейся стихіи бурнаго и взбаламученнаго ими же Русскаго моря.

Всѣ люди на этомъ кораблѣ были заняты одной мыслью и однимъ дѣломъ, какъ вѣрнѣе и лучше привести его въ гавань государственности. Работа кипѣла, и на всемъ пространствѣ безпредѣльной Сибири, отъ Урала до Владивостока, творилось самое нужное дѣло, созданіе арміи. Офицерство снова понесло на служеніе Родинѣ свои жизни, свою кровь и всѣ свои силы. Какъ показала весна и быстрое движеніе на Волгу, эти жертвы и усилія были направлены не даромъ.

Да, такъ показали весна, и лѣто, и осень 1919 года. Но послѣ того наступила зима, и вмѣстѣ съ нею крушеніе всего большого дѣла, величайшая катастрофа, какую когда-либо испытывала Русь. Въ числѣ многихъ причинъ, вызвавшихъ ее, была полная отчужденность тыла отъ фронта, полное несоотвѣтствіе работы въ тылу.

2.

Въ военной наукѣ существуетъ очень правильное положеніе, что ошибка, допущенная въ стратегическомъ разворачиваніи, трудно поправима до конца кампаніи. Это положеніе примѣнимо и въ дѣлѣ организаціи, особенно при устройствѣ заново большого разрушеннаго государственнаго организма.

Подходя къ описанію, какъ устраивалась и налаживалась работа центральныхъ аппаратовъ въ Омскѣ, необходимо указать на допущеніе одной кардинальной ошибки, начатой еще блаженной памяти директоріей и ея ставкой, ошибки, принятой, какъ бы по наслѣдству, и новой властью, допущенной дальше ею при новой работѣ.

Для бѣдной и неустроенной восточной Россіи начали создавать аппаратъ во всероссійскомъ масштабѣ; строились тѣ многоэтажныя постройки министерствъ, департаментовъ и управленій, которые рухнули въ февралѣ—сентябрѣ 1917 года въ Петроградѣ.

Люди, которые пришли къ Верховному Правителю и получили его довѣріе и полномочіе, принялись воздвигать изъ обломковъ старыхъ дореволюціонныхъ учрежденій громадную и совершенно неработоспособную машину.

Мнѣ всего ближе пришлось ознакомиться съ дѣятельностью Военнаго Министерства и Главнаго Штаба.

Когда совершился переворотъ, то вся первая творческая работа выпала на долю небольшого штаба Верховнаго Главнокомандующаго во главѣ съ его начальникомъ, генераломъ Д. А. Лебедевымъ; и мы видѣли, какъ справлялся онъ и его ближайшіе сотрудники съ тяжелымъ дѣломъ въ самые отвѣтственныя первыя недѣли работы. Подъ ихъ руками арміи принимали видъ живыхъ и сильныхъ организмовъ, — на исторически вѣрныхъ и необходимыхъ основаніяхъ строились новыя, самой жизнью вызываемыя формы.

Уѣхавшій во Владивостокъ и Харбинъ генералъ-маіоръ Н. А. Степановъ былъ адмираловъ Колчакомъ назначенъ Военнымъ Министромъ; долго онъ не ѣхалъ, проводя цѣлыя недѣли въ Харбинѣ и, видимо, опасаясь проѣзда черезъ Читу, такъ какъ генералъ Степановъ былъ одинъ изъ самыхъ упорныхъ и непримиримыхъ противниковъ атамана Семенова и «японской оріентаціи». Наконецъ передъ Рождествомъ онъ появился въ Омскѣ, привезя съ собою на постъ начальника Главнаго Штаба генералъ-маіора Марковскаго.

Съ самаго перваго дня ихъ дѣятельность можетъ быть охарактеризована такъ. Вытащены изъ пыли 24 тома Свода военныхъ законовъ, всѣ старые штаты и положенія; поставлены во вращающуюся этажерку около министерскаго письменнаго стола. Какъ только жизнь выдвигала какой-либо вопросъ, — а это было на каждомъ шагу, — доставался соотвѣтствующій томъ и искалось готовое рѣшеніе, «старый испытанный рецептъ», но увы, — зачастую — испытанный и забракованный жизнью, а въ условіяхъ разрухи гражданской войны прямо нелѣпый.

Все сдѣланное уже ставкой, та живая, организаціонная работа, которая создавала армію, всѣ ея начинанія, были забракованы, какъ плодъ незрѣлый и неподходящій подъ узкія старыя рамки. Была сначала сдѣлана попытка подчинить Военному Министерству все, касавшееся вооруженныхъ силъ, чтобы можно было все подвести подъ эту ферулу крутящейся этажерки со старинными томами законовъ и штатовъ. Но Верховный Правитель на это не пошелъ и раздѣлилъ сферу власти такъ: дѣйствующая армія съ территоріей по Иртышъ подчинялась (въ военномъ отношеніи) начальнику штаба Верховнаго Главнокомандующаго, всѣ гарнизоны и запасныя войска, вся мѣстность къ востоку отъ Иртыша — Военному Министру.

Возникъ дуализмъ, который пріобрѣлъ еще болѣе острую форму, благодаря личнымъ свойствамъ дѣйствовавшихъ лицъ. Д. А. Лебедевъ, молодой, сравнительно, офицеръ генеральнаго штаба, не искалъ власти и не дорожилъ ею, преслѣдуя исключительно цѣли боеспособности арміи и стремясь вызвать для

того къ дѣятельности всѣ живыя силы. Н. А. Степановъ оберегалъ свой престижъ, вмѣстѣ съ Главнымъ Штабомъ, цѣплялся за власть и усматривалъ въ каждомъ начинаніи, несогласномъ съ его воззрѣніями, чуть ли не личные противъ него выпады. Появились тренія. Мнѣ лично говорилъ нѣсколько разъ адмиралъ А. В. Колчакъ:

— «Страшно трудно. При каждомъ важномъ вопросѣ мнѣ приходится сначала мирить Наштаверха съ Военнымъ Министромъ, разбирать личныя обиды послѣдняго.»

Но убрать его онъ не рѣшался, питая дружескія чувства еще по совмѣстной работѣ въ Харбинѣ; когда же просился уйти съ поста генералъ Лебедевъ, Верховный Правитель и слышать не хотѣлъ, говоря, что онъ больше всѣхъ въ него вѣритъ и знаетъ на дѣлѣ его способность вести работу.

При этихъ условіяхъ мало было надежды на согласованную работу тыла и фронта.

Военное Министерство и Главный Штабъ распухли до чудовищныхъ по величинѣ размѣровъ; вышли къ жизни всѣ прежніе отдѣлы, отдѣленія, столоначальники. Создано было военное совѣщаніе изъ семи-восьми дряхлыхъ лѣтами генераловъ, на обязанности которыхъ лежало разсмотрѣніе всѣхъ законопроектовъ и штатовъ. Долго, многорѣчиво и весьма добросовѣстно дѣлалось это; спѣшные законопроекты лежали цѣлыми недѣлями, отклоняясь иногда по пустякамъ, а иной разъ такъ перекраивались, что не оставалось живого мѣста. Но зато на вновь отпечатанныхъ штатахъ и положеніяхъ красовались внизу фамиліи членовъ этого совѣщанія, совсѣмъ какъ на старыхъ, дореволюціонныхъ, великороссійскихъ, даже и фамиліи похожія были подобраны.

Многоэтажныя зданія, полныя офицеровъ и чиновниковъ, работали также очень много и усердно; писали изъ одного отдѣленія въ другое и въ ставку отношенія, составляли проекты, доклады и объяснительныя записки. Какъ одинъ изъ многихъ примѣровъ, мнѣ показывалъ начальникъ организаціоннаго отдѣла полковникъ Оберюхтинъ, — человѣкъ весь горѣвшій желаніемъ работать, приносить пользу и дѣлать живое дѣло, — проектъ о подготовкѣ офицеровъ и унтеръ офицеровъ, составленный вначалѣ не только жизненно, но даже талантливо. Три мѣсяца этотъ проектъ ходилъ отъ стола къ столу, и за это время образовался объемистый томъ. На первомъ проектѣ была резолюція Военнаго Министра «доложить и пересоставить». На второмъ, пересоставленномъ, стояло указаніе согласовать съ такими-то статьями такой-то книги прежнихъ законоположеній. Затѣмъ шли третій, четвертый, пятый, шестой варіанты доклада и объяснительныя записки, съ объемистыми

резолюціями; наконецъ на послѣднемъ красовалась надпись начальника Главнаго Штаба: «Повременить»!

Еще болѣе грустная по результатамъ была судьба большого проекта о формированіи въ тыловыхъ раіонахъ Сибири дѣйствующихъ частей для фронта. Былъ составленъ опять таки вполнѣ жизненный и выполнимый проектъ и планъ, по которому армія должна была получить три съ половиной дивизіи въ апрѣлѣ 1919 года и столько же въ августѣ. Надо было придерживаться этого плана и вести, не мудрствуя лукаво, самую простую работу, а для своевременности было необходимо отдавать соотвѣтствующіе приказы, соблюдая разсчетъ времени плана. Получилась бы полная обезпеченность боевого дѣла даже, если бы этотъ планъ выполнили даже частично.

Но его постигла та же участь безконечныхъ передѣлокъ, передокладовъ, исправленій и наконецъ полнаго отставленія; время шло и тратилось самымъ недопустимымъ образомъ. Не было ничего создано и въ отношеніи военно-административнаго устройства тыла, опять по той же причинѣ увлеченія ложноклассическими образцами прежняго бюрократическаго порядка.

Возстаніе для сверженія большевиковъ въ Сибири было произведено строевыми офицерами и потребовало отъ нихъ сразу разрѣшенія многихъ вопросовъ; былъ разрѣшенъ въ числѣ прочихъ и этотъ: отказались отъ системы военныхъ округовъ и ввели вмѣсто нихъ корпусные раіоны съ примѣненіемъ территоріальной системы. Во фронтовомъ, армейскомъ раіонѣ такой порядокъ и укрѣпился, что и давало тѣ силы, которыми фронтъ велъ борьбу. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ новаго Военнаго Министерства былъ отказъ отъ корпусныхъ раіоновъ и замѣна ихъ военными округами; массу времени потратили на это и ничего не добились. Получились громоздкіе штабы, — штабъ Иркутскаго округа имѣлъ свыше ста тридцати офицеровъ, Омскаго округа — болѣе ста семидесяти. Войскъ же было только то, что осталось отъ прежнихъ корпусныхъ раіоновъ.

На бумагѣ отказались и отъ территоріальной системы комплектованія войскъ. Аргументы были вѣскіе: ввиду неспокойнаго состоянія страны и непрекращающейся пропаганды, нельзя надѣяться, что поддерживать порядокъ въ раіонѣ будутъ войска, составленныя изъ мѣстныхъ жителей. Но существовавшія въ Сибири условія транспорта, наличіе единственной желѣзнодорожной магистрали при чисто-сибирскихъ колоссальныхъ разстояніяхъ дѣлало фактически невозможнымъ примѣненіе другой системы, кромѣ территоріальной, особенно при томъ недостаткѣ времени, какой тогда ограничивалъ всѣ наши дѣйствія. Въ эти дни рѣзче и опредѣленнѣе, чѣмъ въ какой либо другой войнѣ, вставала вся

правда великихъ словъ Императора Петра I: «Потеря времени смерти невозвратной подобна».

Это — съ одной стороны; съ другой, — надо было предпринимать для успокоенія населенія и для привлеченія всѣхъ его симпатій на сторону правительства другія мѣры. Нельзя было вести священную, освободительную войну противъ большевиковъ, не довѣряя населенію, своему же народу; тогда лучше было и не заваривать каши.

Вѣдь фронтъ сумѣлъ собрать полумилліонную армію изъ тѣхъ же народныхъ массъ; тамъ некогда было разводить теорію и отчеканивать проекты: жизнь требовала быстрой творческой работы. И то, что эта полумилліонная армія образовалась, существовала, вела успѣшные бои, — доказываетъ лучше словъ: 1) съ этой работой справились и 2) массы увидѣли и повѣрили, что война, на которую ихъ призываютъ, ведется за Россію и за благо всего ея народа. Надо понять тоже и запомнить, что такого числа «бѣлогвардейцевъ» собрать было невозможно, что невозможно было также гнать массы въ армію насильно; не было для этого средствъ, да и не было желанія, такъ какъ всѣ вожди арміи искренно отдавали себя на служеніе Россіи и только Россіи. Но Россіи прежде всего русской, устроенной на ея самобытныхъ, историческихъ основаніяхъ, великой и самостоятельной. Сложна была психологія арміи во всемъ бѣломъ движеніи, но одно несомнѣнно: настроенія лучшихъ ея представителей, а за ними и массы, было чисто національно.

Нельзя пройти еще мимо одной стороны, характеризовавшей узко-бюрократическую дѣятельность новаго Военнаго Министерства. Оно считало себя обязаннымъ стать на стражѣ интересовъ старшинства въ чинахъ офицерскаго корпуса и не нашло ничего лучше, какъ достать изъ архивной пыли старые «списки по старшинству». По этимъ спискамъ и дѣлались почти всѣ назначенія. Ни боевыя заслуги, ни талантливость, ни доказанная работоспособность и даже подвиги не могли поколебать новыхъ олимпійцевъ, считавшихъ необходимымъ для возрожденія Россіи прежде всего воскрешеніе старыхъ, отжившихъ формъ. Даже и внѣшне видъ Главнаго Штаба принялъ тотъ же чванливый, недоступный и отталкивающій характеръ петербургскихъ канцелярій.

На ряду съ этимъ пренебрегались истинные интересы офицерства; зачастую представленія къ производству въ слѣдующіе чины за боевыя отличія, за выслугу лѣтъ, еще въ германскую войну, мѣсяцами лежали и ждали резолюціи Военнаго Министра. Сначала даже потребовали было обязательнаго наличія послужныхъ списковъ по всей формѣ и со ссылками на всѣ приказы, хотя бы до 1880-хъ годовъ. И долго дер-

жались этого правила; наконецъ поняли, что въ такое время, когда офицеры сошлись почти со всѣхъ концовъ свѣта, многіе ускользнули изъ самыхъ когтей большевистскаго стервятника, — это требованіе чистая и законченная нелѣпость.

Вотъ ужъ именно, гдѣ примѣнимо выраженіе — ничему не научились и ничего не забыли.

Верховный Правитель рвалъ и металъ, когда до него доходили свѣдѣнія обо всемъ этомъ. Но, господа бюрократы, налетѣвшіе на теплыя омскія мѣста въ избыткѣ, находили и здѣсь средства для маскировки:

— «Это все интриги. . . .»

Или:

— «Какъ не совѣстно отвлекать Верховнаго Правителя отъ дѣлъ государственныхъ!»

А развѣ армія, ея боеспособность, ея офицерскій корпусъ, — развѣ это не было тогда дѣломъ государственной важности первой степени.

Такая же картина была и въ другихъ министерствахъ Омска. Всюду шли тѣмъ же легчайшимъ путемъ постройки и копированія старыхъ дореволюціонныхъ бюрократическихъ аппаратовъ; но раньше въ нихъ были хотя свои хорошія стороны, — десятилѣтіями налаженное дѣло, преемственность и опытные работники. Здѣсь же, въ копіяхъ, главное вниманіе обращалось на внѣшность. Даже время службы было примѣнительно къ Петербургу мирнаго времени: въ 10 часовъ утра начало, въ 12 — перерывъ на завтракъ, въ 4—5 часовъ конецъ, и всѣ расходились по домамъ. Министерства были такъ полны служилымъ народомъ, что изъ нихъ можно было бы сформировать новую армію. Все это не только жило мало дѣятельной жизнью на высокихъ окладахъ, но ухитрялось получать впередъ арміи и паекъ, и одежду, и обувь. Улицы Омска поражали количествомъ здоровыхъ, сильныхъ людей призывного возраста; много держалось здѣсь зря и офицерства, которое сидѣло на табуретахъ центральныхъ управленій и учрежденій. Переизбытокъ ненужныхъ людей, такъ необходимыхъ фронту, былъ и въ другихъ городахъ Сибири. Противъ этого Военное Министерство мѣръ не принимало, и почти каждый, кто хотѣлъ укрыться отъ военной службы, дѣлалъ это безпрепятственно.

3.

Въ ноябрѣ, когда организаціонная работа только что началась, я прибылъ во Владивостокъ, чтобы начать подготовку и провести формированія тамъ, на Дальнемъ Востокѣ Россіи.

Мѣстомъ для этого былъ избранъ Русскій Островъ. Лежитъ онъ въ океанѣ, верстахъ въ 15—20 отъ города, имѣя сообщеніе съ нимъ только пароходами; на Островѣ еще до войны были

построены казармы болѣе, чѣмъ на дивизію. При созданіи во Владивостокѣ крѣпости, послѣ 1905 года, на островѣ были возведены форты и батареи, прекрасныя, построенныя по послѣднему слову техники укрѣпленія; самъ островъ, благодаря своему выдвинутому положенію, гористому характеру и большому количеству закрытыхъ, глубокихъ бухтъ, представляетъ большія стратегическія преимущества. До революціи доступъ на Островъ былъ обставленъ очень большими трудностями, безъ пропуска коменданта Владивостокской крѣпости никто не могъ попасть туда; въѣздъ иностранцамъ былъ воспрещенъ вовсе. Когда послѣ революціи товарищи захватили власть въ свои руки и контроль попалъ въ ихъ комитеты, — все перемѣнилось. И это природное сокровище Русской Державы было очень скоро приведено въ состояніе печальнаго разрушенія и упадка. Всѣ огромныя зданія казармъ стояли ограбленныя, безъ оконъ, печей и дверей, грязь была невообразимая, такая грязь, которую можно было видѣть только послѣ революціи. На Островъ ѣхалъ и жилъ на немъ всякій, кто хотѣлъ; тамъ образовались даже притоны преступниковъ.

Приходилось заняться исправленіемъ всего разрушенія, наладить снова порядокъ и охрану Русскаго Острова.

При ремонтѣ и очисткѣ зданій мнѣ много помогли британскіе офицеры. Съ присущей имъ энергіей и размахомъ, они болѣе двухъ мѣсяцевъ работали безъ устали надъ приведеніемъ казармъ въ жилой видъ, три энергичныхъ канадскихъ офицера. Долженъ по правдѣ сказать, что со стороны англійскаго офицерства русскіе видѣли много доброго, много искреннихъ дружескихъ чувствъ и откровеннаго благодарнаго признанія великихъ заслугъ Россіи въ Міровой войнѣ. Большинство изъ нихъ вполнѣ оправдывало названіе джентельмена; они доказали, что русскіе могутъ имѣть дѣло съ отдѣльными представителями ихъ націи. И тѣмъ обиднѣе для обѣихъ сторонъ, и тѣмъ невыгоднѣе — та двойственная политика, которую велъ все время ихъ словесный диктаторъ, Ллойдъ Джорджъ, этотъ, какъ его называли въ Сибири, Керенскій крупнаго масштаба. Эта двойственная политика, полная какого-то скрытаго смысла, въ числѣ другихъ причинъ, привела въ концѣ концовъ къ гибели на востокѣ Русское дѣло, а вмѣстѣ съ нимъ и многомилліонные военные грузы, которые Англія привезла въ Сибирь. Эта же двойственность совершенно затемнила тѣ услуги и ту работу, которыя безкорыстно и рыцарски несли здѣсь многіе британскіе офицеры.

Мнѣ удалось собрать для подготовки пятьсотъ офицеровъ и около восьмисотъ солдатъ. Курсъ былъ составленъ самый простой, почти примѣнительно къ учебной командѣ и школѣ подпрапорщиковъ мирнаго времени. Главной цѣлью было —

упорнымъ трудомъ и регулярной казарменной жизнью счистить революціонный товарищескій налетъ, показать на самомъ дѣлѣ всѣ преимущества крѣпкой воинской дисциплины и порядка.

Кромѣ того нужно было считаться, что времени было до крайности мало. Основныя обязанности младшаго офицера, всущности, не сложны; они требуютъ только очень отчетливаго знанія всего, что долженъ знать солдатъ; младшій офицеръ обязанъ умѣть быстро рѣшить всякую задачу въ полѣ, быть мастеромъ этого дѣла, чтобы не растеряться и не промедлить. Вотъ такого то мастера въ предѣлахъ взвода и роты, отчетливаго инструктора для подготовки молодыхъ солдатъ и надо было сдѣлать въ два — три мѣсяца.

Были попытки провести это дѣло подготовки на Русскомъ Островѣ и раньше, осенью того же года, но онѣ окончились неудачей. Мой пріѣздъ съ цѣлью начать то же дѣло встрѣтилъ поэтому недовѣрчивость и даже скрытыя улыбки преждевременнаго сожалѣнія.

Стали прибывать партіи офицеровъ. Рѣдкіе изъ нихъ пріѣзжали въ военной формѣ; большинство въ самыхъ разнообразныхъ штатскихъ костюмахъ, иные почти въ лохмотьяхъ, длинноволосые, небритые, съ враждебнымъ недовѣрчивымъ взглядомъ изподлобья. Они слушали слова о необходимости работы и дисциплины, хмуро и недовольно глядя изъ подъ сдвинутыхъ бровей.

Бѣдное русское офицерство! Оно принесло міру и своей Родинѣ жертвъ больше всѣхъ; никто не перенесъ зато и такихъ страданій, мукъ и обидъ, какія выпали на его долю.

Условія работы были слѣдующія: весь день распредѣленъ по расписанію, восемь часовъ въ день занятій, казарменная жизнь строго по уставу внутренней службы. Отпускъ въ городъ разъ въ недѣлю, въ воскресенье. Зато весь возможный комфортъ былъ предоставленъ на Островѣ. Съ перваго дня этотъ порядокъ и работа пошли, какъ новая, исправная и точно заведенная машина.

Трудно было вначалѣ. Генералъ Степановъ, помогавшій мнѣ нѣсколько дней и жившій во Владивостокѣ, передалъ разъ предупрежденіе — кѣмъ то выраженныя угрозы убить начальствующихъ лицъ за введеніе такой строгой дисциплины. Но надо замѣтить, что самымъ тяжелымъ наказаніемъ былъ выговоръ старшаго начальника въ присутствіи части послѣ разбора проступка. Арестъ не примѣнялся вовсе и даже не былъ введенъ въ инструкцію-уставъ школы, такъ какъ офицеръ или солдатъ, не желавшій измѣниться къ лучшему послѣ трехъ случаевъ выговора, не исправился бы отъ ареста и подлежалъ

отчисленію или даже разжалованію, взависимости отъ серьезности проступка.

Первыя двѣ недѣли было тяжело всѣмъ. Начинались занятія въ 7 час. утра, кончались въ 7 час. вечера, чередуя ученья въ полѣ съ лекціями. Туго вначалѣ прививался и казарменный порядокъ. Когда я черезъ недѣлю выѣхалъ по дѣламъ на день во Владивостокъ, адъютантъ докладываетъ мнѣ по телефону, что одинъ рядовой-офицеръ первой роты, поручикъ военнаго времени В. сдѣлалъ попытку застрѣлиться, выстрѣлилъ изъ револьвера себѣ въ правый бокъ; все офицерство волнуется. Я тотчасъ вернулся на Островъ, собралъ роту и разъяснилъ имъ всю сущность этого некрасиваго поступка, что такъ офицеры не поступаютъ.

Офицеры слушали молча. Но я уже встрѣтилъ среди массы не одну пару глазъ, смотрѣвшихъ на меня не только съ пониманіемъ, но и съ сочувствіемъ, прямымъ, открытымъ взглядомъ.

Прошелъ первый мѣсяцъ. И какая разительная перемѣна. Изъ безпорядочной толпы образовалась стройная воинская часть. Занятія шли полнымъ ходомъ и уже не утомляли, — всѣ втянулись. Усиленная работа и пріобрѣтаемыя знанія давали каждому увѣренность въ себѣ, сознаніе въ исполненіи долга. А это вмѣстѣ со здоровымъ режимомъ и прекраснымъ зимнимъ воздухомъ Острова наложило на лица отпечатокъ мужественности и чистоты.

Много разъ представители иностранныхъ миссій просили позволенія осмотрѣть эту новую военную школу. И вотъ они пріѣхали, приглашенные на одно наше торжество: прибитіе мраморной доски къ домику, гдѣ до войны жилъ на Русскомъ Островѣ генералъ Л. Г. Корниловъ.

Послѣ парада былъ смотръ двухъ ротъ. Рота капитана Ярцова показала отчетливое ротное ученье, то что у насъ называется «на пятачкѣ»; шагъ и всѣ пріемы, какъ одинъ, перестроенія, какъ въ гвардейской учебной командѣ. Стояли иностранные офицеры, молча смотрѣли на спаянную, отчетливую роту, и на ихъ лицахъ постепенно выростало удивленіе, замѣнившее прежнюю пренебрежительную мину. Когда же, послѣ ученья рота вытянулась длинной колонной и, сверкая штыками, уходила по морскому берегу, звеня могучей русской пѣсней, всѣ эти представители «пяти великихъ державъ» стояли на своемъ возвышеніи изъ штабеля бревенъ и постепенно поворачивали головы вслѣдъ уходившей ротѣ, не могли оторвать внимательнаго взгляда.

Что это? Неужели Россія встаетъ изъ гроба? . .

Мы вѣрили, что да, встаетъ, кончаются ея великія, неизрѣченныя испытанія. . . .

Тактическое ученье произвело еще болѣе сильное впечатлѣніе. Японскій генералъ и два офицера до того увлеклись, что сами шли за той или другой частью, то бросались къ обходящему взводу, то къ пулеметамъ, отражавшимъ контръ-атаку. Послѣ отбоя они пожимали офицерамъ руки и говорили:

— «Да, да, это вотъ дѣйствительно хорошо.»

Одинъ изъ лучшихъ иностранныхъ офицеровъ, показавшій себя большимъ другомъ Россіи, американскій адмиралъ Роджерсъ прислалъ мнѣ на слѣдующій день письмо съ выраженіемъ полнаго восхищенія.

— «Видъ людей всѣхъ ротъ, такой довольный и веселый, доказываетъ, что́ они счастливы; а это лучшій залогъ большого успѣха, котораго вы уже достигли,» писалъ онъ.

Генералъ Ноксъ передалъ школѣ знамя, подарокъ возрождающейся Русской арміи отъ Британской арміи, — соединенный Русскій національный и Андреевскій флагъ съ образомъ Георгія Побѣдоносца и съ надписью «за вѣру и спасеніе Родины». 1-го января состоялось его освященіе въ нашей военной церкви. Изъ города пріѣхали кореспонденты русскихъ газетъ, несмотря на то, что погода была ужасная, — одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ даже здѣсь тайфуновъ, когда сносятся его силой крыши, вырываются съ корнемъ деревья. Идти противъ вѣтра можно было только согнувшись подъ прямымъ угломъ.

Церковная торжественная служба, парадъ въ помѣщеніи, видъ стройныхъ ротъ, весь внутренній, отчетливый, воинскій порядокъ такъ поразили газетныхъ людей, что даже соціалистъ Семешко, который ко всему приглядывался опасливо и недовѣрчиво, буравя своими черными маленькими глазами, и тотъ крестился въ церкви украдкой, а потомъ въ газетѣ написалъ отчетъ о видѣнномъ, какъ о надеждѣ на возрожденіе Русской арміи.

Приходилось дѣлать нѣкоторую чистку. Среди массы офицерства военнаго времени попали два самозванца, такихъ искусныхъ, что ихъ обнаружили не такъ то скоро; затесался одинъ прапорщикъ, бывшій ранѣе большевицкимъ комиссаромъ, человѣкъ пять попалось неисправимыхъ. Зато остальные черезъ два съ половиной мѣсяца были уже совершенно другими.

Отличные русскіе офицеры, полные сознанія долга, связанные честнымъ товариществомъ, esprit de corps, и знающіе свое дѣло. Если бы имъ можно было показать теперь тѣхъ, что пришли на Русскій Островъ, то они сами себя бы не узнали.

Такіе же результаты получились и въ унтеръ-офицерскихъ батальонахъ, гдѣ люди постепенно втянулись въ работу, утратили навѣянное революціонными демагогами отчужденіе и враждебное чувство къ офицеру; теперь отношенія были самыя

нормальныя и даже дружескія, чувствовалось, что здѣсь и офицеръ и солдатъ — сыны одного народа. Показателенъ такой случай: среди присланныхъ мобилизованныхъ кадровыхъ фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ попалъ одинъ большевикъ, который на второй же день началъ пропаганду; сначала устроилъ вечеринку съ балалайкой, а затѣмъ завелъ рѣчь, что опять офицеры хотятъ на старое повернуть, что-де надо имъ погоны къ плечамъ гвоздями прибить и т. д. Эфектъ для большевика получился неожиданный, — дежурный по ротѣ изъ молодыхъ солдатъ, пробывшихъ въ школѣ около мѣсяца, явился къ командиру роты и доложилъ о пропагандистѣ-большевикѣ. . . .

Строевая и полевая подготовка унтеръ-офицеровъ послѣ трехъ мѣсяцевъ не оставляла желать ничего лучшаго.

Планъ дальнѣйшей работы состоялъ въ томъ, чтобы изъ этихъ офицеровъ и солдатъ, такъ сжившихся, одинаково обученныхъ, воспитанныхъ въ дисциплинѣ, сформировать двѣ стрѣлковыхъ бригады, а школу оставить для дальнѣйшаго укомплектованія частей этого корпуса. Были разработаны всѣ подробности плана. Оставалось только по готовому отдать приказы и продолжать совершенно налаженное дѣло. Но Главный Штабъ и Министерство перерѣшили. Почему, — мнѣ такъ и не удалось выяснить. Но посылались самыя разнообразныя приказанія; сначала отправить всѣхъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ въ распоряженіе Главнаго Штаба для назначенія; затѣмъ — поименные списки для отправленія по разнымъ городамъ, причемъ Военный Министръ бралъ себѣ въ ординарцы пять офицеровъ; наконецъ, послѣднее — отправить въ три новыхъ дивизіи, въ Омскъ, Новониколаевскъ и Томскъ.

Наладивъ на Русскомъ Островѣ дѣло съ новымъ наборомъ офицеровъ и солдатъ, я отправился вслѣдъ за первымъ выпускомъ въ Омскъ, пробывъ на Дальнемъ Востокѣ съ ноября до середины марта.

Много приходилось мнѣ видѣть въ это время различныхъ сторонъ знаменитой интервенціи; въ общихъ чертахъ объ этомъ сказано раньше, теперь приведу нѣкоторые факты.

Y. M. C. A., общество христіанской молодежи или, какъ ихъ называла вся Сибирь «христіанскіе мальчики»,[1]) устраиваетъ спектакль для развлеченія русскихъ и интервентовъ. Представляется русскій офицеръ съ огромнымъ жестяннымъ Георгіевскимъ крестомъ, женщина русская ввидѣ уличной дѣвки, бородатые мужики и бравый иностранный солдатъ, который спасаетъ женщину. Вся публика, кромѣ русскихъ,

---

[1]) Опять таки и тутъ, послали они въ Сибирь большею частью своихъ агентовъ изъ іудейскаго племени, русскихъ эмигрантовъ, настроенныхъ къ Россіи и къ Русскому народу непримиримо враждебно.

забавлялась и громко хохотала. А русскіе глотали слезы обиды. . . .

На улицахъ Владивостока иностранные солдаты позволяли себѣ затрагивать вполнѣ порядочныхъ женщинъ; было нѣсколько случаевъ, когда русскія женщины должны были обороняться отъ нихъ зонтиками.

Въ концѣ февраля я пріѣхалъ съ Острова на большой благотворительный вечеръ. При входѣ въ бальный залъ стояли три иностранныхъ офицера одной изъ странъ-интервентокъ, нагрузившіеся до того, что тѣла ихъ покачивались, а глаза смотрѣли мутно-посоловѣлымъ взглядомъ; лишь только я вошелъ, какъ ко мнѣ обратились нѣсколько дамъ и со слезами на глазахъ просили защитить ихъ, — эти три рыцаря печальнаго образа затрагивали всѣхъ входившихъ въ залъ женщинъ, нѣкоторыхъ хватали руками.

Я подошелъ къ нимъ.

— «Джентельмены, я прошу Васъ прекратить Ваше пребываніе здѣсь и немедленно оставить балъ.»

Тѣ тупо на меня посмотрѣли, а одинъ изъ нихъ вызывающе спросилъ:

— «Какое Вы имѣете право говорить намъ такъ?»

— «Вотъ что, — если Вы немедленно не уйдете отсюда, я буду принужденъ употребить силу, а кромѣ того сейчасъ же протелеграфирую генераламъ Ноксу и Эрмслею.»

Не знаю, что больше подѣйствовало, думаю, второе, — но интервенты поспѣшили уйти съ бала.

Одинъ подвыпившій итальянскій солдатъ (по фамиліи Сартори) убилъ на Владивостокскомъ вокзалѣ русскаго офицера, командированнаго сюда атаманомъ Дутовымъ; офицеръ дѣлалъ замѣчаніе русскому солдату, итальянецъ вмѣшался и толкнулъ офицера, а когда тотъ вынулъ револьверъ, то интервентъ схватилъ свою винтовку и сразилъ эсаула К. на смерть. И, не смотря на всѣ протесты, остался безнаказаннымъ.

На похороны этой жертвы интервенціи я послалъ двѣ роты и хоръ музыки. Въ соборѣ, на Свѣтланкѣ, у гроба есаула К. стоялъ почетный иностранный караулъ: взводъ карабинеровъ и парные часовые, всѣ въ киверахъ. Духовенство посылало къ нимъ съ просьбой снять шапки; но тѣ отрицательно мотали головами. Произошла заминка, такъ какъ священникъ отказался начинать отпѣваніе, пока иностранные солдаты не подчинятся религіозному требованію. Какъ разъ при входѣ въ соборъ я засталъ эту сцену. Обратился по французски къ офицеру, начальнику караула.

— «Наша религія требуетъ, чтобы въ церкви всѣ были безъ шапокъ. Будьте любезны приказать вашимъ людямъ сейчасъ же снять кивера.»

— «Но у насъ полагается быть въ шапкахъ». . . .

— «Ради Бога, не забудьте, что Вы здѣсь не у себя, а у насъ.»

— «Но тогда мы не можетъ дѣлать пріема на караулъ, по нашему уставу нельзя.»

— «Да и не надо, — лучше не дѣлать ничего, чѣмъ оскорблять религіозное чувство народа. Видите, публика какъ взволнована. Можете уходить совсѣмъ. Для почестей убитому у меня есть своихъ двѣ роты.»

Только тогда караулъ подчинился и обнажилъ головы.

Вскорѣ послѣ прибытія на островъ, мнѣ было доложено, что чины одной изъ иностранныхъ армій ходятъ по Русскому Острову и производятъ топографическія съемки; съ появленіемъ ротъ школы, карауловъ и патрулей это прекратилось. Вскорѣ мнѣ понадобились для занятій и маневровъ наши военныя карты. Запрашиваю штабъ крѣпости. Отвѣчаютъ: забрала военная часть одной изъ дружественныхъ странъ, занявшая Хабаровскъ, гдѣ былъ топографическій отдѣлъ штаба округа.

— «Какъ! наши секретныя карты?»

— «Да, всѣ забрали. . . .»

Обратился къ помощи англичанъ, чтобы вернуть, но такъ до марта мѣсяца и не вернули. Кому-то они понадобились больше, чѣмъ Россіи. Кому?

А вотъ выдержка изъ газеты, издающейся въ Кобе (Японія), «The Japan Chronicle» отъ 25 іюня 1920 года изъ статьи подъ заглавіемъ: «The alleged sale of maps». «. . . Цунанори Ойяма, племянникъ князя Ойяма, былъ арестованъ Токійской жандармеріей по обвиненію въ продажѣ секретныхъ стратегическихъ картъ извѣстному иностранцу (to a certain foreigner)…. Когда Ойяма вернулся изъ Сибири, онъ завязалъ дружескія отношенія съ военнымъ аташе посольства извѣстной страны (of a certain country). Этому иностранному офицеру Ойяма продалъ карты стратегической важности за 40000 іенъ. . . .» Цунанори Ойяма былъ въ 1919 году офиціальнымъ лицомъ въ Сибири при интервенціи. Какъ принято писать, — коментаріи излишни!

Можно было бы исписать одними случаями, рисующими скрытый характеръ интервенціи, не одну книгу; я привожу эти факты не для того, чтобы задѣвать кого-либо или настраивать противъ кого-нибудь, а лишь съ цѣлью не быть голословнымъ въ сказанномъ раньше. Возникаетъ вопросъ: кому больше повредили всѣ подобные господа, — нашей Россіи или своимъ странамъ, которыя послали ихъ на рыцарскую помощь своему страждущему союзнику? . . .

Изъ впечатлѣній обратнаго пути отъ Владивостока до Омска — сначала Харбинъ съ той же толпой, еще болѣе густой,

шумной и спекулятивной; но порядокъ и авторитетъ русской власти замѣтно окрѣпъ за время правленія адмирала Колчака. Китайскія власти соблюдали всѣ прежніе договоры, и русскія суверенныя права здѣсь не нарушались.

Читу опять проѣхали ночью. Я пошелъ спать, а генералъ Ноксъ рѣшилъ дожидаться, такъ какъ на вокзалѣ долженъ былъ встрѣтить его съ подробнымъ докладомъ офицеръ миссіи, маіоръ Керквудъ.

Утромъ рано прихожу въ вагонъ-столовую пить чай, вижу тамъ въ углу сидитъ одинъ Керквудъ, отличный человѣкъ, такой веселый, бодрый и прямодушный, какъ истый строевой офицеръ.

— «Здравствуйте, маіоръ. Какъ Вы здѣсь очутились?»

— «Хелло, генералъ! Да вотъ, ночью доложилъ я все генералу Ноксу, а онъ мнѣ и говоритъ: собирайте сейчасъ же Ваши вещи, поѣдете со мною въ Омскъ. Ничего не знаю, почему?»

И смѣется.

— «Что же Вы докладывали? Какъ положеніе въ Читѣ?»

— «Да, прекрасно тамъ; атаманъ очень хорошій человѣкъ, и все у него организовано въ порядкѣ. Очень стараются.»

Вскорѣ вошелъ Ноксъ.

— «Вообразите,» сказалъ онъ, — «Керквудъ сдѣлался заядлымъ семеновцемъ.»

И долго еще этотъ вопросъ дебатировался; маіоръ описывалъ работу въ Забайкальѣ, борьбу съ большевиками, большія заботы атамана Семенова объ офицерахъ, казакахъ и населеніи. Я высказывалъ генералу мои соображенія, которыя приводилъ выше, но онъ такъ и остался при своемъ мнѣніи, не только пристрастномъ, но видимо имѣющимъ скрытую цѣль; мнѣніе это, — которое Ноксъ не разъ выражалъ даже и въ печати, что въ Читѣ все плохо, много беззаконія и большое японское вліяніе.

Иркутскъ. Тихая, вялая работа по формированію, почти безъ продвиженія впередъ. Огромный штабъ округа представилъ подробныя справки и схемы, но не могъ составить плана мобилизаціи и осуществить его. Губернаторомъ оставался все тотъ же Яковлевъ, и населеніе губерніи все больше волновалось; то тамъ, то тутъ вспыхивали возстанія.

Вскорѣ въѣхали въ опасный участокъ желѣзной дороги. Около станціи Тайшетъ (восточнѣе Красноярска) шелъ бой съ бандами красныхъ; такія же банды были и къ югу отъ Красноярска.

За четыре мѣсяца всѣ части Сибири объединились, не представляли болѣе отдѣльныхъ самостійныхъ удѣловъ. Инцидентъ съ атаманомъ Семеновымъ былъ улаженъ, приказъ № 61 отмѣненъ. Условія для дружной и усиленной работы, каза-

лось, были на лицо. Но дѣло или подвигалось туго, или стояло на мѣстѣ, а изрѣдка стало идти назадъ, создавая новыя препятствія и затрудненія. Причины этого отчасти обрисованы выше; онѣ крылись прежде всего въ разрушительной работѣ соціалистовъ. Ихъ потайная работа начала уже давать первые результаты. Во многихъ мѣстахъ въ глубокомъ тылу появились новые внутренніе фронты, желѣзно-дорожная магистраль и весь транспортъ были частично подъ угрозой отъ красныхъ бандъ; приходилось отвлекать войска на борьбу съ ними, такъ какъ воинскія части интервенціи, а за ними и чехи, понимали задачу охраны желѣзной дороги узко, т. е. только самой линіи рельсъ и станцій.

На фронтѣ же въ это время наша армія начала успѣшное наступленіе, готовое обратиться въ побѣду. Вѣра въ успѣхъ русскаго дѣла была полная; казалось, не за горами часъ избавленія Россіи.

Что же намъ нужно было для успѣха?

4.

Борьба въ этой внутренней, братоубійственной войнѣ велась за идею, священную для каждаго русскаго, — за возрожденіе Великой Россіи. Для всѣхъ было несомнѣнно, что соціалисты развалили Русскую армію въ 1917 году, какъ разъ въ то время, когда она была наканунѣ полной побѣды надъ Германіей; затѣмъ они заключили позорнѣйшій Брестъ-Литовскій миръ, унизивъ Русскій народъ до небывалыхъ размѣровъ. И высыпавъ, какъ изъ бездонной бочки, всевозможныя анархическія свободы, до оправданія кражи включительно, они начали разрушать страну внутри. Безпощадной и дьявольски искусной рукой было направлено это разрушеніе и коснулось оно всего: городовъ, деревень, желѣзныхъ дорогъ, школъ, судебныхъ установленій, общества, церкви и семьи.

Каждый протестъ душился, каждый несогласный къ безусловному подчиненію этой новой разрушительной власти бросался въ тюрьму или ставился къ стѣнкѣ подъ разстрѣлъ.

Были учреждены чрезвычайныя слѣдственныя комиссіи съ абсолютной властью, свирѣпствовали самодуры-комиссары и красная армія. Большевики прихлопнули всю прессу, закрыли всѣ газеты и журналы, кромѣ партійныхъ коммунистическихъ, и реквизировали всѣ типографіи.

Россія, уставшая въ міровой войнѣ и потерявшая въ ней лучшихъ сыновъ своихъ, задыхалась, дрожала и тонула въ крови и слезахъ. Ибо, къ чести Русскаго народа, — не было ни одного дня и часа съ самаго воцаренія большевиковъ, чтобы вся Русь подчинилась, покорно согнула свою многострадальную спину. Нѣтъ, съ осени 1917 года и до сихъ поръ, до

осени 1920-го, три года наша Родина бьется и напрягается, чтобы сбросить чуждое ей, ненавистное иго интернаціонала.

Дѣломъ заправляла, изъ центра въ Москвѣ, кучка пришельцевъ, нанятыхъ Германіей; среди нихъ девять десятыхъ были іудеи, прикрывавшіе свои специфическія фамиліи «блюмовъ» и «штейновъ» псевдонимами. Такія же личности изъ того же энергичнаго племени появились въ каждомъ городѣ и мѣстечкѣ Россіи, никому на мѣстахъ неизвѣстные и также прикрывающіеся и до сихъ поръ поддѣльными именами на русскій ладъ.

И эти люди, новые властители великаго Русскаго народа, ненавидѣли его самой непримиримой ненавистью, презирали его исторію, бытъ, и культуру. Никому неизвѣстные на мѣстахъ, не связанные съ ними, они особенно свирѣпствовали. Поэтому-то разрушеніе страны шло особенно мучительно, ускоренно и безпощадно. Къ этимъ интернаціоналистамъ, обрѣзаннымъ, присоединилось изъ русскаго народа все, что было худшаго, самые поддонки; въ комиссары шли и принимались каторжники и уголовные преступники, масса безпринципныхъ неудачниковъ на разныхъ поприщахъ и люди безъ чести и совѣсти — изъ-за личной наживы. Такіе же контингенты съ надбавкой нѣкотораго процента увлекающихся истеричныхъ фанатиковъ составили коммунистическую партію, изъ которой и только изъ которой составлялись «совѣты рабочихъ, крестьянскихъ и красноармейскихъ депутатовъ».

Для возрожденія Россіи было необходимо прежде всего сбросить всѣхъ этихъ вампировъ, присосавшихся къ власти и выпускающихъ кровь изъ Русскаго народа. Это сознавалось всѣми слоями его, всѣми племенами, и оттого-то такъ могуче и откликнулась народная масса на призывъ вождей и шла сотнями тысячъ подъ русскія національныя знамена. Такъ началась гражданская война.

Но большевики, руководимые этими отличнѣйшими организаторами своего разрушительнаго дѣла — евреями, сумѣли сдавить русскій народъ и общество такимъ прессомъ, что заставили ихъ служить себѣ. Ряды красной арміи пополнялись нашими братьями, прежними русскими генералами, офицерами и солдатами.

Не подлежитъ сомнѣнію, — ибо этотъ взглядъ существовалъ еще въ 1917 году, — что довольно значительная часть офицерства шла служить коммунистамъ съ твердымъ намѣреніемъ свалить ихъ и съ вѣрой, что съ паденіемъ большевиковъ кончатся революціонныя испытанія Родины и настанетъ время для плодотворной, творческой національной работы. Это подтверждалось неоднократно также тѣми офицерами, которые на Уралѣ и въ Сибири переходили отъ красныхъ къ намъ,

въ нашу армію; и это обстоятельство было самой мучительной стороной новой войны. Выходило, что мы должны для побѣды надъ захватчиками власти и насильниками-комиссарами истреблять во многихъ бояхъ своихъ братьевъ, кладя не мало жизней и на нашей сторонѣ. И Россія была готова къ этой жертвѣ, она принесла ее.

Но необходимо было очень многое для того, чтобы великая жертва нашла оправданіе. Прежде всего для арміи нужны были подготовленные офицеры, жизненная организація ея, правильно продуманные и составленные планы, хорошо организованный тылъ и налаженная работа желѣзныхъ дорогъ. Со всѣмъ этимъ мы могли справиться сами; мы должны были это сдѣлать и съ большой частью этого мы справились.

Затѣмъ для арміи необходимы были вооруженіе, боевые припасы, обмундированіе, обувь, снаряженіе, техническое и санитарное снабженіе; этого добыть или изготовить сами мы были не въ состояніи; намъ все это обѣщали дать союзники.

Для обезпеченія военнаго успѣха и закрѣпленія порядка въ странѣ было крайнѣ необходимо въ успокоенныхъ и очищенныхъ отъ большевиковъ мѣстностяхъ сейчасъ же наладить жизнь и наладить ее такъ, чтобы населеніе этихъ мѣстностей почувствовало увѣренность въ прочномъ порядкѣ, получило бы возможность и охоту заниматься своимъ обычнымъ продуктивнымъ трудомъ. Слѣдовало опереться въ этомъ на само населеніе, призвать къ дѣятельности его лучшіе и средніе элементы, дать имъ самимъ организацію волостной и уѣздной власти и управленія. Надо было разрѣшить, не задаваясь всероссійскимъ масштабомъ, земельный и рабочій вопросы такъ, чтобы они удовлетворяли мѣстные насущные интересы, такъ волновавшіе народъ этихъ областей. Это должно было сдѣлать новое правительство.

Кромѣ того, для этой же цѣли было крайне важно дать населенію возможность пріобрѣтать необходимые для жизни и труда предметы: одежду, обувь, машины и аптечные товары. Помощь въ этомъ обѣщали союзники.

Хлѣбъ, мясо, масло, рыбу, фуражъ и всякое сырье Сибирь давала не только для своей арміи и населенія, но могла еще вывозить.

Вотъ тѣ нужды и тѣ условія, удовлетвореніе которыхъ обезпечивало бы успѣхъ дѣлу народной освободительной войны. И армія, и вожди ея не мыслили этой войны за какой-либо отдѣльный классъ, за чьи-либо интересы, кромѣ обще-народныхъ, всей Русской Земли.

Необходимо было это еще болѣе ясно показать всѣмъ, а особенно противной сторонѣ, красной арміи; надо было сказать вполнѣ искренно и проводить въ жизнь, что никакая мститель-

ность, мелкая злоба и разсчетъ за старое не будутъ допущены при новомъ строительствѣ нашей общей Родины; что наша цѣль одна — вырвать власть изъ рукъ большевицкихъ комиссаровъ и передать ее народу. При работѣ же по возстановленiю Россiи каждому русскому мѣсто найдется.

Полный неуспѣхъ дѣла, крахъ его и въ Сибири, и на Югѣ Россiи, и у Юденича, и въ Архангельскѣ какъ будто говоритъ, что все дѣлалось не такъ, какъ нужно. Вѣрно, многое, какъ будетъ видно дальше, было упущено; но главныя причины лежали не въ томъ.

Надо отдать справедливость: то, что намъ было необходимо и чего мы не могли изготовить сами, намъ давали союзники почти въ полной мѣрѣ. Но какъ? Они привозили все это во Владивостокъ и складывали въ обширные пакгаузы. Затѣмъ начиналась выдача не только подъ контролемъ, но и при самомъ тягостномъ давленiи на вопросы во всѣхъ отрасляхъ. Однимъ иностранцамъ не нравилось, что нѣтъ достаточной близости съ эсъ-эрами, другiе считали курсъ внутренней политики не достаточно либеральнымъ, третьи говорили о необходимости такихъ-то именно формированiй, наконецъ доходили даже до вмѣшательства въ оперативную часть, указывая и настаивая на выборѣ операцiоннаго направленiя. Все это подкрѣплялось аргументомъ: у насъ запасы всего вамъ необходимаго, мы вамъ даемъ, а вѣдь можемъ и не дать. . .

Подъ такимъ именно давленiемъ было выбрано направленiе для главнаго удара на Пермь-Вятку-Котласъ, чтобы соединиться съ силами, дѣйствовавшими изъ Архангельска. На главное же направленiе, жизненно-важное для насъ, на среднее Поволжье, были направлены гораздо меньшiя силы. А это направленiе давало намъ обладанiе богатѣйшимъ краемъ, способнымъ прокормить и отопить всю Россiю; это же направленiе соединяло Сибирскую армiю съ силами юга Россiи.

У русскихъ людей, которые своей кровью и новыми жертвами хотѣли спасти Родину и возродить ее, появилось семь нянекъ, не русскихъ, добрыхъ и родныхъ, а семь иностранныхъ гувернантокъ; каждая изъ нихъ считала себя самой умной и способной помочь «этимъ русскимъ». Въ результатѣ мы оказались не только безъ глаза, но и безъ рукъ, и безъ ногъ.

Еще одно обстоятельство невольно обращало на себя вниманiе: какъ только обнаружился въ армiи и въ народныхъ массахъ чистый нацiонализмъ, тоска по Великой Россiи былого, — опека усилилась и давленiя сдѣлались рѣзче. И даже проявились открытыя выступленiя представителей интервенцiи, очевидно считавшихъ нацiональное возрожденiе Россiи вреднымъ для себя, недопустимымъ.

А національное чувство росло въ массахъ народныхъ и крѣпло вмѣстѣ съ первыми успѣхами нашей арміи.

5.

Повторилась одна изъ комбинацій, встрѣчающихся почти въ каждой войнѣ, когда обѣ стороны усиленно готовятся къ активнымъ дѣйствіямъ, къ переходу въ наступленіе послѣ затишья и временнаго перерыва, но одна успѣваетъ произвести ударъ раньше. Повторилось то же, что было въ 1906 году при началѣ Мукденскаго сраженія, когда японцы предупредили всего на нѣсколько дней наступленіе Куропаткина; или въ весенней кампаніи 1915 года въ Галиціи, когда Макензенъ сумѣлъ подговиться и произвести прорывъ нашего фронта на Карпатахъ, опередивъ расчетъ и планъ дѣйствій нашего командованія. И всегда сторона, вырывавшая иниціативу, сумѣвшая лучше использовать время, бывала побѣдительницей.

Весною 1919 года красная армія готовилась перейти въ наступленіе, но мы предупредили ее и начали активныя дѣйствія раньше, первыми.

Западная армія по приказу генерала Ханжина двинулась впередъ, рванула фронтъ красныхъ разъ, оттѣснила ихъ немного, затѣмъ рванула въ другой разъ. Было нѣсколько дней очень тревожныхъ и опасныхъ. Большевики напрягали всѣ силы, чтобы спасти положеніе и отбить атаки нашей арміи; они искусно направили свой контръ-ударъ, чтобы выйти намъ въ тылъ и перехватить единственную здѣсь желѣзную дорогу. Но и на этотъ разъ наши предупредили противника. Блестящимъ смѣлымъ маневромъ, сдѣлавъ въ нѣсколько дней свыше трехсотъ верстъ по глубокимъ снѣгамъ, вышла 4-я Уфимская дивизія генерала Космина въ тылъ краснымъ, перерѣзала у станціи Чишмы ихъ коммуникаціонную желѣзную дорогу и этимъ сразу облегчила натискъ нашихъ съ фронта. 13 марта, благодаря занятію генераломъ Косминымъ ст. Чишмы, пала Уфа.

Для красныхъ этотъ маршъ-манервъ 4-й Уфимской дивизіи былъ такъ неожиданенъ, что они не могли подготовить никакихъ мѣръ противодѣйствія и не успѣли эвакуировать Уфы. Намъ достались тамъ большіе запасы и богатые склады, захвачены были тысячи плѣнныхъ и много оружія. Наши войска 3-го и 6-го корпусовъ спѣшили къ Уфѣ почти на перегонки и вошли туда одновременно, занявъ городъ и захвативъ большую военную добычу. Поѣздъ, привезшій изъ Москвы самого Лейбу Троцкаго-Бронштейна, еле успѣлъ ускользнуть на западъ и чуть не былъ захваченъ генераломъ Косминымъ.

Настроеніе нашихъ войскъ приподнялось сразу. И не смотря на весеннюю раннюю распутицу, Западная армія начала дальнѣйшее наступленіе и преслѣдованіе красныхъ.

Быстро развивался планъ. Событія и успѣхи слѣдовали одни за другими съ быстротой Галиційской осенней кампаніи. 6-го апрѣля взятъ Стерлитамакъ, разбита еще одна совѣтская дивизія; 7-го апрѣля захваченъ нашими городъ Белебей. Къ этому времени началось наступленіе уже по всему фронту; 8-го апрѣля былъ достигнутъ крупный успѣхъ и въ Сибирской арміи, — выбили красныхъ изъ Воткинскаго завода.

Перешла успѣшно въ наступленіе и Оренбургская армія генерала Дутова. Это весеннее наступленіе бѣлыхъ армій 1919 года было подобно могучей русской тройкѣ, которая не знаетъ ни устали, ни преградъ, ни разстояній; мчится впередъ, какъ птица, проносится какъ ураганъ, все сметая на своемъ пути, гордая, прекрасная и грозная. Въ корню шла Западная армія, пристяжками были Оренбургская и Сибирская.

Красныя полчища почти бѣжали, дѣлая на подводахъ въ иные дни по семьдесятъ верстъ. Догнать ихъ, окружить и разбить было нельзя. Но несмотря на это масса трофеевъ, — десятками пушки, сотни пулеметовъ, винтовки, снаряды и патроны, — попадали въ руки нашихъ войскъ. И бѣлые полки буквально рвались впередъ. Высшее командованіе сначала думало пріостановить Западную армію на рѣкѣ Икъ, чтобы дать разобраться, пополниться, передохнуть. Но порывъ бросилъ впередъ, дальше. Рѣшили, что передышку устроятъ на Волгѣ.

11 апрѣля была обойдена и занята Бугульма; въ этотъ же день на сѣверѣ сибиряки захватили Сарапуль, а на югѣ былъ взятъ Орскъ. 13 апрѣля бѣлые освободили историческій Ижевскъ съ его знаменитымъ заводомъ.

Красные начали приходить въ панику. Они разсказывали жителямъ бросаемыхъ деревень разныя небылицы про нашу армію. Забавно передавали намъ крестьяне своимъ простымъ безыскуственнымъ языкомъ эти разсказы:

— «Вишь ты, говорятъ, рази возможно съ ними справиться, али остановить ихъ. Наше начальство только выберетъ позицью, чтобы окоповъ нарыть и бой дать, а «Колчаки» тутъ уже, прямо точно изъ земли вылѣзли али на крыльяхъ прилетѣли. Не успѣли мы и лопатъ достать. . .»

— «У нихъ, парень, у «Колчаковъ-то», у каждаго на ногахъ по два американскихъ лыжъ на колесикахъ, вродѣ какъ на автомобили, а къ лыжамъ механическій пулеметъ у каждаго придѣланъ. Какъ намъ тутъ обороняться противъ нихъ. Никакъ невозможно. . .»

Сильно была распространена въ народѣ версія, что бѣлая армія идетъ со священниками въ полномъ облаченіи, съ хоругвями и поютъ «Христосъ Воскресе». Эта легенда распространилась вглубь Россіи; спустя два мѣсяца еще намъ разсказывали пробиравшіеся черезъ красный фронтъ на нашу сторону изъ

Заволжья: народъ тамъ радостно крестился, вздыхалъ и просвѣтленнымъ взоромъ смотрѣлъ на востокъ, откуда въ его мечтахъ шла уже его родная, близкая Русь.

Спустя пять недѣль, когда я прибылъ на фронтъ, мнѣ передавали свои думы крестьяне при объѣздѣ мною нашихъ боевыхъ частей западнѣе Уфы:

— «Вишь ты, Ваше Превосходительство какое дѣло вышло, незадача. А то вѣдь, народъ совсѣмъ размечтался, — конецъ мукамъ думали. Слышимъ, съ бѣлой арміей самъ Михаилъ Ляксандрычъ идетъ, снова Царемъ объявился, всѣхъ милуетъ и землю крестьянамъ даритъ. Ну, народъ православный и ожилъ, осмѣлѣлъ, значитъ, комиссаровъ даже избивать стали», разсказывали мнѣ крестьяне. «Все ждали, вотъ наши придутъ, потерпѣть немного осталось. А на провѣрку-то вышло не то» закончили они. И кучка односельчанъ, стоявшая кругомъ и жадно слушавшая разсказъ, вздохнула глубокимъ, какъ бездонное горе, вздохомъ.

Но въ апрѣлѣ казалось еще все безоблачнымъ. Успѣхи арміи продолжались. Наступленіе развивалось, войска шли все дальше и глубже, манила Волга.

17 апрѣля былъ взятъ Бугурусланъ, откуда двинулись на Бузулукъ, чтобы отрѣзать Туркестанскую армію красныхъ, занимавшую Оренбургъ. 29 апрѣля 2-ой Уфимскій корпусъ рванулся еще впередъ и захватилъ Сергіевскій Заводъ, всего въ 50—70 верстахъ отъ Волги. 4 мая Сибирская армія, развивая свое наступленіе на сѣверѣ, заняла городъ Елабугу.

Въ это время Сибирская армія была болѣе чѣмъ въ полтора раза сильнѣе Западной; главная масса сибирскихъ войскъ была сосредоточена на Глазовскомъ направленіи, — все на той же несчастной для насъ линіи Вятка-Котласъ. Западная же армія, продѣлавъ блистательно быструю операцію, сильно выдохлась; помимо неимовѣрной усталости были большія потери, и не такъ отъ боевъ, сколько отъ форсированныхъ маршей и холодной, мокрой весенней погоды.

Надо еще сказать и то, что вѣдь эта армія, сдѣлавшая прямо чудеса, была не вполнѣ регулярна, вѣдь она имѣла возрастъ — только четыре мѣсяца организованной службы; понятно требовать и ожидать отъ нея настоящей регулярности было нельзя. Вполнѣ въ порядкѣ вещей было такое ненормальное явленіе, что Ижевская дивизія, одна изъ лучшихъ, потребовала переброски ея на Ижевскъ, къ ихъ дворамъ. «Мы хотимъ драться съ большевиками, какъ и дрались, но только желаемъ защищать свой Ижевскъ», — такъ говорили они. А въ это время какъ разъ надо было Ижевцевъ во что бы то ни стало перебросить на Бузулукское направленіе, самое важное для насъ въ тѣ дни. Но надо понять, что это была вѣдь граж-

данская война, которая велась за освобожденіе страны, а въ понятіяхъ массъ, прежде всего за освобожденіе ихъ очаговъ, ихъ земли, своихъ домовъ, своихъ близкихъ.

Надо было также видѣть своими глазами, чтобы повѣрить, во что была одѣта армія, сдѣлавшая пятисотверстный насту-

Конный развѣдчик-татарин.
Михайловск.

пательный походъ. Большинство въ рваныхъ полушубкахъ, иногда одѣтыхъ прямо чуть ли не на голое тѣло; на ногахъ дырявые валенки, которые при весенней распутицѣ и грязи были только лишней обузой, — легче и пріятнѣе идти босикомъ. Такъ часть и продѣлывала. Полное отсутствіе бѣлья, непрерывное, безъ остановокъ движеніе, насѣкомыя, некогда

помыться въ банѣ. Не было возможности почти всѣ семь дней въ недѣлѣ готовить и давать горячую пищу, — походныхъ кухонь въ то время не имѣлось; питались консервами, хлѣбомъ, да чѣмъ Богъ пошлетъ. Все это вызывало очень большой процентъ больныхъ. Да можно себѣ представить и состояніе здоровыхъ!

Требовалась самая настоятельная необходимость въ немедленной присылкѣ съ тыла свѣжихъ частей, которыя докончили бы начатое дѣло. Только съ ними, съ новыми частями, можно было расчитывать форсировать Волгу, чтобы на ней пріостановиться и подготовиться къ дальнѣйшей лѣтней кампаніи.

Какъ разъ въ началѣ весенняго наступленія я пріѣхалъ въ Омскъ и былъ назначенъ на должность генерала для порученій при Верховномъ Правителѣ для спеціальной задачи инспектировать всѣ тыловыя части и школы подготовки, слѣдить за ихъ боевой готовностью, принимать мѣры для ускоренія ея, имѣя непосредственный докладъ у адмирала.

Передо мною открылась возможность сразу увидѣть, что можетъ дать фронту тылъ и когда; зная условія тамъ, въ передовыхъ частяхъ, понимая все значеніе для Россіи переживаемыхъ дней и своевременной поддержки дѣйствующей арміи, я со своими помощниками провели шесть недѣль въ напряженной работѣ по инспекціи частей ближайшаго къ фронту Омскаго округа и мобилизаціоннаго отдѣла Главнаго Штаба. Выяснившіеся результаты были ужасны: округъ былъ совершенно не въ состояніи дать ранѣе двухъ мѣсяцевъ что-либо въ дѣйствующую армію, даже при условіи немедленной присылки новобранцевъ въ имѣвшіеся кадры. Зима оказалась потерянной. Но что хуже, — Главный Штабъ не закончилъ даже плана мобилизаціи по уѣздамъ, не сдѣлалъ разсчетовъ перевозки ихъ по желѣзнымъ дорогамъ. Все это было представлено мнѣ въ полуготовомъ видѣ. А вѣдь надо было еще разослать воинскимъ начальникамъ и мѣстнымъ властямъ, тѣ должны были сдѣлать свои распоряженія, собрать новобранцевъ, распредѣлить ихъ на партіи и отправить. . . Эта схема экстериторіальнаго комплектованія была прямо абсурдна: изъ Барнаула люди ѣхали въ Красноярскъ, изъ Красноярска въ Омскъ, изъ Омска въ Томскъ, изъ Томска въ Нижнеудинскъ, изъ Иркутска въ Бійскъ, изъ Ново-Николаевска въ Иркутскъ, изъ Маріинска въ Барнаулъ и т. д., и т. д. Этотъ безподобный планъ подготовлялся и проводился не спѣша и съ сознаніемъ непреложности и правильности работы. На сдѣланномъ графикѣ движенія всѣхъ партій новобранцевъ была цвѣтная частая сѣтка перекрещивающихся по всѣмъ направленіямъ линій. Не надо при этомъ забывать, что мы вѣдь имѣли въ распоряженіи одну магистральную линію желѣзной дороги, и безъ того загромож-

денную транспортированіемъ грузовъ съ востока. Естественен былъ первый вопросъ:

— «Сколько же времени понадобится для перевозки всѣхъ партій?»

— «Это мы еще не высчитали, это долженъ сдѣлать отдѣлъ военныхъ сообщеній.»

— «Такъ когда же по Вашему плану можно разсчитывать послать части на фронтъ?»

— «Нельзя точно сказать. Ставка дала заданіе подать три дивизіи къ 1 мая. Но, понятно, съ этимъ не справиться. Это вѣдь не такъ просто. А потомъ, обмундированіе еще не получено отъ генерала Нокса. . .»

Вотъ къ чему привела бюрократическая система, укрѣпившаяся за зиму въ Военномъ Министерствѣ Омска. Нечего было и думать о посылкѣ на фронтъ на смѣну и поддержку выдохшимся бойцамъ свѣжихъ частей. По принятому Главнымъ Штабомъ и незаконченному еще плану можно было разсчитывать, при напряженіи работы, послать на фронтъ три дивизіи не раньше августа. И то, если работу начать немедленно, отказавшись отъ бумажной волокиты.

Волжскій корпусъ генерала Каппеля спѣшно готовился въ Курганѣ; ставкѣ пришлось его сорвать съ работы и въ полуготовомъ видѣ, по частямъ перевозить въ Уфу и западнѣе. Но это былъ именно срывъ и самое плохое использованіе тѣхъ силъ и того послѣдняго резерва, который могъ при правильномъ употребленіи дать дѣйствительно рѣшительные результаты, такъ нужные Россіи.

Было еще одно средство добиться этихъ результатовъ и тѣмъ поправить положеніе. Какъ уже сказано, Сибирская армія была очень сильна численомъ, имѣла къ тому же лучшее снабженіе, была и одѣта, и обута, и понесла мало потерь за весеннее наступленіе. Она развивала наступленіе по главному своему направленію на Вятку-Котласъ и по второстепенному — на Казань. Нужно было отказаться отъ этого плана; первое направленіе, на сѣверѣ, прикрыть небольшимъ отрядомъ, а всѣми силами вести наступленіе на Волгу, примѣрно, на фронтъ Казань — Симбирскъ, ударяя въ лѣвый флангъ большевиковъ, сосредоточившихся противъ Западной арміи. Это было возможно сдѣлать и, если бы это выполнили, хотя и съ опозданіемъ, дѣло было бы выиграно.

Теперь поздно давать хорошіе совѣты, но всѣ эти соображенія докладывались въ тѣ дни Верховному Правителю и ставкѣ; они соглашались, но сдѣлать ничего не могли. Генералъ Гайда и его штабъ не хотѣли и слушать о перемѣнѣ операціонныхъ направленій; поддержку въ этомъ они находили у нѣкоторыхъ вліятельныхъ представителей иностранной интервенціи, кото-

рымъ казалось важнѣе всего бить на сѣверъ, къ Архангельску. Такъ и не было достигнуто взаимодѣйствіе двухъ армій, даже и тогда, когда на Волжскомъ фронтѣ, въ Западной арміи начались неудачи. А онѣ пришли для большинства неожиданно.

6.

Небо казалось чистымъ, безоблачнымъ, горизонтъ яснымъ, завѣтная цѣль близкой. Омскъ въ эти дни, совпавшіе съ ранней мягкой весной, жилъ спокойной, увѣренной радостью. Была какъ разъ Святая Недѣля, въ тепломъ воздухѣ трепетали и плыли звуки пасхальнаго перезвона, на улицахъ весело гудѣла праздничная толпа. У всѣхъ счастливыя улыбающіеся лица, громкій говоръ, при чемъ, какъ всегда въ нашей милой сторонѣ, преувеличеніе сверхъ предѣла. Извѣстія объ успѣхахъ арміи подхватывались въ ставкѣ, передавались черезъ знакомыхъ, летѣли въ массы, все выростая, претворяясь въ желанную легенду. Говорили уже о томъ, что наша кавалерія перешла Волгу, Дутовъ занялъ Оренбургъ, что за Волгой всюду возстанія крестьянъ.

Верховный Правитель объѣхалъ передъ тѣмъ почти всѣ освобожденныя отъ большевиковъ мѣстности; когда онъ былъ въ Перми, тамъ его встрѣчали всѣ слои населенія, какъ народнаго вождя, выдвинутаго самимъ Богомъ для спасенія Родины. Въ особнякѣ его на берегу Иртыша въ пріемной стояла горка, обитая синимъ сукномъ, уставленная вся въ нѣсколько ярусовъ блюдами и адресами отъ Перми; на всѣхъ вырѣзаны слова благодарности и готовности на новыя жертвы. Здѣсь были и отъ русскихъ женщинъ, и отъ духовенства, отъ крестьянъ, отъ рабочихъ Пермскихъ заводовъ, отъ городского самоуправленія и даже отъ земской управы созыва 1917 года.

Такъ же встрѣчали его и другіе города. Рабочіе знаменитаго Златоустовскаго завода поднесли ему цѣнную булатную шашку съ трогательной надписью, какъ національному герою. И въ селахъ при его пріѣздѣ всюду выходили крестьяне, служили молебны и подносили отъ чистаго сердца скромную хлѣбъ-соль.

Армія, тѣ части ея, которыя адмиралъ объѣхалъ, показала ему, что самъ народъ идетъ въ ея рядахъ на великое дѣло, а порывъ войскъ укрѣпилъ надежду и увѣренность въ успѣхѣ. Но порѣдѣвшіе ряды, убогое снабженіе и отсутствіе обуви заставляли задуматься и искать быстрыхъ способовъ заполнить недостатки.

— «Подумайте только,» говорилъ Верховный Правитель, — «какъ они одѣты. Нѣтъ», — онъ повышалъ голосъ, — «какъ они раздѣты, эти герои! И ничего, ни слова ропота. Въ ше-

стомъ корпусѣ мнѣ былъ выставленъ почетный караулъ босикомъ, безъ сапогъ».

Но центральныя учрежденія и тылъ казались забронированными, непонимающими людьми, о которыхъ сказано: они имѣли глаза и не видѣли, имѣли уши и не слышали. Вѣдь если бы собрать въ тылу бѣлье, одежду и сапоги у тѣхъ мущинъ, которые сидѣли тамъ и не желали воевать сами, ожидая отъ арміи новыхъ подвиговъ и жертвъ, если бы не раздѣть ихъ, эти десятки тысячъ людей, сидѣвшихъ дома, а хоть бы собрать у нихъ лишнее, но собрать дѣйствительно и настойчиво, — то сколько бы офицеровъ и солдатъ было спасено этимъ. Но глухъ былъ тылъ, и сказалась полная отчужденность его отъ фронта.

Успѣхи арміи, ея побѣдное шествіе впередъ, большія площади новыхъ губерній, освобожденныя ею, все это, наоборотъ, усилило еще болѣе то ошибочное направленіе, которое было взято съ самыхъ первыхъ дней. Занялись созданіемъ даже новаго учрежденія — Всероссійскаго Сената. Министерства росли и распухали еще больше, укрѣпляясь въ своемъ яко-бы всероссійскомъ размѣрѣ и значеніи. Этому не мало способствовало и то, что всѣ русскіе антибольшевицкіе вожди и правительства признали адмирала Колчака, какъ Верховнаго Правителя Россіи, а его правительство, какъ центръ. Помню, какое сильное впечатлѣніе произвела телеграмма генерала Деникина о подчиненіи его и Добровольческой арміи адмиралу Колчаку.

«Какой патріотическій поступокъ, какая высота. Дѣйствительно, видно, русскіе люди объединились, чтобы спасти Родину; нѣтъ мѣста для личныхъ честолюбій».

Въ эти дни торжества Русской идеи и побѣднаго шествія нашей арміи измѣнилось и отношеніе союзниковъ-интервентовъ. Они стали гораздо мягче, исчезъ нетерпѣливый и ворчливый тонъ. Усилилась ихъ дѣятельность теперь по разнымъ министерствамъ, главнымъ образомъ въ иностранномъ министерствѣ съ его «министромъ» Сукинымъ; все вертѣлось, главнымъ образомъ, — опять таки у того же вопроса объ офиціальномъ признаніи Антантой Омскаго правительства, какъ всероссійскаго. Это былъ одинъ изъ самыхъ острыхъ моментовъ его. Вотъ-вотъ признаютъ, не сегодня-завтра, увѣряли всѣ иностранцы, а одинъ, наиболѣе вліятельный велъ кампанію и убѣждалъ Верховнаго Правителя въ необходимости для признанія выпустить новую декларацію, «совсѣмъ либеральную и демократическую», чтобы успокоить Антанту. Злой духъ керенщины, этой первой ступени интернаціонала, ожилъ и черезъ явныхъ и тайныхъ агентовъ своихъ вносилъ снова разрушеніе среди русскихъ людей въ ихъ національное дѣло.

Никакихъ декларацій, понятно, не надо было никому; лишь одно дѣло могло дать все. Если бы арміи наши освободили Русь, если бы правительство, которому весь народъ оказывалъ такую могучую поддержку, установило бы въ странѣ порядокъ и занялось бы творческой работой, — кто могъ бы не признать его? Кто?

Арміи же были въ эти дни въ зенитѣ своихъ успѣховъ и славы. Еще усиліе, и Русское дѣло выиграно. Но для этого усилія нужно было рѣшиться на измѣненіе плана Сибирской арміи, на перемѣну ея направленія на юго-западъ для комбинированнаго удара съ Западной арміей.

Гайда со своимъ начальникомъ штаба генераломъ Богословскимъ пріѣхали въ эти дни въ Омскъ съ докладомъ. Мастерски сдѣланныя схемы наглядно показывали, какую силу представляетъ изъ себя теперешній составъ Сибирской арміи, ея организацію, группировку и намѣченное увеличеніе. Гайда горячо отстаивалъ свою идею движенія на Вятку, доказывая, что, взявши ее и Казань, будетъ очень легко дойти до Москвы.

Послѣ доклада Верховный Правитель оставилъ всѣхъ насъ обѣдать; разговоръ за обѣдомъ не касался этого вопроса и шелъ на самыя обыденныя темы. Но затѣмъ, уже вечеромъ, въ кабинетѣ адмирала остались онъ, Гайда съ начальникомъ штаба Богословскимъ, генералъ Д. А. Лебедевъ и я. Снова мы стали доказывать необходимость приложить всѣ силы, чтобы развить наступленіе на Поволжье и соединиться съ Добровольческой арміей; иначе вставала угроза, что Западная армія не выдержитъ. Вставалъ призракъ катастрофы.

Здѣсь впервые прозвучали тѣ ноты, которыя вскорѣ мнѣ пришлось слышать въ Екатеринбургѣ. Гайда сталъ очень искусно затушевывать и преуменьшать сдѣланное Западной арміей, восхваляя ловко въ то же время общій стратегическій планъ, вспоминая и разсказывая операціи и эпизоды изъ своей арміи, набрасывая широкія перспективы занятія имъ Казани, Вятки, соединенія съ Архангельскомъ, легкой подачѣ оттуда англійскаго снабженія и товаровъ. Нарисовалъ положеніе Москвы, которая легко и скоро будетъ занята тогда Гайдой. Все это онъ пропитывалъ струйкой тонкой, умѣлой лести, вплетая увѣренія о своей безпредѣльной преданности Верховному Правителю, и дѣлалъ это такъ искусно, что только постороннее вниманіе могло замѣтить неискренность и затаенную мысль.

Разговоръ все дѣлался интимнѣе и ближе. Часовая стрѣлка подходила ко времени отхода поѣзда Гайды. Передъ самымъ отъѣздомъ адмиралъ Колчакъ обнялъ его, расцѣловалъ и, обращаясь къ остальнымъ, сказалъ слова, совершенно неожиданныя и глубоко насъ поразившія:

— «Вотъ что, слушайте,» онъ обратился, называя Д. А. Лебедева и меня, — «я вѣрю въ Гайду и въ то, что онъ многое можетъ сдѣлать. Если меня не будетъ, если бы я умеръ, то пусть Гайда замѣнитъ меня».

Было больно слышать и видѣть, какъ послѣ этого Гайда, этотъ очень хитрый и очень волевой человѣкъ, склонился къ плечу адмирала, чтобы скрыть выраженіе своего лица, — торжествующая улыбка змѣилась на его тонкихъ губахъ; тихимъ, неслышнымъ намъ шопотомъ что-то нашептывалъ онъ въ самое ухо Верховному Правителю.

Вскорѣ Гайда уѣхалъ; вопросъ о координаціи дѣйствій Западной и Сибирской арміи остался нерѣшеннымъ.

7.

Мнѣ пришлось до середины мая, производя инспекціи войсковыхъ частей, объѣхать города Томскъ, Новониколаевскъ, Барнаулъ, Бійскъ и Екатеринбургъ. Въ Омскѣ я бывалъ въ промежуткахъ между этими поѣздками, работая тамъ по провѣркѣ дѣятельности мобилизаціоннаго отдѣла Главнаго Штаба и частей Омскаго гарнизона.

Одно изъ коренныхъ заблужденій нашихъ заключается въ томъ, что дѣло можно дѣлать, сидя у себя въ кабинетѣ и управляя съ помощью бумагъ и телеграфа. И въ обычное-то время, при прочномъ и стройномъ государственномъ аппаратѣ, этотъ способъ даетъ плохіе результаты, а въ наши дни послѣреволюціоннаго развала результатовъ не получается никакихъ. Такъ было и здѣсь во всѣхъ вѣдомствахъ; писались вылощенные доклады-проекты, по нимъ составлялись бумажныя распоряженія и разсылались по почтѣ и телеграфу; послѣ этого составлялся новый докладъ о проведенныхъ мѣрахъ, и дѣло считалось сдѣланнымъ. Центральные и подчиненные имъ окружные или губернскіе органы успокаивались на сознаніи исполненнаго долга, проводя затѣмъ такимъ же способомъ вереницу другихъ вопросовъ.

На мѣстахъ же обыкновенно происходило дѣло такъ: мѣстные агенты военной и гражданской власти получали эти распоряженія, и каждый поступалъ сообразно съ его разумѣніемъ и свойствами. Иногда бумажное распоряженіе клалось въ столъ безо всякаго примѣненія, у другихъ были попытки провести его въ жизнь, третьи, возмущенные непримѣнимостью распоряженія изъ центра къ мѣстнымъ условіямъ, заводили споръ и переписку; въ большинствѣ случаевъ эти распоряженія, казавшіеся издали такъ законченными и полезными, не оказывали никакого дѣйствія, будучи безжизненными. Послѣдствія такой системы были тѣ, что центръ успокаивался на самообманѣ исполненнаго дѣла, — мѣстные же органы привыкали

къ мысли, что центръ неспособенъ и не желаетъ вести настоящей, согласованной, руководящей системы. Все сводилось къ бумажному управленію и бумажнымъ отчетамъ. Это и есть то, что называется бюрократической системой; въ этомъ самообманѣ и успокоеніи и заключаются ея вредныя стороны.

Жизнь же всякой страны требуетъ для успѣха другого рода дѣятельности, жизненнаго и живого. Т. е. такого, который былъ бы основанъ на знаніи мѣстныхъ условій, соотвѣтствовалъ силамъ и проводился бы всѣми частями государственнаго аппарата, отъ центральныхъ органовъ до послѣдней периферіи, — быстро, стройно и цѣльно. Для этого нужно: 1) изученіе мѣстныхъ условій черезъ мѣстныхъ агентовъ и черезъ агентовъ центра, разъѣзжающихъ по мѣстамъ; 2) на основаніи общей идеи и мѣстныхъ условій должны отдаваться изъ центра директивы, направляющія работу, вводящія ее въ опредѣленный планъ; 3) постоянное руководство работой на мѣстахъ центральными органами черезъ своихъ агентовъ и постоянный контроль. Для этого должна быть дѣятельность канцелярій сведена до минимума съ очень небольшимъ личнымъ составомъ, а дѣятельность чисто активную, разъѣзды и работу на мѣстахъ необходимо развить, особенно вначалѣ, до высшаго напряженія. На это не приходится жалѣть ни людей, ни средствъ. Но эти разъѣзжающіе и руководящіе на мѣстахъ агенты не должны, понятно, являться только грозными контролерами съ Олимпа, а настоящими руководителями и помощниками въ работѣ мѣстныхъ органовъ, обладая для того достаточной подготовкой и большими полномочіями центральной власти.

Эти выводы нашли ясное и полное подтвержденіе во время моихъ объѣздовъ по инспекціи войсковыхъ частей. Картина была во всѣхъ городахъ почти одна и та же. Русскіе люди хотѣли работать, начинали дѣло, но вскорѣ натыкались на препятствія, неясности, несогласованность; возникали тренія, изъ-за пустяковъ дѣло тормозилось. Писалось въ центръ, но оттуда разъясненія и руководство или сильно запаздывали, или же получались совершенно неправильныя, еще болѣе затрудняющія дѣло.

Оказалось, что работа по формированію частей для посылки на фронтъ заглохла и была почти безъ движенія; такая же участь постигла и школы подготовки младшаго команднаго состава. Офицеры, бившіеся надъ попытками начать дѣло и вести его, не хитрое, простое, привычное имъ дѣло, получали вмѣсто руководства рядъ бумажныхъ распоряженій, иногда противорѣчащихъ одно другому, не могли даже начать его; или же начинали, натыкались на затрудненія, не могли ихъ разрѣшить, бились надъ этимъ, и долго бились, но безуспѣшно. Дѣло не шло.

Всюду меня встрѣчали сначала прежней, традиціонной встрѣчей, какъ ревизора изъ центра, которому надо показать все благополучіе, втереть очки; который будетъ гремѣть, пыжиться, разнесетъ для порядка и уѣдетъ, послѣ чего можно будетъ снова погрузиться въ прежнее инертное состояніе.

Но моя формула работы по инспекціи была иная:

— «Посмотримъ вмѣстѣ, что и какъ сдѣлано у Васъ, Вашъ планъ, совмѣстно сравнимъ его съ планомъ, составленнымъ въ Главномъ Штабѣ и въ округѣ, выяснимъ всѣ мѣстныя условія и затрудненія. И затѣмъ давайте сразу и начнемъ работу. Я имѣю полномочія помочь Вамъ и устранить всѣ затрудненія. Пробуду столько, сколько Вамъ нужно, чтобы дѣло пошло.»

Безъ всякихъ парадовъ, безъ спеціально назначенныхъ часовъ собирались мы, мѣстные работники и я со своими помощниками, съ ранняго утра, въ часы, назначенные ихъ постояннымъ расписаніемъ дня. И вмѣстѣ начинали работать. Черезъ нѣсколько дней дѣло выяснялось, всѣ препятствія совмѣстными усиліями были устранены. И получался отъ этой работы сразу ощутительный результатъ, который вмѣстѣ съ простымъ и яснымъ планомъ — были лучшей гарантіей успѣха.

Черезъ нѣсколько дней, уѣзжая, мы разставались какъ люди, связанные общими интересами и общимъ дѣломъ, разставались, въ большинствѣ случаевъ, друзьями.

Когда я выѣхалъ въ первый разъ и прибылъ въ Томскъ, въ пути была получена телеграмма изъ ставки, что Верховный Правитель приказалъ принять всѣ мѣры къ возможно большему привлеченію офицеровъ изъ тыла на фронтъ, такъ какъ дѣйствующія части испытываютъ острый недостатокъ въ младшемъ командномъ составѣ.

Безо всякаго ущерба для мѣстнаго дѣла мнѣ удалось отправить на фронтъ въ три дня изъ Томска двѣсти офицеровъ, изъ Новониколаевска сто семьдесятъ. Дѣлалось это такъ: собиралъ начальниковъ частей со списками личнаго состава, провѣрялъ ихъ, а также дѣятельность части, устанавливалъ, сколько офицеровъ необходимо оставить, а остальнымъ — три дня на сборы, и спеціальнымъ эшелономъ въ дѣйствующую армію.

При этомъ выяснялись попутно прямо невѣроятныя вещи. Въ Томскѣ числилось свыше ста отдѣльныхъ частей, и изъ нихъ только около десяти были чисто строевыя, необходимыя для фронта. Среди остальныхъ же были нѣкоторые, еще образованные «Комучемъ» въ Казани и Самарѣ, эвакуированные отряды; существовалъ химическій батальонъ, имѣвшій сорокъ офицеровъ и десять солдатъ, инженерный учебный полкъ съ еще болѣе невѣроятной пропорціей и др.

— «Какъ давно Ваша часть существуетъ?» спросилъ я командира инженернаго полка.

— «Съ августа 1918 года».

— «Ваши задачи?»

— «Подготавливать для арміи младшій командный составъ и чинить инженерное имущество. Мы имѣемъ много мастерскихъ. . .»

— «Много мастерскихъ?. . . А сколько Вы отправили въ армію подготовленныхъ офицеровъ и солдатъ?»

— «Пока ни одного».

— «Сколько доставили инженернаго имущества?»

— «Тоже пока ничего. Намъ никто не присылалъ для исправленія. . .»

Химическій батальонъ имѣлъ какіе-то вывезенные съ Волги балоны и собирался вырабатывать ядовитые газы. Это въ нашей-то Россіи, въ гражданской войнѣ. . .

Были и еще части, абсолютно не имѣвшія никакого значенія или даже вредныя тѣмъ, что, ничего не давая дѣлу обороны, онѣ поглощали большое количество денегъ и отвлекали много людей. Не скажу, чтобы эти люди, уже мѣсяцами привыкшіе ничего не дѣлать, легко сдавались и охотно ѣхали на фронтъ; наоборотъ они приводили всевозможные аргументы, жалобы, посылали телеграммы въ Главный Штабъ. Но все же черезъ три дня эшелонъ съ офицерами отправился въ дѣйствующую армію.

Въ Томскѣ, этомъ большомъ университетскомъ городѣ, поражало и бросалось въ глаза чрезвычайно большое число молодыхъ и здоровыхъ штатскихъ людей, слонявшихся здѣсь безъ дѣла, въ то время, когда на фронтѣ былъ дорогъ каждый человѣкъ, армія испытывала острый недостатокъ въ младшихъ офицерахъ. А здѣсь какъ разъ было много подходящаго матеріала, учащейся молодежи. Ихъ можно было завербовать всѣхъ безъ вреда, такъ какъ наступали лѣтнія вакаціи, да кромѣ того всѣ зданія учебныхъ заведеній были реквизированы, какъ необходимыя подъ постой нашихъ и чешскихъ войскъ. И вѣдь такъ ясно, казалось бы, что всѣ усилія должны были быть направлены на то, чтобы возможно быстрѣе окончить гражданскую войну, вымести изъ Россіи соръ интернаціонала, а тогда уже налаживать и ученье.

Въ Томскѣ же я впервые увидѣлъ наглядно безграничную наглость чехо-словацкихъ руководителей, поощряемыхъ нѣкоторыми изъ интервентовъ. Сюда пришла на постой 2-я чешская дивизія; остальныя дивизіи распредѣлены были по квартирамъ въ городахъ по линіи желѣзной дороги между Омскомъ и Владивостокомъ. А мѣсяца полтора передъ тѣмъ по всей Сибири разъѣзжала междусоюзная квартирная комиссія въ составѣ по одному представителю отъ англичанъ, французовъ, итальянцевъ, румынъ, чеховъ и американцевъ; былъ прикомандированъ

къ комиссіи и одинъ русскій офицеръ. Эта комиссія въ нашей странѣ распоряжалась по своему, всѣ лучшія помѣщенія отводили для иностранныхъ войскъ, состоявшихъ главнымъ образомъ изъ нашихъ бывшихъ военноплѣнныхъ; притомъ русскіе интересы въ разсчетъ совсѣмъ не принимались.

Намъ были необходимы тогда же казармы для вновь формируемаго въ Томскѣ егерскаго батальона и для военно-училищныхъ курсовъ, подготовлявшихъ въ дѣйствующую армію портупей-юнкеровъ. Подходящія зданія были выбраны и отведены. Но оказалось, что они были раньше предназначены междусоюзной комиссіей для чеховъ. Я приказалъ тогда, на основаніи имѣвшихся у меня полномочій высшаго Русскаго командованія, отвести чехамъ другія казармы, а эти, такъ необходимыя для насъ самихъ, занимать. Объяснилъ это при личномъ свиданіи начальнику 2-ой чехо-словацкой дивизіи; причемъ затрудненій не было, такъ какъ чехо-словаки еще не выгружались изъ своихъ вагоновъ. Надо сказать, что они вообще не желали разставаться съ вагонами, полными всякаго скарба и имущества, пріобрѣтеннаго ими за время пути ихъ отъ Волги до Сибири, и цѣлыми мѣсяцами держали десятки тысячъ вагоновъ. Чехъ-полковникъ на словахъ согласился, но только я уѣхалъ изъ Томска, вслѣдъ телеграмма, что чехи силой хотятъ занять епархіальное училище, назначенное для военно-училищныхъ курсовъ. Понятно, на силу отвѣтить силой мы въ то время не могли, хотя такое движеніе имѣло бы успѣхъ, и было бы встрѣчено населеніемъ восторженно, — въ массахъ русскихъ солдатъ и среди населенія накопилось много озлобленія противъ наглыхъ «освободителей»; когда еще въ мартѣ я былъ въ Иркутскѣ съ Ноксомъ, во многихъ мѣстахъ города мы видѣли надписи на стѣнахъ, сдѣланныя полуграмотной рукой простого человѣка: «Бей жида и чеха. Спасай Россію. Чехи убирайтесь домой въ . . .» и т. д.

Попытались дѣйствовать черезъ чешскаго главнокомандующаго, французскаго генерала Жанэна. И вотъ потянулась исторія на цѣлые полтора мѣсяца. Французскій генералъ на словахъ соглашался съ нами, обѣщалъ, издали грозилъ даже чехамъ, а на дѣлѣ выходило другое: онъ писалъ имъ, что «ихъ справедливыя желанія столкнулись съ желаніями русскихъ, и онъ, Жанэнъ, проситъ чеховъ уступить». Тѣ отказывали; тогда Жанэнъ писалъ намъ, что не можетъ ничего сдѣлать, надо намъ уступить чехамъ. Только, когда Верховный Правитель вышелъ изъ терпѣнія и заявилъ, что вредъ, приносимый арміи проволочкой времени, заставитъ его пойти на крайнія мѣры, до примѣненія силы оружія включительно, — чехи и ихъ французскіе руководители пошли сразу на уступки. Видно, нужно было говорить съ ними съ самаго начала другимъ языкомъ. . .

Иначе, какъ наглымъ, отношеніе массы чехо-словацкихъ войскъ назвать было нельзя. Представьте себѣ цѣлыя толпы этихъ людей съ славянскимъ говоромъ, одѣтыхъ въ новенькія и щеголевато сшитые русскія шинели и мундиры, въ новыхъ нашихъ же сапогахъ и фуражкахъ, безъ погонъ, но съ русскимъ оружіемъ, почти всѣ съ длинными всклокоченными волосами-космами; они бродили цѣлыми стаями по улицамъ всѣхъ сибирскихъ городовъ, толпились на станціяхъ, ничего не дѣлая и не желая дѣлать. Когда возникалъ вопросъ о несеніи ими караульной службы въ гарнизонахъ, они отвѣчали, — это не ихъ дѣло, пусть несутъ русскіе, или кто хочетъ. Они захватывали большіе склады продовольствія и фуража, питаясь лучше любой русской части. Они сидѣли, здоровые и сытые тунеядцы, за спиной многострадальнаго русскаго фронта, гдѣ офицеры и солдаты были въ рубищѣ, терпѣли во всемъ недостатокъ. И въ то же время взглядами, жестами и всѣмъ внѣшнимъ видомъ большинство чеховъ выражало какое-то непонятное презрѣніе и нескрытую радость нашему горю и неудачамъ. Они были въ большомъ почетѣ и всячески ублажались нашими лѣвыми, соціалистическими элементами, ведшими дружбу и скрытую работу съ ихъ командным составомъ и политическимъ центромъ.

Какъ я уже писалъ, въ Томскѣ мнѣ пришлось увидѣть ту бездну, которую подготовляли русскому дѣлу эсъ-эры. Ко мнѣ шли многіе русскіе люди разныхъ положеній и занятій, зная, что я генералъ, присланный Верховнымъ Правителемъ, шли и несли для передачи ему многое, что иначе не доходило и тонуло въ многоярусныхъ Омскихъ канцеляріяхъ. Шло само русское горе, надѣясь на исцѣленіе. Понятно, я не имѣлъ права пройти мимо этихъ сторонъ жизни, не могъ ограничиться только военной инспекціей, такъ какъ вся работа эсъ-эровъ и сродныхъ имъ организацій была направлена главнымъ образомъ на то, чтобы мѣшать и вредить дѣлу организаціи арміи, расшатывать страну и свести на нѣтъ наши военные успѣхи. Это былъ врагъ опаснѣе большевиковъ, потому что дѣйствовалъ онъ не въ открытую, подготавливалъ тайный внутренній фронтъ въ тылу. Отсюда и изъ другихъ городовъ я привезъ адмиралу, помимо доклада о воинскихъ частяхъ, обширные фактическіе матеріалы, доказывавшіе преступную, анти-русскую работу соціалистовъ-революціонеровъ и связь ихъ съ большевиками.

Верховный Правитель разсмотрѣлъ все, выслушалъ подробный докладъ, и впервые я замѣтилъ выраженіе усталости въ его глазахъ.

— «Да, да, все это такъ,» сказалъ онъ, — «я и раньше многое зналъ; надо принимать мѣры. Но приходится дѣйствовать очень осторожно. Вѣдь союзники и до сихъ поръ убѣж-

дены, что эсъ-эры выражаютъ мнѣніе народныхъ массъ и опираются на нихъ. . .»

8.

Богатѣйшій Алтайскій край съ его серьезнымъ, дѣловитымъ населеніемъ, потомками первыхъ колонизаторовъ Сибири. Люди отсюда рвались теперь на борьбу противъ большевиковъ, отдавали ей все и хотѣли одного, — скорѣе покончить войну, раздавить гидру интернаціонала и начать спокойную прежнюю жизнь. Здѣсь пахнуло на меня старой Россіей, близкой и дорогой всѣмъ намъ и такъ ненавистной соціалистамъ всѣхъ толковъ. Барнаулъ, столица края, стоялъ почти на половину обгорѣлый, — соціалисты, выпустивъ изъ тюрьмы въ первые же дни революціи уголовныхъ преступниковъ, сожгли вмѣстѣ съ ними городъ, продѣлывая свой опытъ въ 1917 году. Но теперь жизнь налаживалась, шла большая работа во всѣхъ отрасляхъ. Отличное впечатлѣніе произвели своими кадрами батареи и полки, расквартированные тамъ.

— «Вотъ только не даютъ намъ пополненія. Влили бы мѣстныхъ крестьянъ и алтайцевъ, вѣдь это-же лучшій элементъ, и сами просятся», говорили мнѣ старшіе офицеры. Съ такими же заявленіями приходили и депутаты отъ крестьянъ, горожанъ и инородцевъ.

Бійскъ, другой городъ Алтая, носилъ ту же физіономію дѣловитости, работы и общаго страстнаго желанія національнаго возрожденія страны. Ранняя весна развезла глубокіе снѣга, и на улицахъ грязь стояла по ступицу.

— «Нашъ городъ славится тѣмъ», — безобидно смѣялись надъ собою бійцы, — «что онъ самый грязный городъ въ Россіи. У насъ даже открытки есть: цѣлый возъ утонулъ весной на улицѣ».

Зато жизнь стоила здѣсь гроши и была всѣмъ доступна. Въ ресторанѣ за полный обѣдъ брали всего полтора рубля по тогдашнему курсу. Чувствовались между всѣми тѣ хорошія настоящія отношенія, когда каждому живется хорошо, и всѣ имѣютъ свой достатокъ, не вырывая куска другъ у друга. Даже и выраженіе лицъ у большинства было то, къ которому мы привыкли у себя на Родинѣ раньше: спокойное, ласковое и мягкое, безъ малѣйшей печати жадности, злобности, торопливости. Лишь изрѣдка попадалось лицо, искривленное злобой, худое и черное, со взглядомъ, устремленнымъ враждебно на все. Это были партійные работники, разрушители жизни. Эти угловатыя фигуры и эти лица съ печатью нечеловѣческой злобы вы встрѣтите во всѣхъ странахъ Стараго и Новаго свѣта. Какъ вѣчные жиды, какъ потомки Каина, разбрелись они, отягченные преступными мыслями, собираясь всюду разнести тотъ

ужасъ разрушенія, тотъ дымъ пожаровъ, моря крови и слезъ, тѣ руины городовъ и селеній, которыми они покрыли великую Русскую землю.

Около церквей толпился народъ; шли великопостныя службы, и цѣлыми днями огромныя толпы направлялись на исповѣдь. Здѣсь было братство и равенство не на словахъ; сюда шли люди всѣхъ состояній и классовъ, шли рядомъ и получали одинаковое утѣшеніе, надежду и духовную свободу. Въ часы перерыва, между горячей работой въ мѣстныхъ воинскихъ частяхъ, я шелъ въ эту толпу, старался ближе подойти къ ней, узнать ея подлинныя настроенія.

Всюду была тихая радость отъ новыхъ, получаемыхъ ежедневно свѣдѣній объ успѣхахъ нашихъ армій на фронтѣ, была спокойная надежда, что приходятъ къ концу дни великихъ потрясеній и испытаній народныхъ. И почти всюду читался въ умныхъ свѣтлыхъ крестьянскихъ глазахъ затаенный вопросъ; нѣкоторые спрашивали прямо:

— «Что же будетъ потомъ? Объясните намъ, Ваши Благородія. А то читали мы въ газетахъ объявленіе начальства, да неясно какъ-то. Опять, молъ, учредительное собраніе будетъ, а изъ кого — неизвѣстно. Неужто опять этихъ жидовъ туда напустятъ. Вѣдь какой же порядокъ тогда возможно сдѣлать?!»

— «А что вы хотѣли бы?»

— «Да намъ ничего не надо, только чтобы опять все по старому, по хорошему было, какъ до войны.»

Надо понять вамъ всѣмъ, господа иностранные благожелатели Россіи, что наша жизнь была отлична отъ вашей во всемъ. То внѣшнее неустройство и некультурность нашей русской жизни, которыя бросались въ глаза вамъ, возмѣщались гораздо болѣе цѣннымъ преимуществомъ; у насъ отсутствовала конкуренція, та, что держитъ васъ всѣхъ въ своихъ жестокихъ тискахъ, наша жизнь текла неторопливо и спокойно, и постороннему глазу это казалось простой лѣнью и отсталостью; нигдѣ, кромѣ Россіи, человѣческія отношенія не заключали въ себѣ такой мягкости, такого альтруизма и чисто-христіанскаго братства; никто не умѣетъ такъ, какъ русскіе, удовлетвориться своимъ положеніемъ; не было у насъ въ массѣ зависти, и не было на свѣтѣ народа лучшаго и болѣе добраго, чѣмъ Русскій народъ. Мы не закостенѣли, какъ многіе думали, въ своихъ формахъ, а мы тихо, спокойно и вѣрно шли впередъ, развивали свою собственную культуру, шли своимъ историческимъ путемъ. А наша страна такъ богата и такъ неиспользована, что хватило бы всѣмъ намъ и нашимъ потомкамъ на многія и многія поколѣнія. Гдѣ еще можно встрѣтить такія картины: крестьянинъ-алтаецъ запрягаетъ телѣгу, ѣдетъ на берегъ рѣки и топоромъ

накалываетъ каменнаго угля,[1]) нагружаетъ телѣгу, везетъ къ себѣ домой, и на недѣлю-двѣ его семья обезпечена топливомъ.

Въ нашей странѣ эксплоатаціи народа не было и быть при такихъ условіяхъ не могло. Но вотъ нахлынули на Русь жадные, озлобленные люди, ничего общаго съ Россіей не имѣвшіе и ненавидѣвшіе ее. Широкимъ грязнымъ потокомъ устремился на нашу землю интернаціоналъ, которому не было никакого дѣла ни до нашего народа, ни до его исторіи, ни до его жизни и культуры. Они жадно раскрыли пасть на наши природныя богатства, а чтобы добраться до нихъ, они должны были разрушить русскія условія жизни, перешагнуть черезъ милліоны труповъ. Дьявольски ловкимъ планомъ они выполняютъ вотъ уже четвертый годъ это, чтобы затѣмъ начать эксплуатировать народныя массы безпощадно и систематически съ помощью міроваго еврейскаго капитала.

Но борьба еще не кончена. И живы, почти неизсякаемыя, силы народныя; не дадутъ онѣ торжества въ Россіи интернаціоналу. Въ то время, весной 1919 года, казалось и вѣрилось, что не далекъ уже день освобожденія.

При небольшихъ наѣздахъ въ Омскъ я видѣлъ, какъ здѣсь проникало постепенно сознаніе опасности отъ скрытой, противогосударственной работы соціалистовъ. Происходила постепенная чистка государственнаго аппарата, начиная съ кабинета министровъ, гдѣ до сихъ поръ еще сидѣли партійные работники.

Но слишкомъ медленный, слишкомъ постепенный былъ путь, къ тому же полный какихъ то другихъ скрытыхъ и неясныхъ цѣлей, куда вплетались самыя разнообразныя вліянія международной политики черезъ всевозможныхъ агентовъ интервенціи. И трудно было разобраться, гдѣ кончалось противодѣйствіе интернаціоналу и гдѣ начинались интриги въ пользу его; одни и тѣ же люди, разрушая работу соціалистовъ одной рукой, другой поддерживали ихъ. Переплелись самыя запутанныя и скрытыя вліянія, закрутились въ клубокъ въ совѣтѣ министровъ Омскаго правительства и тянулись оттуда, незримыя, за океанъ, въ Европу и Америку.

Какъ разъ около этого времени началась чистка и реконструкція высшаго правительственнаго аппарата. Мнѣ разсказывалъ генералъ Д. А. Лебедевъ:

— «Застрѣльщиками являются два министра, два С. С., они образовали такой блокъ изъ наиболѣе энергичныхъ членовъ правительства. И вотъ стараются подобрать кабинетъ, выгнать изъ него эсъ-эровъ. Тѣ цѣпляются за Вологодскаго.»

---

[1]) Изъ пласта, выходящаго прямо на поверхность земли.

Но про тѣхъ же двухъ министровъ шли и усиливались слухи, что они не только сами находятся всецѣло подъ иностраннымъ вліяніемъ, но опутываютъ имъ и адмирала.

О Вологодскомъ нѣсколько разъ слышалъ я мнѣніе Верховнаго Правителя:

— «Да, какой онъ эсъ-эръ! Онъ уже старъ и отъ всѣхъ дѣлъ отошелъ, даже и въ партіи не состоитъ. Но понимаете, онъ здѣсь необходимъ, какъ vieux drapeau,» было его любимое слово. А это vieux drapeau прикрывало собою всѣхъ агентовъ разрушительной работы эсъ-эровъ по подготовкѣ возстаній по всей Сибири.

Какъ то въ одинъ вечеръ пріѣхалъ въ вагонъ къ генералу Лебедеву одинъ изъ этихъ министровъ С. и предложилъ мнѣ отъ имени своихъ товарищей по кабинету, не соглашусь ли я занять постъ Военнаго Министра, такъ какъ они убѣдились въ полной бюрократичности теперешняго и неспособности его руководить живой работой. Подумавъ, я отклонилъ предложеніе, такъ какъ былъ уже связанъ со своей новой работой, да и считалъ, что, оставаясь на ней, я сумѣю принести больше пользы.

Надо было не устраивать смѣны министровъ, а добиться измѣненія въ работѣ Главнаго Штаба и всего центральнаго аппарата, заставить работать всѣхъ и работать не на бумагѣ. Вотъ что было необходимо.

Такъ и не сумѣлъ Главный Штабъ провести своевременно мобилизацію; а вѣдь условія были чрезвычайно благопріятны, — населеніе шло очень охотно, съ сознаніемъ долга и необходимости; ѣхали сами, по первому объявленію изъ городовъ и селъ; толпились съ перваго дня призыва у канцелярій воинскихъ начальниковъ. Многіе приходили и прямо въ войсковыя части записываться добровольцами. По всему пространству Сибири приходилось слышать такое разсужденіе: «Мы бы рады идти воевать, пусть начальство прикажетъ, всѣ пойдемъ».

Между прочимъ, послѣ доклада о массахъ здоровой и молодой интелигенціи въ сибирскихъ городахъ, былъ проведенъ приказъ о полной ея мобилизаціи, но допустили опять такія ошибки и недомоловки, что болѣе пятидесяти процентовъ сумѣло избѣжать призыва. Такая же участь постигла и приказъ о переосвидѣтельствованіи всѣхъ офицеровъ, признанныхъ прежними комиссіями пригодными лишь къ нестроевой службѣ.

Вѣдь въ эти дни, что Россія переживаетъ теперь, прежніе нормальные масштабы непримѣнимы. Раньше можно и должно было дать льготу раненому офицеру, зачислить его въ болѣе легкую категорію. А теперь. . . Представьте себѣ, что вы идете съ близкой женщиной, съ женой, сестрой, дочерью. Накидываются на нее хулиганы и пытаются насиловать ее. Развѣ вы

станете справляться съ вашей категоріей, вспоминать старыя раны и контузіи. Нѣтъ, никогда! Вы броситесь на хулигановъ и изъ послѣднихъ силъ будете защищать женщину. Теперь въ такомъ же положеніи наша Родина; грубо, цинично и нагло ее насилуетъ интернаціоналъ. Долгъ каждаго сына Россіи идти къ ней на помощь, освободить ее. Нельзя вспоминать старыя раны, преступно справляться съ категоріей. Не время!

Нужно было помочь тѣмъ героямъ, которые въ невыразимо тяжелыхъ условіяхъ бились на фронтѣ и изнемогали въ борьбѣ. Необходимо было бросить всѣ силы на помощь русскому фронту, нашимъ арміямъ, которыя выйдя почти къ самой Волгѣ, выдохлись, дрогнули и не могли выдержать новаго удара красныхъ.

9.

Руководители интернаціонала, абсолютные владыки красной арміи, напрягали всѣ усилія, чтобы спасти свое положеніе.. Они бросили сотни милліоновъ золотыхъ рублей и тысячи пропагандистовъ намъ въ тылъ, пользуясь своими связями съ разными сродными имъ организаціями въ Сибири. На свой фронтъ они подвезли свѣжія части, набравъ ихъ среди коммунистовъ, мобилизовавъ всю свою партію.

Наше высшее командованіе также напрягало всѣ силы, чтобы помочь Западной арміи. Какъ мы видѣли выше, — благодаря потери времени, тылъ не могъ дать въ то время ни одного полка. Поэтому собирались всѣ мало-мальски боеспособныя части и отправлялись на фронтъ. Въ числѣ ихъ былъ посланъ въ 6-й корпусъ и курень Тараса Шевченки, составленный изъ украинцевъ-сепаратистовъ, со своимъ желто-голубымъ знаменемъ, съ хохлацкимъ нарѣчіемъ, принятымъ какъ командный языкъ; этому формированію, какъ и другимъ, — латышскимъ, польскимъ и т. д., — сильно покровительствовала и всячески помогала французская миссія во главѣ съ историческимъ Жанэномъ.

Курень Шевченки оказался совершенно распропагандированной частью, какъ и всѣ, бывшія подъ покровительствомъ иностранцевъ. Поставили его въ первую линію, на Бузулуцкомъ направленіи, гдѣ особенно была необходима поддержка. Но украинцы вмѣсто того произвели гнусное предательство. Черезъ нѣсколько дней послѣ прихода, рано утромъ, когда всѣ еще спали, курень кинулся по выстрѣлу къ винтовкамъ, перебилъ своихъ офицеровъ, а затѣмъ бросился въ сосѣдній 41-й полкъ горныхъ стрѣлковъ Урала и открылъ стрѣльбу. Въ то же время депутація отъ украинцевъ отправилась къ большевикамъ доложить о своемъ іудиномъ дѣлѣ.

Съ этого и началось. Большевики использовали случай; они сейчасъ же направили въ образовавшійся прорывъ свои

части, усиливая ихъ и распространяясь все глубже. Надо было принять сразу мѣры противъ этой опасности. Но силъ подъ рукою не было. Вотъ тогда-то и начали спѣшно, по частямъ, посылать Волжскій корпусъ генерала Каппеля, высаживать эшелоны и бросать ихъ въ бой. Однако прорыва заполнить не удалось, угроза обхода отсюда нашихъ частей во флангъ увеличивалась, что и заставило Западную армію отходить на востокъ по всему фронту.

Въ то же время Сибирская армія продолжала развитіе прежняго плана, наступала по двумъ направленіямъ, на Казань и на Вятку. Даже начавшееся отступленіе и неудача на Волжскомъ фронтѣ не могли поколебать рѣшенія и заставить измѣнить этотъ неправильный и нежизненный планъ.

Какъ разъ въ эти памятные дни мнѣ довелось быть въ Екатеринбургѣ для инспекціи частей Сибирской арміи и для устройства тамъ новой военно-инструкторской школы. Когда я прибылъ въ Екатеринбургъ и утромъ заѣхалъ въ штабъ арміи, близкіе къ Гайдѣ люди встрѣтили меня буквально съ улыбкой и потирая руки:

— «Знаете, а вчера за день Западная армія еще отступила. Нашъ генералъ правъ, надо проводить его планъ.»

Всѣ доказательства обратнаго, всѣ убѣжденія, что общіе интересы, всей Россіи, требуютъ немедленной помощи Волжскому фронту ударомъ съ сѣвера, въ лѣвый флангъ красныхъ, что въ случаѣ пораженія Западной арміи, будетъ трещать и операція Сибирской, — все было напрасно. Передъ ними стояла твердо ихъ собственная цѣль, съ ея скрытыми сторонами, а Гайда сильной волей и укрѣпленнымъ авторитетомъ придавалъ этому почти непоколебимую устойчивость.

Недѣли двѣ тому назадъ, Ноксъ, вернувшись изъ Екатеринбурга въ Омскъ, разсказывалъ, прямо захлебываясь, о своихъ впечатлѣніяхъ и доказывалъ необходимость того же плана.

— «Гайда такъ увѣренъ, онъ прямо по днямъ разсчиталъ всю операцію, когда онъ беретъ Вятку, соединится съ нашими изъ Архангельска, на другомъ направленіи беретъ Казань. Въ первой половинѣ іюня Гайда будетъ въ Москвѣ!»

А въ его штабѣ въ это время шла уже открытая работа эсъэровъ. Нѣкоторые русскіе офицеры, будучи не въ силахъ остановить разрушительныя приготовленія, уходили въ дѣйствующую армію и шли на фронтъ. У старшихъ чиновъ штаба опускались руки.

— «Помилуйте,» говорили они мнѣ, — «нѣтъ никакихъ силъ. Докладываемъ Гайдѣ о преступныхъ прямо дѣйствіяхъ, о необходимыхъ рѣшительныхъ мѣрахъ. Гайда согласенъ, отдаетъ приказъ, а черезъ десять минутъ изъ другой двери,

черезъ комнату его довѣреннаго чеха Гусарика входитъ эсъ-эръ, и все мѣняется.»

Печать Екатеринбурга и Перми, захваченная, какъ почти всегда, «либералами» и соціалистами, вела искусную кампанію. День ото дня все усиливая, пѣли они дифирамбы Гайдѣ, восхваляли его демократизмъ, называли его спасителемъ Россіи, единственнымъ человѣкомъ, способнымъ на это великое дѣло. И опять Москва выставлялась, какъ близкая завѣтная цѣль. Гайда долженъ войти въ Москву первымъ!

Вскорѣ пріѣхалъ въ Екатеринбургъ и Верховный Правитель, который въ эти тяжелые дни старался личнымъ присутствіемъ помочь на фронтѣ. Къ приходу его поѣзда на станціи собрались всѣ высшіе чины, былъ построенъ почетный караулъ, пѣшая часть и какіе-то конные въ фантастической формѣ, что-то среднее между черкеской и кафтаномъ полковыхъ пѣвчихъ. Въ сторонѣ важно и неприступно прогуливался Гайда, изрѣдка подходя къ кому-либо изъ старшихъ начальниковъ и обмѣниваясь короткими фразами. Оченъ интересный и показательный разговоръ былъ у меня съ нимъ.

— «Что это за часть, генералъ?» спросилъ я, показывая на всадниковъ въ коричневыхъ кафтанахъ, расшитыхъ галунами.

— «То мой конвой.»

— «Что за оригинальная форма у нихъ. Сами придумали?»

— «Нѣтъ, та форма, генералъ, исторична.»

— ?! —

— «Ибо всегда въ Руссіи всѣ великіе люди, вашъ Императоръ и Николай Николаевичъ, всѣ имѣли коуказскій конвой. Я думаю, что если войти въ Москву, то надо имѣть тоже такой конвой.»

— «Что же, они у Васъ съ Кавказа набраны, коуказскіе люди?»

— «Нѣтъ, мы беремъ здѣсь, только типъ чтобы близко подходилъ къ коуказскому.»

Наноскахъ приблизился ординарецъ и почтительно доложилъ Гайдѣ:

— «Поѣздъ подходитъ, брате-генерале.»

Такъ было принято у Гайды, по чешскому. Чтобы больше на демократа походить.

Подана команда на краулъ. Оркестръ играетъ «Коль славенъ» (этимъ церковнымъ гимномъ въ то время замѣнили мощный, музыкальный и самый красивый въ мірѣ Русскій гимнъ). Изъ вагона выходитъ адмиралъ Колчакъ, слегка сгорбленный, съ блѣднымъ исхудавшимъ лицомъ и остро блестящими глазами отъ безсонныхъ ночей на фронтѣ. Губы плотно сжаты, опустились углы ихъ, и около легли двѣ глубокія складки тяжелыхъ думъ. Рапортъ. Обходитъ ряды почетнаго ка-

раула, смотря, по своей привычкѣ, пристальнымъ взглядомъ въ лицо каждаго солдата.

— «Спасибо, братцы, за отличный видъ!»

— «Рады стараться, Ваше . . ство-о-о!»

— «Я только что объѣхалъ геройскія полки Западной арміи; имъ трудно, на нихъ обрушились свѣжія части коммунистовъ. Но, Богъ дастъ, одолѣемъ враговъ Россіи. Надо только помочь нашимъ. . . .»

— «Рады стараться Ваше . . . ство-о-о.» Гремитъ въ отвѣтъ въ воздухѣ. И всѣ лица смотрятъ радостно и возбужденно.

Затѣмъ адмиралъ съ Гайдой и еще нѣсколькими лицами проѣхали въ штабъ арміи. Здѣсь генералъ Богословскій, начальникъ штаба, сдѣлалъ оперативный докладъ по послѣднимъ сводкамъ; положеніе было такое, что само собою напрашивалось рѣшеніе. Западная армія нѣсколько отступила, и теперь Сибирская армія имѣла фронтъ впереди, сильно выдавалась и какъ бы нависла съ сѣвера на флангѣ у красныхъ. Ударить отсюда сильно, — и полчища большевиковъ снова побѣгутъ къ Волгѣ.

Верховный Правитель сдавался на это рѣшеніе, но снова зазвучалъ тихій, размѣренный и настойчивый голосъ Гайды, снова пошли увѣренія, что нельзя нарушать плана, что помощь Западной арміи гадательна, а здѣсь мы навѣрняка-де возьмемъ Казань и Вятку. И опять вопросъ остался нерѣшеннымъ.

Затѣмъ былъ смотръ ударнаго корпуса, который формировался въ Екатеринбургѣ и составлялъ резервъ Гайды. Какъ курьезъ: въ него входилъ «безсмертный батальонъ имени генерала Гайды» съ коричневыми погонами и шифровкой на нихъ: «Б. Б. И. Г. Г.» У всего корпуса были нашивки на рукавахъ, чернокрасный уголъ, какъ въ дни керенщины. Медленно и внимательно обходилъ адмиралъ Колчакъ всѣ части, держа все время руку у козырька; остро-пронзительно вглядывался онъ въ каждое лицо, какъ будто хотѣлъ запомнить его, какъ будто хотѣлъ передать свою волю, свою горячую любовь къ Родинѣ и желаніе спасти ее. Послѣ обхода части прошли церемоніальнымъ маршемъ. Видъ людей былъ хорошій, да и обмундированіе вполнѣ сносное; подготовка еще не закончилась вполнѣ, но для развитія успѣха вмѣстѣ со старыми частями ихъ можно было послать.

Послѣ обѣда у Гайды, въ его особнякѣ, Верховный Правитель, усталый до нельзя и отъ парада и отъ стратегическихъ споровъ, уѣхалъ. Вопросъ о Сибирской арміи былъ рѣшенъ такъ, что она будетъ продолжать свой прежній планъ движенія на Вятку-Котласъ. Между прочимъ Гайда въ этотъ день говорилъ мнѣ, что можетъ взять городъ Глазовъ въ любую минуту;

дѣйствительно, тамъ было сосредоточено силы болѣе половины всей его арміи.

— «Что же Вы не берете?»

— «Сейчасъ еще не своевременно. Прикажу взять, когда надо будетъ.»

По возвращеніи адмирала въ Омскъ, онъ со ставкой начали принимать рядъ отрывистыхъ мѣръ, пытаясь спасти положеніе. Торопили отправку частей Волжскаго корпуса. Изыскивали всюду, гдѣ можно, и посылали на фронтъ сапоги и обмундированіе. Но въ то время мало удалось собрать; дорога изъ Владивостока могла подавать незначительное количество, не хватало вагоновъ; да и генералъ Ноксъ, въ рукахъ у котораго были всѣ запасы, выдавалъ ихъ по своему собственному плану, мало, иной разъ, считаясь съ дѣйствительной нуждой русскихъ армій.

Теперь, когда результаты работъ, или правильнѣе волокиты, Главнаго Штаба были такъ печально выявлены, Верховный Правитель рѣшилъ идти на крайнія мѣры; была упразднена должность Военнаго Министра, а его права переданы начальнику штаба Верховнаго Главнокомандующаго. Но это было и поздно, да и, пожалуй, вредно, какъ всякая ломка въ тяжелые дни потрясенія.

А событія шли неумолимымъ ходомъ; остановить его или измѣнить можно было только героической общей работой. Надо было усилить Русскій фронтъ и систематически, исподволь обезвредить тылъ отъ преступной работы, направленной во вредъ дѣлу спасенія страны. Съ первой задачей справились, вторая ускользнула изъ рукъ и погубила все.

ГЛАВА III.

Подвигъ Арміи.

1.

Весна въ 1919 году была дружная. Быстро сошли снѣга, пронеслись вешнія воды, сразу выступила яркая, нѣжная зелень, земля просохла, и наступили теплые дни.

Это время самое лучшее для веденія военныхъ операцій. Наши полки и батареи вздохнули послѣ тяжелой зимы. И не смотря на всѣ недостатки, на малочисленность частей и на перевѣсъ красныхъ, наши войска прилагали всѣ усилія сдержать ихъ натискъ, остановить наступленіе. Предпринимался рядъ контръ-атакъ и маневровъ, но новыя обстоятельства свели на нѣтъ и эти усилія Западной арміи.

Основной планъ, принятый теперь, состоялъ въ томъ, чтобы, отступивъ центромъ и втянувъ за собою красныхъ, обрушиться на нихъ съ сѣвера, произвести сильный ударъ въ лѣвый ихъ флангъ Уфимскимъ корпусомъ, усиленнымъ частями генерала Каппеля.

Одна изъ первыхъ частей Волжскаго корпуса, Бугульминскій полкъ, пополненный зимой значительнымъ числомъ плѣнныхъ красноармейцевъ, въ первомъ же бою былъ обойденъ большевиками. Произошло замѣшательство, растерянность; была сдѣлана попытка пробиться, не удалось, и полкъ передался на сторону противника. 2-й Уфимскій корпусъ не успѣлъ къ этому времени сосредоточить своихъ силъ. Операція не удалась.

Западная армія продолжала отступленіе по всему фронту; въ то же время большевики проявляли все больше активности, подвозили свѣжія войска, и начали давить на правый флангъ Оренбургской, или Южной арміи.

16 мая, когда я собирался выѣзжать для вторичнаго осмотра всѣхъ частей Омскаго округа, чтобы ускорить формированіе

и подготовку трехъ дивизій, мнѣ позвонилъ адъютантъ Верховнаго Правителя по телефону и передалъ, что адмиралъ приказалъ немедленно прибыть къ нему. Когда я вошелъ въ его кабинетъ, тамъ находился уже начальникъ тшаба, генералъ Д. А. Лебедевъ. Адмиралъ Колчакъ изложилъ подробно мнѣ о томъ, что въ Западной арміи отступленіе продолжается вслѣдствіе безпорядка въ управленіи и растерянности; что командующій арміей генералъ Ханжинъ просилъ уволить его въ отпускъ, такъ какъ онъ чувствуетъ себя крайне утомленнымъ. Поэтому адмиралъ находитъ необходимымъ немедленныя перемѣны въ командованіи и улучшеніе управленія арміей, что онъ намѣренъ назначить меня сначала начальникомъ штаба Западной арміи, а, если генералъ Ханжинъ будетъ настаивать на своемъ уходѣ, то и командующимъ ею.

Я доложилъ адмиралу, что какъ солдатъ привыкъ подчиняться приказу, но имѣю соображенія противъ: 1) я и мои помощники только что втянулись въ свою работу по приведенію въ порядокъ тыла и увѣрены, что удастся скоро провести формированія, такъ необходимыя для фронта; что было бы вредно для самаго дѣла бросить сейчасъ эту работу; 2) что, какъ я слышалъ, среди высшаго командованія Западной арміи происходятъ тренія, которыя мнѣ сразу будетъ трудно уладить.

Верховный Правитель настаивалъ и сказалъ, что онъ самъ съ генераломъ Лебедевымъ займется тыломъ. Хотя и съ тяжелымъ сердцемъ я принужденъ былъ согласиться; моимъ отвѣтомъ, была искренняя мысль, которая руководила всей дѣятельностью, внѣ которой я не видѣлъ успѣха:

— «Подчиняясь Вашему приказу, я приложу всѣ силы и разумѣніе на работу съ Западной арміей. Но, Ваше Высокопревосходительство, позвольте высказать мое убѣжденіе, вынесенное изъ нашей войны съ Германіей, изъ борьбы на Дону, изъ эпопеи на Волгѣ, изъ большихъ личныхъ переживаній, — успѣхи дѣйствующей арміи ничего не значатъ, сводятся къ нулю, если тылъ не устроенъ. А у насъ сейчасъ въ тылу полная разруха; необходимо теперь же наладить тамъ внутренній порядокъ и заставить всѣхъ способныхъ носить оружіе идти на фронтъ. Иначе всѣ жертвы на боевомъ фронтѣ будутъ безполезны и даже вредны. Армія исполнитъ свой долгъ; лично я отдамъ всѣ силы ей, но надо заставить работать тылъ. Необходимо также вычистить его отъ соціалистовъ.»

— «Все это я обѣщаю самъ сдѣлать», отвѣтилъ адмиралъ и благословилъ меня на новую боевую службу.

Уже при ознакомленіи по матеріаламъ, имѣвшимся въ ставкѣ, съ состояніемъ Западной арміи, ея положеніемъ, съ послѣдними данными о противникѣ и съ ходомъ операціи, стало

вырисовываться много ненормальнаго; было ясно, что работа штаба арміи оставляла желать многаго; приходилось исподволь и тамъ ввести тотъ же методъ работы, жизненный и живой, безъ котораго немыслимъ полный успѣхъ ни въ какомъ дѣлѣ.

Пригласивъ съ собою ближайшимъ помощникомъ полковника Оберюхтина изъ Главнаго Штаба, я черезъ день выѣхалъ въ Уфу.

Тяжело было разставаться съ дѣломъ, въ которое я ушелъ весь, завязалъ близкія, дружественныя дѣловыя связи со всѣми начальниками на мѣстахъ, узналъ мѣстныя условія. Было грустно оставлять и работу, и тѣхъ хорошихъ русскихъ людей, съ которыми вмѣстѣ мы надѣялись удачно закончить организацію и чистку тыла. Мои друзья въ Омскѣ провожали меня на новую дѣятельность, и многіе говорили, что напрасно я согласился: уѣзжаю отъ работы, которую началъ налаживать, и ѣду въ армію въ то время, когда тамъ ничего уже сдѣлать нельзя.

По пути я сдѣлалъ нѣсколько небольшихъ остановокъ, чтобы ознакомиться съ ближайшимъ тыломъ арміи. Первая остановка была въ Курганѣ, гдѣ грузились въ эшелоны послѣднія части Волжскаго корпуса и его тыловыя учрежденія, еще даже не закончившія своего формированія. Части производили хорошее впечатлѣніе, чему много содѣйствовалъ ихъ внѣшній видъ, — новенькое англійское обмундированіе съ русскими бѣлыми погонами; люди были хорошо обуты, имѣли достаточно бѣлья, у всѣхъ имѣлись шинели и исправное оружіе. Здѣсь же мнѣ было доложено, что соціалисты, скрытые остатки учредиловцевъ, пытались за послѣднія двѣ недѣли организовать въ Курганѣ тайныя собранія и митинги, но имъ это не удалось, такъ какъ почти весь офицерскій составъ не пошелъ съ ними, а солдатскія массы послѣ опытовъ этой партіи въ 1917 году не поддавались уже на ихъ лживыя рѣчи, не прельщались ихъ дешевыми лозунгами.

Слѣдующая остановка была въ Челябинскѣ, гдѣ сосредоточивались всѣ тыловыя учрежденія Западной арміи, — склады, мастерскія, запасныя части, все собственное хозяйство арміи. Въ складахъ имѣлись различные матеріалы, мастерскія могли изготавливать и чинить обмундированіе, обувь, оружіе, продовольственные магазины оказались наполненными различнымъ продовольствіемъ на полтора мѣсяца, причемъ средства раіона не были еще полностью использованы. Армію можно было считать обезпеченной; слѣдовало только объединить дѣятельность тыловыхъ учрежденій съ армейскими органами, дать все въ однѣ хозяйскія руки; слѣдовало также расширить мастерскія и наладить своевременный подвозъ. А то выяснялось, что интендантъ въ Челябинскѣ не имѣлъ связи съ армейскимъ интен-

дантомъ и, работая довольно много, располагая всякими запасами, не зналъ точно нуждъ фронта; весь планъ заготовокъ строилъ на соображеніяхъ чисто-теоретическихъ. Такая же невязка была въ управленіяхъ, инженерномъ, артиллерійскомъ и санитарномъ.

Запасныя части были полны новобранцами; молодые парни, въ возрастѣ отъ 20 до 22 лѣтъ, являлись отличнымъ матеріаломъ для арміи, но при большой работѣ по ихъ подготовкѣ забывались нѣкоторыя стороны, необходимыя для фронта; такъ совершенно не проходили курса стрѣльбы, изъ-за экономіи патроновъ. Но вѣдь было гораздо экономнѣе имѣть на фронтѣ солдатъ, умѣющихъ стрѣлять, ибо они, придя на фронтъ, будутъ выпускать въ бояхъ меньше патроновъ и съ большими результатами. Ощущался недостатокъ въ офицерахъ, причемъ запасныя части не только не собирали ихъ для фронта, а еще претендовали на полученіе офицеровъ изъ дѣйствующей арміи; не было совершенно школъ для повторительнаго офицерскаго курса и для подготовки портупей-юнкеровъ. Всѣ эти задачи требовали разрѣшенія съ первыхъ дней моего вступленія въ новую должность. Втеченіе перваго мѣсяца удалось исподволь ихъ наладить, такъ что съ средины іюня армейскій тылъ работалъ, какъ заведенная машина съ исправнымъ механизмомъ, хорошо приложеннымъ для нуждъ фронта.

Промелькнулъ дивный красавецъ Уралъ, съ его отвѣсными скалами, развѣсистыми соснами и быстрыми горными рѣчками; пересѣкли у станціи Уржумки пограничный столбъ между Европой и Азіей. 20 мая я прибылъ въ Уфу, въ этотъ чисто русскій городъ, красиво расположенный на высокой горѣ надъ могучей, полноводной рѣкой Бѣлой. За Бѣлой разстилалась и уходила къ горизонту безграничная равнина, зеленыя плодородныя степи; манила и сладко волновала сиреневая дымка ихъ далей, — тамъ были близкія родныя мѣста, тамъ желанная Волга. И только стѣна интернаціонала, нагло вторгшагося въ Родину нашу, отдѣляетъ насъ отъ всего близкаго, самаго дорогого.

2.

Въ тотъ же день я вступилъ въ должность начальника штаба Западной арміи. Къ этому времени наши части бросили уже Бугульму, оставили Бугурусланъ, Белебей и отходили дальше. Два корпуса, 1-й Волжскій и 2-й Уфимскій сдерживали на фронтѣ напоръ красныхъ и прикрывали направленіе Самара-Уфа, а 3-й Уральскій корпусъ былъ выведенъ въ резервъ на р. Бѣлую сѣвернѣе города Уфы для отдыха и пополненія. На станціи около Уфы выгружались изъ эшелоновъ 1-я Сибирская казачья дивизія и Волжская кавалерійская бригада.

23-го мая правый флангъ Южной (Оренбургской) арміи, прикрывавшій направленіе на Стерлитамакъ, отскочилъ болѣе, чѣмъ на пятьдесятъ верстъ, оставивъ этотъ городъ и уйдя на восточный берегъ Бѣлой. Это было полной неожиданностью, такъ какъ еще накунунѣ были получены сводки Южной арміи о полномъ успѣхѣ въ отбитіи атакъ красныхъ и даже о частичномъ переходѣ нашихъ въ наступленіе. Создавшееся теперь положеніе было въ высшей степени тяжелое для Западной арміи: нашъ лѣвый флангъ былъ совершенно на вѣсу; между нимъ и правымъ флангомъ Южной арміи образовался промежутокъ болѣе шестидесяти верстъ, широкая открытая дверь, — отъ Стерлитамака по западному берегу Бѣлой идетъ на Уфу большая дорога, которою могли свободно пройти въ городъ силы красныхъ.

Въ Уфѣ поднялось смятеніе. Генералъ Ханжинъ въ первую минуту предполагалъ отдать приказъ о немедленномъ отходѣ за Бѣлую всей нашей арміи. Но это было немыслимо, такъ какъ наше отступленіе отдало бы въ руки большевиковъ нѣсколько тысячъ раненыхъ и больныхъ, около десятка госпиталей, семьи офицеровъ и добровольцевъ, огромные запасы военнаго имущества и артиллерійскіе парки. Кромѣ того эта поспѣшность разрушила бы весь планъ дѣйствій, по которому 3-й Уральскій корпусъ и конница должны были къ западу отъ рѣки ударить по краснымъ, накапливавшимся въ промежуткѣ между Западной и Сибирской арміями.

Послѣ обсужденія было рѣшено, что нѣтъ основанія спѣшить съ отходомъ и отказываться отъ выполненія этой операціи, такъ какъ большевики не имѣли достаточно силъ для быстраго наступленія въ образовавшійся промежутокъ; кромѣ того психологія ихъ командного состава и массъ не была въ то время такова, чтобы идти на рискованныя предпріятія. Намъ же необходимо было рисковать, такъ какъ отступленіе за Бѣлую не было подготовлено, къ эвакуаціи Уфы почти не приступали, желѣзная дорога работала безъ всякаго плана, хаотически и была забита до предѣла; кромѣ того саперы не закончили еще постройку мостовъ и переправъ черезъ рѣку Бѣлую. Если бы начать отступленіе тогда же, то мы не только бы не вывезли ничего изъ Уфы, но не смогли бы отвести въ порядкѣ и войска.

Скоро событія доказали полную справедливость и правильность разсчетовъ и нашего риска. Городъ Стерлитамакъ, оставленный Южной арміей, три дня лежалъ въ нейтральной полосѣ, — красные его не занимали. Генералъ Каппель успѣшно справлялся на лѣвомъ флангѣ нашей арміи и, переходя къ активнымъ дѣйствіямъ, билъ короткими ударами большевиковъ, стремившихся выйти намъ въ тылъ.

Эти дни были самые трудные. Приходилось одновременно налаживать службу штаба, подготавливать новую операцію, переправы черезъ Бѣлую, организовать линію обороны рѣки и производить эвакуацію Уфы. До чего все было въ хаотическомъ положеніи, — въ концѣ этой недѣли ко мнѣ въ канцелярію влетѣлъ какой то растрепанный штатскій съ краснымъ взволнованнымъ лицомъ. Прерывающимся голосомъ онъ началъ сбивчиво разсказывать о томъ, какъ они не могутъ справиться и вывезти нѣсколько десятковъ милліоновъ пудовъ разнаго зерна и муки, погруженныхъ на баржи, на пристаняхъ рѣки Бѣлой.

— «О чемъ же Вы думали раньше?»

— «Намъ только сегодня прислали приказъ изъ министерства.»

— «Что же Вамъ надо, какую помощь Вы ожидаете найти у меня?»

Оказалось, по его словамъ, что они хотѣли теперь получить въ свое распоряженіе всю желѣзную дорогу и просили пріостановить остальную эвакуацію. Понятно, это было невыполнимо. Такъ почти всѣ эти большіе запасы и достались потомъ въ руки большевиковъ.

Самое худшее было то, что штабъ арміи потерялъ управленіе и какой-либо престижъ, самую тѣнь довѣрія къ себѣ; почти каждый начальникъ привыкъ критиковать всякое распоряженіе штаба, протестовать, а иногда и не исполнять. Вслѣдствіе этого отсутствовала согласованность дѣйствій и не было возможности провести цѣльно какой-бы то ни было планъ. Правда, нѣкоторые основанія этому были; даже самая техника работы армейскаго штаба вызывала такое къ себѣ отношеніе, — связь съ корпусами и отрядами не была обезпечена, военная тайна не охранялась, и доходило до того, что на оперативный телеграфъ могъ придти всякій, открыто печатались въ литографіи красивыя цвѣтныя схемы боевого расположенія нашихъ войскъ съ подробнымъ перечисленіемъ частей; отдѣлъ генералъ-квартирмейстера кишѣлъ весь день самой разнообразной публикой.

Между прочимъ, ко мнѣ явились представители французской миссіи полковникъ Ф. и капитанъ М.; они заявили при первомъ же разговорѣ, что почти каждое рѣшеніе командующаго арміей дѣлалось извѣстнымъ въ городѣ въ тотъ же день черезъ гостинныя и знакомыхъ.

Все это надо было круто и сразу измѣнить, необходимость вызывала подъ часъ рѣзкія мѣры. Также приходилось поступать и въ другихъ отрасляхъ. Но всѣ были проникнуты желаніемъ настоящей работы, всѣ съ надеждой смотрѣли на будущее и готовы были на жертвы для успѣха. Это облегчало трудную работу и давало много цѣнныхъ помощниковъ.

Въ дѣлѣ эвакуаціи Уфы и налаживаніи работы желѣзной дороги неоцѣнимую помощь оказали полковникъ С. и инженеръ Д., пріѣхавшіе изъ Омска. Трудность заключалась въ томъ, что ежедневно прибывало много вагоновъ съ эшелонами все подходящихъ частей и тыловыхъ учрежденій 1-ой Сибирской казачьей дивизіи и Волжскаго корпуса, забивали станцію, къ тому же вывозъ грузовъ и подвижного состава шелъ медленно и безъ плана; къ итогу каждаго дня число вагоновъ на станціи все увеличивалось и дошло до цифры въ двѣ съ половиной тысячи.

Опасаюсь, что несмотря на всѣ эти подробности, не удастся обрисовать трудность тогдашняго положенія и работы; штабъ, усиленный новыми людьми, занимался отъ семи часовъ утра и до десяти, одиннадцати часовъ ночи, почти безъ перерыва для завтрака и обѣда, давая максимумъ напряженія. Ясно вставала опасность, что если не примѣнить исключительныхъ мѣръ и работы, то неуспѣхъ можетъ обратиться въ катастрофу.

Немалое затрудненіе заключалось еще и въ томъ, что организмъ арміи, молодой, неустроенной и почти еще иррегулярной, требовалъ постепеннаго веденія операціи отхода, — иначе можно было бы испортить все и развалить армію. Клинокъ хорошей, но необработанной, перекаленной стали согнулся почти въ кольцо; если его отпустить сразу, выпрямить мгновенно, — клинокъ отпрянетъ со звономъ, мелькнетъ въ воздухѣ молніей метала и разобьется отъ силы удара на куски, пропадетъ. Осторожно надо выпрямлять сталь, постепенно отводя концы клинка, бережно храня его. . .

Необходимо также было считаться и съ тѣмъ, что наша молодая армія требовала укрѣпленія въ ней вѣры въ свою силу, въ способность выигрывать дѣла, побѣждать. Это было особенно необходимо теперь, такъ какъ неуспѣхъ весенняго наступленія, неожиданное крушеніе всѣхъ напряженій и результатовъ значительно подорвали вѣру и даже расшатали дисциплину, особенно среди высшаго командного состава.

Наладивъ первые шаги новой работы въ штабѣ, генералъ Ханжинъ и я поѣхали на боевой фронтъ, чтобы на мѣстѣ ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ. Планъ операціи уже приводился въ исполненіе: 3-й Уральскій корпусъ и 11-я дивизія сосредотачивались на сѣверъ отъ Уфы, чтобы ударить по краснымъ, наступавшимъ на Бирскомъ направленіи, въ разрѣзъ между нашимъ правымъ флангомъ и Сибирской арміей. Надо было во что бы то ни стало задержать наступленіе красныхъ на фронтѣ, пока это сосредоточеніе не закончится. Эта тяжелая задача выпала на части 2-го Уфимскаго корпуса.

Была вторая половина свѣтлаго мая. Вся земля ярко зеленѣла новыми всходами, въ воздухѣ звенѣли жаворонки.

Кусты черемухи утопали въ пышныхъ бѣлыхъ гирляндахъ цвѣтовъ, наполняя воздухъ своимъ нѣжнымъ возбуждающимъ ароматомъ.

Родныя деревни съ ихъ бѣдными сѣрыми избами, соломенными крышами, съ улицами, наполненными веселыми, беззаботными ватагами бѣлоголовыхъ босоногихъ ребятъ, шумѣли какъ ульи пчелъ, проснувшихся весной отъ зимней спячки.

А за деревнями чернѣли батареи, цѣпи стрѣлковъ вели наступленіе. Въ прозрачномъ воздухѣ плыли бѣлыя облака шрапнельнаго дыма, и гулко, и далеко разносилось эхо выстрѣловъ. Въ складкахъ мѣстности и въ оврагахъ стояли резервы.

Все, что приходилось слышать раньше и читать въ донесеніяхъ о состояніи геройскихъ бѣлыхъ частей блѣднѣло передъ дѣйствительностью. Маленькія, иногда въ 20—25 рядовъ роты; люди выстроены и выравнены съ обычной тщательностью при встрѣчѣ начальства. Раздается уставная, такъ знакомая, русская команда, бодрыя отрывистыя фразы; винтовки обычнымъ пріемомъ «на краулъ», — все какъ было сотни лѣтъ, когда наша армія создавала Великую Россію, все такъ же, какъ было и въ недавніе дни, когда Русская армія спасала на Галиційскихъ и Восточно-Прусскихъ поляхъ Францію, Италію и Англію. Но внѣшній видъ этихъ русскихъ полковъ былъ совершенно отличный отъ того, какой они имѣли всегда раньше. Какъ будто это были не воинскія части, а тысячи нищихъ, собранныхъ съ церковныхъ папертей. Одежда на нихъ самая разнообразная, въ большинствѣ своя, крестьянская, въ чемъ ходилъ дома; но все потрепалось, износилось за время непрерывныхъ боевъ и вы-

Михайловец
из партизанъ

глядитъ рубищемъ. Почти на всѣхъ рваные сапоги, иногда совсѣмъ безъ подошвъ; кое-кто еще въ валенкахъ, а у иныхъ ноги обернуты тряпками и обвязаны веревочкой; татары большею частью въ лаптяхъ. Штаны почти у всѣхъ въ дырьяхъ, черезъ которыя просвѣчиваетъ голое тѣло. Сверху одѣты кто какъ: кафтаны, зипуны, рубахи, и изрѣдка только попадаются солдатскій мундиръ или гимнастерка. Офицеры ничѣмъ не отличались по внѣшности отъ солдатъ. Они стояли въ строю, обвѣшанные мѣшками и котомками съ патронами, и все тѣло ихъ, согнутыя ноги, опущенныя плечи, — показывали, какъ эти люди устали за время долгой войны и послѣднихъ боевъ. Но узловатыя сильныя руки крѣпко сжимали винтовки; у большинства не было штыковъ. На вопросъ, почему такъ, — отвѣчали:

— «Вѣдь мы всѣ винтовки отнимали отъ красныхъ, а тѣ не любятъ носить штыкъ, бросаютъ его.»

Не забыть никогда того дивнаго выраженія, полнаго невыразимой теплоты и чувства высокаго подвига, что свѣтились въ этихъ десяткахъ тысячъ русскихъ сѣрыхъ глазъ. Такъ могутъ смотрѣтъ только истинные герои, скромные, простые и незамѣтные, которые молча и всецѣло отдали жизнь свою для спасенія родной страны.

Когда мы стали выяснять нужды войскъ и записывать ихъ, то оказалось проще записывать не то, чего не доставало, а что имѣлось; нехватка была почти во всемъ. И такая неотложная нужда во всемъ; требовалась немедленная подача снабженій изъ тыла.

По возвращеніи въ Уфу начали усиленно давить на интендантство и Омскъ; давленіе это не прекращалось послѣ того ни на одинъ день, такъ какъ даже и съ этимъ прессомъ мы мало получали и никогда не были въ состояніи удовлетворить всѣ нужды арміи.

Сосредоточеніе Уральскаго корпуса и 11-й дивизіи запоздало. Начались безконечныя препирательства и ссылки на усталость, на затрудненія, на невозможность, — все то, къ чему привыкли нѣкоторые промежуточные начальники раньше, за періодъ иррегулярства. Генералъ В., командовавшій 11-й дивизіей, позволилъ себѣ даже заявить прямо, что онъ приказа о движеніи не исполнитъ, такъ какъ онъ обѣщалъ дивизіи дать отдыхъ. Пришлось его смѣнить, назначивъ слѣдствіе; дивизію повелъ новый ея начальникъ генералъ-маіоръ Круглевскій, но уже съ потерей цѣлыхъ сутокъ.

Командующимъ арміей принимались всѣ мѣры, чтобы устранить затрудненія. Надо было усилить войска артиллеріей и пулеметами; работая дни и ночи, собрали все, что было возможно найти подъ рукой.

Между прочимъ докладываютъ, что въ Уфѣ, на станціи, стоитъ еще одна батарея, французская, съ отличными скорострѣльными орудіями, снабженная всѣмъ превосходно сверхъ мѣры. Я пригласилъ офицеровъ французской миссіи Ф. и К. Познакомивъ ихъ въ общихъ чертахъ съ планомъ дѣйствій, съ начавшейся операціей, я просилъ ихъ дать батарею для 11-й дивизіи.

— «О, mon général, наши офицеры и люди будутъ въ восторгѣ; они давно рвутся въ дѣло, чтобы помочь русскимъ», галантно отвѣтили мнѣ французскіе офицеры. — «Но только мы должны раньше спросить генерала Жанэна.»

— «Такъ, пожалуйста, прошу Васъ скорѣе, намъ необходима батарея не позже сегодняшняго вечера.»

— «О, это будетъ, мы не сомнѣваемся, что генералъ Жанэнъ разрѣшитъ. Это только простая формальность.»

Вечеромъ приглашаю ихъ снова. Какой отвѣтъ?

— «Представьте, mon général, мы еще не получили отвѣта. Вотъ если бы можно было поговорить по прямому проводу.»

— «Пожалуйста, телеграфъ къ Вашимъ услугамъ. Но, прошу, скорѣе! . .»

На слѣдующее утро опять никакого отвѣта. Не могли добиться къ проводу самого генерала Жанэна, а его начальникъ штаба не бралъ на себя рѣшенія. Подождали до вечера, подготовили автомобильно-грузовую колонну, чтобы батарея могла догнать 11-ую дивизію. Но такъ никакого отвѣта получено и не было. Полковникъ Ф. и капитанъ К. сами не понимали и, какъ будто, искренно чувствовали себя сконфуженными.

Ударъ по краснымъ на Бирскомъ направленіи начался удачно. Ихъ 35-я совѣтская дивизія сначала дрогнула, одинъ полкъ бѣжалъ даже такъ, что его не могли догнать роты, посаженныя на телѣги, но запозданіе въ маршахъ и несогласованность наступленія Сибирской арміи, которая наконецъ-то по приказу ставки должна была содѣйствовать намъ, — дали возможность большевикамъ подвести резервы и задержать наше продвиженіе. Операція затянулась. А на фронтѣ, 2-й Уфимскій корпусъ, истощивъ всѣ усилія, началъ быстро отходить къ Уфѣ. Оставленіе города и уходъ за Бѣлую стали неизбѣжными. Надо было только выиграть время, чтобы вывезти всѣхъ раненыхъ и больныхъ, госпиталя и склады интендантскихъ запасовъ, а также семьи офицеровъ и добровольцевъ. Чтобы закончить эвакуацію, желѣзной дорогѣ требовалось еще десять дней, въ теченіи которыхъ войска должны были удерживать за собой западный берегъ Бѣлой. И это было выполнено, благодаря конницѣ, которая вышла на фронтъ и прикрыла собою усталыхъ уфимцевъ.

Могли бы получиться и большіе результаты, если бы этотъ сводно-конный корпусъ подъ командой генерала Волкова выполнилъ полно и точно данную ему задачу, вышелъ бы на флангъ красныхъ и произвелъ оттуда ударъ, не стремясь занять растянутое фронтальное расположеніе. Но нельзя требовать идеаловъ; надо помнить, что блестящія кавалерійскія дѣла рѣдки въ исторіи такъ же, какъ рѣдки крупные чистѣйшей воды бриліанты; и зависятъ онѣ отъ исключительныхъ талантовъ и свойствъ высшаго кавалерійскаго начальника. Онъ долженъ быть смѣлымъ до дерзости, быстро находчивымъ всегда и вездѣ, свободнымъ отъ всякой заботы о своемъ тылѣ, не думать и о своихъ флангахъ, а лишь — о тылѣ и флангахъ противника; онъ долженъ знать въ совершенствѣ и умѣть использовать свойства всадника и его лошади. Онъ, какъ орелъ, свободно, легко и смѣло паритъ въ пространствѣ, чтобы все видѣть своимъ острымъ взглядомъ и стремительно бить врага тамъ, гдѣ его всего меньше ожидаютъ.

Наша конница работала скромно, безъ громкихъ блестящихъ дѣлъ, но упорно, постоянно и беззавѣтно. И здѣсь, подъ Уфой, она сдѣлала многое и дала возможность пѣхотѣ планомѣрно, безъ спѣха, совершить свой отходъ за рѣку; благодаря этому удалось закончить и эвакуацію.

Желѣзнодорожники старались изо всѣхъ силъ, особенно, когда съ пріѣздомъ полковника Супруновича почувствовалась твердая рука, систематическій планъ и рѣшимость не отступать отъ него. Весьма характерно, что почти всѣ желѣзнодорожные рабочіе, даже деповскіе, т. е. обычно наиболѣе склонные къ броженію, просили вывезти ихъ съ семьями, не желая оставаться и работать при большевикахъ. Удалось вывезти изъ Уфы все; даже несмотря на преступно небрежное отношеніе интенданта арміи и его помощниковъ, которые бросили склады и поспѣшили уѣхать изъ Уфы, когда ей не грозила еще прямая опасность. Своей поспѣшностью интендантъ полковникъ С. произвелъ панику, въ которой надѣялся скрыть многіе грѣхи и злоупотребленія. Онъ былъ преданъ военно-полевому суду; на его мѣсто назначили другого, которому пришлось изъ за потери трехъ дней доканчивать эвакуацію уже подъ выстрѣлами большевистской артиллеріи.

Теперь, когда вся Западная армія отошла и заняла новый фронтъ на восточномъ берегу р. Бѣлой, первая задача наша — была не пустить большевиковъ за рѣку, а въ случаѣ ихъ переправы сбросить и разбить по частямъ. Это представлялось тѣмъ болѣе возможнымъ, что Бѣлая въ этомъ мѣстѣ — довольно серьезная преграда, мы же успѣли составить небольшіе резервы, выведя изъ первой линіи двѣ дивизіи.

Эта задача была блестяще выполнена Волжскимъ корпусомъ южнѣе Уфы; генералъ Каппель впустилъ красныхъ, далъ возможность переправиться одной бригадѣ 24-й совѣтской дивизіи, затѣмъ атаковалъ ее съ сѣвера, опрокинулъ сильнымъ ударомъ въ рѣку и почти уничтожилъ.

Городъ Уфу и средній боевой участокъ оборонялъ 2-й Уфимскій корпусъ. Ему не удалось разбить красныхъ, переправившихся здѣсь, хотя вначалѣ дѣло шло вполнѣ успѣшно для насъ. Правѣе уфимцевъ, ниже по теченію рѣки Бѣлой, оборона лежала на 3-мъ Уральскомъ корпусѣ; центръ его былъ городъ Бирскъ. Въ то время, когда уфимцы ударяли съ юга, уральцы должны были обрушиться съ сѣвера и уничтожить совмѣстно группу красныхъ, переправившихся сѣвернѣе Уфы (примѣрно въ раіонѣ Благовѣщенскаго Завода). Сначала наше наступленіе развивалось успѣшно. Но на второй день случилась измѣна въ одномъ изъ полковъ 6-й Уральской дивизіи, гдѣ только что прибывшее пополненіе, распропагандированное соціалистами, бросилось во время боя на своихъ офицеровъ, перебила часть ихъ, послѣ чего сдалась краснымъ. Это обстоятельство испортило все дѣло; красные стали распространяться все глубже, угрожая выйти въ тылъ 2-му Уфимскому корпусу и перерѣзать желѣзную дорогу.

Войска Западной арміи были отведены тогда на линію горныхъ Уральскихъ проходовъ; это давало намъ возможность сильно сократить силы первой линіи и оттянуть 2-й Уфимскій корпусъ въ резервъ; онъ былъ поставленъ за первой грядой горъ въ долинахъ рѣкъ Юрезань и Ай. Начались усиленныя работы по комплектованію и снабженію уфимцевъ, которые такъ долго, беззавѣтно и безъ отдыха несли боевую службу на фронтѣ.

Уфа была оставлена 8 іюня. Штабъ арміи перешелъ на станцію Бердяушъ. Здѣсь, вдали отъ большого города, было гораздо легче вести спѣшную организаціонную работу, заниматься исправленіемъ всѣхъ недочетовъ и подготовкой арміи къ рѣшительному переходу въ наступленіе для перелома кампаніи.

Прежде чѣмъ говорить объ этомъ, необходимо выяснить, какъ обстояло дѣло съ Сибирской арміей.

3.

Когда обозначилась неудача весенней кампаніи Западной арміи и была оставлена Уфа, генералъ Гайда отдалъ приказъ своей сѣверной группѣ перейти въ наступленіе и взять городъ Глазовъ. Это было исполнено легко. Впечатлѣніе получилось сильное, такъ какъ казалось, что всѣ слова и предсказанія

Гайды оправдываются; въ Омскѣ загорѣлась надежда на новый успѣхъ, на новомъ операціонномъ направленіи.

Но это только казалось при поверхностномъ взглядѣ. На самомъ же дѣлѣ происходило другое. Большевики, навалившись всей силой на Западную армію, сокрушивъ ея наступленіе на Волгу и оттѣснивъ за рѣку Бѣлую, начали теперь переброску своихъ силъ отчасти на южный фронтъ генерала Деникина, а частью на сѣверъ, противъ Сибирской арміи. Почти одновременно съ занятіемъ Глазова начались неуспѣхи на Казанскомъ направленіи. Повторились тѣ же событія, что и въ Западной арміи, но въ гораздо большемъ размѣрѣ, такъ какъ въ Сибирской арміи, сильно подпавшей пропагандѣ соціалистовъ-революціонеровъ, происходили массовыя возстанія войскъ и измѣна.

Гайда использовалъ эти затрудненія по своему. Онъ прислалъ въ Омскъ, минуя Верховнаго Правителя, прямо въ кабинетъ министровъ ноту, гдѣ излагалъ, что причина всѣхъ неудачъ лежитъ въ неумѣломъ руководствѣ арміями, что такъ дѣло погибнетъ, если не передадутъ командованія всѣми вооруженными силами Россіи ему, Гайдѣ. Особенно онъ нападалъ на начальника штаба Верховнаго Правителя, на генерала Лебедева. Тонъ ноты былъ угрожающій, — что-де, если не подчинятъ всѣ арміи Гайдѣ, то онъ или уѣдетъ совсѣмъ, или повернетъ штыки своей арміи на Омскъ.

Тамъ поднялась большая тревога. Адмиралу Колчаку пришлось ѣхать самому въ Екатеринбургъ на свиданіе съ Гайдой; оттуда они оба вернулись въ Омскъ. Здѣсь шли долгія колебанія, переговоры, а Сибирская армія въ это время отходила все дальше. Верховный Правитель хотѣлъ прогнать Гайду, такъ какъ выяснились уже почти всѣ закулисные замыслы его и окружавшихъ его эсъ-эровъ. Но не рѣшился на этотъ, какъ тогда казалось, крайній шагъ и пошелъ на уступки. Гайдѣ была подчинена Западная армія — въ оперативномъ отношеніи.

Насъ засталъ этотъ приказъ за работой по подготовкѣ арміи къ новой операціи. Производилась мобилизація во всемъ армейскомъ раіонѣ; крестьяне и рабочіе Уральскихъ заводовъ сами просили увеличить возрастъ призыва, такъ какъ они желали идти въ армію противъ большевиковъ всѣ поголовно, пріѣзжали депутаціи изъ селъ и заводовъ. На каждомъ шагу были доказательства того, что самъ народъ хотѣлъ сбросить иго чужеземнаго захвата, ненавистную власть интернаціонала.

Однажды, когда въ эти дни я ѣхалъ на автомобилѣ къ войскамъ на правый флангъ арміи, мы обогнали длинный, растянувшійся крестьянскій обозъ.

— «Какой части?»

— «Дуванской волости,» отвѣчали возницы.
— «Что везете?»
— «Хлѣбъ.»
— «Куда?»
— «Да въ армію, значитъ, веземъ.»

Никого изъ представителей интендантства не было, не видно команды при обозѣ. Непорядокъ. Но собравшіеся около автомобиля крестьяне сейчасъ же разъяснили недоразумѣніе.

— «Вишь, Ваше Превосходительство, прослышали мы, что въ Вашей арміи хлѣба нехватка, ну наша волость собрала сходъ, и постановили, кому сколько испечь караваевъ. Вчерась пекли, собрали шестьсотъ пудовъ. А вотъ, теперь, значитъ, мы и веземъ хлѣбушко-то» .... тихимъ, ласковымъ голосомъ разсказывалъ мнѣ бѣлый, какъ лунь, старикъ крестьянинъ.

Также по всему Златоустовскому уѣзду собирали крестьяне совершенно добровольно одежду и даже нѣсколько сотъ паръ сапогъ; а въ этомъ они сами очень нуждались. Объ ихъ подъемѣ, объ ихъ готовности жертвовать всѣмъ для спасенія родины отъ большевиковъ, за которыми они своимъ здоровымъ инстинктомъ чувствовали чуждый народу, враждебно и злорадно ненавидящій все русское — интернаціоналъ, — обо всемъ этомъ свидѣтельствуютъ рядъ подобныхъ фактовъ и множество документовъ, приговоры сельскіе, волостные и заводскіе.

Налаживалось у насъ въ арміи и дѣло снабженія въ рукахъ молодого, энергичнаго полковника Б., замѣнившаго уфимскаго интенданта, котораго военно-полевой судъ приговорилъ за преступныя дѣянія и полную небрежность къ шести годамъ каторжной тюрьмы.

Урегулированъ былъ также вопросъ съ офицерскимъ пополненіемъ. Начали уже дѣйствовать три вновь открытыя школы, которыя готовили для арміи до тысячи офицеровъ и портупей-юнкеровъ.

2-й Уфимскій корпусъ пополнялся, одѣвался, отдыхалъ и съ каждымъ днемъ дѣлался сильнѣе. Работали въ арміи всѣ, отъ генерала до рядового стрѣлка, не покладая рукъ, вѣруя въ правоту нашего дѣла и твердо надѣясь на успѣхъ его. Войска, стоявшія на фронтѣ, отбивали всѣ попытки красныхъ сбросить насъ съ горныхъ проходовъ Урала; при этомъ начальники, отъ самыхъ высшихъ, принимали непосредственное участіе въ руководительствѣ боями, часто бывая въ опасные моменты въ передовыхъ частяхъ.

И вотъ какъ разъ въ это время была получена телеграмма изъ ставки о подчиненіи Западной арміи Гайдѣ на правахъ главнокомандующаго, а черезъ нѣсколько часовъ пришелъ и его первый и единственный приказъ.

Грубо и цинично онъ писалъ, что обвиняетъ въ неудачахъ на фронтѣ русскихъ офицеровъ, главнымъ образомъ высшихъ начальниковъ, которые будто бы слишкомъ далеко держатся отъ боевой линіи, что Западная армія отступала изъ за недостатка стойкости и мужества. Дальше шло приказаніе никому не отступать ни шагу назадъ, и опять обвиненіе офицеровъ и начальниковъ, угроза имъ разстрѣломъ. А затѣмъ добавлялось, что онъ, Гайда, сумѣетъ въ нѣсколько дней поправить положеніе и дать побѣду. Чувствовалось въ этомъ приказѣ та же нота и та же скрытая рука, что и въ знаменитомъ приказѣ 1917 года № 1; какъ тогда, такъ и теперь, было стремленіе натравить массы на офицеровъ, раздѣлить ихъ, лишить спайки. Но на этотъ разъ дѣло не выгорѣло. Наученъ нашъ русскій народъ, прозрѣлъ онъ и умѣетъ разбираться въ коварныхъ замыслахъ соціалистовъ всѣхъ ранговъ и нарѣчій.

Вся армія была оскорблена этимъ приказомъ. Отъ многихъ начальниковъ поступили рапорты съ просьбой оградить армію отъ пріемовъ натравливанія на офицеровъ и отъ незаслуженныхъ оскорбительныхъ обвиненій. Генералъ Ханжинъ вновь послалъ Верховному Правителю телеграмму съ просьбой уволить его въ отпускъ для поправленія здоровья.

Гайда, надо сказать правду, пытался остановить развалъ и отступленіе своей арміи; онъ даже выѣхалъ тамъ на фронтъ со своимъ «безсмертнымъ» батальономъ, но за нимъ потянулись туда же и эсъ-эры, окружавшіе его къ этому времени тѣснымъ кольцомъ. И ихъ преступная работа пошла уже въ открытую. Результаты не заставили себя ждать. «Безсмертный батальонъ имени Гайды» перешелъ на сторону большевиковъ однимъ изъ первыхъ; вслѣдъ за тѣмъ это печальное явленіе повторялось почти ежедневно на различныхъ участкахъ всего фронта Сибирской арміи. Неудача ея вмѣсто обѣщанныхъ легкихъ успѣховъ подѣйствовала удручающе на населеніе и войска; а усилившаяся пропаганда соціалистовъ, эсъ-эровъ и большевиковъ, ввергла массы снова въ нервное состояніе, полное волненій и броженія. Этимъ и объясняются всѣ измѣны воинскихъ частей и переходъ нѣкоторыхъ изъ нихъ на сторону красныхъ. И все это происходило какъ разъ въ то время, когда внутреннее положеніе въ сосѣдней Западной арміи становилось все прочнѣе, чисто народное движеніе противъ большевиковъ увеличивалось тамъ съ каждымъ днемъ.

Сибирская армія, такъ недавно еще сильная и многочисленная, таяла и исчезала. Кромѣ указанныхъ выше причинъ, много способствовало этому безостановочное отступленіе, почти безъ попытокъ образовать резервы и переходомъ въ наступленіе остановить натискъ красныхъ. Безъ боевъ была оставлена Пермь съ заводами, съ потерей огромнаго количества

снабженія, складовъ, съ потерей всей нашей рѣчной флотиліи. Эта безнадежность дѣйствовала на Сибирскія части все хуже и хуже.

Въ эти дни Верховный Правитель рѣшилъ устранить отъ командованія Гайду и замѣнить его генераломъ Дитерихсомъ. Гайда пытался противодѣйствовать, выступить снова, не подчиниться. Тогда адмиралъ Колчакъ издалъ приказъ объ увольненіи Гайды въ отставку съ лишеніемъ его русскаго мундира. Въ командованіе Сибирской арміей вступилъ генералъ Дитерихсъ. Но вмѣсто того, чтобы энергичными мѣрами остановить отступленіе и развалъ Сибирской арміи, заняться организаціонной работой для усиленія ея боеспособности, — былъ начатъ рядъ мѣръ, направленныхъ на коренную ломку всего аппарата армій, ведшихъ борьбу на фронтѣ.

Съ отходомъ Сибирской арміи на сѣверѣ, большевики получили возможность устремиться оттуда черезъ Уральскія горы и ударить въ правый флангъ Западной арміи; ихъ цѣлью было отрѣзать нашу линію сообщеній, желѣзную дорогу въ тылу, примѣрно между станціями Аша-Балашовская и Златоустомъ. Этимъ двѣ арміи, Западная и Южная, ставились бы въ безвыходное положеніе.

3-й корпусъ подъ натискомъ значительныхъ силъ красныхъ началъ отходить вглубь Уральскихъ горъ, ведя упорные бои и неся большія потери. Какъ разъ въ это время прибылъ на станцію Бердяушъ генералъ Дитерихсъ и привезъ приказъ Верховнаго Правителя, которымъ генералу Ханжину давался отпускъ, согласно его просьбы, а командованіе Западной арміей возлагалось на меня.

Въ трудное время и тяжелые дни вступилъ я въ командованіе. Надо было принимать мѣры для спасенія положенія на фронтѣ, еще болѣе необходима была спѣшная работа для сохраненія боеспособности арміи. Все время моего командованія на фронтѣ я стремился проводить ту, единственно возможную, по моему, систему управленія, которая давала результаты и внѣ которой нѣтъ жизненной связи между командованіемъ и войсками. Промежуточнымъ аппаратомъ для этого служатъ различные штабы; каждый штабъ долженъ работать, какъ хорошо слаженный и исправный механизмъ; главнымъ руководящимъ стимуломъ можетъ быть только одинъ, оправдывающій самое существованіе этого промежуточнаго аппарата, — штабъ не самодовлѣющая величина, онъ существуетъ лишь для службы войскамъ, вся дѣятельность его должна быть направлена только на полезное и необходимое для войскъ; внѣ этого не должно быть ничего. Отсюда опредѣляются его размѣры, программа его работы и самый характеръ ея. Всѣ строевые

начальники, до самыхъ высшихъ, обязаны руководить дѣятельностью штаба и управлять съ его помощью войсками, бывая, однако, возможно чаще на мѣстахъ, не жалѣя силъ и времени на то, чтобы быть среди войскъ всюду и всегда, а особенно въ дни серьезныхъ боевъ.

Принявъ армію, я проводилъ больше половины своего времени среди войскъ передовой линіи, для быстроты передвиженій пользуясь автомобилями. Такъ я получалъ дѣйствительное впечатлѣніе о своихъ войскахъ, дѣля съ ними ихъ трудности, а иногда и опасности боевъ, знакомясь со всѣми хорошими и плохими сторонами. Зная истинное состояніе частей, можно было увеличивать ихъ боеспособность, укрѣплять въ нихъ вѣру въ наше дѣло и въ успѣхъ его. Этимъ же путемъ я узнавалъ и условія жизни мѣстнаго населенія, ихъ настроенія и надежды. Живое слово, ознакомленіе на мѣстахъ и контроль — главныя условія успѣха всякой работы.

Объѣздъ всѣхъ трехъ корпусовъ Западной арміи далъ мнѣ увѣренность въ полной возможности имѣть этотъ успѣхъ, а также показалъ тѣ недочеты, которые требовалось устранить теперь же. Части представляли, въ сущности, не вполнѣ еще готовые и слаженные организмы, иногда съ очень ненормальными отклоненіями; такъ напримѣръ, за время весенней операціи и при отступленіи выросли неимовѣрно войсковые обозы, въ одномъ только 32-мъ Прикамскомъ полку было свыше двухъ тысячъ повозокъ. Можно представить, какое огромное количество бойцовъ отвлекалось этимъ изъ строя, какой величины хвостъ связывалъ всѣ маневры и боевыя дѣйствія. Бороться съ этимъ можно было, только бывая на мѣстахъ, одновременно контролируя и сейчасъ же исправляя; бумажные приказы оставались всегда неисполняемыми или неисполнимыми. Естественно, что прежній способъ пріучилъ строевыхъ начальниковъ отписываться, смотрѣть на полученный приказъ, какъ на простой лоскутъ бумаги. Надо было искоренить и этотъ взглядъ, нигдѣ не допустимый, на приказъ; сдѣлать это можно было только однимъ способомъ, отдавая вполнѣ выполнимые приказы, вызываемые самой жизнью, и слѣдя за точнымъ исполненіемъ ихъ безъ проволочекъ и отступленій.

Затѣмъ назрѣла необходимость урегулировать офицерскій вопросъ; надо было исправить ошибки Главнаго Штаба, задержавшаго почти всѣ производства офицеровъ дѣйствующей арміи; получивъ право, какъ командующій арміей, производить въ чины до капитана включительно, я дѣлалъ это на мѣстахъ, бывая въ частяхъ, производя офицеровъ иногда во время самыхъ боевъ. Адъютантъ записывалъ, по возвращеніи отдавалъ записи въ штабъ, и приказъ выходилъ черезъ нѣсколько дней, безъ всякой волокиты.

При всѣхъ поѣздкахъ я узнавалъ подлинное, ничѣмъ не прикрашенное настроеніе и своихъ войскъ, и массъ населенія. Помню посѣщеніе Саткинскаго завода, обладавшаго почти самыми крупными на Уралѣ чугунно-литейными печами. Поговоривъ о положеніи завода съ директорами, я пошелъ въ большое помѣщеніе, полное собравшимися рабочими, и спросилъ, какія у нихъ есть нужды.

Первое, что они просили, разсказать имъ объ арміи, о нашемъ военномъ положеніи, о большевикахъ и красноармейцахъ. Затѣмъ, уже пошли заявленія о дороговизнѣ, трудностяхъ достать продукты первой необходимости, о недостаткѣ муки и хлѣба. Когда все было разъяснено, я отдалъ приказъ доставить рабочимъ завода два вагона муки по казенной цѣнѣ; рабочіе зашумѣли, какъ встревоженный улей; вышелъ впередъ ихъ выборный старшина и сказалъ, что рабочіе очень благодарятъ и просятъ чаще пріѣзжать и говорить съ ними, разъяснять происходящее.

— «А мы ужъ сами и добровольцами въ армію пойдемъ, и мобилизацію слѣдить будемъ, и большевиковъ не допустимъ; небось, не заведутся они у насъ.»

— «Сатки первыми противъ нихъ, иродовъ, въ 1918 году выступили,» загудѣла довольная толпа.

Вообще, настроеніе населенія всего армейскаго раіона и войсковыхъ частей было приподнятое, готовое идти на жертвы, на борьбу съ соціалистами-большевиками, упорно желающее побѣдить и совершенно довѣрчивое, ибо наши пути и цѣли были общіе. Сущность того, что руководило нами въ борьбѣ, народный характеръ этой борьбы и ея напряженіе проникали глубоко и прочно въ массы и все тѣснѣе связывали армію съ населеніемъ. Массы видѣли и вѣрили, что мы боремся за всю Родину; что «наша партія есть Святая Русь, нашъ классъ весь Русскій народъ.»

Вотъ выписка изъ приказа населенію раіона Западной арміи, отданнаго на станціи Міассъ 5 іюля 1919 года и 3 октября того же года на станціи Лебяжья:

«. . . Еще разъ разъясняю, что наше Правительство, во главѣ съ Верховнымъ Правителемъ адмираломъ Колчакомъ, вожди арміи, всѣ начальники и вся армія стоятъ только на пути спасенія Родины, вѣры и народа; не принадлежатъ ни къ какой политической партіи, не защищаютъ и не преслѣдуютъ ничьихъ интересовъ, личныхъ или отдѣльныхъ классовъ, а именно всего Русскаго народа въ его цѣломъ. Таковы арміи наши, Востока Россіи, арміи русскаго витязя-генерала Деникина, генераловъ Юденича, Миллера и тѣ массы возставшихъ на Руси, которые соединяются съ нами.

Путь одинъ у всѣхъ, путь прямой и открытый. Освободить страну отъ засильниковъ, предателей и иноземныхъ комиссаровъ. Дать возможность каждому вздохнуть свободно, утереть слезы и не дрожать ежеминутно каждому за свою жизнь. Установить повсюду полную законность и обезпечить порядокъ и права каждаго, дать возможность всѣмъ заниматься привычнымъ трудомъ. И тамъ, въ сердцѣ Россіи, въ древней Москвѣ, созвать народное собраніе, дѣйствительно лучшихъ людей народа, его избранниковъ, которымъ самъ народъ, наученный теперь горькимъ опытомъ отечественной разрухи, вручилъ бы право разобраться во всемъ и рѣшить его судьбы. Это народное собраніе учредитъ и порядокъ управленія Россіей, опредѣлитъ право и порядокъ владѣнія землей, назначитъ основные законы для нашей страны.»

Направилось дѣло и организаціи армейскаго тыла. Вовремя и точно по назначенію подавалось все снабженіе, акуратно и по расписанію работала желѣзная дорога, а запасныя части и офицерскія школы были полны подготовленными людьми.

Новый главнокомандующій, генералъ Дитерихсъ, пріѣзжавшій два раза въ мой штабъ, въ Бердяушъ, вполнѣ раздѣлялъ всѣ взгляды, одобрялъ работу, былъ доволенъ ея результатами и обѣщалъ не производить никакой ломки.

4.

Второй разъ онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ адмираломъ Колчакомъ 2-го іюля, какъ разъ при началѣ частичнаго наступленія 2-го Уфимскаго корпуса, такъ называемомой Айлинской операціи.

3-й Уральскій корпусъ не могъ сдержать натиска красныхъ, бившихъ сильно въ нашъ правый флангъ. Послѣ упорныхъ боевъ на рѣкѣ Уфимкѣ и на горныхъ проходахъ, уральцы отступили вглубь горъ. Отступали и дрались все время въ неравныхъ условіяхъ, неравными силами. Обстановка была тяжелая. 1-го іюля я пріѣхалъ въ село Мясогустово; на самой окраинѣ шелъ бой съ большевиками; въ дѣло были втянуты не только всѣ части, но даже офицеры и солдаты штаба корпуса составили отрядъ и пытались отбросить насѣдавшихъ красныхъ. Но сдержать новаго натиска ихъ не удалось. И 3-й корпусъ продолжалъ отступленіе.

Надо было во что бы то ни стало помочь уральцамъ, иначе силы ихъ могли совершенно растаять. 2-й Уфимскій корпусъ получилъ приказъ перейти въ наступленіе, ударить во флангъ краснымъ и отбросить ихъ на сѣверъ, въ горы. Несмотря на неполную готовность уфимцевъ, условія были все же выгодны

для насъ, такъ какъ этотъ корпусъ занималъ сосредоточенное положеніе; части его отдохнули, пополнились и пріодѣлись. Второго іюля должно было начаться наше наступленіе.

Стояли лѣтніе жаркіе дни, когда чистый воздухъ до того наполненъ ароматомъ зелени, что густота голубого эфира дрожитъ, переливается и струится слоями. Богатыя поля колыхались стѣнами темно-зеленыхъ колосьевъ, наливавшихся молодымъ зерномъ. Дорога бѣжала красивыми долинами рѣкъ Юрезани и Ай; все кругомъ было ярко зелено, мѣстами бѣлѣли березовые перелѣски.

Въ большихъ деревняхъ шла сумятица, шумъ и волненіе, — населеніе ихъ, обезпокоенное приближеніемъ большевиковъ, собирало на возы свой домашній скарбъ и готовилось уходить волной бѣженцевъ на востокъ.

Но не чувствовалось упадка духа, — моральная сила и надежда на успѣхъ были на нашей сторонѣ. Всюду встрѣчались улыбающіеся лица и полная готовность помочь. Я съ небольшимъ конвоемъ Оренбургскихъ казаковъ шелъ бодрымъ галопомъ полями къ правому флангу уфимцевъ. Развѣвался и весело блисталъ на утреннемъ солнцѣ георгіевскій значекъ. Кони легко и плавно отбивали копытами равномѣрную дробь. Казаки изрѣдка обмѣнивались шутками или замѣчаніями о прекрасныхъ поляхъ, обѣщавшихъ обильный урожай. Въ небѣ рѣяли жаворонки, наполняя воздухъ мелодичной трелью... Вдругъ грянулъ орудійный выстрѣлъ.

Красные повели въ это утро сильное наступленіе своими резервами, наткнулись на одну изъ дивизій Уфимскаго корпуса и неожиданно атаковали ее первыми. Но ихъ ударъ былъ встрѣченъ контръ-ударомъ другихъ двухъ дивизій. Столкнулись двѣ силы. Будто ударились два шара, катившихся съ бѣшеной скоростью, столкнулись, на мгновеніе задержались и остановились на мѣстѣ; отпрянули, стоятъ и крутятся быстро на мѣстѣ оба шара, точно оглушенные ударомъ; мгновеніе, а затѣмъ съ силой покатились оба дальше: одинъ назадъ, убѣгая, а другой за нимъ, преслѣдуя его, продолжая свое поступательное движеніе.

Наша четвертая дивизія подоспѣла какъ разъ во-время. Одинъ за другимъ шли полки въ атаку, перегоняя другъ друга, съ огромнымъ подъемомъ. Большевики сначала остановились, задержались, пробовали оказать сопротивленіе, но затѣмъ отпрянули назадъ и побѣжали.

Я подъѣхалъ къ уфимцамъ передъ самой ихъ атакой. Никогда не забыть этихъ серьезныхъ, открытыхъ лицъ, полныхъ отваги и рѣшимости, ихъ молчаливой и торжественной толпы и стройной силы. Я вызвалъ впередъ, передъ полками, героевъ, роздалъ георгіевскіе кресты солдатамъ и произвелъ отличив-

шихся въ прежнихъ бояхъ офицеровъ. Затѣмъ послѣ короткихъ словъ о предстоящемъ дѣлѣ полкъ двинулся впередъ. И ихъ громкіе, торжествующіе крики «ура-а-а» разносились по полямъ, когда новые георгіевскіе кавалеры во главѣ съ офицерами пошли первыми въ атаку.

На взмыленной лошади прискакалъ казакъ ординарецъ и привезъ мнѣ записку отъ моего начальника штаба; Верховный Правитель и генералъ Дитерихсъ прибыли въ Бердяушъ и просятъ меня пріѣхать къ нимъ возможно скорѣе на важное совѣщаніе. Такъ это было не во-время, — отрывало отъ боевой работы, да и не хотѣлось уѣзжать изъ боя, — изъ зеленыхъ долинъ Урала, отъ русскихъ полковъ, охваченныхъ порывомъ наступленія. Но вслѣдъ за первымъ ординарцемъ примчался на автомобилѣ второй съ телеграммой адмирала Колчака, что онъ долженъ сегодня же вечеромъ выѣхать обратно въ Омскъ

Черезъ три часа я былъ у себя въ Бердяушѣ. И вотъ, пока я ѣхалъ, въ штабѣ было получено донесеніе, что красные обошли незамѣтно одинъ полкъ 12-й Уральской дивизіи, отрѣзали его и распространяются у насъ въ тылу. Надо было принимать экстренныя мѣры, иначе это могло испортить все дѣло.

Къ вечеру удалось ликвидировать опасность и прогнать красныхъ. Но наступленіе уфимцевъ, начатое съ полнымъ успѣхомъ, пріостановилось; большевики же за ночь оправились, подтянули резервы и снова начали сильно давить на Уральскій корпусъ.

Два дня шли упорнѣйшіе встрѣчные бои; наши части переходили снова и снова въ контръ-атаки, но красные подавляли насъ своей численностью. Къ вечеру второго дня генералъ Войцеховскій, командиръ 2-го корпуса, отдалъ приказъ своимъ уфимцамъ отступать.

Было еще одно обстоятельство, проявившееся впервые именно въ этихъ бояхъ. Начиная съ ранней весны, большевики бросили огромное количество своихъ агентовъ на востокъ для пропаганды и организаціи бандъ у насъ въ тылу; комиссары снабжали ихъ очень большими суммами денегъ, пользовались всякими способами, оставляя при отступленіи красной арміи свои ячейки въ городахъ и деревняхъ, а при ея наступленіи — направляя ихъ подъ видомъ бѣженцевъ. Въ концѣ іюня прошелъ сѣвернѣе Уфы цѣлый небольшой отрядъ коммунистовъ, одѣтыхъ въ нашу военную форму, съ погонами, и пробрался горными тропами намъ въ тылъ. Изловить ихъ не удалось, кромѣ одного красноармейца, который показалъ, что цѣль этого коммунистическаго отряда была взорвать желѣзнодорожные мосты въ тылу нашей арміи и поднять возстаніе среди рабочихъ Златоустовскаго завода.

Дѣйствительно, какъ разъ въ эти дни имъ удалось подорвать мостъ черезъ небольшую рѣчку восточнѣе Бердяуша и затѣмъ повернуть и выйти въ тылъ уральцамъ, отбивавшимъ атаки красныхъ войскъ. Создались очень тяжелыя условія, изъ которыхъ мы вышли съ большимъ трудомъ.

Вся первая половина іюля прошла въ бояхъ за горные проходы Урала. Бои эти шли съ перемѣннымъ успѣхомъ; армія не отдавала ни одной своей позиціи безъ попытки отбросить красныхъ. Но для того, чтобы перевернуть ходъ кампаніи, надо было собрать резервы, сосредоточить большія силы и перейти въ общее наступленіе; чтобы разбить красныхъ, надо было дать генеральное сраженіе.

Сибирская армія, или правильнѣе остатки ея, катилась безъ удержу на востокъ, отдавая краснымъ большія пространства сѣвернаго Урала; 16 іюля былъ брошенъ Екатеринбургъ. Генералъ Дитерихсъ оставилъ послѣ этого на фронтѣ только заслоны, а всѣ оставшіеся отъ арміи Гайды части перевозилъ по желѣзной дорогѣ въ глубокій тылъ, въ Ялуторовскъ, Тюмень и Тобольскъ. Сибирская армія временно какъ бы потеряла всякую боеспособность и уходила, ставя тѣмъ въ совершенно невозможное, тяжелое положеніе Западную армію.

А духъ и силы послѣдней были нетронуты, несмотря на отходъ и на непрерывные бои; всѣ части Западной арміи были на лицо, сохранили боеспособность и желаніе драться до побѣды. Налаженный механизмъ штаба и тыловыхъ органовъ давали полную возможность поддерживать и увеличивать живую силу нашихъ корпусовъ. Усилія всѣхъ направлялись согласованно къ одной цѣли. И всѣ ждали приказа о новомъ общемъ переходѣ въ наступленіе.

Мѣстомъ для этого былъ избранъ Челябинскъ. Среди другихъ была одна чрезвычайно важная причина этого рѣшенія. Отсюда идетъ желѣзная дорога на Троицкъ, бывшій базой Южной арміи. Это была послѣдняя связь съ ней; если мы не выиграемъ дѣла подъ Челябинскомъ, то Южная армія была бы предоставлена самой себѣ, поставлена въ очень трудныя условія.

Планъ новой операціи былъ составленъ такъ: Западная армія, сдерживая красныхъ арріергардами, должна была быстро стянуть свои силы къ Челябинску и сосредоточить двѣ ударныя группы, генерала Войцеховскаго къ сѣверу, генерала Каппеля къ югу отъ города. Здѣсь войска должны были пополниться, отдохнуть и организовать базы для боя; а затѣмъ, когда красные втянутся въ долину изъ горъ, они будутъ атакованы съ сѣвера и юга, взяты въ клещи, съ цѣлью окружить ихъ, отнять артиллерію и пулеметы. Съ сѣвера всю операцію прикрывалъ и обезпечивалъ 3-й Уральскій корпусъ.

Населеніе всего раіона отъ Волги до Челябинска переживало въ это время величайшую драму. Свѣтлыя надежды на жизнь смѣнялись мрачнымъ, темнымъ холодомъ смерти; съ отходомъ бѣлыхъ армій выплывалъ зловѣщій призракъ кроваваго интернаціонала. Какъ на извѣстной картинѣ Штука, шелъ онъ, костлявый смѣющійся скелетъ, сидя верхомъ на чудовищномъ животномъ, оставляя за собой тысячи труповъ, дымящіяся пожарища, сѣя смерть, ужасъ и заливая все кровью. Безконечной вереницей тянулись впереди нашей арміи на востокъ обозы съ бѣженцами; цѣлыми селами двигались на востокъ русскіе люди всѣхъ національностей, спасаясь отъ хищнаго интернаціонала, ибо для него существуетъ лишь одна признаваемая имъ, всесвѣтная нація, племя «избранное Іеговой», разсѣянные по лицу земли іудеи.

Рабочіе Златоустовскаго и другихъ заводовъ Урала присоединились къ потоку бѣженцевъ. Крестьяне, башкиры, татары и оренбургскіе казаки отправляли свои семьи и скарбъ на подводахъ въ тылъ, а сами приходили въ армію, составляли отряды, брались за оружіе, чтобы отбить вражью силу.

Ставка и генералъ Дитерихсъ, видѣвшіе распыленіе Сибирской арміи и крушеніе тамъ всего дѣла, представляли себѣ весь фронтъ въ такомъ же состояніи. Я получалъ запросы: что осталось отъ Западной арміи и какимъ образомъ мы можемъ еще держаться? Они не видали и не понимали ни состоянія нашихъ войскъ, ни того общаго желанія отразить натискъ большевизма, которое охватило всѣхъ, и войска, и населеніе.

5.

Челябинскъ центръ обширнаго края, разросшійся въ послѣдніе десять лѣтъ до размѣровъ большого губернскаго города; центръ хлѣбной торговли и золотопромышленнаго раіона. Еще въ началѣ прошлаго столѣтія это была простая башкирская деревня Селяба[1]), лежащая при выходѣ изъ горъ и лѣсовъ стараго, сѣдого Урала въ долину Западной Сибири.

Когда я прибылъ со своимъ штабомъ въ Челябинскъ для проведенія плана новой операціи, нехватало времени, чтобы принимать и говорить со всѣми депутаціями, приходившими ко мнѣ каждый день съ ранняго утра и до вечера. Шли горожане, рабочіе, казаки, башкиры и крестьяне съ заявленіемъ о своей готовности отдать всѣ силы, чтобы только не пустить сюда большевиковъ, отбить натискъ врага, къ которому русскій народъ чувствовалъ инстинктивную ненависть и смертельный страхъ.

[1]) Селяба — по башкирски значитъ яма.

При подготовкѣ операціи мнѣ пришлось исколесить на автомобилѣ весь этотъ раіонъ, на сотни верстъ къ сѣверу и югу отъ Челябинска; и всюду я видалъ одно, — русскихъ людей, готовыхъ на какія угодно жертвы и лишенія, предпочитавшихъ смерть въ борьбѣ, или уходъ въ неизвѣстную даль, подчиненію коммунистамъ-большевикамъ.

Вотъ казачья станица Травниковская, одно изъ тѣхъ поселеній, гдѣ живутъ потомки скромныхъ строителей Великой Россіи. Большія улицы, дворы обстроены хозяйственно и полны добра, площадь съ небольшой бѣлой церковью залита палящими лучами іюльскаго солнца и гудитъ толпой. Все населеніе станицы собралось на площадь, пришли даже казачки съ грудными младенцами. Раздается мѣрный благовѣстъ, и мѣдные голоса колоколовъ далеко разносятся въ лѣтнемъ раскаленномъ воздухѣ. Изъ церкви выходитъ крестный ходъ; колыхаясь, плывутъ надъ толпой святыя хоругви, блеститъ золотомъ большой крестъ, такъ ненавистный всѣмъ слугамъ интернаціонала, сверкаютъ на солнцѣ свѣтлыми бликами иконы и ризы священниковъ.

«Спаси, Господи, люди Твоя . . .» разносится пѣніе, подхваченное тысячной толпой и заглушавшее даже громкій благовѣстъ.

Приходитъ священникъ и кропитъ святой водой двѣ сотни казаковъ, собранныхъ станицей на фронтъ, благословляетъ ихъ на ратный подвигъ.

Сосредоточены и ясны бородатыя лица казаковъ. Глубокая дума и безповоротное рѣшеніе отразились на нихъ. Истово крестятся они правой рукой, держа въ лѣвой поводья и острыя пики. А около дворовъ по длинной улицѣ увязанные возы, запряженные уже и готовые вывезти семьи этого народнаго ополченія въ тылъ. . .

Встала Русская земля. За что готовы они отдать свою кровь, сложить свои головы, пожертвовать своими семьями? Не за партіи, не за дешевые лозунги соціалистовъ идутъ они въ смертный бой съ интернаціоналомъ. Нѣтъ, не за это несутъ они великія жертвы свои. Послушайте, что говорятъ эти казаки-крестьяне въ своихъ семьяхъ и на своихъ сходахъ:

— «Надо кончить съ этимъ дѣломъ. Какъ разрушили нашу землю святую! А все оттого, что Царя имъ не надо стало. Вишь, сами власти захотѣли. . . Всѣхъ Царскихъ враговъ истребить надобно. . .»

Послушать только, какъ истово, съ какой вѣрою поютъ всѣ они эту старую русскую молитву за Царя: «Спаси, Господи, люди Твоя». . .

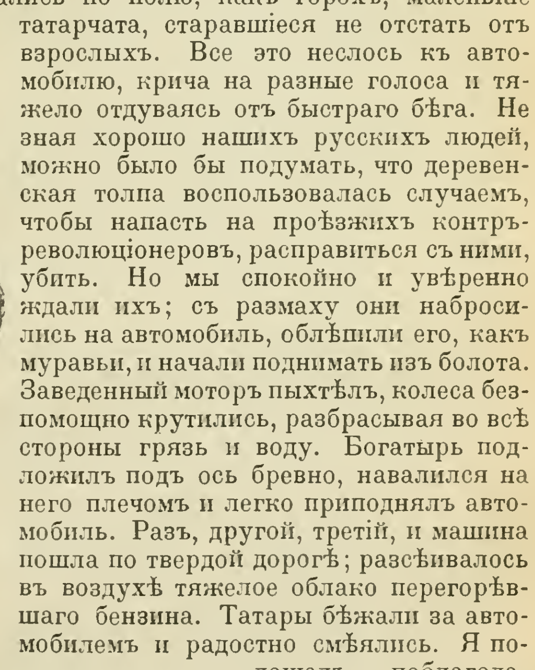
А вотъ другая картина тѣхъ же дней. Мой автомобиль, переѣзжая черезъ гать по болотистой долинѣ верстахъ въ се-

мидесяти сѣвернѣе Челябинска, завязъ своими колесами глубоко въ тинѣ. Шофферъ и его помощникъ бились безрезультатно надъ нимъ, вылѣзли и мы всѣ, чтобы общими силами вытащить машину.

Вдалекѣ сѣрая деревушка, вздымая изъ распластаной кучи избушекъ высокій минаретъ мечети съ магометанскимъ полумѣсяцемъ. Вскорѣ изъ деревни показалась большая толпа и приближалась къ намъ съ шумомъ и гамомъ. Впереди бѣжалъ богатырь колоссальнаго роста съ широкой, какъ паровозъ, грудью, на ногахъ, какъ каменные столбы; онъ держалъ въ могучихъ рукахъ цѣлое бревно, размахивая имъ надъ головой и испуская воинственные крики въ тактъ своимъ быстрымъ прыжкамъ:

— «Г-гинъ, г-гунъ, г-гунъ! . .»

За богатыремъ бѣжала съ дрекольемъ куча татаръ-крестьянъ, за ними разсыпались по полю, какъ горохъ, маленькіе татарчата, старавшіеся не отстать отъ взрослыхъ. Все это неслось къ автомобилю, крича на разные голоса и тяжело отдуваясь отъ быстраго бѣга. Не зная хорошо нашихъ русскихъ людей, можно было бы подумать, что деревенская толпа воспользовалась случаемъ, чтобы напасть на проѣзжихъ контръреволюціонеровъ, расправиться съ ними, убить. Но мы спокойно и увѣренно ждали ихъ; съ размаху они набросились на автомобиль, облѣпили его, какъ муравьи, и начали поднимать изъ болота. Заведенный моторъ пыхтѣлъ, колеса безпомощно крутились, разбрасывая во всѣ стороны грязь и воду. Богатырь подложилъ подъ ось бревно, навалился на него плечомъ и легко приподнялъ автомобиль. Разъ, другой, третій, и машина пошла по твердой дорогѣ; разсѣивалось въ воздухѣ тяжелое облако перегорѣвшаго бензина. Татары бѣжали за автомобилемъ и радостно смѣялись. Я подошелъ, поблагодарилъ ихъ и далъ богатырю въ награду денегъ.

Ибраевской волости — попомощникъ
Татарин .стролой

— «Не надо, бачка, не надо, моя не надо,» кричалъ онъ,

отпихивая деньги, весело-добродушно скаля бѣлые зубы и что-то прибавляя по татарски. Я совалъ богатырю деньги, онъ отпихивалъ. Вмѣшался старшина, пожилой татаринъ въ тибитейкѣ:

— «Не давай, Ваше Благородье, наша не возметъ. Дорога наша, плохая дорога, виноватъ наша, зачѣмъ не чинитъ дорога. А ты военный человѣкъ, Царскій начальникъ, отъ большевиковъ насъ защищаешь.»

Тогда я настоялъ, чтобы они взяли деньги для бѣдныхъ женщинъ и дѣтей ихъ деревни. Вышелъ изъ толпы сѣдой древній старикъ-мулла и поклонился мнѣ въ поясъ въ знакъ благодарности:

— «Позволь лучше, Ваше Благородье, ему,» сказалъ онъ, показывая на богатыря, — «отрядъ собрать и къ тебѣ въ армію идти. Надо большовиковъ не пускать»...

А когда мы возвращались поздно вечеромъ по той же дорогѣ, то около деревни автомобиль остановила толпа женщинъ и дѣтей, красавица — молодая татарка вышла впередъ и, потупивъ прекрасные большіе глаза, благодарила еще разъ за деньги...

Обѣ ударныя группы собирались, заканчивали сосредоточеніе въ раіонѣ Челябинска. Къ сожалѣнію была допущена одна оплошность: сѣверная группа генерала Войцеховскаго составляла слишкомъ большую силу, свыше двадцати тысячъ человѣкъ, тогда какъ южная группа генерала Каппеля еле достигала до десяти тысячъ. Но я разсчитывалъ главный ударъ нанести именно съ сѣвера, чтобы отбросить красныхъ отъ ихъ путей отступленія.

Арріергарды наши, сдерживая натискъ большевиковъ, отходили сначала медленно, шагъ за шагомъ, и удерживая цѣлый рядъ позицій, но верстъ за пятьдесятъ отъ Челябинска не выдержали, сдали и начали отступать слишкомъ быстро. Пришлось составить новую войсковую группу подъ начальствомъ генерала Космина изъ всѣхъ частей, какія удалось набрать, до моего конвоя включительно; по первому призыву пошли драться вмѣстѣ съ ними сербы, — сербскій батальонъ имени Благотича, оказавшій большія услуги, ведшій себя, какъ истинные братья русскихъ.

Къ слову надо сказать, что французскій батальонъ, бывшій въ Челябинскѣ съ осени 1918 года, поспѣшилъ эвакуироваться въ тылъ, восточнѣе Омска, при первомъ приближеніи опасности. Такъ всегда поступали союзники-интервенты!

Для полнаго успѣха операціи и выигрыша необходимаго времени нужно было обезпечить нашу армію съ сѣвера. Для этой цѣли 3-й Уральскій корпусъ былъ усиленъ всѣмъ, что можно было выдѣлить туда; но этого было недостаточно, под-

сказывалась необходимость содѣйствія Сибирской арміи. Однако, несмотря на всѣ просьбы, не удалось получить не только этого содѣйствія, но даже приказа о выдвиженіи частей ея для демонстраціи. Какъ будто дѣйствовала не одна русская армія, не за одну общую святую цѣль!

Большевики, обманутые легкостью, съ какой они сбивали наши арріергарды, лѣзли, что называется, какъ черти, на Челябинскъ. Мною былъ отданъ приказъ въ ночь съ 24 на 25 іюля отдать имъ городъ, а на разсвѣтѣ 25-го перейти въ наступленіе обѣими ударными группами.

Наступила жуткая ночь. Выѣхавъ вечеромъ, за нѣсколько часовъ до оставленія города, изъ Челябинска, я объѣзжалъ войска сѣверной группы генерала Войцеховскаго. Глубокое лѣтнее небо, усыпанное вѣчными звѣздами, покрыло землю покоемъ, уютомъ и сномъ. Тихо кругомъ, нѣтъ даже ночныхъ звуковъ, которыми такъ богаты весенніе ночи. Стоятъ темными силуэтами деревни, какъ зубчатыя стѣны заколдованныхъ замковъ, чернѣютъ лѣса; и всюду биваки, — наши полки, батареи, эскадроны и сотни. Все спитъ. Не горятъ бивачные огни, чтобы не выдать противнику нашихъ силъ. Только часовые бдительно и остро пронизываютъ темноту, впиваются глазами въ черную глубину ночи, да въ избахъ съ закрытыми ставнями сидятъ войсковые начальники, отдавая послѣднія распоряженія, провѣряя все ли сдѣлано, не забыли ли чего передъ завтрашнимъ рѣшительнымъ днемъ.

Вотъ въ большой русской деревнѣ меня встрѣчаетъ рапортомъ генералъ З., начальникъ 11-й Сибирской стрѣлковой дивизіи, только что пришедшей на фронтъ изъ Сибири, сформированной въ Новониколаевскѣ. Впервые съ тыла поданы войска, — восьми тысячная сила. Внѣшній видъ и стройность не оставляютъ желать лучшаго.

— «Какъ Ваше чувство?» обращаюсь я къ генералу З., — «увѣрены ли Вы въ Вашихъ частяхъ?»

— «Увѣренъ, Ваше Превосходительство. Хотя и не обстрѣляны еще, но настроеніе хорошее. Даже рвутся въ бой.»

— «Ну, а то донесеніе о пропагандѣ соціалистовъ?» напомнилъ я ему случай, бывшій четыре дня тому назадъ въ одномъ изъ полковъ.

— «Агитаторовъ выловили. Сами солдаты помогали. На сколько я знаю настроеніе офицеровъ и солдатъ, они прямо ненавидятъ комиссаровъ и коммунистовъ. А за всѣмъ тѣмъ, — все въ рукѣ Божьей. . .»

— «Я его дивизію поставилъ между своими лучшими частями; а впереди пустилъ Камцевъ, для перваго удара,» добавилъ генералъ Войцеховскій.

Въ эту же ночь произошелъ такой случай. На одну заставу Уральскаго корпуса выѣхала группа конныхъ:

— «Кто идетъ? Стой!» окрикнулъ часовой.

— «Свои-и-и» . . . донеслось издали.

— «Кто свои? Что пропускъ?!»

— «Красные офицеры, сдаваться ѣдемъ, пропуска не знаемъ.»

Часовой выстрѣлилъ. На тревогу выбѣжала вся рота, бывшая въ заставѣ, и открыла огонь залпами. Это былъ командиръ бригады 35-й совѣтской дивизіи полковникъ Котоминъ съ одинадцатью красноармейскими офицерами; они состояли въ анти-большевицкой организаціи и давно уже искали удобнаго случая перейти на нашу сторону. Было очень трудно, такъ какъ каждый шагъ ихъ слѣдился комиссаромъ и его помощниками, коммунистами, добровольными шпіонами. Въ эту ночь имъ удалось усыпить бдительность еврея-комиссара и ускользнуть изъ когтей. Но вотъ истинная трагедія русскаго положенія, они попали на сторожевую заставу, зорко охранявшую дорогу, такъ какъ наши войска привыкли къ разнымъ уловкамъ и обманамъ большевиковъ.

Первымъ же залпомъ была убита лошадь полковника Котомина и ранены два офицера; всѣ они разсѣялись и только черезъ день удалось собрать вмѣстѣ этихъ героевъ. Полковникъ Котоминъ провелъ полтора жуткихъ часа, лежа за трупомъ лошади, пока его не освободилъ и не вывелъ нашъ офицеръ. Полковникъ Котоминъ былъ доставленъ въ ближайшій штабъ какъ разъ въ то время, когда я объѣзжалъ войска. Высокій, могучаго сложенія человѣкъ съ открытымъ энергичнымъ лицомъ, герой Германской войны, онъ весь дрожалъ отъ пережитаго, дрожалъ мелкой нервной дрожью, какъ маленькій прозябшій мальчикъ.

— «Думалъ, что убьютъ. Но такъ было тяжело у большевиковъ, что лучше смерть. . .»

Онъ много разсказывалъ всѣмъ намъ о центральной Россіи, о ея состояніи и страданіяхъ, открылъ истинное положеніе совѣтской власти и красной арміи. Что можно будетъ сказать изъ этого, не нарушая интересовъ Русскихъ, находящихся и сейчасъ тамъ, во власти интернаціонала, скажу послѣ, при сравненіи условій нашего тыла и ихъ.

Забрезжило утро. Потянуло съ востока холоднымъ предъутреннимъ вѣтеркомъ, когда я пріѣхалъ къ войскамъ генерала Космина, чтобы отсюда управлять ходомъ оперецiи. Какъ разъ въ этотъ моментъ изъ Челябинска отступали наши послѣднія части. Въ городъ входили торжествующіе красные полки.

Раннее утро послѣ безсонной ночи застало меня въ поселкѣ Александровскомъ. Всходило солнце, освѣщая землю своими

первыми, робкими лучами. Поселокъ просыпался, и обычная дневная жизнь наполняла улицу. Я лежалъ на травѣ около автомобиля и старался уловить ухомъ дальніе звуки боя. Но ихъ не было слышно. И, не смотря на чрезмѣрную усталость послѣднихъ дней и этой ночи, я не могъ заснуть, — одна большая мысль давила на мозгъ и не давала покоя:

— «А что если эта восьмитысячная масса, вновь пришедшая изъ Сибири дивизія, окажется распропагандированной соціалистами и, вмѣсто помощи, измѣнитъ Русскому дѣлу?! Повернетъ штыки противъ своихъ. . .»

Но вотъ грянулъ первый орудійный выстрѣлъ, за нимъ другой, третій. И заворчала далекая артиллерійская канонада, какъ громъ отдаленной грозы.

Наши войска перешли въ наступленіе одновременно по всему фронту. Красные не ожидали этого, столкнулись съ нашими, произошелъ рядъ встрѣчныхъ боевъ съ жестокимъ напряженіемъ съ обѣихъ сторонъ. Къ концу дня намъ удалось овладѣть рядомъ деревень, захватили одну батарею, много пулеметовъ и плѣнныхъ; мы потѣснили большевиковъ.

26 и 27 іюля продолжались упорные бои. Комиссары стянули всѣ силы и заставляли свои полки переходить въ бѣшеныя контръ-атаки. Какъ они писали въ своихъ радіо-сводкахъ «подъ Челябинскомъ бѣлые проявили небывалое упорство, переходя въ штыковыя атаки подъ личной командой адмирала Колчака». . .

Этого не было. Но дѣйствительно, всѣ наши части проявили такое напряженіе силъ, показали такой подъемъ, какъ въ самые блестящіе періоды Міровой войны, въ Галиціи, Польшѣ и Восточной Пруссіи.

Наше наступленіе развивалось, хотя и медленно, но планомѣрно. 27-го былъ захваченъ и доставленъ въ штабъ арміи приказъ красныхъ, свидѣтельствовавшій о полной ихъ растерянности; паника охватывала ихъ тылъ, обозы начали уже отступать на Міассъ и Златоустъ. Еще одно усиліе, и окруженіе силъ большевиковъ въ Челябинскѣ должно было закончиться. Надо было для этого еще два дня.

Какъ уже сказано, правый флангъ всей операціи прикрывался 3-мъ Уральскимъ корпусомъ, очень ослабленнымъ всѣми предъидущими боями; 12-я Сибирская стрѣлковая дивизія, прибывшая въ это время изъ Томска и приданная Уральскому корпусу, не только не усилила, а ослабила его: нѣкоторыя части оказались распропагандированными въ этомъ городѣ, одномъ изъ самыхъ главныхъ эсъ-эровскихъ гнѣздъ, и, придя на фронтъ, предательски передались на сторону красныхъ. Все же несмотря на это, уральцы сдерживали натиски красныхъ, но 27 іюля начали сдавать и отходить на юго-западъ.

Большевики получали возможность направить часть силъ значительно восточнѣе Челябинска и угрожали отрѣзать главную дорогу въ тылу арміи.

Надо было спѣшить съ операціей. Такъ какъ телеграфная связь съ моимъ лѣвымъ флангомъ въ это время прервалась, я поѣхалъ на автомобилѣ въ южную группу, въ Волжскій корпусъ и въ пути разминулся съ генераломъ Каппелемъ, который ѣхалъ ко мнѣ въ штабъ. Уже подъѣзжая къ боевому расположенію, я былъ пораженъ, встрѣчая наши батареи и нѣкоторыя части, отходящія на востокъ. Казалось непонятнымъ такое движеніе, такъ какъ наканунѣ всѣ контръ-атаки красныхъ были отбиты, волжане перешли вечеромъ снова въ наступленіе, захватили у большевиковъ пулеметы, плѣнныхъ и цѣлый рядъ станицъ и поселковъ.

Произошло какое-то несчастное недоразумѣніе, и Волжскій корпусъ, вмѣсто наступленія, началъ отходить назадъ, распрямляя тѣмъ дугу, которую Западная армія была уже готова сомкнуть вокругъ красныхъ подъ Челябинскомъ. Это дало возможность большевикамъ оправиться и перебросить еще часть силъ противъ нашей сѣверной группы, развивавшей успѣшно наступленіе въ тылъ Челябинску.

Волжскій корпусъ въ эту же ночь собралъ массу подводъ и съ разсвѣтомъ двинулся впередъ на телѣгахъ, чтобы выиграть больше пространства и развить снова наступленіе. Но все же, вслѣдствіе потери времени, операція затянулась; а между тѣмъ угроза съ сѣвера нашей желѣзной дорогѣ и тылу арміи все росла. Дальнѣйшій рискъ дѣлался очень опаснымъ, — и могъ быть допущенъ только при одномъ условіи, чтобы части Сибирской арміи быстрымъ выдвиженіемъ на западъ обезпечили нашъ правый флангъ.

Не знаю, по какимъ соображеніямъ и по какимъ вліяніямъ на это не рѣшились! Я получилъ приказъ Верховнаго Правителя отвести войска отъ Челябинска на Курганъ, перевезя часть силъ въ этотъ городъ поѣздами по желѣзной дорогѣ. Наступила самая тяжелая часть этихъ боевъ. Надо было вывести наши части, занимавшія расположеніе по охватывающей кривой, имѣющей форму латинской буквы S; при этомъ давленіе красной арміи на сѣверѣ и угроза нашему тылу все усиливались. Большевицкое командованіе, какъ только почувствовало ослабленіе нашего нажима и отходъ, направило всѣ усилія, чтобы окружить и отрѣзать отъ пути отступленія части нашей арміи.

Благодаря огромной работѣ всѣхъ начальниковъ и беззавѣтной выносливости нашихъ войскъ, удалось выйти изъ тяжелаго положенія, не потерявъ ни одной пушки, не отдавъ ни плѣнныхъ, ни одной повозки съ патронами.

Съ тяжелымъ чувствомъ всѣ мы оставляли Челябинскія поля, гдѣ было положено столько силъ и жертвъ; гдѣ наша побѣда казалась такъ обезпеченной и такъ нужной. Однако настроеніе войскъ не падало, вѣра въ свою силу и въ успѣхъ не только не исчезла, но поднялась послѣ этихъ боевъ. Объѣзжая ежедневно части арміи, лично управляя нѣкоторыми боями, я зналъ настроеніе войскъ и непосредственно получалъ увѣренность въ ихъ полной боеспособности.

Какъ разъ въ день перелома боевъ, когда наши части начали уже отступленіе, къ штабу арміи, на станцію Чумлякъ, прибылъ новый транспортъ съ ранеными. Французскій офицеръ, состоящій при Западной арміи, маіоръ Каруель просилъ разрѣшенія сопровождать меня при обходѣ раненыхъ, чтобы раздать нѣкоторымъ, особенно отличившимся, французскіе военные кресты.

Наши офицеры, солдаты и казаки, только что вышедшіе изъ многодневныхъ тяжелыхъ боевъ, лежали и сидѣли со свѣжими ранами, весело разговаривая, блестя улыбками. Вотъ группа волжанъ.

— «Ничего, Ваше Превосходительство, не можетъ большевикъ выдержать; все равно мы его за Волгу прогонимъ», говоритъ здоровенный Самарскій крестьянинъ-стрѣлокъ, поддерживая лѣвой рукой правую, въ которой ружейная пуля раздробила кость.

— «Куда ему выдержать! Какъ мы пошли въ атаку, а лямбурскіе казаки вмѣстѣ съ нами съ флангу, такъ они и побѣжали, даже готовый обѣдъ бросили намъ въ котлахъ», торопливо разсказываетъ пересохшими губами маленькій худой казанецъ, раненый въ плечо. — «Первый разъ тутъ мы за десять дней пообѣдали, какъ слѣдуетъ, а потомъ догнали, чтобы пулеметами спасибо красно-армейцамъ сказать.»

Кругомъ раздается хохотъ.

Всѣ раненые съ уваженіемъ показывали на койку въ углу, гдѣ лежалъ молодой офицеръ. Подхожу и вижу одного изъ старыхъ знакомыхъ, офицера съ Русскаго Острова, штабсъ-капитана Р. Красивое загорѣлое лицо съ горящими глазами, возбужденно смотрящими изъ подъ бѣлой повязки, обнаженная молодая здоровая грудь тяжело дышетъ и ходитъ выступившими ребрами. Р... былъ раненъ въ голову, въ грудь и сильно контуженъ; послѣдствіемъ этого явилась временная потеря рѣчи.

— «Вотъ, не угодно ли посмотрѣть», докладывалъ юркій и очень подвижный докторъ Бѣленькій: «штабсъ-капитанъ вынесъ на себѣ изъ боя пулеметъ, два раскаленныхъ стрѣльбой ствола Кольта, вотъ слѣды ожоговъ...»

Съ обѣихъ сторонъ шея офицера была покрыта ровными, точно татуировка по линейкѣ, коричневыми черточками, это

ему прожгло кожу винтовой нарѣзкой ствола, когда онъ со своей ротой отходилъ послѣднимъ отъ Челябинска.

6.

Не смотря на отходъ, значеніе Челябинской операціи было весьма существенно. Бои и дѣйствія нашихъ войскъ показали, что мы имѣемъ всѣ шансы разбить большевиковъ; въ войскахъ укрѣпилась увѣренность въ своихъ силахъ. Кромѣ того населеніе этого большого и абсолютно анти-большевицкаго раіона увидѣло на дѣлѣ, убѣдилось, что были приложены всѣ усилія спасти ихъ отъ большевиковъ; казаки, крестьяне и башкиры, участвуя сами и будучи свидѣтелями этого одного изъ самыхъ большихъ сраженій, знали, какъ много работы и жертвъ было принесено, чтобы разбить силы и стремленія красныхъ завладѣть Челябинскимъ краемъ; знали и то, что наше отступленіе произошло не по винѣ Западной арміи.

Эти тяжелые бои, — а они стоили намъ свыше 5000 потерь убитыми, ранеными и плѣнными, большевики, по ихъ же документамъ, потеряли больше 11000 человѣкъ, — эти бои скрѣпили армію въ сильный, хорошо слаженный и жизненный организмъ. Лично я, какъ командующій арміей, получилъ полную вѣру въ свои войска и не сомнѣвался въ томъ, что при правильной организаціи тыла наша окончательная побѣда надъ большевиками обезпечена. Также думали и чувствовали всѣ мои помощники.

Ближайшее же время подтвердило правильность этихъ выводовъ. Моей арміи пришлось отходить отъ Челябинска при невозможно тяжелыхъ условіяхъ: все время висѣла угроза на нашемъ правомъ флангѣ, почти каждый день большевикамъ удавалось выходить въ тылъ уральцамъ, отрѣзывая ихъ отъ линіи сообщенія и отъ Волжскаго корпуса. Намъ приходилось проявлять огромное напряженіе, чтобы парализовать эти попытки. Шли ежедневные бои, почти всѣ части дѣлали большіе, часто форсированные переходы и сложные маневры. Велась самая интенсивная работа армейскаго тыла, чтобы справиться съ эвакуаціей и не оставить ничего краснымъ. Такъ проходила въ теченіи всего августа армія огромныя пространства, отступая на востокъ, входя въ Западную Сибирь.

Въ то же время, справляясь съ этой сложной работой, мы начали готовиться къ новому наступленію, стремясь обезпечить на этотъ разъ успѣхъ его отъ всякихъ случайностей; прежде всего было необходимо имѣть достаточный запасъ людей для пополненія убыли въ частяхъ, надо было наладить подачу на фронтъ осенняго теплаго обмундированія и собрать хотя бы небольшіе резервы.

Послѣ Челябинска мы вступили въ богатыя плодородныя степи Западной Сибири. Равнина ея, которая тянется на тысячи верстъ, перерѣзывается съ запада на востокъ одной желѣзнодорожной магистралью, проходящей черезъ города Курганъ, Петропавловскъ, Омскъ, Новониколаевскъ. Всѣ эти города лежатъ на большихъ рѣкахъ, протекающихъ въ меридіональномъ направленіи, съ сѣвера на югъ. Тоболъ, Ишимъ, Иртышъ и Обь, — эти рѣки представляютъ собою единственныя преграды и препятствія, которыя могли быть использованы нашими арміями для временной задержки наступленія красныхъ; съ этихъ же рубежей мы могли предпринять новое наступленіе.

А наступленіе было необходимо, ибо безъ него дѣлалось безнадежно, а значитъ и безсмысленно самое продолженіе войны. Армія имѣла въ себѣ силы добиться успѣха, и произвести полный переломъ хода кампаніи армія могла. Но наступленіе можно было начать только тогда, когда вполнѣ будутъ обезпечены результаты его, чтобы новыя жертвы и огромное напряженіе фронта не пропали даромъ и были бы широко поддержаны тыломъ. Надо было сдѣлать точный расчетъ всѣхъ рессурсовъ, провести подготовку средствъ и силъ, составить планъ использованія ихъ.

Послѣ Челябинской операціи вся эта работа была взята на себя генераломъ Дитерихсомъ, ставшимъ во главѣ всего восточнаго фронта, въ который входили три неотдѣльныхъ арміи: 1-я Сибирская — генерала Пепеляева, 2-я — генерала Лохвицкаго и 3-я — моя. Южная армія генерала Бѣлова оторвалась съ конца іюля и вела самостоятельныя операціи противъ большевиковъ, имѣя ареной своихъ дѣйствій пустынную киргизскую степь безъ дорогъ и населенныхъ пунктовъ; она потеряла связь также и со ставкой и, предоставленная самой себѣ, переживала тяжелую драму, осложнившуюся нерѣшительностью, куда Южной арміи отходить и на что базироваться.

Въ эти дни ни ставка, ни фронтъ не имѣли никакихъ свѣдѣній о Южной арміи, и только черезъ два мѣсяца части ея начали выходить южнѣе Петропавловска, переживъ много тяжелаго, совершивъ походъ, равный походу Ксенофонта.

1-я и 2-я арміи, какъ уже было сказано, сосредоточились въ раіонѣ между рѣками Тоболомъ и Ишимомъ, куда онѣ были стянуты генераломъ Дитерихсомъ еще въ концѣ іюля, послѣ авантюръ Гайды. Здѣсь эти арміи, образованныя изъ того, что осталось отъ прежней Сибирской арміи, должны были пополниться, переформироваться, принять организованный видъ и подготовиться къ новому наступленію.

Западная армія была переименована въ 3-ю неотдѣльную армію; ей была поставлена задача выдѣлить не менѣе пяти

дивизій въ резервъ, перебросить ихъ быстро по желѣзной дорогѣ въ тылъ, пополнить и подготовить къ наступленію. Сначала этимъ раіономъ былъ назначенъ городъ Курганъ и рѣка Тоболъ; но тяжелые бои и условія отступленія 3-й арміи послѣ Челябинска не дали возможности выполнить этого; нельзя было вывести въ резервъ хотя бы одну дивизію, такъ какъ всѣ части были въ постоянномъ движеніи, маневрахъ. Возьми мы съ фронта въ это время въ тылъ хоть одну часть, остальныя не справились бы съ боевыми задачами, и Западную армію постигла бы участь Сибирской.

Только переправившись черезъ Тоболъ, мы получили передышку и вышли изъ подъ вѣчной угрозы быть отрѣзанными отъ желѣзной дороги. Только перейдя черезъ Тоболъ, 3-я армія получила возможность выдѣлить пять дивизій, быстро перевести ихъ эшелонами за 250 верстъ въ тылъ на рѣку Ишимъ, въ раіонъ города Петропавловска. Здѣсь начали проводить спѣшныя мѣры подготовки къ наступленію, срокъ котораго былъ опредѣленъ секретнымъ приказомъ на первые дни сентября. Наступило время, и армія дала все то, что общей дружной работой за весь лѣтній періодъ накопила для успѣха рѣшительнаго наступленія. Надо сказать правду, что работа эта дала блестящіе результаты; менѣе чѣмъ въ двѣ недѣли армія смогла влить въ себя такія разнообразныя силы, и такъ организовать использованіе ихъ, что уже черезъ мѣсяцъ послѣ Челябинскихъ боевъ была готова къ новому генеральному сраженію. Но для этого потребовалось напряженіе всѣхъ силъ, былъ израсходованъ весь запасъ безъ остатка.

Сущность реформъ, проведенныхъ главнокомандующимъ восточнымъ фронтомъ генераломъ Дитерихсомъ заключалась въ томъ, что ставка, какъ командный центръ арміями, упразднялась; отъ нея остался лишь небольшой, сравнительно, составъ для несенія службы связи Верховнаго Правителя съ арміями генераловъ Деникина, Юденича и Миллера. Съ другой стороны — арміи были преобразованы въ неотдѣльныя, т. е. отъ нихъ были отобраны всѣ права и обязанности по части мобилизаціонной, организаціонной и заготовительной. Изъ этихъ обрывковъ сверху, отъ ставки, и снизу, отъ армій, былъ образованъ новый центръ — штабъ главнокомандующаго Восточнымъ фронтомъ или, какъ онъ былъ названъ въ угоду модѣ, — Главковостока. Всѣ заботы, обязанности и всѣ права отнынѣ должны были сосредоточиваться въ этомъ штабѣ. Онъ бралъ на себя добровольно тяжесть координаціи общихъ усилій и напряженій для обезпеченія успѣха борьбы.

Арміи могли теперь обратить все свое вниманіе и работу на чисто боевое дѣло, не отвлекаясь на подготовку и обезпеченіе его въ тылу. Въ связи съ этимъ раіоны армій были сильно

уменьшены и изъ нихъ образованъ одинъ тыловой округъ съ подчиненіемъ его также непосредственно Главковостоку. Точно также работа желѣзныхъ дорогъ на театрѣ военныхъ дѣйствій выходила теперь изъ вѣдѣнія арміи и сосредоточивалась цѣликомъ въ штабѣ Главнокомандующаго. Съ одной стороны было стремленіе къ централизаціи и объединенію, а съ другой — къ разгрузкѣ боевыхъ армій отъ кропотливой и тяжелой работы въ тылу.

Понятно, теоретически это было не только правильно, это было необходимо. Но на практикѣ получалось другое. Какъ уже было сказано, Западная армія, а ранѣе и Сибирская, имѣя у себя большой тыловой раіонъ, обладая правами и неся обязанности отдѣльной арміи, могла заботиться о всемъ необходимомъ сама, обезпечивала себя во всѣхъ отношеніяхъ и знала истинное состояніе всѣхъ рессурсовъ. Большая работа, проведенная съ мая по сентябрь, дала къ осени результаты; мы могли теперь вливать въ корпуса и дивизіи совершенно готовое и одѣтое пополненіе, распредѣлять по полкамъ свой, собранный арміей и подготовленный за эти три мѣсяца, запасъ офицеровъ, эшелонировать всѣ виды снабженія и давать ихъ войскамъ безъ отказа. А главное мы могли строить всѣ расчеты нашихъ операцій и боевъ на точныхъ данныхъ, мы были хозяевами вполнѣ.

Произведенная ломка снимала съ командующаго арміей всѣ эти многосложныя обязанности и отвѣтственность; отнынѣ заботы о снабженіи армій всѣмъ необходимымъ брались на себя главнокомандующимъ. Это вполнѣ нормально и кромѣ облегченія не принесло бы ничего. Но на самомъ дѣлѣ было не такъ, — условія того времени были такъ далеки отъ нормальныхъ, тылъ оказался настолько неорганизованнымъ, что фактически заботы, снятыя съ арміи, обязанности и права, отобранныя отъ нея, повисли на время въ воздухѣ. И какъ показали ближайшія событія, реформы принесли вмѣсто улучшенія и облегченія большой вредъ.

Надо было сначала подготовить тылъ, провести быстрыя и рѣшительныя реформы тамъ, наладить безотказную работу, и лишь послѣ того ввести управленіе арміями въ нормальную линію централизаціи.

Такъ это представляется не только теперь, черезъ призму прошлаго времени, это было ясно и въ тѣ дни; я и мои ближайшіе помощники дѣлали тогда рядъ представленій, пробовали доказать вредъ ломки, но не достигнувъ ничего, обратили всѣ силы на работу при новыхъ условіяхъ.

Съ упорными боями, сдерживая натиски красныхъ, армія отходила отъ Тобола на Петропавловскъ, усиленно готовясь къ новому своему удару, къ переходу въ наступленіе.

Готовились къ наступленію также 1-я и 2-я арміи. Генералъ Ивановъ-Риновъ, атаманъ Сибирскаго казачьяго войска, прибылъ въ концѣ лѣта въ Омскъ, сумѣлъ вызвать необычайный подъемъ и развить огромную энергію среди казаковъ. Онъ работалъ не покладая рукъ надъ созданіемъ казачьяго корпуса, чтобы къ сентябрю выставить его на фронтъ и тѣмъ усилить наше наступленіе.

Дважды пріѣзжалъ за это время отхода отъ Челябинска на Петропавловскъ ко мнѣ въ армію Верховный Правитель адмиралъ Колчакъ, чтобы лично провѣрить нашу работу и видѣть условія, въ какихъ она протекала.

Однажды, когда мы ѣхали автомобилемъ къ передовымъ частямъ, адмиралъ обратился ко мнѣ въ разговорѣ съ вопросомъ:

— «А почему Вы безъ револьвера?»

Я отвѣтилъ, что мой тяжелый Наганъ, казеннаго образца, вожу всегда съ собою, но носитъ его мой ординарецъ, унтеръ-офицеръ.

— «Такъ нельзя,» возразилъ А. В. Колчакъ: «надо имѣть постоянно при себѣ. Вотъ смотрите, я ношу всегда самъ,» добавилъ онъ, ударивъ рукою по маленькому браунингу, висѣвшему въ чехлѣ у его пояса. — «Мало ли что можетъ случиться! Необходимо имѣть непоколебимое рѣшеніе, быть всегда готовымъ выпустить шесть пуль, защищаясь, а послѣдняя себѣ. Живымъ въ руки намъ даваться нельзя. . .»

Примѣрно, черезъ мѣсяцъ ко мнѣ явился офицеръ-ординарецъ адмирала и передалъ отъ него свертокъ: карманный испанскій парабеллумъ № 21727 и письмо, которое приложено ниже въ подлинникѣ.

Привожу этотъ небольшой случай, но характерный, рельефно показывающій три стороны: взглядъ покойнаго А. В. Колчака на положеніе, въ котормъ приходилось тогда вести работу, — съ постоянной мыслью о послѣдней пулѣ для себя; его исключительно внимательное отношеніе къ намъ, офицерамъ; небольшая иллюстрація того, какъ стоялъ у насъ въ арміи вопросъ съ оружіемъ.

Въ послѣдніе пріѣзды передъ сентябремъ адмиралъ имѣлъ очень утомленный, даже усталый видъ. И каждый разъ, уѣзжая, онъ говорилъ мнѣ:

— «Вы знаете, здѣсь на фронтѣ отдыхаешь, — такъ все хорошо, просто, такая здоровая атмосфера настоящаго дѣла. Если бы они могли также работать въ тылу!«

7.

Ранняя осень. Золотые дни, румяные закаты, только ночи удлинились и дышатъ онѣ уже холодомъ приближающейся зимы. Необозримыя поля Западной Сибири убѣгаютъ къ

блѣдно голубому горизонту, волнуясь и переливаясь пышными темно-золотыми колосьями созрѣвшихъ хлѣбовъ. Урожай въ 1919 году повсюду былъ на рѣдкость обильный. Теплая мягкая осень напоминала собой весну и была очень подходящимъ временемъ для широкихъ активныхъ дѣйствій.

29 августа мы получили приказъ Главковостока закончить быстро всю подготовку, сосредоточить силы и въ первыхъ числахъ сентября перейти въ наступленіе, атаковать красныхъ.

Планъ дѣйствій 3-й арміи заключался въ слѣдующемъ: Волжскій корпусъ и арріергардъ Уфимскаго сдерживали напоръ красныхъ по обѣ стороны Сибирской желѣзной дороги; въ то же время на обоихъ нашихъ флангахъ сосредоточивались ударныя группы, которыя должны были съ двухъ сторонъ обрушиться на большевиковъ. А Уральскій корпусъ (двѣ дивизіи) перебрасывался скрытно вверхъ по Ишиму на нашъ крайній лѣвый флангъ, откуда предполагалось вывести его большимъ кружнымъ путемъ въ тылъ краснымъ и тѣмъ закончить ихъ окруженіе.

1-го сентября 3-я армія начала выполненіе этого плана. Генералъ Каппель, усиленный Ижевской дивизіей, сдерживая натискъ красныхъ, самъ перешелъ въ наступленіе, сильно потрепалъ къ югу отъ желѣзной дороги одну совѣтскую бригаду. Генералъ Косминъ съ двумя дивизіями уральцевъ совершалъ въ полной скрытности глубокій обходъ; у генерала Войцеховскаго съ Уфимскимъ корпусомъ вышла заминка.

Всѣ эти дни, окончивъ предварительныя распоряженія, я проводилъ среди своихъ боевыхъ частей, переносясь на автомобилѣ съ одного фланга на другой, чтобы лично все провѣрить, убѣдиться на мѣстѣ въ правильности расчетовъ, помочь напряженію воли.

2-го сентября рано утромъ пріѣхалъ въ раіонъ Уфимскаго корпуса. 4-я дивизія на разсвѣтѣ перешла въ наступленіе и взяла очень удачно направленіе въ тылъ наступающимъ здѣсь краснымъ. Былъ захваченъ обозъ одного краснаго полка, плѣнные и даже полковой комиссаръ. Но вмѣсто того, чтобы использовать первый успѣхъ и ударить сзади по большевикамъ, командовавшій дивизіей полковникъ С. повернулъ и направился обратно къ своему исходному положенію. Дивизія сдѣлала впередъ и назадъ около 35 верстъ, измоталась почти безрезультатно. Пришлось дать людямъ отдыхъ передъ тѣмъ, какъ начать снова маневръ.

Вторая дивизія Уфимцевъ, 8-я Камская, тоже перешла утромъ въ наступленіе у деревни Жидки, но атака не удалась, красные оказали сильное, упорное сопротивленіе; было приказано въ 4 часа дня атаковать вторично. Я поѣхалъ на мѣсто боя, чтобы помочь лично руководству его. По дорогѣ встрѣчаю

крестьянина на лошаденкѣ безъ сѣдла; гонитъ онъ ее, болтаетъ въ воздухѣ локтями, ротъ открытъ, глаза выкачены отъ страха, шапка упала, и по вѣтру развѣваются длинныя пряди полусѣдыхъ волосъ. Увидалъ всадникъ нашъ автомобиль и еще издали началъ кричать благимъ матомъ:

— «Куда вы, куда вы!.. Ворочa-а-айте назадъ!»

Остановили моторъ. Въ чемъ дѣло?

— «Да какъ же, всѣ наши отступаютъ; ужъ красна армія на Еропкино вышла. Такъ и гонитъ войска по всей линіи...»

И онъ поскакалъ, охваченный паникой, дальше.

Загадка. Часы показывали безъ двадцати минутъ четыре, приближалось время атаки Камской дивизіи. Поѣхали дальше. Вотъ изъ небольшого перелѣска показались повозки, направлявшіяся намъ на встрѣчу.

— «Какого полка?»

— «31-го Стерлитамакскаго.»

— «Гдѣ полкъ?»

— «Да вотъ тута, въ лѣсу этомъ самомъ», на ходу получили отвѣтъ.

Дѣйствительно на полянкѣ, въ рощѣ стоитъ полкъ; здѣсь же штабъ дивизіи. А на опушкѣ рощи идетъ, все усиливаясь, ружейная и пулеметная трескотня. Автомобиль подъѣхалъ къ самому полку.

— «Что у Васъ происходитъ?» спросилъ я начальника дивизіи, генерала Пучкова.

— «Красные перешли въ наступленіе...»

— «А Вы получили приказаніе атаковать ихъ въ четыре часа?»

— «Такъ точно, но теперь невозможно.»

Этотъ отличный боевой офицеръ находился, къ сожалѣнію, въ полномъ упадкѣ силъ, потерялъ духъ. И не мудрено вѣдь, — съ 1914 года онъ бытъ непрерывно на войнѣ, сначала три года на нѣмецкомъ фронтѣ, а затѣмъ на Волгѣ, на Бѣлой и на Уральскихъ горахъ — противъ большевиковъ.

Генералъ Пучковъ старался доказать мнѣ всю безнадежность попытки перехода въ наступленіе, что это не удастся, что слишкомъ выдохлись, и успѣхъ невозможенъ.

— «Вамъ лучше сейчасъ же уѣхать, Ваше Превосходительство,» докончилъ онъ, обращаясь ко мнѣ, — «а то не ровенъ часъ...»

— «Какъ Вы не понимаете, что никто не имѣетъ права уѣзжать сейчасъ!»

Я отвелъ его въ сторону и въ полъ голоса, чтобы не слышали другіе, принялся серьезно внушать ему всю гибельность для дивизіи и для всей арміи подобныхъ взглядовъ. Затѣмъ громко, въ полный голосъ, передалъ объ успѣхахъ Волжцевъ

и Уральцевъ, пристыдилъ и приказалъ двинуть резервы въ контръ-атаку. Обошелъ ряды полка, произвелъ отличившихся ранѣе офицеровъ, наградилъ Георгіевскими крестами стрѣлковъ.

Кто былъ въ бояхъ, тотъ легко представитъ себѣ картину этого осенняго дня. Лѣсъ набитъ пѣхотой; солдаты лежатъ и сидятъ группами; многіе жуютъ хлѣбъ, иные переодѣваютъ портянки и сапоги. Здѣсь же, на полянкѣ, батареи судорожно, спѣшно, но въ то же время привычно-увѣренно готовятся къ работѣ. Дѣловитая суета и въ ближайшемъ полковомъ тылу, — разворачивается перевязочный пунктъ, выкладываются патроны изъ двуколокъ, дымятъ и раздражающе вкусно пахнутъ ужиномъ походныя кухни. Всѣ такъ заняты работой и необходимымъ простымъ дѣломъ, каждый старается гнать прочь мысль о предстоящемъ боѣ и о возможности близкой смерти. Только лица всѣ какъ-то потемнѣли, глаза смотрятъ остро и внимательно, голоса стали глуше. Въ воздухѣ, несмотря на громкіе звуки выстрѣловъ и свистъ пуль, кажется зловѣще — тихо, какъ передъ грозой. И всѣ слѣдятъ, чутко, напряженно, за своими начальниками. Не потерялъ онъ присутствія духа, сохранилъ вѣру, до конца проявилъ свою волю, — побѣда и успѣхъ обезпечены. Но если слабость скуетъ его мозгъ, если поддастся онъ страху и проявитъ отчаяніе, — горе и ужасъ тогда: дрогнутъ ряды, паника охватитъ всѣхъ, и стройныя части обращаются въ безтолковое стадо.

Черезъ нѣсколько минутъ заработала наша артиллерія. Полкъ выдвинулся изъ резерва, вправо рота за ротой перебѣжали скрыто рощей, развернулись и съ крикомъ «ура» кинулись въ атаку. . .

Къ вечеру деревня Жидки была взята Камцами.

За этотъ день отбили всѣ контръ-атаки красныхъ и Волжане, причемъ Ижевская дивизія вышла во флангъ противнику и разгромила одинъ совѣтскій полкъ.

Ижевцамъ пришлось вести бой на три фронта, ихъ батареи стрѣляли во всѣ стороны. Красные здѣсь усилились и старались разбить Волжскій корпусъ, преградившій имъ кратчайшій путь на Петропавловскъ.

Ночью мой автомобиль мчался на крайній лѣвый флангъ, гдѣ Уральскій корпусъ долженъ былъ совершить рѣшительный маршъ-маневръ и ударить по тыламъ большевиковъ, отрѣзать ихъ отъ путей отступленія.

Темная сентябрьская ночь, полная яркихъ мерцающихъ звѣздъ. Необозримыя пространства Сибирскихъ степей тонутъ въ ночныхъ черныхъ тѣняхъ, сливаясь съ чернымъ небомъ; тишина нарушается только свистомъ холоднаго осенняго вѣтра, да равномѣрнымъ стукомъ автомобильнаго мотора. Мы ѣдемъ,

я съ адъютантомъ и ординарцами, кутаясь отъ ночного сырого холода и нервности отъ всѣхъ ощущеній дня. Ѣдемъ десятки верстъ черной молчаливой степью, безъ признаковъ жилья; пролетѣли давно уже тѣ деревни, въ которыхъ вчера были уральцы.

— «Съ утра, батюшка, ушли, спозаранку поднялись и пошли войска-то,» объясняла намъ испуганная молодуха-сибирячка въ послѣдней деревнѣ и махнула рукой на сѣверо-западъ. На нашъ стукъ въ окно она выскочила, сонная, въ одной сорочкѣ, накинувъ полушубокъ. Яркій свѣтъ автомобильныхъ электрическихъ фонарей освѣщалъ ея блѣдное милое лицо и широкіе испуганные глаза, еще полные ночной нѣги и сновидѣній. И такъ ласково и грустно прозвучало сзади ея послѣднее привѣтствіе:

— «Дай Богъ вамъ, родимые. . .»

И снова бездонная пропасть ночи и безконечныя пространства степей. Вдругъ вдали замерцали такія же далекія, какъ звѣзды, свѣтящіяся точки костровъ. Все ближе и ярче, все больше ихъ, цѣлое море огней. Автомобиль наддалъ ходу. И скоро мы подъѣхали къ бивакамъ двухъ дивизій Уральскаго корпуса. Они уже вышли на указанную конечную линію. Завтра съ разсвѣтомъ Уральцы двинутся дальше и пересѣкутъ главный путь отступленія красныхъ. На этотъ разъ успѣхъ былъ несомнѣненъ, всѣ разсчеты оправдались.

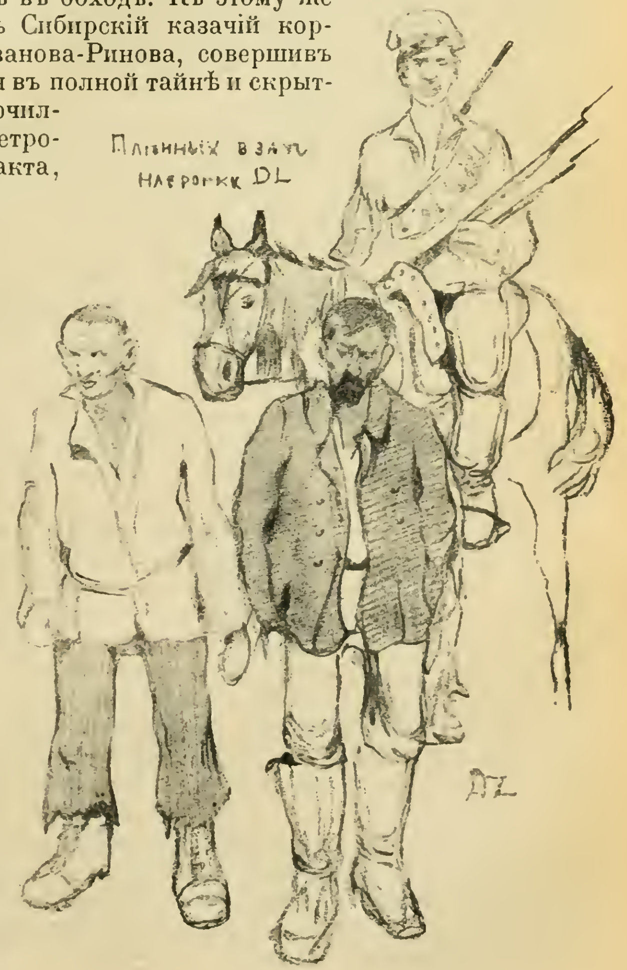
На слѣдующій день, 3-го сентября красные кинулись назадъ, чтобы не попасть въ окруженіе. Два дня шли тяжелые бои. Здѣсь были лучшія коммунистическія дивизіи, 26-я и 27-я; надо отдать справедливость, что эти восемнадцать русскихъ красныхъ полковъ проявили въ сентябрьскіе дни 1919 года очень много напряженія, мужества и подвиговъ, которые въ Императорской арміи награждались Георгіевскими знаменами. Они бросались, ища выхода, въ разныя стороны, проявляя высокій духъ и доблесть, и частью прорывались ночными боями почти изъ полнаго замкнутаго кольца. А подъ деревней Чебачьей они нанесли даже сильное пораженіе нашей 7-й Уральской дивизіи.

Въ то же время красное командованіе принимало срочныя мѣры, чтобы ликвидировать нашъ успѣхъ и перевернуть ходъ операціи снова въ ихъ пользу, вырвать у насъ иниціативу. Они начали сосредоточивать войска, повернувъ обратно на востокъ 5-ю и 35-ю совѣтскія дивизіи, направленныя было по желѣзной дорогѣ на южный фронтъ противъ генерала Деникина. Этотъ прямой первый результатъ успѣха, доставилъ намъ большую радость и удовлетвореніе, такъ какъ мы помогли своимъ, облегчили ихъ положеніе.

Сосредоточивъ въ раіонѣ желѣзной дороги сильную группу войскъ, большевики двинули ее на юго-востокъ, чтобы въ свою очередь обойти флангъ нашего Уральскаго корпуса и ударить въ тылъ моей арміи. Движеніе ихъ было очень быстрое; надвигалась для насъ опасность не только потерять всѣ результаты перваго успѣха, но снова попасть въ прежнее положеніе обороны, прикрытія своего тыла и вѣчной опасности. Надо было принимать неотложныя и быстрыя мѣры. Я приказалъ Уральскому корпусу сдѣлать полный поворотъ, на 180 градусовъ, усилилъ его Ижевской дивизіей. Было рѣшено произвести теперь ударъ съ сѣвера на югъ, въ лѣвый флангъ красныхъ, двигавшихся намъ въ обходъ. Къ этому же времени подошелъ Сибирскій казачій корпусъ генерала Иванова-Ринова, совершивъ свои передвиженія въ полной тайнѣ и скрытности, и сосредоточился къ югу отъ Петропавловскаго тракта, которымъ двигались главныя силы большевиковъ.

9 сентября произошли жестокіе бои въ раіонѣ станицы Прѣсновской, причемъ нами былъ произведенъ согласованный ударъ, — съ сѣвера Уральцами, съ юга Сибирскими казаками. Большевики, не ожидавшіе этого удара, дрогнули и побѣжали, бросая пушки, пулеметы и обозы. Наша побѣда была полная.

Наканунѣ ко мнѣ въ штабъ пріѣхалъ адмиралъ Колчакъ съ нѣкоторыми его ми-

нистрами, генералъ Ноксъ и огромная свита. Адмиралъ отправился на автомобилѣ къ Уральскому корпусу и прибылъ туда какъ разъ въ то время, когда наши части гнали красныхъ, захватывая тысячи плѣнныхъ. Всѣхъ охватила неописуемая радость и подъемъ духа; казалось, что наступилъ рѣшительный переломъ, что этотъ ударъ будетъ окончательнымъ. Такъ оно и было бы, но при одномъ непремѣнномъ условіи, — всеобщаго напряженія всѣхъ силъ на поддержку побѣдоносной арміи, для развитія успѣха.

Русское дѣло держало экзаменъ въ эти дни сентября 1919 года; теперь наступила провѣрка того, какъ справились съ организаціей тыла, насколько сумѣли взять его въ руки. Армія снова доказала свою способность, жизненность, силу и умѣнье. Но для побѣды общей, для закрѣпленія успѣховъ военныхъ нужно было еще многое.

Всѣ части 3-й арміи понесли значительныя потери въ этихъ первыхъ бояхъ; 9-го сентября я обратился по прямому проводу къ Главковостоку съ докладомъ о положеніи въ арміи и о необходимости присылки теперь же пополненій для сильно порѣдѣвшихъ частей нашей арміи.

Правѣе насъ стояла 2-я армія генерала Лохвицкаго, которой не удавалось перейти въ наступленіе, сбить красныхъ; послѣ нѣсколькихъ дней встрѣчныхъ боевъ, большевики даже частично потѣснили 2-ю армію. Они усилили здѣсь свой ударъ, чтобы съ этой стороны парализовать успѣхъ нашей арміи, которая въ это время заняла сильно выдвинутое положеніе, причемъ Уфимскій корпусъ наступалъ въ общемъ направленіи на юго-западъ, имѣя задачей разбить и отрѣзать 27-ю совѣтскую дивизію.

Заминка 2-й арміи грозила разстроить всѣ планы Главковостока; необходимо было помочь ей, чтобы спасти общее положеніе; нельзя было терять ни дня. Пришлось предпринять новую операцію, не окончивъ вполнѣ еще первой. Я повернулъ главную часть силъ Уфимскаго корпуса также почти на 180 градусовъ, направивъ ихъ ударъ теперь въ сѣверномъ направленіи. Ударъ пришелся какъ разъ во флангъ и частью въ тылъ краснымъ, тѣснившимъ 2-ю армію; уфимцы быстро выдвинулись впередъ, почти на половинное протяженіе всего фронта 2-й арміи, которая послѣ этого получила возможность повести успѣшное наступленіе.

Но 27-я дивизія большевиковъ ускользнула отъ окончательнаго разгрома и смогла отступить на два перехода; тамъ она получила свѣжее подкрѣпленіе и снова перешла въ контръ-наступленіе, чтобы прорвать сильно растянувшійся теперь фронтъ Уфимскаго корпуса.

Можно представить, какъ растянулся фронтъ и всей моей арміи; вначалѣ первый ударъ былъ объединенный и сходившійся къ желѣзной дорогѣ. Но затѣмъ пришлось бить отъ середины: Уральцами на югъ, Уфимцами на сѣверъ. Эти три послѣдовательныхъ удара, слѣдовавшіе безъ перерыва одинъ за другимъ, дали намъ переломъ, создали военный успѣхъ, обезпечили побѣду, но они же поставили 3-ю армію въ тяжелыя условія, выйти изъ которыхъ своими собственными силами она могла съ большимъ трудомъ.

Начались самые упорные и жестокіе бои за весь этотъ періодъ нашего наступленія, за всю Тобольскую операцію. Главная тяжесть ихъ выпала на долю 12-й Уральской дивизіи и Морского батальона, которые доблестно отбивали всѣ атаки и сломили въ концѣ концовъ большевиковъ.

Пребываніе въ штабѣ арміи гостей изъ Омска затянулось и сильно мѣшало работѣ, отвлекая и меня, и штабъ на нѣсколько часовъ ежедневно; поэтому я почувствовалъ облегченіе, когда черезъ шесть дней было объявлено объ ихъ отъѣздѣ. Верховный Правитель за это время объѣхалъ почти всѣ войска, раздавалъ награды, причемъ онъ настоялъ на присужденіи тремъ командирамъ корпусовъ, генераламъ Каппелю, Космину и Войцеховскому, а также и мнѣ ордена Св. Георгія 3-й степени. При объѣздахъ передовыхъ линій адмиралъ Колчакъ лично видѣлъ малочисленность нашихъ частей, такъ какъ бои шли не прекращаясь ни на одинъ день, потери увеличивались и росли непомѣрно, а пополненій мы не получали съ тылу ни одного солдата; адмиралъ зналъ фактическія цифры нашихъ потерь; при своемъ объѣздѣ онъ обѣщалъ мнѣ употребить всѣ усилія, чтобы прислать подкрѣпленія и свѣжія части резерва.

15-го сентября я вновь сдѣлалъ настойчивое представленіе Главковостоку, какъ о значительныхъ потеряхъ нашихъ, такъ и о самой настоятельной необходимости присылки свѣжихъ частей и пополненій; генералъ Дитерихсъ обѣщалъ сдѣлать все возможное и указалъ, что черезъ недѣлю начнетъ подавать въ 3-ю армію эшелоны[1]).

На обѣдѣ, который адмиралъ Колчакъ далъ у себя въ поѣздѣ въ день отъѣзда, произошелъ одинъ случай, который, несмотря на его незначительность, нельзя обойти молчаніемъ. Разговоръ свелся на большевиковъ, на развалъ ими Великой Россіи и на то, что руководящая роль принадлежитъ іудеямъ, которые фактически захватили всю власть въ свои руки.

Сидѣвшій рядомъ со мною представитель французской миссіи маіоръ Каруель, чистый французъ, храбрый офицеръ и въ высшей степени порядочный человѣкъ, высказалъ такую мысль:

---

[1]) Моя телеграмма главнокомандующему отъ 9/IX № 04003 и его отвѣтъ № 0716/оп.

— «Да это племя, іудеи, всюду ищутъ власти не для добра другого народа и страны, а для своихъ какихъ то особенныхъ цѣлей. Вотъ, и наша официальная Франція, — она теперь нисколько не выражаетъ нашей страны, духа французскаго народа. И пока не выгонятъ евреевъ, не вырвутъ у нихъ власть, — прекрасная Франція не будетъ сама собой.»

Многіе заинтересовались. Генералъ Ноксъ просилъ повторить, такъ какъ онъ плохо слышалъ. Всѣ соглашались, что наступившіе годы и череда событій доказываютъ несомнѣнно стремленіе евреевъ захватить не только міровое вліяніе, но и власть надъ міромъ. Казалось, что не было теперь сомнѣвающихся, стыдящихся смотрѣть истинѣ прямо въ глаза, подобно многимъ изъ такъ называемыхъ «русскихъ интелигентовъ» эпохи 1900—1918 годовъ.

Черезъ нѣсколько дней маіоръ Каруель пришелъ въ полной формѣ ко мнѣ прощаться, такъ какъ онъ получилъ повышеніе по службѣ и новое назначеніе въ Омскъ, въ штабъ генерала Жанэна. Обоимъ намъ было грустно разставаться, такъ какъ, по выраженію маіора Каруеля, мы пережили вмѣстѣ столько des jours penibles et des jours heureux въ 3-й арміи, сжились за это время и подружились. Но приказъ для солдата прежде всего. Весь штабъ сердечно проводилъ общаго любимца, маіора Каруель.

Но вотъ, примѣрно дней черезъ восемь-десять, получили изъ Омска свѣдѣніе, что маіоръ арестованъ и подъ конвоемъ отправленъ во Францію; что будто ему ставится въ вину какое то тяжкое обвиненіе, — у его возлюбленной нашли секретный французскій шифръ и ключъ къ нему. А надо сказать, что эта дама сердца была немудрящая, простая женщина, интересовавшаяся только одними сердечными вопросами; контръ-развѣдка арміи имѣла за ней наблюденіе и выяснила ее вполнѣ; никогда ни до какихъ вопросовъ политики, а тѣмъ болѣе до военныхъ секретовъ и тайнъ она не касалась, да и по французски то почти не говорила. Непосвященные поражались. Для знающихъ же предыдущія событія невольно они связывались, и вспоминалась горячая реплика маіора Каруель, что для счастья Франціи надо выгнать оттуда іудеевъ.

Долженъ сказать нѣсколько словъ о контръ-развѣдкѣ 3-й арміи. Болѣе образцовой службы мнѣ не случалось встрѣчать. На это тяжелое дѣло шли къ намъ, именно сюда, лучшіе люди, честные, неутомимые и храбрые; среди нихъ большинство были съ высшимъ университетскимъ образованіемъ. Поэтому здѣсь не было мѣста тѣмъ ненормальностямъ и злоупотребленіямъ, какими иной разъ грѣшили другія контръ-развѣдки; въ 3-й арміи все было чисто и справедливо. Но зато не было ни малѣйшей поблажки и спуску разрушителямъ русской государствен-

ности. Не покладая рукъ, зачастую рискуя своей жизнью, чины армейской контръ-развѣдки открывали каждую противоправительственную партію, заговоръ, вылавливали большевицкихъ агитаторовъ и всѣхъ сродственныхъ имъ, уничтожая соціалистическую заразу въ корнѣ. Оттого то и не заводилось эсъ-эровское предательство въ раіонѣ моей арміи.

8.

Наше наступленіе развивалось. Я напрягалъ послѣднія силы, требовалъ и добивался того же отъ всѣхъ чиновъ арміи. Всѣ наши боевыя задачи были выполнены; было сдѣлано больше, — мы нанесли три сильныхъ удара большевикамъ, — въ центрѣ, на сѣверѣ и на югѣ, выполнивъ часть задачи 2-й арміи, разбивъ красныхъ вездѣ.

Какъ недавнему участнику всѣхъ этихъ боевъ, этого новаго подвига русской арміи, — мнѣ трудно описать его достаточно полно и ярко. Найти подходящія краски, освѣтить событія, ихъ причинность и значеніе — дѣло будущаго историка. Я долженъ только указать на общій ходъ событій и на самую сущность происходившаго. Вѣдь армія, которая отступала четыре мѣсяца, прошла съ этими тяжелыми отступательными боями свыше двухъ тысячъ верстъ, не только не развалилась, но не потеряла своей боеспособности и духа; болѣе того, — армія нашла въ себѣ самой силы, — ибо резервовъ съ тылу подано не было, — нашла силы перейти въ рѣшительное наступленіе и нанести полное пораженіе врагу. Случай не бывалый.

— «Это только одни русскіе могутъ дѣлать такія чудеса: послѣ двухъ тысячъ верстъ отступленія перейти въ такую удачную контръ-атаку,» говорилъ совершенно искренно англійскій генералъ Ноксъ въ его послѣдній пріѣздъ ко мнѣ въ армію.

Вѣдь ясно для каждаго, что такое напряженіе и такой успѣхъ могли быть результатомъ только полной вѣры въ свое дѣло со стороны всѣхъ массъ нашихъ, нашей чисто народной арміи. Эта вѣра двигала на чудеса, а чудеса создавали дальнѣйшій подъемъ и удесятеряли силы. Вмѣстѣ съ тѣмъ росла увѣренность въ окончательной побѣдѣ національной идеи надъ черными враждебными силами кроваваго интернаціонала. Никогда не были мы такъ близки къ побѣдѣ, какъ въ эти дни. Но главная трудность заключалась теперь въ томъ, что наши ряды все болѣе и болѣе рѣдѣли, красные же наоборотъ, съ каждымъ днемъ усиливались; они вливали, подавая непрерывно съ тылу, подкрѣпленія изъ своихъ запасныхъ частей, они повернули на востокъ еще одну дивизію[1]) и конныя части, направленныя было на Деникинскій фронтъ.

[1]) 21-ю совѣтскую.

19-го сентября я вновь пригласилъ къ прямому проводу главнокомандующаго, доложилъ ему обстановку и затрудненія, настойчиво просилъ о присылкѣ пополненій; иначе было немыслимо ставить новыя боевыя задачи, тратить свои силы, добиваться успѣха, чтобы потомъ все потерять. На этотъ разъ я получилъ опредѣленныя обѣщанія, что мнѣ будетъ прислано въ теченіи первой недѣли десять тысячъ пополненій, на вторую недѣлю еще десять тысячъ и кромѣ того партизанская бригада полковника Красильникова.

Этого было достаточно и вполнѣ удовлетворило бы армію. Имѣя это обѣщаніе, мы напрягли новыя усилія и продолжали сбивать красныхъ съ каждой позиціи, гнать ихъ къ Тоболу.

Операція свелась теперь къ труднѣйшему и мало результатному фронтальному наступленію, которое не могло уничтожить армію противника, оставляя его тылъ и пути отступленія безъ разрушенія. Это произошло вслѣдствіе двухъ причинъ: во-первыхъ, 3-й арміи пришлось бить своимъ правымъ флангомъ на сѣверъ вмѣсто юго-запада, чтобы помочь 2-й арміи; а во-вторыхъ, и это главное, — масса конницы, сосредоточенная на нашемъ лѣвомъ флангѣ, послѣ успѣха въ бою подъ станицей Прѣсновской, послѣ разгрома 5-й и 35-й совѣтскихъ дивизій, проявила очень большую пассивность и потеряла много времени, вмѣсто того, чтобы стремительно вынестись къ Кургану и разгромить тылы красныхъ, отрѣзать ихъ силы отъ переправъ на Тоболѣ. Ну, на это были свои оправданія: иррегулярность молодого Сибирскаго казачьяго корпуса, плохой конскій составъ его, запутанныя и противорѣчивыя задачи, поставленныя ему Главковостокомъ. Была упущена блестящая и большая возможность обратить нашу первую побѣду въ разгромъ красныхъ.

Поэтому-то намъ и приходилось въ теченіи болѣе двухъ недѣль, шагъ за шагомъ, бить большевиковъ въ цѣломъ рядѣ непрерывныхъ боевъ, производя постоянные маневры одними и тѣми же силами. При этомъ надо сказать, что эти силы наши были численно меньше дѣйствовавшихъ противъ насъ красныхъ. Почти на каждомъ участкѣ многоверстнаго фронта арміи нашимъ частямъ приходилось атаковать сильнѣйшаго противника. Это было возможно только при постоянныхъ перегруппировкахъ и перебросках полковъ и дивизій съ одного фланга на другой, чтобы создавать въ нужныхъ мѣстахъ перевѣсъ въ силахъ. Можно представить, какъ эти форсированные марши и маневры утомляли войска. Бои, упорные и жестокіе, такъ какъ большевики не только оказывали намъ стойкое сопротивленіе, но и сами пытались переходить въ контръ-атаки, — бои съ каждымъ днемъ уменьшали наши силы. Тылъ же по прежнему оставался безучаснымъ и не подавалъ подкрѣпленій.

Многочисленныя просьбы и доклады о тяжеломъ положеніи вызывали успокоительные отвѣты и обѣщанія. И это было еще хуже, такъ какъ въ ожиданіи этихъ обѣщанныхъ свѣжихъ резервовъ, разсчитывая на нихъ, мы расходовали свои послѣднія силы. Чтобы докончить начатую операцію и опрокинуть красныхъ за Тоболъ было введено въ боевую линію все, опять включительно до моего личнаго конвоя; я отправилъ двѣ роты егерей штаба 3-й арміи генералу Каппелю, на три дивизіи котораго въ концѣ операціи выпали самыя трудныя задачи, такъ какъ въ полосѣ желѣзной дороги большевики сосредотачивали всего больше своихъ войскъ, прибывающихъ въ эшелонахъ изъ центральной Россіи.

Сѣрый сентябрьскій день, дождикъ, мелкій и назойливый, сѣялъ уже вторыя сутки и развелъ ужасную грязь. Изъ частой сѣтки его проглядывали полуоголенные желтые перелѣски, унылыя снятыя поля, маленькая желѣзнодорожная станція со взорванной красными при отступленіи водонапорной башней. Здѣсь стояли двѣ роты егерей, готовыхъ идти на фронтъ. Обходя ряды ихъ, я видѣлъ въ глазахъ всѣхъ офицеровъ и солдатъ одно желаніе идти и побѣдить, увѣренность въ успѣхѣ. Вѣдь весь сентябрь мы всюду били большевиковъ, гнали ихъ по всему фронту.

Съ бодрой пѣсней и съ молодымъ блескомъ возбужденныхъ близкимъ боемъ глазъ шли егеря на поддержку волжанъ. Тонула въ туманной дали дождливаго дня ихъ колонна, сливалась въ мутное движущееся пятно, таяли и терялись въ воздухѣ могучіе аккорды русской военной пѣсни. . .

«Смѣло мы въ бой пойдемъ.
За Русь Святую!
И какъ одинъ прольемъ.
Кровь молодую. . .»

Черезъ нѣсколько часовъ егеря вошли въ боевую линію, новый порывъ, и послѣдняя станція передъ Тоболомъ была взята. Даже такой незначительный приливъ свѣжихъ силъ могъ дать рѣшительные результаты!

На другой день привезли раненыхъ. Двѣ моихъ егерскихъ роты потеряли изъ трехсотъ человѣкъ болѣе ста убитыми и ранеными, но зато помогли сломить послѣднее сопротивленіе большевиковъ, взяли много пулеметовъ и захватили въ плѣнъ цѣлый совѣтскій батальонъ. Я обходилъ раненыхъ. Въ углу лежалъ молодой егерь съ обвязанной головой, — пуля пробила ему черепъ. Бѣлая повязка съ проступившей кровью закрывала лобъ и падала на опущенные ввалившіеся глаза. Лежавшій рядомъ егерскій офицеръ съ прострѣленной грудью доложилъ мнѣ, что раненый въ голову егерь кинулся первымъ

на пулеметы и упалъ раненымъ уже послѣ того, какъ прикладомъ свалилъ большевика-комиссара.

Я взялъ у адъютанта Георгіевскій крестъ и осторожно, чтобы не разбудить раненаго, прикололъ его на грудь егерю. Но онъ открылъ глаза, большіе, блестѣвшіе радостнымъ блескомъ, и началъ быстро говорить, двигая съ трудомъ своими запекшимися губами:

— «Благодарствую, Ваше Превосходительство . . . охъ . . . покорно благодарю,» и онъ нѣжно, торопливо гладилъ и новенькій крестъ на черно-желтой лентѣ, и мою руку. «Какъ эт-то мы побѣжали въ атаку . . . пулеметы ихъ трещатъ, наши стали падать ранеными . . . ну, залегли мы въ канавѣ. . . Вижу я . . . охъ . . . вижу красные солдаты руки поднимаютъ кверху, сдаваться хотятъ. . . Мы было къ нимъ, а тутъ какъ разъ изъ лѣса выбѣжали комиссары и давай красноармейцамъ грозить револьвертами . . . охъ. . .»

— «Помолчи лучше, голубчикъ, тебѣ нельзя говорить,» остановилъ егеря докторъ.

Тотъ перевелъ на него глаза, посмотрѣлъ строгимъ, мимолетнымъ взглядомъ и зашепталъ еще быстрѣе.

— «Смотрю я, красноармейцы заругались съ комиссарами; одинъ комиссаръ взялъ, да какъ стрѣльнетъ въ голову одному своему пулеметчику, а онъ все руки кверху поднималъ . . . идите, значитъ, — мы то, — берите насъ. . . Упалъ тотъ замертво. Ну, не стерпѣлъ я, прыгнулъ и побѣжалъ въ атаку. . . Бѣгу и все наровлю комиссара большевика достать. А онъ въ меня все стрѣлитъ. Ну какъ добѣжалъ, да какъ хвачу его прикладомъ, такъ онъ и повалился.»

Усталый егерь откинулся на подушку и снова закрылъ глаза.

Черезъ нѣсколько коекъ дальше встаетъ при моемъ приближеніи другой егерь, молодой безусый парень и стоитъ, неестественно какъ-то согнувшись въ поясницѣ. Тихая ласковая улыбка трогаетъ его безкровныя губы.

— «Мы, Ваше Превосходительство, вмѣстѣ съ имъ въ атаку бѣжали. . .»

— «Куда раненъ?»

— «Вотъ сюды, въ животъ,» показываетъ онъ пальцемъ.

— «Какъ, въ животъ? Чего же ты стоишь, когда лежать долженъ.»

— «Никакъ нѣтъ, Ваше Превохсодительство, я могу стоять, когда начальство. . .»

— «Докторъ, почему онъ не въ постели и не перевязанъ?»

— «Да, онъ, очевидно, не въ животъ раненъ, — съ такими ранами не стоятъ на ногахъ. Куда ты раненъ, голубчикъ?» обратился докторъ.

— «Да, вотъ сюды,» ткнулъ себѣ пальцемъ на животъ егерь.
— «Не можетъ быть, Ваше Превосходительство, онъ что-то путаетъ.»
— «Ну, осмотрите его сейчасъ же.»

Положили егеря, раздѣли. Оказалось, раненъ пулей въ животъ навылетъ и еле перевязанъ полевымъ санитарнымъ пакетомъ.

Большинство нашихъ раненыхъ въ этотъ періодъ не хотѣли эвакуироваться въ тылъ и послѣ нѣсколькихъ дней госпитальнаго леченія просились обратно на фронтъ. Такъ всѣ понимали необходимость поддержать тѣхъ героевъ, которые изнемогали въ непосильныхъ боевыхъ трудахъ, добывая для Россіи побѣду, свободу и жизнь. Не понималъ только этого тылъ.

Верховный Правитель, вернувшись въ Омскъ отъ меня, прислалъ также свой конвой, который вступилъ въ бой подъ начальствомъ своего командира полковника Удинцова и оказалъ много помощи. Но все это были капли въ морѣ; тылъ пополненій для нашихъ частей не давалъ.

Я не могу описать и сотой доли тѣхъ блестящихъ боевыхъ дѣлъ, которыя совершили войска 3-й арміи. Каждый день былъ наполненъ подвигами. Всѣ части работали одна передъ другой. Участникъ трехъ войнъ, перевидавшій въ теченіе моей двадцатилѣтней офицерской службы много боевъ, сраженій, нескончаемую вереницу картинъ напряженія воли и геройства человѣческихъ массъ, я свидѣтельствую, что никогда не было выносливости, самопожертвованія, подъема и храбрости, подобныхъ тѣмъ, которые Русская народная армія проявила въ эту осень 1919 года. Люди шли и дрались сутками и недѣлями почти безъ отдыха, зачастую не получая пищи, полуодѣтые и плохо снабженные. Но они шли впередъ. И умирали, и побѣждали. Ибо они видѣли передъ своими духовными очами образъ Великой Родины съ окровавленнымъ тѣломъ, въ рубищѣ, съ печальными, какъ само горе, глазами, въ которыхъ стояли слезы позора и отчаянія. И призывъ. . .

Благодаря беззавѣтному самопожертвованію командпаго состава, нашихъ офицеровъ, и вѣрѣ въ успѣхъ, — была достигнута полная согласованность въ дѣйствіяхъ, постоянная поддержка и помощь другъ другу.

Только все это и давало возможность довести дѣло до конца. 31-го сентября, послѣ мѣсяца непрерывныхъ боевъ, красные были отброшены за Тоболъ.

Наши войска могли свободно вздохнуть нѣсколько дней.

9.

Насколько порѣдѣли за время этой операціи ряды 3-й арміи, какъ мало осталось бойцовъ, можно судить изъ такихъ фактовъ; при наступленіи наши дѣйствія основывались глав-

нымъ образомъ на широкомъ примѣненіи маневра; почти всюду намъ удавалось комбинированными дѣйствіями и обходами бить превосходнаго въ числѣ противника. Почти въ каждомъ дѣлѣ брали въ плѣнъ красноармейцевъ, иной разъ по нѣскольку сотъ человѣкъ. И вотъ въ концѣ сентября этихъ плѣнныхъ красноармейцевъ держали недѣлю, другую въ ближайшемъ

ВЕРХОВНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ
— и —
ВЕРХОВНЫЙ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩІЙ.

2 Октября 1919 г.
№ ....
Омскъ.

Глубокоуважаемый
Константин Вячеславович.

Посылаю Вам автографический
[illegible]
Из снимков мало хороших, но думаю, что
эти карточки должны распространяться и
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
Примите мои лучшие пожелания (?)
Искренно уважающий Вас
А. Колчак.

тылу, сводили въ запасныя роты, учили и тренировали, отбирали все вредное-зараженное, коммунистовъ и другихъ партійныхъ работниковъ, — и затѣмъ вливали эти запасныя роты въ наши боевые полки. Это были послѣдніе наши ресурсы; красноармейцы пополняли бѣлыя войска. И они шли охотно,

наряду съ нашими старыми офицерами и солдатами; съ ихъ глазъ спадала грязно-красная повязка, они убѣждались, что бѣлая армія идетъ въ смертный бой за Русское народное дѣло, чтобы спасти его изъ хищныхъ крючковатыхъ рукъ интернаціонала, этого всемірнаго Шейлока.

Армія не получала пополненій съ тыла, ни одно обѣщаніе Главковостока выполнено не было; армія въ это время уже не имѣла своихъ запасныхъ частей, да и не могла ихъ имѣть со времени своего преобразованія въ неотдѣльную.

Плохо было и со снабженіемъ. Наступилъ октябрь, конецъ сибирской осени, съ длинными холодными ночами, съ заморозками; а всѣ наши части были одѣты по лѣтнему, большинство не имѣло даже шинелей. Усилились заболѣванія, всѣ поголовно были простужены; только сильная природа и выносливость русскаго человѣка позволяли геройскимъ полкамъ нести боевую службу въ открытомъ полѣ круглыя сутки.

Въ концѣ сентября начали прибывать части партизанской бригады полковника Красильникова. Я вздохнулъ облегченно, — получалась возможность закончить операцію и дать время нашимъ дивизіямъ по очереди отдохнуть и набраться силъ. Былъ составленъ планъ, что генералъ Каппель получитъ партизанскую бригаду и ею усилитъ свой послѣдній ударъ, чтобы на плечахъ красныхъ переправиться черезъ Тоболъ и занять городъ Курганъ.

Но какъ разъ, когда бригада сосредоточилась и была готова къ выполненію этого плана, мною былъ получено категорическое приказаніе главнокомандующаго генерала Дитерихса: спѣшно погрузить части Красильникова въ эшелоны и направить ихъ черезъ Омскъ на Тюменьское направленіе въ 1-ю армію Пепеляева, гдѣ большевики все это время тѣснили нашихъ.

Этимъ распоряженіемъ срывался весь планъ дѣйствій. Настроеніе нашихъ частей, обрадованныхъ полученной поддержкой, должно было неминуемо упасть; 3-я армія лишалась возможности закончить операцію и захватить западный берегъ Тобола съ Курганомъ. Да и сама партизанская бригада, настроенная бодро и горѣвшая желаніемъ войти въ побѣдоносныя войска наши, выводилась изъ нихъ и получала новую, неясную для нея задачу. Кромѣ того при этомъ судоржномъ и хаотическомъ дѣйствіи непростительно терялось драгоцѣнное время, — партизаны рисковали проѣздить по желѣзной дорогѣ и совсѣмъ не принять рѣшительнаго участія въ бояхъ. Буквально всѣ доводы были противъ этого приказа. Но приказъ былъ боевой и требовалъ поэтому немедленнаго исполненія. Я донесъ Главковостоку по телеграфу всѣ соображенія и получилъ въ отвѣтъ подтвержденіе о немедленной отправкѣ бригады Красильникова.

Своими силами мы могли только отбросить большевиковъ за Тоболъ. И то было достигнуто многое. Мы получили теперь возможность оставить въ передовой линіи половину дивизій, выведя остальныя въ армейскій резервъ. Здѣсь началась усиленная работа по приведенію нашихъ усталыхъ частей снова въ боеспособное состояніе; полки отдыхали, мылись въ баняхъ, пополнялись. Надо отмѣтить, что населеніе этого раіона, испытавшее власть большевиковъ только въ теченіи одного мѣсяца, такъ ихъ возненавидѣло, что почти поголовно шло добровольцами; кромѣ того, возвращались въ свои части всѣ легко раненые и больные. Ежедневно шли съ тыла большія ихъ партіи; настроеніе въ арміи было въ высшей степени бодрое, увѣренное, приподнятое. Всѣ стремились къ новому наступленію послѣ небольшого отдыха. И если бы мы тогда получили съ тыла обѣщанные двадцать тысячъ людей, то красныя полчища были бы разсѣяны за Тоболомъ, наши сентябрьскіе успѣхи развились бы въ полную побѣду. Россія, можетъ быть, была бы освобождена отъ большевиковъ!

Но пополненія не прибывали. Всѣ телеграммы, настойчивыя просьбы и требованія оставались безъ отвѣта. Тогда, организовавъ оборону на Тоболѣ и наладивъ работу въ армейскомъ резервѣ, я отправился лично въ Омскъ, чтобы добиться присылки необходимыхъ подкрѣпленій для арміи, резервовъ и снабженія ее теплой одеждой.

Историческая столица Омскаго правительства показалась болотомъ послѣ свѣжей и дѣловой обстановки арміи. Большой городъ кишѣлъ толпой здоровыхъ, молодыхъ чиновниковъ, барахтался въ кучахъ бумажнаго перепроизводства и совершенно не понималъ того опаснаго и критическаго положенія, къ которому мы подошли, израсходовавъ свои лучшія силы въ Тобольской операціи, когда мы гнали красныхъ двѣсти верстъ.

Я провелъ три дня въ Омскѣ. И то, что я увидѣлъ тамъ, тогда же наполнило сознаніе мыслью, что положенія почти безнадежно.

Пульмановскій вагонъ Главковостока. Внутри большой письменный столъ, заваленный бумагами, въ углу стоитъ нѣсколько хоругвей и знаменъ, виситъ значекъ братства Св. Креста. За столомъ сидитъ съ утра и до поздней ночи, зачастую до 3—4 часовъ, генералъ Дитерихсъ. Сильно постарѣвшее за послѣдній годъ лицо; молодые умные глаза тщательно прочитываютъ груды бумагъ; бѣгаетъ карандашъ въ худой небольшой рукѣ и набрасываетъ короткія резолюціи. Склонившись за большимъ столомъ, сидитъ М. К. Дитерихсъ и пишетъ, читаетъ, снова пишетъ, не только весь день, но и часть ночи. Отъ полудня и часовъ до шести вечера къ нему пріѣзжаютъ съ дѣловыми разговорами представители иностранныхъ миссій, офицеры,

прибывающіе изъ армій, чины министерствъ. Долгіе разговоры, и опять большой столъ, заваленный бумагами. . . Таковъ пульмановскій вагонъ, гдѣ сосредоточены всѣ нити антибольшевицкаго фронта, гдѣ должна быть централизована вся воля борьбы за возрожденіе Россіи.

Выслушалъ генералъ Дитерихсъ отъ меня подробный докладъ о положеніи арміи, о ея нуждахъ и о томъ, что напряженіе, жертвы и достигнутый успѣхъ требуютъ немедленнаго продолженія операціи, что неподача немедленной помощи изъ тыла была бы при этихъ условіяхъ преступной и гибельной. Нѣсколько разъ нашъ разговоръ прерывалъ дежурный офицеръ, приносившій свѣжія бумаги и телеграммы. Пришли около часу дня три американскихъ офицера краснаго креста съ предложеніемъ организаціи санитарной помощи арміи и тылу.

Генералъ Дитерихсъ, усталый сверхъ мѣры, казалось, былъ внѣ досяганія жизни и настойчивыхъ ея требованій; онъ виталъ какъ бы въ своихъ далекихъ грезахъ, вѣря въ высшую небесную миссію и въ чудесное избавленіе отъ большевиковъ. Всѣ мои усилія разбивались объ это ужасное непроницаемое препятствіе. Точно на пути выростали и опускались сотни занавѣсей изъ блестящей стальной сѣти; висѣли, колыхались, упруго поддавались ударамъ, но поддавались лишь на очень короткое время, чтобы только обезсилить и снова упасть прежней, непреоборимой преградой.

Все же въ концѣ концовъ мнѣ было обѣщано направить резервы въ армію и прислать теплой одежды. Но затѣмъ такая фраза:

— «Все это не такъ важно; мнѣ нужно только во чтобы то ни стало продержаться до конца октября, когда Деникинъ возьметъ Москву. Намъ необходимо до этого времени сохранить Верховнаго Правителя и министровъ.»

Вмѣстѣ съ генераломъ Дитерихсомъ я отправился къ адмиралу Колчаку, въ его особнякъ на Иртышѣ; снова сдѣлалъ докладъ о положеніи на фронтѣ. Выводъ былъ таковъ; необходимо немедленно продолжать наступленіе, гнать разваливающихся красныхъ, чтобы до наступленія морозовъ занять горные проходы Урала; для этого необходимо выполнить три условія, — немедленная присылка пополненій, теплой одежды и координація дѣйствій всѣхъ армій.

Адмиралъ Колчакъ выслушивалъ, какъ всегда, внимательно весь докладъ. Онъ сидѣлъ теперь оживленный и смотрѣлъ прямо своими свѣтлыми черными, какъ ночь, глазами, качая часто головой въ знакъ согласія. А въ концѣ я услышалъ повтореніе почти дословно той же фразы:

— «Я знаю, какъ арміи трудно, но ничего, — подержитесь до конца октября, когда Деникинъ возьметъ Москву». . .

Вечеромъ въ тотъ же день за обѣдомъ и послѣ него я имѣлъ длинный и совершенно близкій разговоръ съ адмираломъ. Онъ, еще болѣе оживленный и полный надеждъ, и какъ будто даже помолодѣвшій вслѣдствіе послѣднихъ успѣховъ арміи, много и горячо говорилъ, высказывалъ свои задушевныя мысли.

— «Вы не повѣрите, Константинъ Вячеславичъ, какъ тяжела эта власть. Никто не понимаетъ; думаютъ, что я цѣпляюсь за нее. А я бы сейчасъ отдалъ тому, кто былъ бы достойнѣе и способнѣе меня. . .»

Въ то время уже начали ходить слухи, направляемые какой то скрытой, центральной интригой, о томъ, что генералъ Деникинъ стремится стать самъ во главѣ всего Русскаго дѣла, а съ другой стороны, что генералъ Дитерихсъ подготавливаетъ переворотъ и намѣренъ захватить власть въ свои руки.

— «Все равно вѣдь,» продолжалъ адмиралъ, — «не можетъ Русскій народъ остановиться ни на комъ, не удовлетворится никѣмъ. Будь то человѣкъ — солнце, нашли бы пятна и раздули ихъ. И это естественно. Нельзя вычеркнуть исторіи великаго народа, нельзя насиловать его характера, свойствъ и всего уклада». . .

— «Какъ Вы представляете себѣ, Ваше Высокопревосходительство, будущее?»

— «Такъ же, какъ и каждый честный русскій. Вы же знаете не хуже меня настроенія арміи и народа. Это — сплошная тоска по старой, прежней Россіи, тоска и стыдъ за то, что съ ней сдѣлали. . .»

— «Въ Россіи возможна жизнь государства, порядокъ и законность только на такихъ основаніяхъ, которыхъ желаетъ весь народъ, его массы. А всѣ слои русскаго народа, начиная съ крестьянъ, думаютъ только о возстановленіи монархіи, о призваніи на престолъ своего народнаго Вождя, законнаго Царя. Только это движеніе и можетъ имѣть успѣхъ.»

— «Такъ почему же не объявить теперь же о томъ, что Омское правительство понимаетъ народныя желанія и пойдетъ этимъ путемъ?»

Адмиралъ саркастически разсмѣялся.

— «А что скажутъ наши иностранцы, союзники? . . Что скажутъ мои министры?»

Верховный Правитель развилъ мнѣ свою мысль, что необходимо идти путемъ компромиссовъ, и онъ, мѣстами противорѣча самъ себѣ, защищалъ точку зрѣнія, что временное соглашеніе съ эсъ-эрами найти нужно, такъ какъ ихъ поддерживаютъ всѣ «союзные» представители. Видно было, что адмиралъ усталъ въ борьбѣ и уже уступалъ.

Два дня, проведенные въ Омскѣ, прошли, какъ долгій нудный сеансъ тяжелой кинематографической ленты. Толпа,

наша русская, простая, близкая, вѣрующая въ успѣхъ дѣла, въ то, что ее ведутъ вѣрно и неуклонно къ концу страданій. Многоэтажныя Омскія министерства и канцеляріи, наполненныя той же милой русской толпой съ сильно вкрапленными гнѣздами вредныхъ бездарныхъ политикановъ и партійныхъ работниковъ. Разнохарактерный дивертисментъ иностранныхъ военныхъ и гражданскихъ представителей, поющихъ интернаціоналъ на мотивъ русскихъ народныхъ пѣсенъ. А въ темныхъ углахъ, въ тылу арміи, куется упорно и искусно измѣна, готовятся сѣти, чтобы опутать ими возставшій и свободный Русскій народъ, повалить его снова, и снова предать его во власть хищному и безпощадному врагу.

На третій день я вернулся къ себѣ въ армію, вернулся какъ въ тихій свѣтлый домъ, къ здоровому трезвому дѣлу. Вернулся наполненный всевозможными обѣщаніями помощи арміи, но еще болѣе неувѣренный въ ихъ исполненіи.

10.

А до чего необходима была помощь въ то время! Вотъ одна изъ многихъ картинъ. 30-й Сибирскій стрѣлковый полкъ выведенъ въ резервъ на три дня, чтобы дать людямъ время отдохнуть, поспать, помыться въ банѣ, смѣнить бѣлье. Пополнили ряды полка, чѣмъ могли, что набрали сами изъ выздоровѣвшихъ, изъ добровольцевъ, да изъ армейскихъ офицерскихъ школъ. И черезъ три дня полкъ получилъ приказъ снова идти на позицію, чтобы дать возможность отдыха другой части. 30-й полкъ выстроенъ въ карре около станціи Лебяжья; посрединѣ стоитъ аналой и священникъ въ потертой золотой ризѣ служитъ панихиду по воинамъ, павшимъ въ сентябрьскихъ бояхъ. Идетъ перечисленіе длиннаго списка именъ. . .

— «Учини ихъ въ мѣстѣ злачне, мѣстѣ покойне . . . иже жизни свои за вѣру и Святую Русь положиша, и сотвори имъ. . .»

И мощные рыдающіе аккорды несутся по степи.

— «Вѣ-ѣ-ѣ-чная па-а-а-мять, вѣ-ѣ-ѣ-чная па-а-мять. . .»

Послѣ панихиды служится напутственный молебенъ о дарованіи успѣха и побѣды. Затѣмъ я обхожу ряды полка, разговариваю съ офицерами и стрѣлками. Большинство изъ нихъ одѣты въ лѣтнее. Рѣдко, рѣдко сѣрѣютъ пятнами суконныя шинели.

— «Да и тѣ достали отъ комиссаровъ, когда гнали большевиковъ къ Тоболу,» докладываетъ командиръ полка.

А вотъ стоитъ стрѣлокъ въ лѣтней рубахѣ, съ полнымъ походнымъ снаряженіемъ, но на мѣсто штановъ спускается внизъ простой грубый мѣшокъ, одѣтый какъ юбка. Старые брюки его износились, новыхъ не досталъ, а прикрыть наготу

нужно было. Вотъ онъ взялъ и одѣлъ мѣшокъ, одинъ изъ тѣхъ, въ которыхъ возятъ хлѣбъ и муку. И еще нѣсколько такихъ же фигуръ виднѣлось въ рядахъ славнаго, геройскаго полка.

Больно было смотрѣть, — эти люди шли безропотно и охотно на боевую службу, въ передовую линію, гдѣ приходилось круглыя сутки, подъ дождемъ и на вѣтру, при утреннихъ заморозкахъ быть на посту. Омскъ и весь тылъ не хотѣли вѣрить критическому положенію; тамъ всѣ имѣли одежду, тамъ имѣлись даже запасы ея, какъ то выяснилось позднѣе.

Наши части, выведенныя въ армейскій резервъ, пополнялись очень медленно, своими средствами, при тѣхъ скудныхъ источникахъ, которые остались въ арміи послѣ преобразованія ее въ неотдѣльную. А надо было спѣшить, чтобы нанести краснымъ войскамъ, пока они не оправились, еще одно пораженіе и прогнать ихъ за Уральскія горы.

Это было необходимо и дало бы тогда полную побѣду. Плѣнные красноармейцы и перебѣжчики отъ нихъ показывали въ одинъ голосъ:

— «Вся красная армія рѣшила, что, коли бѣлые будутъ гнать, дойдемъ до Челябинска съ боями, а тамъ всѣ разсыпимся, разбѣжимся и комиссаровъ перебьемъ.»

Нашими развѣдчиками былъ захваченъ и доставленъ въ штабъ арміи приказъ начальника 27-й совѣтской дивизіи Эйхе отъ 5-го октября. Тамъ было два характерныхъ мѣста. Товарищъ Эйхе объявлялъ выговоръ «товарищу командиру полка» за то, что тотъ подошелъ съ рапортомъ, держа одну руку у козырька фуражки, а другую въ карманѣ.

— «Пріемъ недопустимый съ точки зрѣнія революціонной дисциплины,» заканчивалъ начальникъ красной дивизіи.

Затѣмъ онъ описывалъ, какъ во время его смотра 238 совѣтскаго полка вдругъ неожиданно показалась изъ лѣса кучка конныхъ и раздались крики: «казаки, казаки!» Весь большевицкій полкъ разбѣжался по полю въ одно мгновенье, какъ стадо испуганныхъ овецъ.

— «Къ стыду красноармейца,» заканчивалъ большевикъ-генералъ Эйхе, — «это оказались не казаки, а наши же товарищи — конные развѣдчики, производившіе учебную конную атаку»...

Необходимо было воспользоваться этимъ временемъ и такимъ настроеніемъ красной арміи; надо было спѣшить съ нашимъ переходомъ въ наступленіе. Для этого вся наша армія работала днемъ и ночью, приводила въ порядокъ и усиливала дивизіи, выводимыя въ резервъ. Были составлены планы и расчеты новой операціи.

Сѣвернѣе насъ, 2-я армія такъ и не смогла выйти на Тоболъ и отбросить красныхъ за рѣку. 8-го октября Главковостокъ

прислалъ мнѣ приказъ — ударить моими резервами на сѣверъ, повторить маневръ первой половины сентября, чтобы помочь 2-й арміи выполнить ея задачу. Этотъ приказъ вновь разрушилъ весь планъ нашего дальнѣйшаго наступленія за Тоболъ; кромѣ того, не получивъ съ тылу до сихъ поръ почти ни одной роты пополненія, мнѣ приходилось тратить послѣднія силы на выполненіе второстепенной задачи.

Но въ военномъ дѣлѣ приказъ выше всего; для солдата любого ранга — это святая святыхъ. Донеся о серьезномъ положеніи въ арміи, о неполученіи до сего времени пополненій и о разрушеніи плана операціи, я быстро передвинулъ резервы къ сѣверу и ударилъ красныхъ во флангъ. Большевики отступили, 2-я армія получила возможность выйти на Тоболъ.

Зато наше собственное положеніе сдѣлалось очень непрочнымъ. 3-я армія занимала фронтъ по рѣкѣ Тоболу около двухсотъ верстъ. Изъ одиннадцати дивизій въ армейскій резервъ было выведено шесть, а остальныя пять дивизій могли, понятно, охранять рѣку на этомъ пространствѣ только тонкой цѣпью аванпостовъ. Успѣхъ нашего дѣла былъ возможенъ при одномъ условіи: усиленіе арміи и немедленный переходъ снова въ наступленіе по всему фронту.

Больше мѣсяца я добивался этого безрезультатно. 13-го октября мною была послана послѣдняя телеграмма Главковостоку[1]); въ ней я доносилъ, что красные вливаютъ интенсивно пополненія въ свои ряды, готовясь къ активнымъ дѣйствіямъ, и что положеніе создается крайнѣ серьезное, критическое.

Къ несчастью, черезъ день начались подтвержденія этого, начались жестокіе уроки за преступную небрежность тыла. Большевики перешли въ наступленіе, начали форсировать переправы черезъ рѣку Тоболъ. Три дня мы опрокидывали всѣ ихъ попытки, причемъ цѣлый рядъ офиціальныхъ донесеній и разсказовъ нашихъ раненыхъ подтверждали картину, что красные полки идутъ въ атаку, буквально подгоняемые пулеметами и плетьми комиссаровъ.

Надо сказать, что къ этому времени организація красной арміи вылилась въ такую форму: каждая армія состояла изъ нѣсколькихъ дивизій, дивизія дѣлилась на три бригады, каждая силой въ три полка. Эта система тройныхъ подраздѣленій, взятая, очевидно, изъ германской арміи, была проведена до низу. При каждой бригадѣ была еще четвертая часть, «интернаціональный» отрядъ, состоявшій изъ латышей, мадьяръ, евреевъ, китайцевъ и небольшого числа русскихъ, партійныхъ фанатиковъ-коммунистовъ. Эти «отряды особаго назначенія»,

[1]) Моя телеграмма Главковостоку отъ 13 октября 1919 г. № 05299.

снабженныя обильно пулеметами, располагались всегда въ тылу, за войсками первой линіи, и служили для спеціальной цѣли усмиренія всякаго неповиновенія или возстанія, да чтобы подгонять свои войска впередъ, въ атаку. Они расправлялись безпощадно, сѣя безъ разбора и суда — смерть.

Къ этому времени до того выявилось преступное отношеніе бывшихъ союзниковъ Россіи къ нашему національному дѣлу и къ бѣлой арміи, что всюду, — и въ арміи, и въ лучшихъ общественныхъ организаціяхъ, и среди отдѣльныхъ дѣятелей, начала выбиваться наружу мысль: разъ союзники въ Версалѣ вершатъ свой миръ, то не лишнее было бы и намъ, національной Россіи, не признающей Брестъ-Литовска, войти въ переговоры съ Германіей. На нашихъ недавнихъ и навязанныхъ намъ противниковъ начинали смотрѣть не только съ чувствомъ миролюбивымъ, но съ зарождающимся просвѣтлѣніемъ объ общности судьбы, а слѣдовательно и интересовъ. Среди же народныхъ массъ никогда не было враждебнаго чувства, а тѣмъ болѣе ненависти къ германцамъ. Этому свидѣтели тѣ десятки тысячъ военно-плѣнныхъ нѣмцевъ, которые и тогда еще оставались въ Сибири.

Мною былъ отправленъ въ Омскъ къ Верховному Правителю мой помощникъ генералъ-лейтенантъ Ивановъ-Риновъ съ докладомъ обо всемъ этомъ; также я доводилъ до его свѣдѣнія мнѣніе арміи, что было бы очень полезно войти съ германскими кругами въ непосредственные переговоры, что этимъ путемъ мы, быть можетъ, пріобрѣтемъ настоящее содѣйствіе и помощь въ нашей священной борьбѣ. Адмиралъ отвѣтилъ мнѣ, что онъ раздѣляетъ этотъ взглядъ, но запроситъ, прежде чѣмъ принять рѣшеніе, генерала Деникина. Такъ вопросъ этотъ и затянулся. . .

На четвертый день большевикамъ удалось переправиться черезъ Тоболъ южнѣе города Кургана, прорвавъ растянутое положеніе Уральскаго корпуса. Несмотря на героическое сопротивленіе нашихъ частей, которыя несли огромныя потери убитыми и ранеными, нечѣмъ было парализовать этого прорыва; большевики устремились въ него, стараясь снова выйти къ желѣзной дорогѣ, въ тылъ нашей арміи.

Цѣлую недѣлю продолжалось жестокое сраженіе по всему фронту арміи. Многочисленныя атаки большевиковъ отбивались нами всюду, гдѣ только были наши части. Но красные лѣзли въ промежутки, шли степями, безъ дорогъ, выходили въ тылъ. Ижевская дивизія съ 14 по 19 октября была отрѣзана совершенно и окружена большевиками; и не только пробилась сама, но нанесла краснымъ нѣсколько частныхъ пораженій и привела съ собою свыше двухсотъ плѣнныхъ.

17 октября я поѣхалъ къ Уральскому корпусу и тамъ въ деревнѣ Патраково попалъ вмѣстѣ со штабомъ корпуса въ окруженіе большевиками; пришлось для контръ-атаки деревни направить всѣ силы до личныхъ конвоевъ моего и командира корпуса включительно.

Въ это же время большевики вышли другимъ направленіемъ и грозили отрѣзать штабъ корпуса отъ остальныхъ частей арміи и отъ желѣзной дороги.

Нестерпимо мучительно было переживать эти дни, когда кучки храбрецовъ, только что совершавшихъ побѣдоносное движеніе къ Тоболу, теперь были принуждены отступать изъ-за преступной инертности тыла. Были принуждены драться въ безсмысленной и безнадежной обстановкѣ, не имѣя возможности перейти въ наступленіе самимъ, что только и могло дать намъ новый успѣхъ и окончательную побѣду.

Красные за это время не потеряли ни одного дня подготовки, большевики влили въ ихъ ряды пополненія, усилились свѣжими частями и были числомъ сильнѣе насъ во много разъ. 3-я же армія такъ и не получила обѣщанныхъ пополненій, а отъ боевъ, отъ непрерывныхъ операцій сила ея таяла, таяла съ каждымъ днемъ.

Вотъ документальныя цифры изъ свѣдѣній, представленныхъ штабомъ 3-й арміи Главковостоку, о потеряхъ убитыми и ранеными за время съ 1 сентября по 15 октября 1919 года:

	офицеровъ	солдатъ и казаковъ
Уфимскій корпусъ . .	480	8358
Волжскій корпусъ . .	224	3960
Уральскій корпусъ . .	227	4814
Степная группа . . .	57	638
Итого	988	17770

Изъ нашихъ полковъ выбывали лучшіе, гибли храбрѣйшіе русскіе офицеры и солдаты, цвѣтъ нашей арміи. Но главное — всего хуже было то, что падала надежда на успѣхъ и вѣра въ дѣло.

Въ 1915 году при натискѣ Макензена, послѣ знаменитаго Горлицкаго прорыва Русская Императорская армія отступала, какъ затравленный левъ, отбиваясь чуть не голыми руками. Преданная безпечнымъ тыломъ, армія не роптáла, несла неисчислимыя жертвы и проявила силу величайшаго подвига, большаго, чѣмъ подвигъ побѣды, — безъ надежды на успѣхъ, на скорое избавленіе отъ мукъ, безъ призрака славы — армія дралась день и ночь всю весну, лѣто и осень 1915 года на поляхъ Галиціи, Польши и Прибалтійскихъ провинцій. И не было тѣни мысли о томъ, чтобы бросить тяжкій боевой постъ, уйти изъ борьбы. Русская Императорская армія выполнила

свой долгъ передъ страной и союзниками, чтобы дать время имъ подготовиться и ударить по германо-австрійскимъ силамъ съ запада.

Аналогичный, но еще большей красоты, подвигъ былъ совершенъ Русской арміей въ 1919 году на поляхъ холодной Сибири. Полуодѣтая, на половину растаявшая, еще болѣе преданная безпечнымъ и преступнымъ тыломъ, наша армія была снова подобна затравленному льву. Такъ же отходила она, огрызаясь на каждомъ шагу и не помышляя ни о чемъ, кромѣ выполненія своего долга.

И также съ надеждой смотрѣла на западъ, гдѣ теперь арміи генерала Деникина были на пути къ Москвѣ. Рвались къ ней. И ждали дня, когда святыни Кремля будутъ очищены отъ нечисти интернаціонала.

ГЛАВА IV.

Предательство тыла.

1.

Со свѣтлымъ ликомъ и ясными очами шелъ своимъ земнымъ путемъ нашъ Господь; красота подвига слилась съ силой духа; міру была явлена совершенная гармонія, соединеніе начала Божественнаго съ человѣческимъ. Въ то время ученье правды, любви и высшей справедливости достигло своего апогея. Но именно тогда то, когда побѣда добра надъ зломъ казалась неминуемой и скорой, — въ это время совершилась самая низкая за всю исторію человѣчества подлость, — Іуда Искаріотскій продалъ и предалъ Свѣтлаго Учителя. . . . Крадучись и пряча въ складкахъ одежды темное лицо свое, пробиралась закоулками и задворками согнутая фигура къ врагамъ Богочеловѣка. Торопливый воровской шепотъ, быстрый обмѣнъ косыми колючими взглядами, подлый звонъ отсчитываемаго серебра, цѣны крови. И затѣмъ эта ужасная сцена въ Гефсиманскомъ саду. Съ одной стороны стоитъ на колѣняхъ и молится Отцу Христосъ, плачущій кровавыми слезами, но готовый на всѣ жертвы для искупленія міра, съ другой — приближается предатель Іуда, идущій впереди вооруженной толпы, готовой по его знаку взять Іисуса. «Кого поцѣлую, того и берите. Это — Онъ,» исходитъ отъ него шепотъ, какъ свистъ ядовитой змѣи.

И совершилась величайшая подлость на землѣ.

Подстроили ее и провели въ жизнь кучка людей, сборище книжниковъ и мудрецовъ древняго Сіона; они сумѣли найти среди ближайшихъ учениковъ Христа низкаго предателя, завистника. . . А массы народныя, такъ жадно внимавшія словамъ Святого Учителя на горѣ, такъ бурно-восторженно кричавшіе Ему: «Радуйся Царь Іудейскій», ходившія за Нимъ огромными толпами, — эти массы, со свойственной толпѣ

легкостью перемѣнъ въ настроеніи, кричали теперь: «Распни, распни Его!»

И даже ближайшіе ученики, допущенные къ общенію съ Божественнымъ, просмотрѣли опасность, растерялись, проспали ее.

Все это было давно, на зарѣ культуры человѣческаго духа. Все это такъ же старо, какъ старъ нашъ христіанскій міръ.

Но вотъ въ наши дни, въ дни современности, проходитъ передъ міромъ подобная же картина. Преданъ на распятіе цѣлый народъ, великая христіанская страна. Гибель ея предрѣшена была кучкой интернаціоналистовъ, іуды нашлись среди ея же сыновъ; а толпа, человѣчество, безмолствовала или невольно помогала преступникамъ.

Гефсиманскій садъ Россіи былъ 1917 годъ. Голгофа ея длится и до сей поры.

Но придетъ и воскресеніе. Такъ же неожиданно, таинственно и сіяюще. И встанетъ Россія изъ гроба.

Вѣра въ это живетъ не только среди насъ, русскихъ, но среди всей лучшей части человѣчества. . . .

Въ то время, когда бѣлыя русскія арміи, эти полчища новыхъ крестоносцевъ, напрягали всѣ усилія, несли въ жертву кровь и жизнь, чтобъ побѣдить интернаціоналъ, вырвать изъ хищныхъ когтей его Родину и христіанскую культуру, — въ это же время происходило новое Іудино дѣло, творилось новое предательство.

И замѣтьте, — Іудой Искаріотскимъ руководила только зависть и выросшая изъ нея темная подлая ненависть, — такъ и соціалистами, всѣми, начиная отъ ихъ мессіи Карла Маркса, двигаетъ только это чувство. Зависть къ чужому успѣху, къ сытой жизни другихъ, къ чужимъ способностямъ и талантамъ; ихъ безграничная зависть переходитъ также въ дьявольскую ненависть. Завистью и ненавистью пропитано все ученье соціализма, — а дѣла ихъ показали себя на моряхъ крови и страданіяхъ распятой ими Россіи.

Въ двухъ первыхъ главахъ мы коснулись слегка, обрисовали общими чертами тотъ комплотъ, который былъ задуманъ эсъ-эрами. Когда они, эти младшіе братья соціалистовъ-большевиковъ, увидали русскій народъ идущимъ по пути національнаго возрожденія вокругъ своихъ народныхъ вождей, то они поняли, что власти «интернаціонала» грозитъ гибель и безвозвратный конецъ. Тогда они, стоявшіе подъ народными знаменами, боровшіеся противъ большевиковъ, рѣшили соединиться съ ними на защиту общихъ имъ идеаловъ соціализма противъ національнаго движенія народныхъ массъ.

Но всѣ эти соціалисты различныхъ толковъ и оттѣнковъ не могли и не смѣли выступить открыто, врагами. Они из-

брали путь скрытый, путь измѣны. Они повторили дѣло Іуды и дали Россіи поцѣлуй предателя.

Притворяясь друзьями народа и вождей его, крича громко на весь міръ о борьбѣ противъ большевиковъ, они въ то же время сговаривались съ ними, какъ лучше и вѣрнѣе погубить дѣло возставшей Россіи. Правительство адмирала Колчака настолько довѣрчиво относилось къ нимъ, что допустило даже въ составъ кабинета министровъ партійныхъ работниковъ соціализма; оно оказывало содѣйствіе кооперативамъ, захваченнымъ къ тому времени эсъ-эрами. Подъ покровительствомъ иностранной интервенціи, пользуясь незлобливой русской слабостью, соціалъ-революціонеры покрыли все пространство отъ раіона военныхъ дѣйствій до океана сѣтью своихъ агентовъ, внѣдряя ихъ для тлетворной работы не только въ городахъ, но въ селахъ и въ деревняхъ. Всюду они вели скрытую, тайную пропаганду противъ правительства, используя для этого каждый его промахъ, каждую ошибку. Имѣя связь съ Москвою, они получали оттуда деньги, агитаторовъ и . . . инструкціи.

Не только открытый предатель В. Черновъ, но даже такіе «идеологи-народники,» какъ Авксентьевъ, оказывались въ связи съ большевицкой Москвой, дѣйствующими по строгой указкѣ интернаціональнаго центра, этого современнаго синедріона.

Скоро начали проявляться первые результаты этой предательской работы. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ, въ глубокомъ тылу, вспыхнули возстанія противъ власти адмирала Колчака. Главные очаги были: Тайшетъ и Маріинскъ, раіоны Красноярско-Минусинскій, Нерченско-Срѣтенскій и въ Приморской области — Сучанскія копи.

Крестьянская масса, ненавидящая интернаціоналъ всей силой, на какую способенъ простой, неиспорченный народъ, была, къ несчастью, заброшена Омскимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ; она получала въ то время всѣ свѣдѣнія о событіяхъ только отъ соціалистовъ (черезъ сѣть кооперативовъ) и начинялась самыми извращенными, лживыми извѣстіями. Надо припомнить къ тому же, что въ это время и министрами предсѣдателемъ и внутреннихъ дѣлъ были партійные соціалисты. Изъ недѣли въ недѣлю шла пропаганда и агитація, развращая темныя массы и направляя ихъ противъ собственной арміи и противъ народныхъ вождей.

Не пренебрегали никакими способами, чтобы зажечь пожаръ возстаній. Наиболѣе яркій примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ ихъ организація въ Красноярско-Минусинскомъ раіонѣ.

Полноводная, богатая рыбой и золотомъ, рѣка Енисей течетъ между скалистыхъ горъ, часто сдавленная ими съ обѣихъ

сторонъ. Въ такихъ ущельяхъ вода кипитъ и бьется о камни. Даже въ самую холодную пору, въ Крещенскіе морозы, не замерзаетъ здѣсь стремнина рѣки. Но вотъ горы раздвигаются, образуя широкую долину, подходятъ къ Красноярску и кончаются. Дальше на много сотенъ верстъ тянется великая Сибирская равнина, покрытая мѣстами лѣсомъ. По этой равнинѣ, отъ Красноярска и выше, Енисей несетъ воды свои спокойно и величаво, затопляя весной огромныя пространства. Здѣсь богатѣйшія пастбища, сѣнокосы, это одинъ изъ самыхъ хлѣбородныхъ въ Россіи уѣздовъ — Минусинскій. Населеніе его сплошь — зажиточные крестьяне — староселы, живущіе патріархальнымъ укладомъ, очень религіозные и въ высшей степени преданные идеѣ Царской власти, а съ нею и властямъ законнымъ.

И вотъ здѣсь разгорается возстаніе противъ адмирала Колчака; начинается дѣло съ небольшихъ шаекъ, состоявшихъ, главнымъ образомъ изъ пришлаго элемента, но къ осени 1919 года дѣло принимаетъ огромные и организованные размѣры. Сформированъ цѣлый корпусъ изъ одиннадцати полковъ, введена правильная организація, созданъ штабъ во главѣ съ бывшимъ штабсъ-капитаномъ Щетинкинымъ. Минусинцы, крестьяне, давали не только людей для этого корпуса, они поставляли хлѣбъ, мясо, одежду. Былъ даже открытъ заводъ для снаряженія ружейныхъ патроновъ и для приготовленія пикъ, сабель и сѣкиръ. Правительственные отряды и Енисейскіе казаки не могли подавить возстанія и занимали оборонительныя линіи, чтобы прикрыть съ юга Красноярскъ и желѣзную дорогу, единственную коммуникацію арміи.

Въ чемъ было дѣло? Какая тайная причина создала и поддерживала успѣхъ интернаціоналистовъ-большевиковъ среди этого монархическаго, патріархальнаго, крестьянскаго населенія?

Загадка разъяснилась просто. Контръ-развѣдка арміи доставила въ мой штабъ рядъ подлинныхъ приказовъ и воззваній штабсъ-капитана Щетинкина. Въ нихъ онъ писалъ:

. . . «Пора кончить съ разрушителями Россіи, съ Колчакомъ и Деникинымъ, продолжающими дѣло предателя Керенскаго.

Надо всѣмъ встать на защиту поруганной Святой Руси и Русскаго народа.

Во Владивостокъ пріѣхалъ уже Великій Князь Николай Николаевичъ, который и взялъ на себя всю власть надъ Русскимъ народомъ. Я получилъ отъ него приказъ, присланный съ генераломъ, чтобы поднять народъ противъ Колчака.

. . . Ленинъ и Троцкій въ Москвѣ подчинились Великому Князю Николаю Николаевичу и назначены его министрами. . .

...Призываю всѣхъ православныхъ людей къ оружію. ЗА ЦАРЯ И СОВѢТСКУЮ ВЛАСТЬ!...»

Всѣ возстанія направлялись и шли однимъ путемъ, примѣнялась одна и та же общая программа. Пріѣзжали изъ совѣтскаго центра, изъ Москвы, агитаторы, снабженные большими суммами денегъ. Скрываясь въ эсъ-эровскихъ организаціяхъ, они находили у нихъ поддержку и начинали вести тайно пропаганду. Въ то же времы они съорганизовывали изъ преступниковъ и отбросовъ населенія небольшія банды съ цѣлью нападенія и разрушенія желѣзной дороги. Сжигали небольшіе деревянные мосты, портили путь, устраивали крушенія. Цѣлыми десятками спускали подъ откосъ поѣзда, причемъ главная охота ихъ была за поѣздами, везшими изъ Владивостока оружіе, боевые припасы и снаряженіе для арміи.

Для поимки этихъ разбойниковъ направлялись отряды наши или изъ чехо-словаковъ. Но трудно поймать ихъ въ безпредѣльныхъ и густыхъ, почти непроходимыхъ дебряхъ Сибирской Тайги. Надо было вести систематическую и долгую кампанію, на что никто изъ иностранцевъ (а дорогу охраняли они) не имѣлъ охоты. Черезъ нѣсколько дней шайка выходила въ другомъ мѣстѣ, снова портила путь и устраивала крушеніе. Тогда, въ попыткахъ положить этому конецъ, неумѣлые руководители борьбы съ этими бандами, примѣняли самый легкій и несправедливый способъ: возлагали отвѣтственность за порчу желѣзной дороги на мѣстное населеніе. Производились экзекуціи деревень и цѣлыхъ волостей. Уже послѣ конца борьбы на фронтѣ, когда остатки нашей арміи шли на востокъ, приходилось видѣть нѣсколько большихъ селъ, сожженныхъ этими отрядами почти до тла въ наказаніе за непоимку разбойниковъ-большевиковъ, производившихъ крушенія на перегонѣ станціи Тайшетъ-Клюквенная. Огромныя, растянувшіеся на нѣсколько верстъ села представляли сплошныя развалины съ торчащими кое-гдѣ обуглившимися, полусгорѣлыми домами. Крестьянское населеніе такихъ селъ разбредалось и было обречено на нищету, голодъ и смерть.

Понятно, такія мѣры только озлобляли населеніе и давали опору и развитіе большевицкой и эсъ-эровской дѣятельности, усиливая ихъ преступную пропаганду:

— «Видите», писали они, — «видите, русскіе крестьяне, что такое Колчакъ и какъ онъ относится къ народу. Онъ съ шайкой капиталистовъ всего міра наняли чеховъ, чтобы жечь русскія села и избивать русскихъ крестьянъ. Всѣ за оружіе, всѣ въ ряды красной арміи противъ міровой буржуазіи....»

И какъ у всѣхъ адептовъ соціализма, это новое воззваніе заканчивалось крылатымъ лозунгомъ Карла Маркса:

«Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!»

А въ то же самое время, тѣ же люди, правильнѣе, — отбросы человѣчества — вели разрушительную работу среди чеховъ, этихъ quasi-славянскихъ войскъ, сформированныхъ изъ военноплѣнныхъ, взятыхъ русской арміей въ Галиціи и Польшѣ; ихъ развращали всячески, доводя до состоянія людей, больныхъ большевицкимъ умопомѣшательствомъ. Эту часть работы взяли на себя цѣликомъ соціалъ-революціонеры.

Бѣдное русское крестьянство было окончательно сбито съ толку. Не знало, кому вѣрить, за кѣмъ идти. Ненавидящіе соціалистовъ-большевиковъ, пошедшіе такъ охотно подъ знамена бѣлой гвардіи противъ краснаго интернаціонала, крестьяне были поставлены этими жестокими и неумѣлыми дѣйствіями между молотомъ и наковальней. И замѣтьте: чехи, отряды которыхъ, главнымъ образомъ-то сжигали русскія деревни, были всецѣло подъ вліяніемъ и въ услугахъ у эсъ-эровъ, кричавшихъ всегда о «демократіи» и «демократичности». Почти всѣ репрессіи и экзекуціи производились по скрытой указкѣ этихъ соціалистовъ, чтобы разжечь пожаръ возстаній въ тылу бѣлой русской арміи. Это только и нужно было соціалистамъ, это была ихъ главная цѣль, — въ средствахъ же стѣняться они не привыкли. Въ лагерѣ устроителей новаго рая на землѣ — это проводилось послѣдовательно въ жизнь десятками лѣтъ. Насколько этотъ способъ разжиганія взаимной ненависти былъ ими излюбленъ, можно видѣть изъ того, что одинъ изъ самыхъ крупныхъ дѣятелей русской соціалистической мысли, Михайловскій, проповѣдывалъ еще въ 1880 году «не протестовать противъ кнута и розогъ во имя лучшаго соціалистическаго будущаго». . . .

Получалась ужасная картина. Русскія народныя массы, крестьяне и рабочіе со своими офицерами и вождями вели безпощадную борьбу на фронтѣ. А въ тылу тѣ же крестьяне и рабочіе, подъ вліяніемъ большевицкой агитаціи, эсъ-эровскаго предательства и неумѣлыхъ дѣйствій мѣстныхъ властей возставали и становились противъ той же арміи и противъ правительства адмирала Колчака.

Все больше и больше раздувалось пламя этого костра. Возстанія рѣдко гдѣ были подавлены цѣликомъ. Наоборотъ, появлялись новые районы, банды съорганизовывались въ полки, дивизіи и корпуса. Вооруженная борьба съ ними требовала все большаго числа войскъ, въ которыхъ такъ нуждался боевой фронтъ, напрягавшій героическія усилія для окончательной побѣды русской народной и національной идеи надъ кровавымъ враждебнымъ интернаціоналомъ.

Въ этихъ условіяхъ борьба становилась почти невозможной. Причины этого лежали, понятно, глубоко въ самой си-

стемѣ организаціи антибольшевицкаго движенія. Моря крови были пролиты и великая жертва была принесена — впустую, вслѣдствіе основной ошибки: не хотѣли признать соціалистовъ-революціонеровъ врагами народа, такими же, какъ большевики-коммунисты.

Не хватало прямоты дѣйствій, не было напряженія воли. Сила національная недостаточно концентрировалась и кристализовалась. Огромный бѣлый тылъ въ Сибири клубился вредными ядовитыми газами политиканства — съ одной стороны, — и безсилія въ дѣлѣ — съ другой. Не только не могли добиться полнаго напряженія, — все для фронта, для войны, для побѣды, не имѣли и тѣни диктатуры, а, допустивъ въ свой станъ враговъ, успокоились на бумажномъ перепроизводствѣ, погрязнувъ въ тихомъ и медленномъ отбываніи номера.

Къ сожалѣнію, у нашихъ противниковъ, у большевиковъ было не такъ. Воля изъ Москвы, жестокая и упрямая воля, управляемая опредѣленнымъ желаніемъ еврейскаго центра, заставила работать всѣхъ въ совѣтской Россіи, вызвала настоящее напряженіе и сумѣла держать это напряженіе все время на должной высотѣ. Тамъ работали не спустя рукава, не для отбыванія номера, — и знали, что за плохую работу, за недостаточные результаты — расправа сейчасъ же; разговоры тамъ короткіе — смерть безъ суда. Полковникъ Котоминъ, перебѣжавшій къ намъ изъ красной арміи съ одинадцатью офицерами подъ Челябинскомъ, подробно обрисовалъ положеніе въ совѣтскомъ тылу. — «У нихъ работа идетъ не такъ, какъ у васъ,» — говорилъ онъ, — «тамъ не считаютъ часовъ, кипитъ дѣло и, если нужно, то всѣ заняты по восемнадцать часовъ въ сутки. Жиды-коммунисты слѣдятъ не только за совѣстью и политическими убѣжденіями, но и за выполненіемъ каждымъ его обязанностей. Чуть замѣтна въ комъ лѣнь или халатность, — сейчасъ на сцену выступаетъ обвиненіе въ политическомъ саботажѣ и . . . разстрѣлъ. И знаютъ всѣ, отъ генерала до машиниста, что шутить не будутъ.»

Съ цѣлью разбудить нашу тыловую публику, полковникъ Котоминъ прочелъ лекцію въ Омскѣ въ городскомъ театрѣ (по порученію Верховнаго Правителя); на лекціи произошелъ характерный инцидентъ. Котоминъ рисовалъ правдивую картину совѣтскаго тыла, — онъ будилъ чувства бѣлыхъ и призывалъ ихъ къ такой же работѣ, какую несутъ слуги Ленина и Бронштейна, къ такой же отчетливости, добросовѣстности и энергіи . . . Вдругъ раздаются голоса изъ партера:

— «Какъ Вамъ не стыдно хвалить ихъ! А еще офицеръ. . . .»

— «Довольно. . . .»

— »Поѣзжайте тогда обратно къ большевикамъ. . . .»

И съ галерки одинокій крикъ:

— «Правильно, товарищъ, продолжайте.»

Такъ поняли представители тыловыхъ наслоеній искренній и честный призывъ Котомина, этого одного изъ лучшихъ русскихъ офицеровъ. На того это такъ подѣйствовало вмѣстѣ со всѣмъ пережитымъ за послѣдніе годы, что онъ слегъ больной и не могъ уже оправиться. Болѣзнь унесла его въ могилу. Моя армія лишилась въ немъ хорошаго начальника дивизіи,—на что Котоминъ былъ мною предназначенъ.

2.

Можно спорить и сомнѣваться во многомъ, но одно несомнѣнно и ясно, что успокоеніе страны будетъ достигнуто лишь при наличіи трехъ факторовъ: твердой власти, жизненной организаціонной работы правительства и самаго живого участія въ ней народныхъ массъ. Послѣдній факторъ является наиболѣе существеннымъ и важнымъ, ибо это и только это обезпечитъ закрѣпленіе порядка, принятіе цѣлесообразныхъ реформъ, возрожденіе разрушенной жизни.

Это сознавалось многими уже въ то время, въ самый разгаръ гражданской войны. И надо отмѣтить, что народныя массы въ теченіе всего періода не только сочувствовали новой власти, борьбѣ ея и стремленіямъ возродить страну, но самъ народъ добровольно несъ всевозможныя жертвы, давалъ сотни тысячъ своихъ сыновей въ армію, платилъ подати и налоги. И такъ естественно было бы использовать этотъ подъемъ народный, такъ просто и легко было бы наладить порядокъ, чтобы не было такихъ уродливыхъ явленій, какъ возстанія въ тылу, нападенія на желѣзную дорогу, существованіе разбойничьихъ шаекъ. . .

Необходимо было съорганизовать народныя массы и привлечь ихъ лучшіе слои къ работѣ на мѣстахъ, образовавъ сельскую полицію, сельскіе продовольственные органы, потребительскія общества, органы по распредѣленію и сбору налоговъ и податей, представителей власти по проведенію мобилизаціи, мѣстныя освѣдомительныя бюро, сельскіе суды и т. д. Необходимо было сплотить сельское населеніе около лучшей его части. И безъ сомнѣнія, здѣсь не только не мѣсто боязни, не должно быть и сомнѣній, такъ какъ вся борьба велась вѣдь за жизнь народа и страны, велась самимъ народомъ и для народа. Слѣдовательно, народныя массы не могли не оказать правительству могучую поддержку, которая обезпечила бы въ полной мѣрѣ успѣхъ арміи.

Къ сожалѣнію ничего этого сдѣлано не было. Почему? Были двѣ главныя причины. Съ одной стороны бюрократическіе и нежизненные центральные аппараты министерствъ не знали, что и какъ надо сдѣлать въ этой области, нѣкоторые къ

тому же боялись, — изъ за того же незнанія, — народной массы и не умѣли подойти къ ней. Задавшись обширными и громоздкими программами во всероссійскомъ великодержавномъ масштабѣ, создавали на бумагѣ проекты ихъ будущаго выполненія и на ряду съ тѣмъ не дѣлали маленькаго незамѣтнаго повседневнаго дѣла, необходимаго для рядового обывателя, для семьи, для массы населенія. Долго ждало оно, спокойное и безропотное, движенія живой воды и не дождалось.

Съ другой стороны — соціалисты всѣхъ толковъ, а главнымъ образомъ эсъ-эры, всѣми способами препятствовали какому-либо проявленію такой работы. Они не допускали или всячески тормозили проведеніе въ жизнь какихъ-либо мѣръ по организаціи населенія селъ и городовъ. Имъ невыгодно было это, — какъ и самое дѣло возставшаго народа подъ Русскимъ національнымъ знаменемъ. Ибо они знали, что народныя массы не пойдутъ за ними, не будутъ вторично ломать своей жизни въ угоду ихъ книжнымъ, искусственнымъ теоріямъ.

Одинъ крестьянинъ тоболякъ, испытавшій всю прелесть большевизма сначала въ 1918 году и мѣсяцъ теперь, пока мы не заняли ихъ мѣстности снова, такъ выразилъ своимъ простымъ языкомъ мысль о соціалистахъ, — выводъ, сдѣланный его здоровымъ умомъ:

«Былъ у насъ Царь, было начальство, и жили мы, — Бога благодарили, — все имѣли, а если чего и не хватало, то надежду всякій питалъ: коли есть голова да руки, то и для себя и для дѣтей заработаешь. Былъ порядокъ, былъ и законъ и справедливость. Теперь у насъ комиссары-большевики, начальства есть много, ну, а остального ничего нѣтъ, — ни пищи, ни одежды, ни порядка, ни закона, ни справедливости. Можно сказать, не живетъ теперь народъ, а только глядитъ какъ бы не умереть. Да и то не знаешь, будешь ли живъ отъ комиссара завтра. Да и надежды на лучшее при нихъ никакой, прямо охота работать пропадаетъ.»

— «Ну а при Керенскомъ какъ было? Что скажешь объ эсъ-эрахъ?»

Крестьянинъ задумался, затѣмъ лицо его освѣтилось добродушной улыбкой, блеснули умные, сѣрые глаза.

— «А такъ я скажу тебѣ, баринъ: бываетъ лѣто съ плодами Господними, бываетъ зима съ морозомъ, стужами, буранами. А между ними слякоть, распутица никчемная. Такъ намъ и соціалистъ, такая слякоть и Керенскій былъ. Ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга»...

Нежеланіе и неумѣніе организовать жизнь страны, главнымъ образомъ сельскаго населенія, проходило всюду, по всѣмъ отраслямъ многоэтажныхъ Омскихъ министерствъ. И, если принять во вниманіе, что въ составъ кабинета министровъ входили

соціалисты, а во главѣ его стоялъ до самаго послѣдняго времени «vieux drapeau», старый соціалистъ Вологодскій, то не трудно понять, какія помѣхи встрѣчали всѣ попытки и начинанія въ проведеніи организаціи сельскаго и городского населенія.

Одинъ изъ наиболѣе яркихъ, цѣльныхъ и большихъ русскихъ людей изъ всѣхъ, которыхъ мнѣ пришлось встрѣчать за мою разнообразную жизнь, — это святитель русской церкви, архіепископъ А . . . Онъ происходитъ отъ стариннаго благороднаго корня стараго русскаго дворянства; онъ ушелъ въ монастырь, посвятилъ себя чистому служенію Богу и всего себя отдалъ на службу и работу человѣчеству. Этотъ пастырь являлъ всегда примѣръ высокой личной жизни и горѣлъ любовью къ своимъ ближнимъ; взглядъ архіепископа А . . . на церковь глубоко проникнутъ истинно христіанскимъ отношеніемъ. Его отправная точка, что религія должна быть руководящимъ стимуломъ моральной жизни, но не только схоластически, — она должна направлять жизнь личную, семейную и общественную соотвѣтственно ученію Христа, этой высшей нравственности. А поэтому церковь есть не только убѣжище для души или хранилище религіи, ея таинствъ и обрядовъ, но она есть и должна быть главнымъ средствомъ, чтобы помочь людямъ устроить ихъ жизнь лучше.

Архіепископъ А . . . еще до Міровой войны проводилъ этотъ свой взглядъ въ жизнь и выполнялъ большую работу по организаціи церковныхъ приходовъ въ своей епархіи. Съ большими трудностями, зачастую неправильно понимаемый, не имѣя достаточнаго числа хорошихъ помощниковъ, онъ шелъ къ своей цѣли. И достигъ многаго. Онъ сумѣлъ сплотить около церкви людей разныхъ положеній, взглядовъ и даже политическихъ убѣжденій своей проповѣдью истинной любви, своей неуклонной борьбой противъ ненависти. Онъ вызвалъ къ жизни и дѣятельности лучшія силы въ массахъ своей паствы. Отчасти потому-то такъ могуче и полно мѣстные крестьяне откликнулись на борьбу за возрожденіе Россіи, оттого-то такъ разумны и сдержаны были рабочіе всѣхъ заводовъ этого раіона и самаго города. Вліяніе святителя А . . . распространилось даже на мусульманъ, на татарское и башкирское населеніе; муллы шли къ нему за совѣтомъ и проводили въ своихъ селахъ его организацію — приходъ около мечети.

Теперь, когда революція сломала и разрушила нашу жизнь, исковеркала ея прежніе условія, когда велась борьба за возстановленіе ея, — архіепископъ А . . . весь обратился въ порывъ и еще больше отдался своей высокой миссіи.

Его идея была простая и великая. Его доводы были неотразимы и взяты изъ самой жизни. Онъ говорилъ: — «Чѣмъ

сильны большевики, чѣмъ они держатся? Во-первыхъ, твердая, ни передъ чѣмъ не останавливающаяся власть. Во-вторыхъ, и это главное, они сумѣли организовать всюду, въ городахъ и селахъ, худшіе, самые преступные элементы народа. Масса же, всегда инертная и неорганизованная, невольно подпадаетъ въ подчиненіе, идетъ въ поводу этихъ разныхъ совѣтовъ и комитетовъ бѣдноты. Разъ мы собираемся строить разрушенную жизнь, намъ необходимо идти тѣмъ же путемъ, но надо организовать народъ у другого полюса, вокругъ лучшихъ людей каждаго села и города, вокругъ самыхъ честныхъ, нравственныхъ и трудолюбивыхъ. И ходить далеко не надо; такихъ русскихъ людей много, всюду они есть, въ каждомъ церковномъ приходѣ. Дайте только возможность.»

Архіепископъ А... много разъ и настойчиво обращался въ Омскъ, и въ министерства, и въ высшее церковное управленіе и къ самому адмиралу Колчаку, со своимъ планомъ организаціи на всемъ пространствѣ восточной Россіи приходовъ, но встрѣчалъ отказъ, а подчасъ даже преслѣдованія. И это не взирая на то, что самъ Верховный Правитель относился къ нему съ глубокимъ почтеніемъ.

Такъ почти до самаго конца и не удалось этому крупному русскому дѣятелю и патріоту найти примѣненія своихъ силъ.

Вотъ выдержки изъ писемъ ко мнѣ архіепископа А..., писанныхъ въ ноябрѣ 1919 года:

— «Ваше войскоr. Неклютинъ (министръ снабженія) оставилъ безъ снабженія, и войско побѣдоносно настроенное принуждено было поэтому подвергнуться бѣдствіямъ отступленія. Но у насъ во всѣхъ областяхъ имѣются свои Неклютины, для дѣла рѣшительно вредные, или своею бездѣятельностью, или своею бездарною партійностью.

Въ церковной области таковъ господинъ П... ничего не сдѣлавшій для Церкви. Между тѣмъ у него въ рукахъ былъ весь аппаратъ для организаціи народной жизни на церковныхъ началахъ.»

Въ другомъ письмѣ архіепископъ пишетъ:

... «Теперь съорганизованы только злые, разрушительные элементы Руси, — нужно же кому-нибудь заняться организаціей элементовъ патріотическихъ.»

Вотъ выдержка изъ третьяго письма:

... «Я началъ вторично объѣздъ частей ввѣренной Вамъ арміи. Ваше Превосходительство! Я съ радостью могу сказать, что ни Вы, ни я —не ошиблись: солдатамъ нравится мысль объ устроеніи православнаго прихода и объ устроеніи около приходскаго самоуправленія всей русской національной жизни.»

Такъ и канули въ вѣчность всѣ попытки дать русскому народу возможность сплотиться, съорганизовать свою націо-

нальную силу и устроить свою страну. Канули потому, что центральная власть не только не поддержала, но ставила препятствія. Бездарная партійность однихъ, да злонамѣренная работа соціалистовъ погубили и на этотъ разъ эти начинанія.

А въ то же время соціалисты получали всевозможную поддержку въ своихъ темныхъ дѣлахъ. Они-то поняли хорошо, что вся сила и успѣхъ задуманнаго ими плана лежитъ въ организованности; но они не могли бы никогда провести эту организованность сами, въ чистомъ видѣ, такъ какъ ихъ идеологія совершенно безжизненна и чужда Русскому народу; она можетъ только разрушать, никогда ничего не созидая. Поэтому эсъ-эры въ Сибири присосались къ чужому тѣлу и на немъ повели свою работу.

Такъ на здоровый и сильный стволъ могучей столѣтней липы пристаетъ грибокъ паразита. Сначала въ одномъ мѣстѣ появится опухоль, вздуется кора и выростетъ большой рыхлый наростъ, имѣющій видъ, по внѣшности, части самой липы. Затѣмъ вредные споры паразита перекидываются по всѣмъ вѣтвямъ, по стволу и даже по корнямъ дерева. И всюду выростаютъ уродливые опухоли-наросты. Липа останавливается въ ростѣ, чахнетъ и, если не найдетъ достаточно силъ въ сокахъ своихъ, чтобы перебороть разрушительную работу паразитовъ, то гибнетъ сама.

Эсъ-эры присосались крѣпко къ такому естественно-народному, нужному и выгодному дѣлу, какъ кооперація. Объ этомъ было вскользь сказано въ предыдущихъ главахъ. Чтобы дополнить картину, надо посмотрѣть на условія внутренней торговли, какъ они стояли къ тому времени. Еще война сильно повредила нормальные аппараты частной торговли; двѣ революціи, февральская и октябрьская, разрушили ихъ совершенно. Населеніе испытывало страшную нужду и терпѣло лишенія. На этой почвѣ талантливымъ, но вредоноснымъ еврейскимъ народцемъ было заложено начало спекуляціи, и распустилась она пышнымъ махровымъ цвѣткомъ. Тогда для борьбы съ нуждой и дороговизной начали образовываться, какъ естественный выходъ, общества потребителей, старая русская форма, или, какъ ихъ называли по новому, — кооперативы. Цѣль ихъ была: во-первыхъ, дать по дешевой цѣнѣ всѣ необходимые товары широкимъ массамъ населенія; во-вторыхъ, устроить возможность сбыта продуктовъ производства того-же населенія по наивыгоднѣйшимъ цѣнамъ; въ третьихъ, имѣлась ввиду борьба со спекуляціей, которая съ каждымъ днемъ углубленія революціи принимала все болѣе уродливыя формы. Естественно, что населеніе стало съорганизовываться, потребительскія общества-кооперативы расли.

Насколько эта организація была жизненна, показываетъ то, что вначалѣ русскіе люди, образовавшіе ее, не хотѣли втягиваться въ политику, поставили себя и свое дѣло внѣ ея.

И вотъ, въ то же время попали сюда, на здоровый стволъ этого могучаго дерева, вредные поры паразита. На зарѣ русской «безкровной» революціи слово-говорильные эсъ-эры проникли всюду и затопили своими рѣчами страну. Ихъ словамъ тогда многіе простые люди, по наивности, вѣрили, ибо не знали дѣлъ ихъ. Среди соціалистовъ, какъ извѣстно всѣмъ, свыше трехъ четвертей іудеевъ или ихъ приспѣшниковъ, отличающихся типичными свойствами всякого зловреднаго паразита: полная неспособность къ животворной работѣ, наглое, быстрое распространеніе, приспособляемость ко всякой обстановкѣ и безмѣрная живучесть, — разъ эта гадость вошла въ организмъ, не легко ее выгнать. Въ числѣ другихъ сторонъ народной жизни, соціалисты захватили и кооперативы.

Сначала они стали на общій путь съ массой потребителей, заявивъ, что кооперація внѣ политики. Но въ своей средѣ и въ своихъ центрахъ они работали только для политики, для политики разрушенія и ненависти, составляя и разрабатывая планъ, какъ лучше использовать для этого и кооперацію. А когда дѣло потребительныхъ обществъ развилось и упрочилось, соціалисты же укрѣпили въ нихъ свои позиціи, и какъ и всюду за эти лихіе годы, на верху почти всѣхъ кооперативовъ оказались юркіе жидки, — тогда была выдвинута въ открытую на первое мѣсто политическая дѣятельность. Такъ было лѣтомъ и осенью 1917 года; опредѣленно сказалось это уже къ Московскому Государственному Совѣщанію. Когда разрушительная работа была паразитами выполнена, то большевики выгнали эсъ-эровъ отовсюду; закрыли они и кооперативно-политическую кухню ихъ. Анти-большевицкіе вожди и организаціи, къ несчастью, этого сдѣлать не удосужились. Причины, — почему, — обрисованы достаточно въ предыдущихъ главахъ. Вслѣдствіи этого, весь аппаратъ коопераціи въ Сибири, ея центры — стволъ, и всѣ филіальныя отдѣленія — вѣтви, все дерево было захвачено соціалистами. Шла двойная работа: населеніе стремилось развить дѣятельность потребительскихъ обществъ, чтобъ возродить торговлю, чтобы помочь возрожденію страны; эсъ-эры направили усилія къ параличу этого, — они всюду насаждали своихъ политическихъ агентовъ, сводили всѣ нити коопераціи въ своихъ центрахъ, во Владивостокѣ и за-границей; они широко и послѣдовательно вели пропаганду противъ правительства адмирала Колчака и противъ арміи и, какъ всегда и вездѣ, эта пропаганда ихъ была отравлена ядомъ клеветы, лжи, преувеличеній и искаженій. Работа ихъ и здѣсь была тайная и скрытая. Какъ работа двѣнадцатаго Господняго

апостола Іуды, когда онъ подготавливалъ предательство и Голгофу.

Въ то же время эсъ-эры, благодаря своимъ людямъ, стоявшимъ у центральной власти, могли не только пустить пыль въ глаза простодушному, усталому обывателю, но и закупить вниманіе массъ, затемнить свои измѣнническія махинаціи, — они получали огромныя средства, имъ отпускались изъ казны многомилліонныя суммы, имъ давались не въ очередь большіе наряды на перевозки по желѣзной дорогѣ, льготный провозъ; благодаря этому и въ заграничныхъ кругахъ выростало и увеличивалось впечатлѣніе о ихъ значеніи и фактической силѣ.

Кто станетъ спорить, что кооперація въ чистомъ видѣ необходима въ жизни государства, особенно въ Россіи, гдѣ частная инціатива всегда отставала отъ требованій жизни. Потребительскіе кооперативы всегда поощрялись въ Россіи и всегда существовали раньше, въ періодъ расцвѣта Россіи при Царяхъ. Кооперативы же промышленные только нарождались, причемъ исключительно по инціативѣ прежняго правительства сдѣлана была громадная работа въ устройствѣ и развитіи цѣлой сѣти элеваторовъ для ссыпки хлѣба: этимъ вопросъ самой главной хлѣбной торговли выводился изъ области частной спекуляціи и недобросовѣстности, всѣ хлѣбопашцы отъ крупныхъ и до самыхъ мелкихъ, при осуществленіи правительственнаго проекта, получили бы возможность продажи предметовъ производства безъ посредниковъ. И не будь великаго бѣдствія войны и страшнаго несчастія «великой, безкровной» революціи, русская хлѣбная торговля была бы свободна отъ цѣпкихъ лапъ злѣйшаго паука эксплоататора, отъ еврейскаго посредника-спекулянта.

Въ будущемъ, несомнѣнно, коопераціи и кооперативамъ принадлежитъ выдающаяся роль въ русской жизни. Но надо помнить, во что обратили этотъ полезный инструментъ въ Сибири политиканствующіе шуллера, партія соціалистовъ-революціонеровъ. Надо помнить и на будущее время уберечь русскую жизнь отъ этихъ могильныхъ червей.

Подводя итогъ сказанному, видимъ: уйдя въ подполье соціалисты-революціонеры вели неустанно работу: захваты аппаратовъ власти и проникновеніе въ армію, постановка всякихъ препятствій здоровой организаціи жизни страны, обращеніе въ средство для своихъ цѣлей коопераціи, пропаганда противъ арміи и правительства, пожаръ частныхъ востаній и подготовка общаго предательскаго удара всему бѣлому движенію. И въ то же время они притворялись друзьями народа, арміи, правительства и даже самого адмирала Колчака.

Чтобы докончить этотъ краткій очеркъ дѣятельности этихъ іудъ Россіи, ниже приводятся выдержки изъ ихъ главнаго

современнаго печатнаго органа «Воля Россіи», издающагося въ Прагѣ (Чехо-Славія). Вотъ что пишетъ въ номерѣ 75 отъ 10 декабря 1920 года Василій Сухомлинъ, «представитель центральнаго комитета партіи эсъ-эровъ за границей» въ его открытомъ письмѣ Бурцеву, говоря о тактикѣ всей этой партіи:

«Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы позиція партіи измѣнилась послѣ паденія барона Врангеля, противъ котораго партія боролась также, какъ и противъ Колчака и Деникина. Прага 9 декабря.»

А въ номерѣ 79 той же газеты отъ 15 декабря 1920 года приведенъ еще болѣе офиціальный документъ, въ которомъ вся партія соціалистовъ-революціонеровъ признается въ своемъ іудиномъ дѣлѣ, открыто заявляетъ о предательствѣ народныхъ армій и дѣла. Это — письмо и резолюція, принятыя на конференціи, происходившей 1—8 октября 1920 года въ Москвѣ.

«13. Только замѣна диктатуры партіи коммунистовъ народовластіемъ, (т. е. властью эсъ-эровъ. К. С.), сможетъ вовлечь трудовыя массы въ работу по созданію новаго соціальнаго порядка и послужить исходной точкой для возстановленія производительныхъ силъ страны.»

14. . . «Демократія (опять читай — эсъ-эры. К. С.), какъ господство большинства, не только не можетъ быть препятствіемъ для осуществленія соціализма, но является единственной политической формой, гарантирующей успѣхъ соціалистическаго переустройства.»

16. . . «Нынѣ, учитывая, что быстрая ликвидація Деникина и Колчака, не столько сраженныхъ красной арміей, сколько обезсиленныхъ народными возстаніями въ тылу. . . конференція признаетъ наиболѣе цѣлесообразной формой борьбы съ контръ-революціей — методъ возстанія изнутри, съ успѣхомъ примѣнявшійся сибирскими организаціями партіи эсъ-эровъ въ дѣлѣ ликвидаціи Колчаковскаго режима.»

Коментаріи излишни. . .

3.

Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему хронологическому описанію событій осени 1919 года, необходимо остановить вниманіе и посмотрѣть, въ какихъ условіяхъ была въ то время желѣзная дорога, этотъ одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ жизни страны и арміи.

Въ Омскѣ было Министерство Путей Сообщенія съ очень энергичнымъ, способнымъ и жизненно-практичнымъ человѣкомъ во главѣ, инженеромъ Устругововымъ. Отсюда шло управленіе дорогами, регулировка ихъ службы и наилучшаго использованія. И надо отдать полную справедливость, что

это министерство стремилось выйти изъ рутины и бюрократическихъ нагроможденій, старалось дать максимумъ работы и пользы.

Однако обстановка и препятствія были настолько велики, что министръ Уструговъ и его подчиненные буквально изнемогали отъ безплодныхъ подчасъ усилій. Съ самаго начала создалось нѣсколько факторовъ, которые разбивали всѣ ихъ старанія, вводили импровизацію, нарушали стройность.

Во-первыхъ, — и это было вполнѣ естественно, — желѣзныя дороги на театрѣ военныхъ дѣйствій подчинялись командующимъ арміями, которымъ здѣсь принадлежало главное рѣшающее слово. Съ этимъ министерство мирилось, такъ какъ видѣло, въ большинствѣ, работу армейскихъ желѣзныхъ дорогъ направленной къ лучшей пользѣ. Кромѣ того, прифронтовая полоса не могла вліять сильно на жизнь страны. Гораздо важнѣе была магистраль отъ Владивостока до Омска. И вотъ здѣсь-то создалась главная помѣха; почти съ самаго начала былъ образованъ изъ представителей всѣхъ «союзныхъ» державъ желѣзнодорожный комитетъ, который взялъ на себя, явочнымъ порядкомъ, регулировку вопросовъ эксплоатаціи дороги и движенія на всемъ участкѣ отъ Омска до Владивостока. Главная роль въ немъ принадлежала американскимъ и англійскимъ инженерамъ, и, хотя зачастую русскіе интересы, даже интересы фронта приносились въ жертву различнымъ интернаціональнымъ цѣлямъ, которыми была пропитана вся интервенція, — русскому министру путей сообщенія приходилось подчиняться.

Дѣло въ томъ, что Сибирь не располагала ни однимъ заводомъ для постройки паровозовъ, вагоновъ и запасныхъ частей. Все это, заказанное и оплоченное въ большинствѣ еще Императорскимъ Правительствомъ въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Канадѣ, теперь было обѣщано доставить и передать правительству адмирала Колчака; частью это было и выполнено. Но при какихъ каждый разъ обстоятельствахъ?!

Припомнимъ, какъ выдавалось военное снабженіе, доставленное широкимъ англійскимъ жестомъ на армію въ 200000 человѣкъ. Какъ всегда и систематически оказывалось при этомъ давленіе на Верховнаго Правителя, на его политику, какъ проглядывало желаніе давить даже на стратегическіе планы армій, какъ искусно и скрыто оказывалась этими «союзными благодѣтелями» поддержка эсъ-эрамъ. Въ области желѣзно-дорожной помощи все это приняло еще большіе и уродливые размѣры. Во Владивостокъ прибыло большое количество запасныхъ частей, осей и колесъ, нѣсколько паровозовъ; весь этотъ цѣнный грузъ союзныя страны давали Россіи, давали за ея жертвы кровью сыновъ ея и . . . за русское

золото. Давали союзныя страны, а ихъ офиціальные представители требовали взамѣнъ почти полнаго себѣ подчиненія, становились выше не только министра путей сообщенія, но даже выше номинальнаго диктатора. Понятно, это мѣшало работѣ, сильно затрудняло ее, а «союзникамъ» давало возможность проводить мѣры для своихъ, не всегда чистыхъ, цѣлей.

На этой же почвѣ, наши бывшіе военно-плѣнные, составившіе теперь, въ 1919 году, «союзные» полки чехо-словацкіе, польскіе, румынскіе и итальянскіе, захватили въ свои руки огромное количество подвижного состава; такъ за тремя чешскими дивизіями числилось свыше 20000 вагоновъ. Польская дивизія, сформированная французской миссіей генерала Жанэна, также изъ бывшихъ нашихъ военно-плѣнныхъ, захватила свыше 5000 вагоновъ; были собственные поѣзда у румынъ и итальянцевъ.

Никакія силы не могли заставить этихъ «интервентовъ» вернуть вагоны и паровозы. Желѣзнодорожной администраціи приходилось принимать фактъ этого ограбленія и изворачиваться ограниченнымъ запасомъ подвижного состава, который остался въ фактическомъ распоряженіи русскаго министра путей сообщенія.

Затѣмъ всѣ интервенты-союзники, пріѣзжая въ Сибирь, чтобъ спасать бѣдную разоренную Россію, быстро входили во вкусъ; у всѣхъ ихъ руководителей были собственные поѣзда, составленные изъ лучшихъ вагоновъ, съ кухнями, ванными, электричествомъ. Поѣзда Жанэна, Нокса, Павлу, разныхъ «высокихъ комиссаровъ» (которые, увы, сыграли на руку невысокимъ совѣтскимъ коммиссарамъ) поражали своей роскошью, незнакомой и недопустимой даже въ ихъ богатыхъ странахъ. Дошли до такого нахальства, что распоряженіе и распредѣленіе всѣми салонъ-вагонами взялъ на себя штабъ французскаго генерала Жанэна, выдававшій ихъ почти исключительно иностранцамъ. Опять таки, справедливость требуетъ сказать, что японцы вели себя и здѣсь всѣхъ скромнѣе, достойнѣе, — и только они, представители страны Восходящаго Солнца, не имѣли въ бѣдной Россіи роскошныхъ поѣздовъ.

Сибирская магистраль тянется на тысячи верстъ, проходитъ глухою тайгой или безпредѣльными степями. Большевики и эсъ-эры, объединивъ свои силы, направили все вниманіе на эту важнѣйшую артерію, питавшую армію и страну, обезпечивавшую вывозъ сырья изъ богатыхъ губерній Сибири. И вотъ тѣ шайки, которыя были собраны соціалистами, организовали планомѣрную кампанію нападеній на желѣзную дорогу.

Нападенія производились на наиболѣе трудные участки ея, съ сильными закругленіями пути или съ предѣльными

подъемами и спусками. Въ такихъ мѣстахъ банды разбойниковъ разбирали путь, портили рельсы и стрѣлки, иногда взрывали мосты. Для этого ими выбиралось время, когда шли изъ Владивостока поѣзда съ военнымъ снабженіемъ или направлялись цѣнные грузы. Глухой ночью совершалось покушеніе, поѣздъ спускался подъ откосъ, разбивались вагоны; банда производила грабежъ.

Временами доходило до того, что мы прекращали ночное движеніе, пуская поѣзда только днемъ. Можно себѣ представить, какое затрудненіе въ транспортѣ создавалось благодаря всему этому. Но отвлекать наши русскія войска на службу обороны Сибирской магистрали было нельзя, и безъ того боевой фронтъ нашъ задыхался въ неустанной борьбѣ изъ-за недостатка подкрѣпленій съ тылу.

Поэтому пришлось прибѣгнуть къ милости интервентовъ, которые въ своемъ междусоюзническомъ комитетѣ (или совдепѣ, какъ его называли даже нѣкоторые англійскіе офицеры) рѣшили раздѣлить желѣзную дорогу на участки и поручить охранѣ иностранныхъ войскъ. Отъ Владивостока до Читы — японцы, около Байкальскаго озера, — небольшой участокъ, — американцы, далѣе немного — румыны, центръ Иркутскъ-Омскъ-Томскъ — чехи, Алтайская желѣзная дорога — 5-я польская дивизія.

Казалось бы, — самая естественная вещь. Разъ пришли помогать, если называются союзниками, да вдобавокъ еще ѣдятъ русскій сибирскій хлѣбъ, то какіе тутъ могутъ быть разговоры. Становись на работу и выполняй ее честно и исправно по наряду русской власти.

Такъ должно было бы быть при нормальномъ порядкѣ. Такъ было бы, если бы мы, русскіе войска, пришли помогать кому-либо изъ союзниковъ въ ихъ странѣ. Такъ и бывало не одинъ разъ, когда русскими боками спасали «союзниковъ». Но здѣсь, въ Сибири, опять таки проявились съ одной стороны наша русская стародавняя привычка взирать на иностранца снизу вверхъ, чуть не съ подобострастной улыбкой, а съ другой — ихъ обычная самоувѣренность и напыщенное самодовольство, чтобы не сказать болѣе рѣзкаго слова.

Почти всѣ иностранцы, взявшіе на себя охрану Сибирской желѣзной дороги смотрѣли на это, какъ на величайшее одолженіе, какъ на благодѣяніе, которое они дѣлаютъ бѣднымъ русскимъ; они исполняли только приказы своего «междусоюзническаго комитета», не считались совершенно съ русской властью и желѣзнодорожной администраціей. При этомъ, въ оправданіе, приводилась все та же фарисейская увертка — «невмѣшательство въ русскія внутреннія дѣла».

Самая служба охраны желѣзной дороги неслась такъ. Начинаютъ учащаться случаи нападенія бандъ на желѣзную дорогу, происходятъ покушенія на отдѣльныхъ интервентовъ, охраняющихъ данный участокъ. Тогда они рѣшаютъ дѣйствовать; усиливаются караулы, ловятъ нѣсколькихъ разбойниковъ, вѣшаютъ ихъ, отгоняютъ банды въ тайгу и на этомъ успокаиваются. Когда имъ предлагалось довести дѣло до конца, преслѣдовать банду и уничтожить ее съ корнемъ, получался отвѣтъ:

— «Это не наше дѣло!»

Случалось, что такой способъ не давалъ результатовъ, нападенія на дорогу и иностранную охрану не прекращались. Тогда интервенты, — особенно чехо-словаки и польская дивизія, — устраивали карательную экспедицію. На опасномъ участкѣ сжигались два-три богатыхъ сибирскихъ села, за ихъ будто бы отказъ выдать преступниковъ-бандитовъ.

Это вызывало страшное озлобленіе мирнаго, ни въ чемъ неповиннаго населенія, сыновья котораго сражались за Русское національное дѣло въ рядахъ бѣлой арміи. И естественно, что это озлобленіе переносилось, отражалось рикошетомъ на центральномъ правительствѣ адмирала Колчака, на русскихъ властяхъ. Таково было положеніе на желѣзной дорогѣ въ то время, когда роль ея выдвигалась на первое мѣсто, вслѣдствіи того, что новая неудача на фронтѣ начала превращаться въ катастрофу.

Въ самый нужный моментъ, когда необходимо было дать сверхсильное напряженіе, чтобы въ западномъ направленіи подать арміямъ помощь снабженіемъ и силами, а въ обратномъ направленіи — на востокъ — вести планомѣрную и безостановочную работу эвакуаціи, — оказалось, что русская власть безсильна использовать свою желѣзную дорогу. А вдобавокъ къ этому — тыловые органы, загроможденные бюрократическимъ бумажнымъ строемъ и зараженные эсъ-эровской тлей, упорно и беззастѣнчиво, приводя самыя ребяческія отговорки и отписки, тянули время и занимались тѣмъ, что копили военное снаряженіе въ глубокихъ тыловыхъ складахъ.

И армія, проявившая чудеса героизма и предѣлъ напряженія силъ, добившаяся блестящей побѣды, была предана, — она не получила ни пополненій, ни одежды, ни теплыхъ вещей. А между тѣмъ наступала уже суровая сибирская зима.

Вотъ одинъ изъ документовъ, телеграмма командующаго Оренбургской арміей.

«1 Ноября 1919 г. Кокчетавъ.

Могу ли расчитывать и когда на присылку теплой одежды, винтовокъ. Нужно на первое время 10000 комплектовъ полушубковъ, валенокъ, шапокъ, теплаго бѣлья, рукавицъ, брюкъ,

особенно послѣднихъ. Армія голая. Степной край не имѣетъ дровъ, даже крыши не даютъ тепла. Тифъ усиливается. Винтовокъ нужно на первое время 5000. Началась мобилизація уѣздовъ, для нихъ нужно 7 тысячъ теплаго и винтовокъ. Прошу Вашего отвѣта. № 542.

Генералъ-Лейтенантъ Дутовъ.»

И такихъ телеграммъ получались десятки. Эти донесенія поступали изо дня въ день, начиная съ середины августа. Но на русское горе они оставались безъ отвѣта, безъ результата. И добро, если бы не было въ тылу запасовъ, а то вѣдь въ Красноярскѣ, Томскѣ, Иркутскѣ были полные склады.

Совершалось еще болѣе вопіющее. Когда тылъ, его бюрократическіе органы увидали, что дѣло нешуточное, что на фронтѣ положеніе принимаетъ дѣйствительно катастрофическіе размѣры, грозящіе и ихъ существованію, то тамъ всколыхнулись и стали спѣшно собирать пополненія, грузить теплую одежду и обувь, направляя эшелонъ за эшелономъ въ дѣйствующую армію.

Все это принимало видъ нерѣшительныхъ, спѣшныхъ и судорожныхъ мѣръ. Наши части были въ непрерывномъ движеніи. Отступленіе протекало планомѣрно, съ постоянными, ежедневными боями, чтобы парализовать новыя стремленія краснаго командованія перерѣзать въ тылу желѣзную дорогу. Въ то же время шла напряженная работа по эвакуаціи раненыхъ и больныхъ, военныхъ грузовъ и желѣзнодорожнаго имущества. Шелъ непрерывный потокъ съ запада въ восточномъ направленіи; поѣзда съ пополненіемъ и снабженіемъ, врѣзываясь внѣ всякой системы на встрѣчу этому потоку, простаивали недѣлями на станціяхъ, не могли добраться до фронта, или запаздывали и только мѣшали. Иное было бы двѣ недѣли назадъ, когда всѣ желѣзныя дороги были свободны, армія стояла на Тоболѣ, система транспорта и этапныя линіи были хорошо налажены. Естественно, что настроеніе въ войскахъ падало все больше и больше. Вотъ другой жизненный документъ, крикъ арміи — донесеніе командующаго конной группой:

«За послѣднее время все указываетъ на сильный упадокъ духа солдатъ вслѣдствіе все уменьшающагося численнаго состава частей и отсутствія пополненій. Волнуются и недоумѣваютъ, почему до сихъ поръ ни одинъ полкъ не пополненъ, когда въ нѣкоторыхъ ротахъ осталось около десяти человѣкъ. Такое положеніе создаетъ благодарную почву для всякой пропаганды и агитаціи, чѣмъ несомнѣнно воспользуется нашъ противникъ, хорошо освѣдомленный о томъ, что дѣлается въ нашихъ войскахъ. Красные уже разбрасываютъ прокламаціи, призывающія нашихъ солдатъ окончить войну, перебивъ своихъ

офицеровъ и выдавъ краснымъ адмирала Колчака, въ свою очередь обѣщая перебить своихъ комиссаровъ и выдать нашимъ солдатамъ Ленина и Троцкаго. Подобныя прокламаціи, попадая въ руки солдатъ, не могутъ не оказать вліянія на менѣе сознательный элементъ... Далѣе, всвязи съ наступившей холодной и сырой погодой и необходимостью часто ночевать въ лѣсу подъ открытымъ небомъ, развивается недовольство солдатъ отсутствіемъ теплой одежды; солдатами указывается, что въ тылу всѣ одѣты и во все теплое.... Мы рискуемъ потерять и оставшійся кадръ, ранѣе доблестно сражавшихся частей. 25 Октября 1919 года. Генералъ Волковъ. № 2642.

Ропотъ среди арміи все усиливался. Тяжелое отступленіе полураздѣтыхъ частей продолжалось безъ надежды остановить его, чтобы дать краснымъ сильный отпоръ и снова перейти въ наступленіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ развилась до небывалыхъ предѣловъ и пропаганда въ тылу. Въ результатѣ всего падала самая вѣра въ успѣхъ дѣла, исчезала надежда на скорую конечную побѣду, терялся смыслъ дальнѣйшихъ жертвъ.

Въ такой обстановкѣ тылъ началъ теперь спѣшно подавать на фронтъ пополненія. Густыми массами шли маршевые роты, безо всякой системы, съ нарушеніемъ самыхъ примитивныхъ требованій порядка: такъ зачастую поѣзда съ пополненіемъ простаивали сутками на станціяхъ или разъѣздахъ, не получая ни пищи, ни кипятка для чая; люди волновались, вѣрили самымъ вздорнымъ слухамъ, легко поддавались обману и агитаціи. Наконецъ эти голодныя и распрапогандированныя маршевыя роты высаживали и передавали ближайшему строевому начальнику.

Вначалѣ пробовали ихъ вливать въ полки, которые таяли съ каждымъ днемъ, пробовали и горько раскаивались, ибо произошли массовыя предательства. Только что прибывшее пополненіе, получивъ приказъ идти въ наступленіе, выбѣгало поднявъ вверхъ винтовки, обращенныя прикладами въ небо, передавалось на сторону красныхъ и открывало огонь по своимъ. Почти всѣ офицеры въ такихъ полкахъ гибли....

Палъ Петропавловскъ. Арміи неудержимо катились на востокъ. Омскъ, гдѣ оставался до сихъ поръ и Верховный Правитель и всѣ министерства, былъ уже подъ угрозой съ фронта и съ сѣвера, отъ Тобольска. И не только подъ угрозой, — Омскъ былъ уже обреченнымъ, такъ какъ спасти его могло только чудо; человѣческія усилія были не въ состояніи этого сдѣлать въ той обстановкѣ, которая создалась къ этому времени.

Нельзя выразить той горечи, какая охватила всѣхъ насъ на фронтѣ, всю армію. Сдѣланный ею подвигъ, одержанная на Тоболѣ побѣда, сознаніе близкаго и окончательнаго разгрома

красныхъ, — все пошло прахомъ. . . . И не было надежды на новое улучшеніе, на перемѣну. . .

4 Ноября меня вызвалъ въ Омскъ телеграммой адмиралъ Колчакъ. Когда на слѣдующій день утромъ я подъѣзжалъ къ его особняку, меня обогналъ автомобиль Главковостока генерала Дитерихса. Адъютантъ Верховнаго Правителя просилъ подождать въ пріемной.

Большая комната съ длиннымъ столомъ, покрытымъ малиновымъ сукномъ, съ высокими стульями, разставленными кругомъ, по казенному; столъ, за которымъ обыкновенно происходили засѣданія совѣта министровъ. Два большихъ венеціанскихъ окна выходили на Иртышъ. Могучая, величавая рѣка катила свои мутныя воды, а за ней растилалась безконечная Сибирская равнина. Весной она зеленѣла и блестѣла молодыми всходами, обѣщая свѣтлое будущее, какъ бы укрѣпляя надежду на наше возрожденіе къ осени. Теперь, когда наступила эта осень, прошли мѣсяцы упорной кровопролитной борьбы, когда было достигнуто многое и мы подошли почти къ полной побѣдѣ, — все начало рушиться. Какая то темная сила сводила на нѣтъ великія жертвы, труды и усилія.

Мрачно становилось на душѣ. Преступнымъ представлялось то, что сдѣлали съ арміей, съ этими сотнями тысячъ лучшихъ русскихъ людей, беззавѣтно шедшихъ на смерть, чтобы добиться жизни для своей страны. Невольно мысль возвращалась къ тѣмъ минутамъ, когда въ этомъ же залѣ адмиралъ напутствовалъ меня въ армію послѣдними словами: «Идите на боевое дѣло, о тылѣ не безпокойтесь, я самъ справлюсь съ нимъ. . . .»

У стѣны, сзади большого стола, стояла синяя горка, вся уставленная блюдами, солонками, папками съ адресами, подношеніями разныхъ городовъ, заводовъ и общественныхъ организацій изъ мѣстностей, освобожденныхъ отъ большевиковъ. Такъ знаменательны и полны вѣры были надписи на нихъ; какими жалкими и безпомощными, оставленными, выглядѣли онѣ теперь. . . .

Разговоръ въ кабинетѣ Верховнаго Правителя становился, видимо, все горячѣе; временами доносился его голосъ, доходящій до крика. Прошло минутъ сорокъ. Раздался звонокъ, пробѣжалъ черезъ залу адъютантъ и вернулся съ докладомъ, что адмиралъ проситъ меня войти.

4.

Верховный Правитель и генералъ Дитерихсъ сидѣли за столомъ, одинъ противъ другого съ лицами, выражавшими большія переживанія, причемъ впервыя за все время я видѣлъ въ глазахъ адмирала такую сильную усталость, доходившую

почти до отчаянія. Поздоровавшись, онъ попросилъ меня сѣсть и сдѣлать подробный докладъ о состояніи арміи, о причинахъ неудачъ, о возможныхъ видахъ на будущее.

Мой докладъ былъ краткій, основанный на фактическихъ и цифровыхъ данныхъ, отчетъ того, что сдѣлала армія, что она готова была сдѣлать для Родины и что сдѣлала съ арміей преступная бездѣятельность тыла. Армія дала высшее напряженіе и побѣду; полуодѣтая, плохо снабженная наша армія гнала красныхъ на сотни верстъ и, если бы ее поддержали хоть немного, она разсѣяла бы дивизіи большевиковъ, отбросила бы ихъ за Уральскія горы. И тогда путь на Москву былъ бы чистъ, тогда весь народъ пришелъ бы къ намъ и открыто сталъ подъ знамя адмирала. Большевики и прочая соціалистическая нечисть были бы уничтожены свѣтлымъ гнѣвомъ народныхъ массъ — съ корнемъ.

Но, какъ будто нарочно, тылъ не присылалъ ни одного вагона теплой одежды, ни пополненій, ни офицеровъ, даже хлѣбъ и фуражъ доставлялись въ армію не регулярно, несмотря на большіе запасы и обильный урожай, бывшій въ Сибири въ томъ году.

Полки и батареи таютъ. Большинство лучшихъ офицеровъ и солдатъ выбито. Армія отступаетъ, какъ левъ, отбиваясь на каждомъ шагу; ни одна пушка, ни одинъ пулеметъ не брошены врагу. Но за что люди гибнутъ? Что въ будущемъ?

Вѣра въ успѣхъ, при настоящихъ условіяхъ исчезаетъ. Предательство, выразившееся въ томъ, что правительство мирволило соціалистамъ-революціонерамъ, которые развалили тылъ, погубило все дѣло и свело на нѣтъ все, сдѣланное арміей, великій подвигъ ея.

«— Къ сожалѣнію въ арміи, начиная отъ стрѣлка и кончая ея командующимъ, нѣтъ теперь вѣры, что настоящее правительство способно исправить положеніе. Армія не вѣритъ ему. . .»

Меня перебилъ генералъ Дитерихсъ вопросомъ:

«— Говоря о правительствѣ, Вы подразумѣваете Верховнаго Правителя и совѣтъ министровъ, или раздѣляете ихъ?»

«— Армія по прежнему предана Верховному Правителю, никто не сомнѣвается, что не онъ виноватъ въ томъ, что сдѣлалъ тылъ. Я говорилъ только о совѣтѣ министровъ, который и до сихъ поръ имѣетъ въ своемъ составѣ соціалистовъ.»

«— Значитъ Вы считаете, что Верховный Правитель долженъ остаться во главѣ?»

«— Болѣе того, я считаю, что всякая перемѣна въ командномъ составѣ, а тѣмъ болѣе въ верховномъ командованіи, была бы гибельна для дѣла. . .»

Адмиралъ глубоко вздохнулъ, тяжело повернулся въ креслѣ и сказалъ, обращаясь ко мнѣ, повышеннымъ и дрожащимъ голосомъ:

«— А Его Превосходительство генералъ Дитерихсъ отказывается быть главнокомандующихъ и просилъ меня уволить его въ отпускъ.»

Я всего ожидалъ, но не этого. Въ такую минуту, когда требовалось напряженіе всѣхъ и каждаго, этотъ примѣръ далъ бы самые плачевные результаты.

— «Что Вы думаете? —» спросилъ меня адмиралъ Колчакъ.

— «Разрѣшите говорить откровенно: когда стрѣлокъ покидаетъ свой постъ въ цѣпи, — его предаютъ военно-полевому суду и разстрѣливаютъ; то же самое, если офицеръ оставитъ свою роту, батарею или полкъ. Я считаю, что и главнокомандующій одинаково отвѣтственъ и не имѣетъ права въ трудную минуту покинуть свой высокій постъ.»

Адмиралъ волновался видимо все больше и началъ объяснять причины, почему онъ считалъ себя обязаннымъ согласиться на просьбу главнокомандующаго. Оказалось, что генералъ Дитерихсъ отдалъ приказъ о выводѣ въ тылъ всей первой арміи генерала Пепеляева, причемъ перевозка ея по желѣзной дорогѣ уже началась; этимъ обнажался весь правый флангъ боевого фронта.

«— Въ то время, когда я хочу всѣ усилія бросить на защиту Омска, я считаю выводъ арміи Пепеляева безумнымъ дѣломъ. Вопросъ объ уходѣ генерала Дитерихса мною уже рѣшенъ,» закончилъ адмиралъ Колчакъ разговоръ, отпустивъ насъ обоихъ.

Черезъ часъ я былъ позванъ снова. Адмиралъ задалъ мнѣ вопросъ, кого я посовѣтовалъ бы ему назначить главнокомандующимъ. Трудно было отвѣтить на это; я доложилъ мое мнѣніе, что одинъ изъ наиболѣе дѣльныхъ помощниковъ его былъ начальникъ штаба генералъ Лебедевъ, котораго и слѣдовало бы вернуть на мѣсто. Верховный Правитель соглашался съ этимъ, но заявилъ, что не считаетъ это возможнымъ, что, благодаря интригамъ, имя генерала Лебедева очень непопулярно въ общественности.

— «Да, генералъ Лебедевъ былъ всегда открытымъ противникомъ соціалистовъ всѣхъ партій, почему имъ и надо было убрать его. Но это не причина...»

Адмиралъ Колчакъ обратился ко мнѣ:

— «А Вы согласились бы занять постъ главнокомандующаго?»

Я рѣшительно отказался, ссылаясь на то, что я связанъ съ 3-й арміей, что мнѣ дороги и эта связь и самое дѣло, съ которымъ я справляюсь.

Адмиралъ настаивалъ. Вечеромъ онъ вызвалъ меня третій разъ и заявилъ, что не можетъ придти къ другому рѣшенію и приказываетъ мнѣ принять постъ главнокомандующаго Восточнымъ фронтомъ. Это онъ повторилъ и передъ малымъ совѣтомъ министровъ, собраннымъ въ тотъ же вечеръ въ его домѣ для обсужденія тогдашняго чрезвычайно труднаго и сложнаго положенія.

Мнѣ приходилось подчиниться приказу. Нерадостныя, черныя были перспективы.

Армія неудержимо катилась на востокъ. Эвакуація была затруднена до невозможности, такъ какъ до самаго послѣдняго времени не было предпринято никакихъ шаговъ для вывоза огромнѣйшихъ военныхъ складовъ въ Омскѣ, — наоборотъ до конца октября все прибывали новые транспорты съ различными снабженіями. Надо было собирать и эвакуировать огромныя министерства, спасать раненыхъ, больныхъ и семьи военныхъ.

Вдобавокъ ко всѣмъ трудностямъ прибавилась еще одна: въ 1919—1920 году зима была исключительно теплая, сравнительно съ обычной сибирской; въ первой половинѣ ноября морозы все время колебались между двумя-тремя градусами тепла и пятью мороза. По Иртышу шла шуга (мелкій ледъ); это лишало возможности не только навести мосты, но даже устроить паромныя переправы. Наши арміи надвигались къ Иртышу и становились передъ неразрѣшимой задачей, какъ совершить переправу черезъ эту огромную рѣку. Какой-либо маневръ подъ Омскомъ былъ совершенно невозможенъ.

И въ то же время армія все болѣе и болѣе таяла, оставшись одѣтой по лѣтнему. А въ тылу были накоплены колоссальные запасы, такіе что ихъ не могла бы использовать вдвое большая, чѣмъ наша, армія!

На засѣданіи совѣта министровъ я повторилъ мой докладъ, обратилъ вниманіе на всѣ эти трудно исправимые минусы, вызвавшіе полнѣйшій крахъ осенней операціи, и предупредилъ, что на защиту Омска расчитывать нельзя, что можетъ быть удастся собрать резервъ къ востоку отъ Иртыша и тамъ дать краснымъ генеральное сраженіе.

Спасти общее наше положеніе было тогда еще возможно; понятно не удержаніемъ Омска, что являлось задачей невыполнимой, да и не самой важной; всѣ силы надо было направить къ двумъ главнѣйшимъ цѣлямъ: спасти кадры арміи и удержать ими фронтъ въ дефиле примѣрно на линіи Маріинска; въ то же время сильными, дѣйствительными мѣрами, не считаясь ни съ чѣмъ, надо было очистить тылъ и привести его въ порядокъ. Изгнать преступную бюрократическую бездѣятельность и волокиту, совершенно искоренить возможность дальнѣй-

шаго предательства соціалистами; объявить партію эсъ-эровъ противугосударственной, врагами народа; наладить жизнь населенія въ самыхъ простѣйшихъ и необходимѣйшихъ ея формахъ и обратить усилія всѣхъ и всего для боевого фронта. Работать зиму не покладая рукъ, и тогда къ веснѣ можно было расчитывать на новое успѣшное наступленіе, особенно, когда населеніе Западной и Средней Сибири узнало бы на своихъ спинахъ всю прелесть большевизма.

Вотъ была общая программа, которая стояла передо мной, и которая была набросана передъ совѣтомъ министровъ; это былъ единственный шансъ на успѣхъ. При этомъ выдвигалось необходимымъ установленіе фактически военнаго управленія вплоть до Тихаго Океана, выявленіе новаго лозунга — движеніе для возрожденія Россіи по ея историческому пути съ принятіемъ праваго курса политики внутри страны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и направленіе внѣшней политики только въ интересахъ дѣла возрожденія Россіи, вплоть до заключенія, если понадобится, секретныхъ договоровъ съ странами дѣйствительно дружески дѣйствующими по отношенію къ нашему Отечеству.

Съ другой стороны — настоятельно необходимо было отказаться разъ на всегда отъ угодничества передъ тѣми иностранцами, которые вели въ Сибири политику «бельэтажа интернаціонала», оказывали поддержку эсъ-эрамъ, заставляли наше правительство плясать подъ ихъ дудку, вредили національному воскресенію Россіи.

Тяжелый былъ моментъ, но выходъ видѣлся, хотя и загроможденный гигантскими препятствіями, осложненный сверхчеловѣческими трудностями, но все же выходъ прямой, вытекающій изъ силъ и средствъ, которыми мы располагали.

Только это одно, лишь сознаніе долга идти и вести къ этому выходу — заставили меня принять обязанность главнокомандующаго и взвалить себѣ на плечи огромную, сверхсильную ношу. Въ тотъ же день, когда я пріѣхалъ въ Омскъ, а генералъ Дитерихсъ уѣзжалъ отдѣльнымъ поѣздомъ во Владивостокъ, мнѣ ясно представилось, какъ въ случаѣ не только неудачи, а временныхъ неуспѣховъ будутъ со всѣхъ сторонъ выдвигаться все новыя и новыя препятствія и врагами будутъ пущены въ ходъ всѣ средства. Особенно ввиду того, что проведеніе основного плана въ его цѣломъ возможно было лишь при твердомъ, систематическомъ курсѣ, при суровыхъ, а подъ часъ и жестокихъ мѣрахъ. Какъ же иначе было бороться и желать побѣдить еврейскую безпощадную диктатуру надъ русскимъ народомъ, правящую подъ фирмой «большевиковъ-коммунистовъ».

Адмиралъ Колчакъ просилъ сдѣлать все возможное, чтобы попытаться спасти Омскъ и сейчасъ же отдалъ приказъ о

возвращенiи 1-й Сибирской армiи на фронтъ. Когда на другой день по прибытiи въ эту сибирскую столицу я прiѣхалъ вечеромъ въ особнякъ Верховнаго Правителя для обсужденiя плана дѣйствiй, въ кабинетѣ адмирала я засталъ командующаго 1-й армiей, генерала Пепеляева. Въ первый разъ я видѣлъ этого печальнаго героя контръ-революцiи. Широкiй въ плечахъ, выше средняго роста, съ круглымъ, простымъ лицомъ, упрямыми, сѣрыми глазами, смотрѣвшими безъ особо яркой мысли изъ-подъ низкаго лба; коротко стриженные волосы, грубый, низкiй, сдавленный голосъ и умышленно неряшливая одежда, — вотъ обликъ этого офицера, который былъ природой предназначенъ командовать батальономъ, въ лучшемъ случаѣ полкомъ, но котораго капризъ судьбы и опека соцiалистовъ выдвинули на одно изъ первыхъ мѣстъ.

Адмиралъ встрѣтилъ меня словами:

— «Вотъ, генералъ Пепеляевъ убѣждаетъ не останавливать его армiю, дать ей возможность сосредоточиться по желѣзной дорогѣ въ тылу.»

Я отвѣчалъ, что это невозможно, такъ какъ желѣзная дорога нужна для эвакуацiи, а армiя генерала Пепеляева необходима для операцiй на фронтѣ. Генералъ получитъ приказъ и инструкцiи сегодня же вечеромъ въ моемъ штабѣ.

Пепеляевъ поднялся во весь ростъ, посмотрѣлъ въ упоръ изъ подъ нависшаго сморщеннаго складками лба на адмирала:

— «Вы мнѣ вѣрите, Ваше Высокопревосходительство?» спросилъ онъ какимъ то надломленнымъ голосомъ.

— «Вѣрю, но въ чемъ же дѣло?»

Пепеляевъ тогда перекрестился на стоявшiй въ углу образъ, рѣзко и отрывисто, ударяя себя въ грудь и плечи.

— «Такъ вотъ Вамъ крестное знаменiе, что это невозможно, — если мои войска остановить теперь, то они взбунтуются.»

Около двухъ часовъ шелъ споръ. Пепеляевъ пускалъ всѣ способы не доводовъ и убѣжденiя, а прямо устрашенiя. Въ концѣ концовъ адмиралъ махнулъ рукой и согласился не останавливать армiи Пепеляева, а направить ее въ раiоны, указанные еще генераломъ Дитерихсомъ, т. е. въ города Томскъ, Новониколаевскъ и на востокъ до Иркутска.

Этимъ рѣшенiемъ выводилось изъ строя не менѣе четверти бойцовъ, правый флангъ обнажался и на двѣ остальныя армiи возлагалась задача непосильная.

Я доложилъ Верховному Правителю, что не могу при такомъ отношенiи къ приказу оставаться главнокомандующимъ и снова настаивалъ на возвращенiе меня въ 3-ю армiю. Адмиралъ, усталый и подавленный тѣмъ страшнымъ бременемъ, которое онъ несъ уже цѣлый годъ, началъ уговаривать меня

и просилъ остаться, чтобы вмѣстѣ выполнить общими усиліями главный планъ зимней работы.

Цѣлый рядъ сумбурныхъ дней, полныхъ неизвѣстности, полныхъ работы среди какихъ то дикихъ невозможностей. Армія каждый день приближалась верстъ на 15—20. Опасность росла, а эвакуація затруднялась все сильнѣе. А тутъ надо было отправлять всѣ иностранныя, союзническія миссіи, хотя бы главнѣйшіе аппараты министерствъ. Иртышъ не становился, продолжался ледоходъ. Предстояло, видимо, повернуть армію, не доходя до Иртыша, на югъ, съ цѣлью отвести ее затѣмъ въ Алтайскій раіонъ. Я сдѣлалъ приготовленія, чтобы ѣхать въ армію и быть при ней. Адмиралъ колебался, то рѣшая ѣхать со мной, то склоняясь на поѣздку въ Иркутскъ, куда переѣзжалъ совѣтъ министровъ и главнѣйшіе аппараты управленія. Кромѣ того все время стоялъ трудный вопросъ съ золотымъ запасомъ, котораго было 28 вагоновъ, полной нагрузки, т. е. двадцать восемь тысячъ пудовъ.

Наконецъ 10 ноября хватилъ морозъ. Иртышъ сталъ. Ледъ крѣпнулъ. Переправа для войскъ была обезпечена. Было рѣшено закончить спѣшно эвакуацію, уничтожить всѣ военные запасы въ Омскѣ и отводить арміи на востокъ; собрать резервы на линіи города Татарска или, если не успѣемъ, то на линіи Томскъ-Новониколаевскъ, чтобы тамъ дать сраженіе всѣми силами, включая и армію генерала Пепеляева.

Войска наши не разлагались, нѣтъ, они только безумно устали, извѣрились и ослабли. Поэтому отходъ ихъ на востокъ дѣлался все быстрѣе, почти безостановочнымъ.

Пять литерныхъ поѣздовъ, составлявшихъ личный штабъ Верховнаго Правителя (одинъ изъ нихъ былъ съ золотымъ запасомъ) выѣхали изъ Омска 13 ноября; я дождался пріѣзда командующихъ арміями генераловъ Каппеля и Войцеховскаго и 14-го Ноября, послѣ совѣщанія съ ними, выѣхалъ изъ Омска съ моимъ штабомъ.

А 15-го ноября утромъ красные съ сѣвера обошли бывшую столицу Сибирскаго Правительства, и наши войска принуждены были оставить линію рѣки Иртыша. Омскъ палъ. . . .

На десятки верстъ слышались оглушительные взрывы, которыми уничтожали многотысячные Омскіе запасы снарядовъ, патроновъ и пороха. Красные получили огромную добычу и заняли столицу. Перехваченныя ихъ радіо торжествовали полную побѣду.

5.

Но это было не такъ. Передъ нами лежалъ рядъ задачъ, которыя нужно было выполнить, и тогда положеніе было бы

спасено. Борьба за Россію была бы доведена до конца, до нашей побѣды.

Фактически армія теперь сошла на задачу прикрытія эвакуаціи — сплошной ленты поѣздовъ, вывозящихъ на востокъ раненыхъ и больныхъ, семьи офицеровъ и солдатъ, а также тѣ запасы, военные и продовольственные, которые удавалось погрузить.

Армія свелась въ сущности къ цѣлому ряду небольшихъ отрядовъ, которые все еще были въ порядкѣ и въ управленіи, такъ какъ состояли они изъ отборнаго, лучшаго въ мірѣ элемента. Сохранилась организація. Но духъ сильно упалъ. До того, что проявлялись даже случаи невыполненія боевого приказа. На этой почвѣ командующій 2-й арміей генералъ Войцеховскій принужденъ былъ лично застрѣлить изъ револьвера командира корпуса генерала Гривина, который наотрѣзъ отказался подчиниться боевому приказу задержать корпусъ и дать краснымъ отпоръ, а заявилъ, что онъ поведетъ свои полки прямо въ Иркутскъ, къ мѣсту ихъ первоначальнаго формированія; на предложеніе Войцеховскаго сдать командованіе корпусомъ Гривинъ отвѣтилъ также отказомъ.

По пути, отъ Омска до Татарска, была сдѣлана соціалистами попытка крушенія поѣзда съ золотомъ, но охрана оказалась надежной и не дала злоумышленникамъ расхитить государственную казну. Министръ путей сообщенія Уструговъ руководилъ эвакуаціей, находясь все время на самыхъ тяжелыхъ участкахъ. Главная трудность заключалась въ томъ, что не хватало на всѣ эшелоны паровозовъ. Поѣзда простаивали по нѣсколько сутокъ на небольшихъ станціяхъ и разъѣздахъ, среди безлюдной сибирской степи, занесенной снѣгомъ. Безъ воды, безъ пищи и безъ топлива, зачастую замерзая.

Съ каждымъ днемъ положеніе ухудшалось, такъ какъ число эвакуируемыхъ эшелоновъ постепенно все возростало; вскорѣ желѣзно-дорожный вопросъ принялъ размѣры катастрофы. Дѣло въ томъ, что чехо-словаковъ, это главное воинство интервенціи въ Сибири, охватила паника, и они произвели въ тылу страшное дѣло.

Расквартированы чехи были такъ: первая дивизія на участкѣ Иркутскъ-Красноярскъ, вторая дивизія — въ Томскѣ, а третья занимала Красноярскъ и города западнѣе его, до Новониколаевска. 5-я польская дивизія имѣла главную квартиру въ Новониколаевскѣ и располагалась на югъ до Барнаула и Бійска. Поляки, благодаря своему доблестному начальнику дивизіи полковнику Румшѣ (бывшему русскому офицеру), рѣшили драться противъ большевиковъ совмѣстно съ нашей арміей и просили вывезти по желѣзной дорогѣ только ихъ

госпитали, семьи и имущество («интендантура»). Совсѣмъ иначе повели себя знаменитые чехо-словацкіе легіоны.

Какъ испуганное стадо, при первыхъ извѣстіяхъ о неудачахъ на фронтѣ, бросились они на востокъ, чтобы удрать туда подъ прикрытіемъ Русской арміи. Разнузданные солдаты ихъ, доведенные чешскимъ комитетомъ и представителями Антанты почти до степени большевизма, силой отбирали паровозы у всѣхъ нечешскихъ эшелоновъ; не останавливались ни передъ чѣмъ.

Въ силу этого наиболѣе труднымъ участкомъ желѣзной дороги сдѣлался узелъ станціи Тайга, такъ какъ здѣсь выходила на магистраль Томская вѣтка, по которой теперь двигалась самая худшая изъ трехъ чешскихъ дивизій — вторая. Ни одинъ поѣздъ не могъ пройти восточнѣе ст. Тайга; на востокъ же отъ нея двигались безконечной лентой чешскіе эшелоны, увозящіе не только откормленныхъ на русскихъ хлѣбахъ нашихъ же военноплѣнныхъ, но и награбленное ими, подъ покровительствомъ Антанты, русское добро. Число чешскихъ эшелоновъ было непомѣрно велико, — вѣдь на пятьдесятъ тысячъ чеховъ, какъ уже упоминалось выше, было захвачено ими болѣе двадцати тысячъ русскихъ вагоновъ.

Западнѣе станціи Тайга образовалась желѣзнодорожная пробка, которая съ каждымъ днемъ увеличивалась. Въ то же время красная армія, подбодренная успѣхами, продолжала наступленіе, а наши войска, сильно порѣдѣвшія и утомленныя, не могли остановить большевиковъ. Отходъ бѣлой арміи продолжался въ среднемъ по десять верстъ въ сутки.

Изъ эшелоновъ, стоявшихъ западнѣе Новониколаевска, раздавались мольбы, а затѣмъ понеслись вопли о помощи, о присылкѣ паровозовъ. Помимо риска попасть въ лапы красныхъ, вставала и угроза смерти отъ мороза и голода. Завывала свирѣпая сибирская пурга, усиливая и безъ того крѣпкій морозъ. На маленькихъ разъѣздахъ и на перегонахъ между станціями стояли десятки эшелоновъ съ ранеными и больными, съ женщинами, дѣтьми и стариками. И не могли двинуть ихъ впередъ, не было даже возможности подать имъ хотя бы продовольствіе и топливо. Положеніе становилось поистинѣ трагическимъ: тысячи страдальцевъ русскихъ, обреченныхъ на смерть, — а съ другой стороны десятки тысячъ здоровыхъ откормленныхъ чеховъ, стремящихся цѣною жизни русскихъ спасти свою шкуру.

Командиръ чешскаго корпуса Янъ Сыровой уѣхалъ въ Красноярскъ, ихъ главнокомандующій, глава французской миссіи, генералъ-лейтенантъ Жанэнъ сидѣлъ уже въ Иркутскѣ; на всѣ телеграммы съ требованіемъ прекратить преступныя безобразія чешскаго воинства оба они отвѣчали, что безсильны

остановить «стихійное» движеніе. Вскорѣ Янъ Сыровой принялъ вдобавокъ недопустимо наглый тонъ въ его отвѣтахъ, взваливая всю вину на русское правительство и командованіе, обвиняя ихъ въ «реакціонности и недемократичности».

Невольно возникаетъ мысль о томъ, что многое здѣсь не являлось одною лишь случайностью, а было преднамѣреннымъ преступленіемъ. Какъ уже указывалось въ главѣ I-й, руководители чехо-словаковъ снюхались съ самаго начала съ эсъ-эрами; они поддержали учредиловцевъ, безславный Комучъ, спасли отъ офицерскаго суда «селянскаго министра» Виктора Чернова и принесли много другого вреда Россіи. Политическій же чешскій комитетъ провелъ большую работу также и въ подпольной подготовкѣ эсъ-эрами взрыва русскаго дѣла въ Сибири. Есть полное основаніе предполагать, что всѣ эти «доктора» Клофачи, Павлу, Гирсы, Благоши и др. являлись даже одними изъ заправилъ эсъ-эровскаго комплота въ нашемъ тылу. Поэтому та разруха и ломка транспорта, которую внесли стада чешскихъ легіонеровъ, были, надо думать, однимъ изъ дѣйствій, проведенныхъ по программѣ эсъ-эровъ, этихъ вѣрныхъ союзниковъ-товарищей большевиковъ. По крайней мѣрѣ факты говорятъ за то.

Въ эти дни ноября 1919 года наступило самое тяжелое время для русскихъ людей и арміи; всѣ ея усилія и подвиги за весну, лѣто и осень 1919 года были сведены преступленіями тыла на нѣтъ. Заколебались уже и самыя основанія зданія, именовавшагося Омскимъ Правительствомъ. Выступила наружу тайная, темная сила, начали выходить изъ подполья дѣятели соціалистическаго заговора. Сняли маски и тѣ изъ нихъ, которые до сей поры прикидывались друзьями Россіи.

Среди послѣднихъ оказались, кромѣ руководителей чехословацкаго воинства, также въ большинствѣ и представители нашихъ «союзниковъ». Къ концу ноября все это объединилось къ востоку отъ Красноярска, образовало свой центръ въ Иркутскѣ и начало переходить къ открытымъ враждебнымъ дѣйствіямъ, ожидая лишь удобнаго момента, чтобы ударить сзади и раздавить бѣлое освободительное движеніе, — совмѣстно съ большевиками, съ ихъ красной арміей, наступавшей съ запада.

Мы были поставлены между двумя вражескими силами: съ фронта большевики, съ тыла родственные имъ эсъ-эры со всей своей организаціей, съ чехо-словаками, съ могучей поддержкой Антанты. И эта вторая опасность была значительно больше первой, она сильнѣе угрожала жизни Россіи. Необходимо было всѣ усилія обратить на ликвидацію эсъ-эровъ, съ корнемъ уничтожить заговоръ, образовавшійся въ тылу.

Въ это время Верховный Правитель и штабъ находились въ Новониколаевскѣ. Былъ намѣченъ слѣдующій планъ дѣй-

ствій: армія будетъ медленно и планомѣрно, прикрывая эвакуацію, отходить въ треугольникъ Томскъ-Тайга-Новониколаевскъ, гдѣ къ срединѣ декабря должны были сосредоточиться резервы; отсюда наша армія перейдетъ въ наступленіе, чтобы сильнымъ ударомъ отбросить силы большевиковъ на югъ, отрѣзая ихъ отъ желѣзной дороги. Въ то же время предполагалось произвести основательную чистку тыла: секретными приказами былъ намѣченъ одновременный арестъ и преданіе военно-полевому суду всѣхъ руководителей заговора въ тылу, всѣхъ парійныхъ эсъ-эровъ въ Томскѣ, Красноярскѣ, Иркутскѣ и Владивостокѣ.

Были приняты рѣзкія мѣры къ привлеченію всѣхъ здоровыхъ офицеровъ и солдатъ въ строй, для усиленія фронта, а также для созданія въ тылу надежныхъ воинскихъ частей.

Чехамъ и ихъ главарю Сыровому было заявлено, что, если они не перестанутъ мѣшаться въ русскія дѣла и своевольничать, то русское командованіе готово идти на все, включительно до примѣненія вооруженной силы. Одновременно командующему Забайкальскимъ военнымъ округомъ генералу атаману Семенову былъ посланъ шифрованной телеграммой приказъ занять всѣ тонели на Кругобайкальской желѣзной дорогѣ; а въ случаѣ, если чехи не измѣнятъ своего безпардоннаго отношенія, не прекратятъ безобразій, будутъ также нагло рваться на востокъ и поддерживать эсъ-эровъ, — то приказывалось одинъ изъ этихъ тонелей взорвать. На такую крайнюю мѣру Верховный Главнокомандующій пошелъ потому, что чаша терпѣнія переполнилась: чехословацкіе полки, пуская въ ходъ оружіе, продолжали отнимать всѣ паровозы, задерживали всѣ поѣзда; въ своемъ стремленіи удрать къ Тихому Океану они оставляли на страшныя муки и смерть тысячи русскихъ раненыхъ, больныхъ, женщинъ и дѣтей. А Жанэнъ и Янъ Сыровой занимались легкимъ уговариваніемъ этого безславнаго воинства развращенныхъ, откормленныхъ чешскихъ легіонеровъ, и на всѣ требованія русскихъ властей отвѣчали уклончивыми канцелярскими отписками.

Слѣдующимъ важнымъ мѣропріятіемъ было возложеніе охраны на мѣстахъ и мобилизаціонныхъ функцій на само населеніе, главнымъ образомъ на крестьянство, подъ руководствомъ и наблюденіемъ военныхъ властей. Выяснилось совершенно опредѣленно, что крестьяне Сибири, въ большинствѣ своемъ, искренно желаютъ оказать Верховному Правителю всякую поддержку, что они стоятъ непримиримо противъ большевиковъ и другихъ соціалистовъ, стремятся только къ одному: не пустить къ себѣ красныхъ, уничтожить всѣ шайки внутри областей, а затѣмъ вернуться къ прежней русской спокойной жизни. Цѣлый рядъ депутацій изъ самыхъ разно-

образныхъ угловъ Западной и Средней Сибири, отъ горожанъ, крестьянъ и инородцевъ, множество телеграммъ — выражали горячую рѣшимость поддержать Верховнаго Правителя и армію. Крестьянская масса здѣсь была настроена не только въ тонъ бѣлому движенію, но еще опредѣленнѣе, правѣе его офиціальнаго курса: крестьяне ждали и вѣрили, что будетъ открыто поднятъ настоящій національный стягъ, громко будетъ провозглашенъ исконный русскій лозунгъ: «За Вѣру, Царя и Отечество».

Но теперь, когда силою непреодолимой логики событій подошли къ правильному и единственному рѣшенію, обнаружилось, что слишкомъ много было потеряно времени, — еще разъ и такъ полно подтвердилась истина, что «потеря времени смерти невозвратной подобна есть».

Будь всѣ эти мѣры проведены тремя-четырьмя мѣсяцами раньше, когда мы были сильны на фронтѣ, а вся вражеская нечисть не успѣла еще опериться и не сплотилась, — намъ удалось бы сравнительно легко ликвидировать ее, русское національное дѣло было бы спасено. Къ концу же ноября мы имѣли противъ себя уже окрѣпшую вражескую организацію, упорство и увѣренность руководителей (семитовъ по преимуществу) эсъ-эровско-союзническаго комплота. Они сумѣли всюду втереться сами, или впустить своихъ агентовъ, которыхъ въ то неустановившееся время они вербовали всюду.

Въ Новониколаевскѣ населеніе, богатое, старо-завѣтное, чисто русское, образовало свой общественный комитетъ для руководства и усиленія добровольческаго движенія; мнѣ пришлось лично видѣть ихъ и говорить съ ними, — все это были честные, скромные, искренніе люди, любящіе Россію больше всего и дѣйствительно желавшіе принести ей пользу. Но именно скромные, а потому невольно отчасти и инертные. И вотъ къ нимъ затесались, примазавшись къ дѣлу, а затѣмъ и захватывая его, нѣсколько темныхъ личностей, работавшихъ на тотъ же заговоръ. Они носили къ тому же личину національзма и скорби о Россіи. Полу-жидъ, полу-полякъ Л. горбунъ, газетный корреспондентъ, на германскомъ фронтѣ еще состоявшій подъ подозрѣніемъ въ шпіонажѣ, выгнанный генераломъ Деникинымъ изъ Добровольческой арміи; рядомъ съ нимъ Ж., священникъ безъ прихода, но за то проникнутый демократизмомъ и писавшій въ газетахъ либеральныя статьи, присяжный повѣренный В., оказавшійся на повѣрку тайнымъ партійнымъ эсъ-эромъ. И напускали же они туману! Такъ было почти во всемъ, по всему тылу.

Но несмотря на это, бѣлой Русской національной арміи было бы вполнѣ по силамъ справиться со стоявшей передъ нею задачей, если бы эсъ-эровская измѣна не свила гнѣзда и внутри

нея. Какъ было указано во II-й и III-й главахъ, дѣло началось съ Гайды; соціалисты-революціонеры сумѣли обойти его, окруживъ тонкой интригой и обработавъ грубой лестью; они проникли въ штабъ Сибирской арміи а оттуда въ ея корпуса и дивизіи. Къ несчастью генералъ Дитерихсъ, ставшій во главѣ Сибирской арміи, когда Гайда былъ выгнанъ, видимо, не понялъ всей опасности, не принялъ мѣръ къ искорененію заразы. А зараза эта по мѣрѣ отступленія развивалась все больше и охватывала не столько войсковыя массы 1-й арміи, сколько верхи ея командованія, причемъ и самъ командующій этой арміей, генералъ А. Пепеляевъ попался въ сѣти и тайно состоялъ въ партіи. Всѣ назначенія на командныя должности были проведены имъ такъ, что отвѣтственные, руководящіе посты получали только свои люди.

Паутина плелась очень хитро, осторожно и почти неуловимо для посторонняго глаза; пускались въ ходъ самый беззастѣнчивый обманъ и ложныя увѣренія. Такъ, А. Пепеляевъ, говоря съ глазу на глазъ со своими начальниками, увѣрялъ ихъ дрожащимъ голосомъ, что самъ онъ, по своимъ убѣжденіямъ, монархистъ.

Вторично главнокомандующій генералъ Дитерихсъ не понялъ всей опасности, или не дооцѣнилъ ее, когда онъ отдалъ приказъ о вывозѣ 1-й Сибирской арміи въ тылъ. Этимъ передавалась въ руки эсъ-эровъ русская вооруженная сила, въ тылу нашей героической арміи укрѣплялась вражеская цитадель.

Характеренъ изъ того времени и нравовъ такой эпизодъ. Въ Новониколаевскъ, при выводѣ 1-й Сибирской арміи въ тылъ, была назначена гарнизономъ средне-сибирская дивизія, во главѣ которой Пепеляевъ только-что передъ тѣмъ поставилъ молодого, очень храбраго, но совершенно сбитаго съ толку и втянутаго въ политику, двадцатишестилѣтняго полковника Ивакина. Когда я потребовалъ его къ себѣ для доклада о состояніи дивизіи, оказалось, что полковника въ городѣ нѣтъ, еще не пріѣхалъ. Черезъ два дня, — тоже нѣтъ; наконецъ, послѣ третьяго приказа является, дѣлаетъ докладъ, а затѣмъ проситъ разрѣшенія говорить откровенно.

— «Въ чемъ дѣло?»

— «Я оттого запоздалъ, Ваше Превосходительство, что въ пути ко мнѣ пріѣхали земскіе дѣятели, привезли штатское платье и убѣждали спасаться, — будто Вы меня арестовать собираетесь. . .»

— «За что?»

— «Да они толкомъ не объяснили, а много говорили, что Вы недовольны 1-й Сибирской арміей за то, что она эсъ-эрамъ сочувствуетъ».

— «А развѣ правда, что въ Вашей арміи есть сочувствіе эсъ-эрамъ?»

— «Такъ точно, иначе быть не можетъ: наша армія Сибирская, а вся Сибирь — эсъ-эры,» бойко, не задумываясь, отрапортовалъ этотъ полу-мальчикъ, начальникъ дивизіи.

У меня въ вагонѣ сидѣли мой помощникъ генералъ Ивановъ-Риновъ и начальникъ штаба, которые не могли удержаться отъ смѣха, — до того наивно и ребячески безсмысленно было заявленіе Ивакина. Разсмѣялся и самъ авторъ этого политическаго афоризма.

Послѣ разъясненія полковнику Ивакину всей преступности этой игры, того, для какой цѣли пускаютъ соціалисты такія провокаціонныя выдумки, что они хотятъ сдѣлать и ихъ, офицеровъ, своими соучастниками въ работѣ по разрушенію и гибели Россіи, — онъ уѣхалъ, давъ слово, что больше никакихъ штатскихъ въ дивизію не пуститъ и всѣ разговоры о политикѣ прекратитъ.

Этотъ молодцеватый и храбрый русскій офицеръ произвелъ впечатлѣніе полной искренности; казалось, что онъ ясно понялъ теперь ту бездну, куда влекли его политиканы-враги Россіи, — понялъ, раскаялся и даже видимо возмутился ихъ низкими интригами.

На другой день Верховный Правитель послѣ оперативнаго доклада сказалъ мнѣ недовольнымъ голосомъ, что черезъ приближенныхъ людей до него дошли слухи, будто полковникъ Ивакинъ собирается въ одну изъ ближайшихъ ночей арестовать его и меня. Контръ-развѣдка штаба провѣрила настроеніе частей средне-сибирской дивизіи, которое оказалось нормальнымъ, здоровымъ отъ какой-либо эсъ-эровщины; я доложилъ это адмиралу, какъ и мой разговоръ съ Ивакинымъ. Видимо была пущена въ ходъ обычная для соціалистовъ двойная игра: старались обѣ стороны убѣдить въ опасности ареста — для каждой, чтобы вызвать его со стороны старшаго начальника и имѣть предлогъ для выступленія войсковыхъ частей. Не надо забывать, что въ то время настроеніе всюду было сильно повышенное, — результатъ всѣхъ пережитыхъ потрясеній и неудачъ.

Адмиралъ потребовалъ къ себѣ полковника Ивакина, около часу говорилъ съ нимъ и лично выяснилъ вздорность всей этой исторіи.

Но, какъ показало дальнѣйшее, слухи все же имѣли основаніе, — работа и подготовка въ этомъ направленіи велись.

Очень жаль, что приходится останавливаться на ничтожныхъ сравнительно обстоятельствахъ, происходившихъ на фонѣ тогдашняго титаническаго потрясенія Восточной Россіи. Но освѣщеніе этихъ фактовъ необходимо, ибо они устанавливаютъ

связь всего дальнѣйшаго съ тѣми основными положеніями, которыя были высказаны объ эсъ-эровско-чешскомъ заговорѣ противъ бѣлой арміи. Эти эпизоды и личности, проявлявшіяся осенью 1919 года, доказывали правильность діагноза болѣзни тыла, подтверждали выводы и укрѣпляли еще больше рѣшимость въ проведеніи мѣръ по ликвидаціи гнѣздъ заговорщиковъ. Русское національное дѣло, русская армія и будущность нашего народа требовали быстрыхъ и рѣшительныхъ мѣръ. Безконечно грустно, что слишкомъ поздно взялись за ихъ проведеніе.

На фронтѣ усталые, измученные, одѣтые въ рубищахъ полки новыхъ крестоносцевъ, сражавшіеся второй годъ за Русь и Крестъ Господень противъ интернаціонала и его пентаграммы, красной звѣзды. Тысячи верстъ боевого похода закалили части и сдѣлали ихъ стальными; безконечные сраженія, бои и стычки выработали въ офицерахъ и солдатахъ величайшую выносливость, выковали храбрость.

Армія отступала, но она уже накопила опять въ себѣ силы для новаго перехода въ наступленіе, для новаго расчитаннаго прыжка тигра. Весьма возможно, что на этотъ разъ уже окончательнаго, побѣднаго. А по всему огромному дикому пространству Сибири, по вѣковой тайгѣ ея, по дикимъ горнымъ хребтамъ, по безпредѣльнымъ степямъ и лѣсамъ, вплоть до самаго Тихаго океана, шелъ въ то же время сполохъ, скрытый еще, но не тайный уже; вышедшія изъ подполья темныя силы, слуги той же пентаграммы, готовили сзади предательскій ударъ.

Этотъ ударъ мы замѣтили, разгадали вражескія козни, и было еще время отразить его, а затѣмъ уничтожить съ корнемъ гадину измѣны и предательства.

Рядъ мѣръ, о которыхъ сказано выше, проводился срочно, въ энергичной, напряженной работѣ. Дѣло начинало налаживаться, а вмѣстѣ росла и увѣренность, что мы переборемъ трудности, выполнимъ планъ, спасемъ Русское дѣло. Несмотря на то, что положеніе было крайне критическое, и такъ угрожающе выглядѣли признаки этого сполоха, — выходы имѣлись. А главное было много истинныхъ сыновъ Россіи, объединенныхъ общимъ страстнымъ желаніемъ спасти Родину; и на ихъ сторонѣ были и симпатіи, и силы массъ народныхъ. Была армія, сильная духомъ и не малая числомъ, имѣлось оружіе и боевые припасы, да къ тому же въ русскихъ рукахъ были остатки накопленнаго вѣками государственнаго достоянія, значительный золотой запасъ.

Впередъ можно было смотрѣть бодро.

— «Выгребемъ!» говорили часто мои помощники, когда совмѣстно вырабатывали и проводили мѣры по ликвидаціи измѣны въ тылу.

6.

Теперь зимою, въ концѣ ноября, настало время, когда на фонѣ Сибирской жизни ярко выступили тѣ пятна, зашевелились тѣ злыя гнѣзда эсъ-эровщины, которыя подготовлялись весною и лѣтомъ и были скрыты почти ото всѣхъ глазъ. Какъ волшебныя тѣни, появились они, вдругъ, сразу. Сначала Владивостокъ, Иркутскъ, затѣмъ Красноярскъ и Томскъ. И то, что многимъ представлялось весною далекой злой опасностью, почти какъ несуществующій кошмаръ, стало выявляться на яву, вставать кровавымъ призракомъ новой гражданской войны въ тылу.

Откуда былъ данъ сигналъ къ возстаніямъ, пока покрыто неизвѣстностью. Но видимо изъ Иркутска, гдѣ къ этому времени сосредоточилось все тыловое: совѣтъ министровъ, всѣ иностранныя миссіи Антанты, политиканы чехо-словацкаго національнаго комитета и ихъ высшее командованіе, а также масса дѣльцовъ разныхъ политическихъ толковъ, отъ кадетъ и лѣвѣе.

Первое возстаніе разразилось во Владивостокѣ. Гайда, герой былыхъ побѣдъ и новыхъ интригъ, жившій въ отдѣльномъ вагонѣ, сформировалъ штабъ, собралъ банды чеховъ и русскихъ портовыхъ рабочихъ и 17 ноября поднялъ бунтъ, открытое вооруженное выступленіе. Самъ Гайда появился въ генеральской шинели, безъ погонъ, призывая всѣхъ къ оружію за новый лозунгъ: «Довольно гражданской войны. Хотимъ мира!»

Старое испытанное средство соціалистовъ, примѣненное ими еще въ 1917 году, передъ позорнымъ Брестъ-Литовскимъ миромъ.

Но на другой же день около Гайды появились «товарищи», его оттерли на второй планъ, какъ лишь нужную имъ на время куклу; были выкинуты лозунги: «Вся власть совѣтамъ. Да здравствуетъ Россійская соціалистическая, федеративная, совѣтская республика!»

На третій день бунтъ былъ усмиренъ учебной инструкторской ротой, прибывшей съ Русскаго Острова; банды разсѣяны, а Гайда съ его штабомъ арестованъ. Да и не представлялось труднымъ подавить это возстаніе, такъ какъ оно не встрѣтило ни у кого поддержки, кромѣ чешскаго штаба, да Владивостокской американской миссіи; народныя массы Владивостока были поголовно противъ бунтовщиковъ.

Адмиралъ Колчакъ послалъ телеграмму-приказъ: судить всѣхъ измѣнниковъ военно-полевымъ судомъ, причемъ, въ случаѣ присужденія кого-либо изъ нихъ къ каторжнымъ работамъ, Верховный Правитель въ этой же телеграммѣ повышалъ наказаніе всѣмъ — до разстрѣла.

Къ сожалѣнію, командовавшій тогда Приморскимъ округомъ генералъ Розановъ проявилъ излишнюю, непонятную мягкость, приказа не исполнилъ и донесъ, что еще до полученія телеграммы онъ долженъ былъ передать Гайду и другихъ съ нимъ арестованныхъ — чехамъ, — вслѣдствіе требованія союзныхъ миссій.

Одновременно съ Владивостокомъ зашевелился Иркутскъ. Тамъ образовалась новая городская дума, въ составъ которой вошло на три четверти «избраннаго племени», — все махровые партійные работники. На первомъ же засѣданіи, этотъ вновь испеченный синедріонъ, вмѣсто того, чтобы заниматься городскими дѣлами, потребовалъ смѣны министровъ, назначенія отвѣтственнаго кабинета, и заговорили о томъ же, что и Владивостокъ, — о прекращеніи гражданской войны.

Но послѣ подавленія Владивостокскаго возстанія, Иркутскіе дѣльцы стихли, снова спрятались въ подполье. Командовавшему войсками, генералу Артемьеву, былъ посланъ приказъ арестовать и предать военно-полевому суду всѣхъ эсъ-эровъ и меньшевиковъ, членовъ этой «городской думы». Неизвѣстно, по какой-то причинѣ и этотъ приказъ не былъ выполненъ; впослѣдствіи генералъ Артемьевъ доносилъ, что преступники попрятались, а производить массовые обыски и аресты помѣшали опять-таки «союзныя» миссіи и чехи.

Совѣтъ министровъ проявилъ не только полную растерянность и бездѣятельность, но во главѣ съ соціалистомъ Вологодскимъ, этимъ «vieux drapeau», готовъ былъ чуть ли не подчиниться Иркутской городской думѣ.

Верховный Правитель тогда рѣшилъ смѣнить Вологодскаго и назначилъ премьеръ-министромъ Пепеляева (Виктора), брата генерала, командовавшаго 1-й Сибирской арміей.

Въ связи съ этими событіями и другими признаками созрѣвшей въ тылу измѣны — было собрано въ Новониколаевскѣ, въ вагонѣ адмирала, нѣсколько совѣщаній. Искали лучшаго плана, наиболѣе выполнимаго и обезпеченнаго рѣшенія. Выхода намѣчалось два.

Первый — выполненіе намѣченной военной операціи въ раіонѣ Томскъ-Новониколаевскъ, предоставленіе чехо-словакамъ убраться изъ Сибири при условіи фактическаго невмѣшательства въ русскія дѣла и сдачи русскаго казеннаго имущества, полное использованіе для этого Забайкалья и силъ атамана Семенова при поддержкѣ японцевъ; намѣченная отправка золотого запаса въ Читу подъ надежную охрану; затѣмъ планомѣрное, систематическое уничтоженіе эсъ-эровской измѣны и подготовка въ глубинѣ Сибири силъ для новой борьбы весной.

Второй — предоставить всю Сибирь самой себѣ, — пусть испытаетъ большевизмъ, переболѣетъ имъ; пусть всѣ «союзни-

ки» съ ихъ войсками, нашими бывшими военноплѣнными, тоже попробуютъ прелестей большевизма и уберутся изъ Сибири. Верховный Правитель съ арміей уходитъ изъ Новониколаевска на югъ, на Барнаулъ-Бійскъ, въ богатый Алтайскій край, гдѣ соединяется съ отрядами атамановъ Дутова и Анненкова и, базируясь на Китай и Монголію, выжидаетъ слѣдующей весны — для продолженія борьбы, для ея побѣднаго конца.

Адмиралъ Колчакъ отвергъ второй планъ совершенно и остановился на первомъ; но онъ категорически отказался отправить золото въ Читу. Сказалась отрыжка прошлой ссоры, проявилось недовѣріе.

Было принято въ концѣ рѣшеніе, что адмиралъ, а съ нимъ и золотой запасъ, останутся непосредственно при арміи, не отдѣляясь отъ нея далеко. Къ несчастью, и это рѣшеніе не было выдержано до конца, что и привело, какъ будетъ видно ниже, къ самой трагической развязкѣ.

Для болѣе правильнаго и успѣшнаго проведенія принятаго плана, ввиду полной нежизненности бюрократической машины такъ называемыхъ, министерствъ, былъ обнародованъ Верховнымъ Правителемъ указъ, которымъ выше совѣта министровъ ставилось Верховное Совѣщаніе, составленное подъ предсѣдательствомъ Верховнаго Правителя изъ главнокомандующаго, его помощниковъ и трехъ министровъ, — премьера, внутреннихъ дѣлъ и финансовъ. Этимъ актомъ министерства должны были свестись на простыя исполнительныя канцеляріи, причемъ предполагалось сильно сократить ихъ штаты.

Все это время я со своимъ штабомъ былъ занятъ разработкой и подготовкой новой операціи, причемъ сосредоточеніе и выполненіе ея было намѣчено на середину декабря.

Чтобы легче парализовать политическія интриги генерала Пепеляева и его ближайшихъ помощниковъ, былъ заготовленъ приказъ о превращеніи 1-й Сибирской арміи въ неотдѣльный корпусъ со включеніемъ его во 2-ю армію генерала Войцеховскаго.

Придя къ этимъ рѣшеніямъ и начавъ ихъ осуществленіе, Верховный Правитель отдалъ приказаніе перемѣстить его эшелоны и мой штабъ въ Красноярскъ.

7.

8 декабря вечеромъ поѣздъ моего штаба послѣ долгихъ задержекъ пришелъ на станцію Тайга, гдѣ съ утра уже находились всѣ пять литерныхъ эшелона Верховнаго Правителя. У семафора стоялъ броневой поѣздъ 1-й Сибирской арміи, къ самой станціи была стянута егерская бригада этой же арміи, личный конвой генерала Пепеляева, и одна батарея. Въ вагонѣ адмирала находились цѣлый день оба брата Пепеляевы,

— генералъ пріѣхавшій изъ Томска, и премьеръ-министръ — изъ Иркутска.

Когда я пришелъ къ Верховному Правителю съ докладомъ всѣхъ подготовленныхъ распоряженій по выполненію принятаго плана, то нашелъ его крайне подавленнымъ. Пепеляевы сидѣли за столомъ по сторонамъ адмирала. Это были два крѣпко сшитыхъ, но плохо скроенныхъ, плотныхъ сибиряка; лица у обоихъ выражали смущеніе, глаза опущены внизъ, — сразу почувствовалось, что передъ моимъ приходомъ велись какіе-то непріятные разговоры. Поздоровавшись, я попросилъ адмирала разрѣшеніе сдѣлать докладъ безъ постороннихъ; Пепеляевы насупились еще больше, но сразу же ушли. Верховный Правитель внимательно, какъ всегда, выслушалъ докладъ о всѣхъ принятыхъ мѣрахъ и началъ подписывать заготовленные приказы и телеграммы; послѣднимъ былъ приказъ реорганизаціи 1-й Сибирской арміи въ неотдѣльный корпусъ.

Адмиралъ поморщился и началъ уговаривать меня отложить эту мѣру, такъ какъ она можетъ-де вызвать большое неудовольствіе, даже волненія, а то и открытое выступленіе.

— «Вотъ,» добавилъ онъ, — «и то мнѣ Пепеляевы ужъ говорили, что Сибирская армія въ сильнѣйшей ажитаціи и они не могутъ гарантировать, что меня и Васъ не арестуютъ.»

— «Какая же это армія и какой же это командующій генералъ, если онъ могъ дойти до мысли говорить даже такъ и допустилъ до такого состоянія свою армію. Тѣмъ болѣе необходимо сократить его. И лучшій путь превратить въ неотдѣльный корпусъ и подчинить Войцеховскому.»

Верховный Правитель не соглашался. Тогда я поставилъ вопросъ иначе и спросилъ, находитъ ли онъ возможнымъ такъ ограничивать права главнокомандующаго, не лишаетъ ли онъ этимъ меня возможности осуществить тотъ планъ, который мною составленъ, а адмираломъ одобренъ.

— «А я не могу допустить генерала, который, хотя и въ скрытой формѣ, но грозитъ арестомъ Верховному Правителю и главнокомандующему, который развратилъ ввѣренныя ему войска,» докладывалъ я: «иначе я не могу оставаться главнокомандующимъ.» Все это сильно меня переволновало, что очевидно было очень замѣтно, такъ какъ адмиралъ Колчакъ сталъ очень мягко уговаривать пойти на компромиссъ; здѣсь онъ, между прочимъ, сказалъ, что оба Пепеляева и такъ уже выставляли ему требованіе смѣнить меня, а назначить главнокомандующимъ опять генерала Дитерихса.

Я считалъ совершенно ненормальнымъ и вреднымъ подобное положеніе и доложилъ окончательно, что компромисса быть не можетъ.

— «Хорошо,» согласился адмиралъ, — «только я предварительно утвержденія этого приказа хочу обсудить его съ Пепеляевыми. Это мое условіе.»

Черезъ нѣсколько минутъ оба брата были позваны адъютантомъ, и двѣ массивныя фигуры вошли, тяжело ступая, въ салонъ-вагонъ.

Приказъ о переформированіи 1-й Сибирской арміи въ неотдѣльный корпусъ произвелъ ошеломляющее впечатлѣніе. Сначала Пепеляевы, видимо, растерялись, но затѣмъ генералъ оправился и заговорилъ повышеннымъ, срывающимся въ тонкій крикъ, голосомъ:

— «Это невозможно, моя армія этого не допуститъ. . .»

— «Позвольте,» перебилъ я, — «какая же это, съ позволенія сказать, армія, если она способна подумать о неисполненіи приказа. То Вы докладывали, что Ваша армія взбунтуется, если ее заставятъ драться подъ Омскомъ, теперь — новое дѣло.»

— «Думайте, что говорите, генералъ Пепеляевъ,» обратился къ нему рѣзкимъ тономъ, перебивъ меня, адмиралъ. — «Я призвалъ Васъ, чтобы объявить этотъ приказъ и заранѣе устранить все недоговоренное, — главнокомандующій считаетъ, что эта перемѣна вызывается жизненными требованіями, необходима для успѣха плана и безъ этого не можетъ нести отвѣтственности. Я нахожу, что онъ правъ.»

Министръ Пепеляевъ сидѣлъ, навалившись своей тучной фигурой на столъ, насупившись, тяжело дышалъ, съ легкимъ даже сопѣньемъ, и нервно перебиралъ короткими пальцами пухлыхъ рукъ. Сквозь стекла очковъ просвѣчивали его мутные маленькіе глаза, безъ яркаго блеска, безъ выраженія ясной мысли; за этой мутью чувствовалось, что глубоко въ мозгу сидитъ какая-то задняя мысль, — засѣла такъ, что ее не вышибить ничѣмъ, — ни доводами, ни логикой, ни самой силой жизни. Послѣ нѣкотораго молчанія, министръ Пепеляевъ началъ говорить, медленно и тягуче, словно тяжело ворочая языкомъ. Сущность его запутанной рѣчи сводилась къ тому, что онъ считаетъ совершенно недопустимымъ такое отношеніе къ 1-й Сибирской арміи, что и такъ слишкомъ много забралъ власти главнокомандующій, что общественность вся недовольна за ея гоненіе. . . .

— «Такъ точно,» пробасилъ А. Пепеляевъ, генералъ, — «и моя армія считаетъ, что главникомандующій идетъ противъ общественности и преслѣдуетъ ее. . . .»

— «Что Вы подразумѣваете подъ общественностью?» спросилъ я его.

— «Ну вотъ, хотя бы земство, кооперативы, Закупсбытъ, Центросоюзъ, да и другіе.»

— «То есть Вы хототе сказать — эсъ-эровскія организаціи. Да, я считаю ихъ вредными, врагами русскаго дѣла.»

— «Позвольте, это подлежитъ вѣдѣнію министра внутреннихъ дѣлъ,» обратился ко мнѣ, глядя поверхъ очковъ, министръ. — «Разрѣшите, Ваше Высокопревосходительство, снова выразить мнѣ,» заговорилъ онъ, грузно повернувшись на стулѣ къ Верховному Правителю: «то, что уже докладывалъ: вся общественность требуетъ ухода съ поста генерала Сахарова и замѣны его снова генераломъ Дитерихсомъ, а я, какъ Вашъ министръ-предсѣдатель, поддерживаю это. . .'

— «Что Вы скажете на это?» тихо спросилъ меня адмиралъ.

Я отвѣтилъ, что не могу позволить, чтобы кто-либо, даже премьеръ-министръ, вмѣшивался въ дѣла арміи, что не допустима сама мысль о какихъ-либо давленіяхъ со стороны такъ называемой общественности; вопросъ же назначенія главнокомандующаго — дѣло исключительно Верховнаго Правителя, его выбора и довѣрія.

— «Тогда, Ваше Высокопревосходительство, освободите меня отъ обязанности министра предсѣдателя. Я не могу оставаться при этихъ условіяхъ,» тяжело, съ разстановкой, но рѣзко проговорилъ старшій Пепеляевъ.

Верховный Правитель вспыхнулъ. Готова была произойти одна изъ тѣхъ гнѣвныхъ сценъ, когда голосъ его гремѣлъ, усиливаясь до крика, и раздраженіе переходило границы; въ такія минуты министры его не знали, куда дѣваться, и дѣлались маленькими, маленькими, какъ провинившіеся школьники. Но черезъ мгновеніе адмиралъ переборолъ себя. Лицо потемнѣло, потухли глаза, и онъ устало опустился на спинку дивана.

Прошло нѣсколько минутъ тягостнаго молчанія, послѣ котораго Верховный Правитель отпустилъ насъ всѣхъ.

— «Идите, господа,» сказалъ онъ утомленнымъ и тихимъ голосомъ, — «я подумаю и приму рѣшеніе. Ваше Превосходительство,» обратился онъ, нѣкоторой даже лаской смягчивъ голосъ, — «этотъ приказъ подождите отдавать, о переформированіи 1-й Сибирской арміи, а остальные можно выпустить.»

Черезъ нѣсколько часовъ было получено извѣстіе о вооруженномъ выступленіи частей Сибирской арміи въ Новониколаевскѣ. Тамъ собралось губернское земское собраніе фабрикаціи періода керенщины, состоявшее поэтому тоже изъ эсъэровъ; вызвали они полковника Ивакина и совмѣстно съ нимъ выпустили воззваніе о переходѣ полноты всей государственной власти къ земству и о необходимости кончить гражданскую войну.

Ивакинъ, не объяснивъ дѣла полкамъ, вывелъ ихъ на улицу и отправился на вокзалъ арестовывать командующаго

2-й арміей генерала Войцеховскаго. Оцѣпили его поѣздъ и готовились произвести самый арестъ, но въ это время къ станціи подошелъ, узнавши о безпорядкахъ, полкъ 5-й польской дивизіи подъ командой ея начальника полковника Румши и предъявилъ требованіе прекратить эту авантюру, подъ угрозой открытія огня. Тогда Ивакинъ положилъ оружіе, сдался. Офицеры и солдаты его полковъ, какъ оказалось, дѣйствительно не знали, на какое дѣло ихъ ведетъ Ивакинъ; большинство изъ нихъ думало, что онъ дѣйствуетъ по приказу Верховнаго Правителя. Полковникъ Ивакинъ былъ арестованъ и преданъ военно-полевому суду.

На станціи Тайга шли почти всю ночь переговоры изъ за этого инцидента. Генераломъ Пепеляевымъ была выдвинута снова угроза бунта его арміи, если Ивакинъ не будетъ освобожденъ, причемъ весь этотъ Новониколаевскій случай выставлялся имъ, какъ самочинное дѣйствіе войскъ. Черезъ день полковникъ Ивакинъ пытался бѣжать изъ подъ караула и былъ убитъ часовымъ. — Ни одна часть 1-й Сибирской арміи и не подумала выступать.

Адмиралъ Колчакъ обратился по прямому проводу къ генералу Дитерихсу съ предложеніемъ снова принять постъ главнокомандующаго. Ночью же Верховный Правитель передалъ мнѣ, что Дитерихсъ поставилъ какія-то невозможныя условія, почему онъ не находитъ допустимымъ далнѣйшіе разговоры съ нимъ.

Затѣмъ той же ночью эшелоны Верховнаго Правителя были переведены на слѣдующую станцію, чтобы не загромождать, какъ было сказано, путей станціи Тайга. На утро былъ назначенъ отходъ и моего поѣзда.

9-го декабря (по старому стилю 26 ноября), какъ разъ въ праздникъ ордена св. Великомученика Георгія, который Императорская Россія привыкла такъ чтить и отмѣчать въ этотъ день славу своей арміи, я былъ арестованъ Пепеляевыми на станціи Тайга. Дѣло произошло такъ. Утромъ я приказалъ двигать поѣздъ на слѣдующую станцію, чтобъ тамъ выяснить окончательно всѣ вопросы, потому что оставлять дальше армію въ такомъ неопредѣленномъ состояніи было бы преступно. Мнѣ доложили, что разчищаютъ пути, отчего и произошла задержка, но что въ 9 часовъ поѣздъ отправится. Вмѣсто этого около 9 часовъ утра ко мнѣ въ вагонъ вошелъ мой адьютантъ поручикъ Юхновскій и доложилъ, что генералъ Пепелявъ проситъ разрѣшенія придти ко мнѣ. Я передалъ, что буду ожидать 15 минутъ.

А черезъ десять минутъ были приведены егеря 1-й Сибирской арміи, и мой поѣздъ оказался окруженнымъ густой цѣпью Пепеляевскихъ солдатъ съ пулеметами, полкъ стоялъ въ ре-

зервѣ у станціи, тамъ же выкатили на позицію батарею. Егеря моего конвоя и казаки, которыхъ всѣхъ вмѣстѣ въ поѣздѣ было около полутораста человѣкъ, приготовились встрѣтить Пепеляевцевъ ручными гранатами и огнемъ, но комендантъ поѣзда лично предупредилъ новое кровопролитіе, которое было бы очень тяжело по своимъ послѣдствіямъ для арміи и сыграло бы только на руку врагамъ Россіи.

Въ вагонъ, гдѣ я находился, вошли три ближайшихъ къ Пепеляеву офицера, всклокоченныя фигуры, такъ похожія на героевъ февральской революціи, съ вытащенными револьверами, и одинъ изъ нихъ, насколько помню, полковникъ Ждановъ, заявилъ, что по приказанію премьеръ-министра Пепеляева я арестованъ.

— «Прежде всего потрудитесь спрятать револьверы, такъ какъ ни бѣжать, ни вести съ Вами боя я не собираюсь.»

Пепеляевскіе офицеры выполнили приказаніе, молча и нѣсколько удивленно переглядываясь между собою.

— «А теперь я самъ пойду разговаривать съ премьеръ-министромъ въ сопровожденіи моего помощника генерала Иванова-Ринова и адъютанта. Вы можете также идти, если хотите, сзади.»

Когда я вышелъ изъ вагона, чтобы объясниться съ министромъ, и проходилъ мимо оригинальной воинской охраны, арестовывавшей своего главнокомандующаго, то всѣ солдаты и офицеры вытягивались и брали подъ козырекъ. Отмѣчаю этотъ фактъ, какъ доказывающій, что воинскія части здѣсь были просто игрушкой въ рукахъ политиканствующихъ генерала и его брата-министра, а послѣдніе выполняли волю скрытаго центра. Для меня было ясно уже и тогда, что я арестованъ по приказу эсъ-эровъ.

Оба брата Пепеляевы сидѣли мрачно въ грязномъ салонъ-вагонѣ командующаго 1-й Сибирской арміей, на столѣ, безъ скатерти, валялись окурки, былъ розлитъ чай, разсыпаны огрызки хлѣба и ветчины; генералъ сидѣлъ, развалясь, безъ пояса, въ рубахѣ съ разстегнутымъ воротомъ, и также съ взлохмаченной шевелюрой. И грязь и небрежность въ одеждѣ и позѣ, — все было декораціей для большей демократичности.

Объясненіе носило полукомическій характеръ. Министръ заявилъ мнѣ, что для блага дѣла онъ рѣшилъ меня арестовать, чтобы отдѣлить отъ Верховнаго Правителя, — «за то, что Вы имѣете на него большое вліяніе», — докончилъ онъ; братъ его, командующій арміей, откровенно признался, что я виноватъ въ оскорбленіи 1-й Сибирской арміи, которую считалъ хуже другихъ.

— «А кромѣ того, Ваше Превосходительство, Вы хорошій и храбрый генералъ, это всѣ признаютъ, но Вы стоите за ста-

рый режимъ и . . . очень строгій. Намъ такого не надо,» добавилъ этотъ парень-генералъ.

— «Кому это намъ?»

— «Да вотъ офицерамъ. . . . А впрочемъ больше толковать нечего,» грубо басилъ онъ дальше, — «арестъ уже сдѣланъ.»

— «Да. Сила на Вашей сторонѣ, но Вы поймите, что Вы совершаете преступленіе, арестовывая главнокомандующаго, оставляя армію безъ управленія.»

— «Вы уже не главнокомандующій. Адмиралъ согласился просить еще разъ генерала Дитерихса, а временно пріѣдетъ и вступитъ въ должность генералъ Каппель.»

Сначала Пепеляевы хотѣли везти меня въ Томскъ, въ свою штабъ-квартиру, но потомъ оставили на ст. Тайга, подъ самымъ строгимъ наблюденіемъ, которое продолжалось до самаго пріѣзда генерала Каппеля, до вечера слѣдующаго дня.

Для него все происшедшее явилось полной неожиданностью. Каппель началъ сейчасъ же переговоры съ Пепеляевыми, затѣмъ по прямому проводу съ Верховнымъ Правителемъ, прилагая всѣ усилія, чтобы разъяснить запутавшееся положеніе. Первая просьба генерала Каппеля къ адмиралу Колчаку была — оставить все безъ ломки, по прежнему: меня главнокомандующимъ, а ему вернуться на свой постъ въ 3-ю армію. Я просилъ настойчиво и опредѣленно вернуть меня на чисто строевую должность къ моимъ войскамъ, также въ 3-ю армію. Адмиралъ въ это время былъ уже въ Красноярскѣ, откуда, за разстояніемъ, всѣ переговоры сильно затруднялись и заняли нѣсколько дней. А въ это время — армія оставалась безъ управленія, у заговорщиковъ оказались развязанными руки, и эсъ-эровскій планъ взрыва въ тылу, сорванный было нами во-время, сталъ снова проводиться ими въ жизнь.

Какъ скоро стало извѣстно, Верховный Правитель пошелъ на уступки братьямъ Пепеляевымъ и обратился къ генералу Дитерихсу съ предложеніемъ вступить снова въ главнокомандованіе Восточнымъ фронтомъ; и получилъ отвѣтъ по прямому проводу, — что Дитерихсъ согласенъ на одномъ только условіи, чтобы адмиралъ Колчакъ выѣхалъ немедленно изъ предѣловъ Сибири за-границу. Это вызвало страшное возмущеніе адмирала, да и Пепеляевы, сконфуженные такимъ афронтомъ, болѣе не настаивали.

Но начатая ими по скрытой указкѣ соціалистовъ-революціонеровъ гнусная интрига стала разворачиваться съ быстротою и силой, остановить которыя было уже невозможно.

Въ Красноярскѣ стоялъ 1-й Сибирскій Корпусъ подъ командой генерала Зиневича, который все время дѣйствовалъ по директивамъ и приказамъ своего командующаго, генерала А. Пепеляева. Зиневичъ, выждавъ время, когда пять литерныхъ

поѣздовъ адмирала проѣхали на востокъ, за Красноярскъ, оторвались отъ дѣйствующей арміи, произвелъ предательское выступленіе. Онъ послалъ, какъ это повелось у соціалистовъ съ первыхъ дней несчастія русскаго народа — революціи, — «всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ . . .» телеграмму съ явнымъ вызовомъ; тамъ Зиневичь писалъ, что онъ, самъ сынъ «рабочаго и крестьянина» (тогда это осталось не выясненнымъ, какъ этотъ почтенный дѣятель могъ быть одновременно сыномъ двухъ папашъ), «понялъ, что адмиралъ Колчакъ и его правительство идутъ путемъ контръ-революціи и черной реакціи». Поэтому Зиневичъ обращается къ «гражданской совѣсти» адмирала Колчака, «убѣждаетъ его отказаться отъ власти и передать ее народнымъ избранникамъ — членамъ учредительнаго собранія и самоуправленій городскихъ и земскихъ» (новаго послѣреволюціоннаго выбора, т. е. тѣмъ же эсъ-эрамъ). Въ подкрѣпленіе своего убѣжденія генералъ Зиневичъ заявилъ, въ той же прокламаціи, что онъ отнынѣ порываетъ присягу и болѣе не подчиняется Верховному Правителю. Этой измѣной командира корпуса, генерала Зиневича, Верховный Правитель совершенно отрывался отъ арміи, былъ лишенъ возможности опереться на нее и оказывался почти беззащитнымъ среди всѣхъ враждебныхъ силъ. Съ другой стороны и дѣйствующая армія ставилась Красноярскимъ мятежемъ въ невозможно тяжелое положенія, теряя связь съ базой и всѣми органами снабженія.

Что это было, — безконечная ли глупость съ позывомъ къ бонапартизму или предательство, продажное дѣйство. Видимо и то, и другое понемногу, — у Пепеляева бонапартизмъ, у Зиневича глупость, смѣшанная съ предательствомъ. Вскорѣ обнаружилось, что за спиной Зиневича стояла шайка соціалистовъ-революціонеровъ съ Колосовымъ во главѣ.

8.

Предательство, подготовленное эсъ-эрами, этимъ отребьемъ человѣческаго рода, созрѣло, іудино дѣло было совершено.

Въ двадцатыхъ числахъ декабря наша героическая армія готовилась дать генеральное сраженіе силамъ красныхъ чтобы остановить ихъ наступленіе, прикрыть Центральную и Восточную Сибирь и получить возможность тамъ за зиму провести всѣ кардинальныя перемѣны и подготовку для новой борьбы.

Въ условіяхъ суровой зимы двигались наши войска дѣлая перегруппировки, чтобы образовать ударныя группы и совершить маршъ-маневры съ обходомъ обоихъ фланговъ насѣдавшихъ большевиковъ.

Сѣверная группа должна была произвести ударъ, примѣрно, изъ раіона Томскъ-Маріинскъ, главная масса для нее

предназначалась 1-я Сибирская армія генерала Пепеляева, части которой должны были сосредоточиться изъ Красноярска и Томска. Но вмѣсто этого самъ Пепеляевъ и его ближайшіе помощники теперь уже всецѣло отдались въ руки соціалистовъ-революціонеровъ. Въ Красноярскѣ, благодаря выступленію генерала Зиневича, началось броженіе. А отсюда разложеніе перекинулось въ Томскъ, главную квартиру 1-й Сибирской арміи.

Гнѣзда въ тылу, гдѣ зараза тлѣла мѣсяцами, скрываясь подъ личиной покорности и даже содружества на общей почвѣ ненависти къ большевикамъ, зашевелились во всю; вылѣзли изъ подполья эсъ-эры и меньшевики, всюду устраивали открытыя собранія, объявляли о переходѣ власти снова «въ руки народа». Очевидно подразумѣвалось — «избраннаго» народа, такъ какъ и теперь среди соціалистовъ подавляющій процентъ были іудеи, а остальные послушные прислужники ихъ.

Чехи, эти полки разъѣвшихся вооруженныхъ до зубовъ тунеядцевъ, подавляли въ тылу своей численностью, и они отдали свои штыки въ распоряженіе и на поддержку соціалистовъ; боевая армія находилась далеко, да и была занята своимъ дѣломъ, держала боевой фронтъ и все время вела оборонительные бои, чтобы дать возможность вытянуть на востокъ всѣ эшелоны. Въ тылу же не было силъ, чтобы справиться съ чехами, такъ какъ главная часть находившихся тамъ русскихъ войскъ, выведенныя въ глубокій резервъ части арміи генерала Пепеляева, были вовлечены, противъ ихъ желанія, въ гнусное дѣло политическаго и военнаго предательства.

Чтобы поколебать ихъ ряды, кромѣ выступленій въ Новониколаевскѣ и на станціи Тайга, былъ брошенъ испытанный уже въ 1917 году Ленинымъ и Бронштейномъ кличъ: «Довольно войны!» Этотъ кличъ, какъ по командѣ, раздался изъ соціалистическаго лагеря одновременно во Владивостокѣ, Иркутскѣ, Красноярскѣ и Томскѣ. Вотъ гдѣ былъ истинно поцѣлуй Іуды: соціалисты, зажегшіе пожаръ гражданской войны, кричали теперь объ ужасахъ ея, о моряхъ братской крови, о необходимости немедленнаго прекращенія; кричали для того, чтобы предать бѣлую армію, а съ нею и всю Россію на новое, долгое и безконечное мученіе, на новое крестное распятіе.

Тылъ забурлилъ. Наполненный до насыщенія разнузданными и развращенными чехо-словацкими «легіонерами», сбитый съ толку преступной пропагандой соціалистовъ, неполучающій, — вслѣдствіи разрухи министерскихъ аппаратовъ, правильнаго освѣщенія событій, — тылъ считалъ, что все дѣло борьбы противъ красныхъ потеряно, пропало; это впечатлѣніе усиливалось еще и тѣмъ, какъ поспѣшно неслись на востокъ въ своихъ отличныхъ поѣздахъ «иностранцы-союзники». И англійскій генералъ Ноксъ со своимъ большимъ штатомъ офицеровъ, и преда-

тель Жанэнъ, глава французской миссіи, главнокомандующій русскими военноплѣнными, американцы, и разныхъ странъ, націй и нарѣчій высокіе комиссары при Россійскомъ правительствѣ, желѣзнодорожныя и другія комиссіи, — все рвалось на востокъ, къ Тихому океану.

Ихъ поѣзда проскакивали черезъ массу чехо-словацкаго воинства, которое ползло туда же, на востокъ, руководимое однимъ животнымъ желаніемъ: спасти отъ опасности свои разжирѣвшія отъ сытаго бездѣлья тѣла и вывезти награбленное въ Россіи добро!

Но и всего этого оказалось мало. Это было лишь начало выполненія проводимаго соціалистами плана; руководителямъ интернаціонала нужно было покончить съ бѣлой арміей и ея вождемъ, Верховнымъ Правителемъ.

Когда пять литерныхъ эшелоновъ, одинъ изъ которыхъ былъ полонъ золотомъ, подошли къ Нижнеудинску, они оказались окруженными чешскими ротами и пулеметами. Небольшой конвой адмирала приготовился къ бою. Но Верховный Правитель запретилъ предпринимать что-либо до окончанія переговоровъ. Онъ хотѣлъ лично говорить съ французскимъ генераломъ Жанэномъ.

Напрасно добивались этого рыцаря современной Франціи къ прямому проводу весь вечеръ и всю ночь; ему было некогда, онъ стремился изъ Иркутска дальше на востокъ. Но, безъ сомнѣнія, причина этого наглаго отказа была другая: всѣ эти радѣтели русскаго счастья считали теперь свою роль оконченной, игру доведенной до конца; они, тайно поддерживавшіе все время соціалистовъ, теперь вошли съ ними въ самое тѣсное содружество и помогали имъ уже въ открытую, чтобы разыграть послѣдній актъ драмы — предательство арміи и ея вождя.

Представитель Великобританіи, генералъ Ноксъ со своими помощниками былъ уже въ это время во Владивостокѣ. Жанэнъ спѣшилъ за нимъ и, разсыпаясь въ учтивостяхъ, послалъ рядъ телеграммъ, что онъ умоляетъ адмирала Колчака, — для его же благополучія, — подчиниться неизбѣжности и отдаться подъ охрану чеховъ; иначе онъ, Жанэнъ, ни за что не отвѣчаетъ. Какъ послѣдній аргументъ, въ телеграммѣ Жанэна была приведена тонкая и лживая мысль-обѣщаніе: адмиралъ Колчакъ будетъ охраняться чехами подъ гарантіей пяти великихъ державъ. Въ знакъ чего на окна вагона, — единственнаго, куда былъ переведенъ адмиралъ съ его ближайшей свитой, — Жанэнъ приказалъ навѣсить флаги, великобританскій, японскій, американскій, чешскій (?!) и французскій.

Конвой Верховнаго Правителя былъ распущенъ. Охрану несли теперь чехи. Но, понятно, это была не почетная охрана вождя, а унизительный караулъ плѣнника.

Боевая армія находилась теперь еще дальше, корпуса ея только были направлены къ занятому мятежниками Красноярску, никакихъ опредѣленныхъ извѣстій о томъ, въ какомъ состояніи армія, какихъ она силъ, что дѣлаетъ — не было; кажется, руководители тылового интернаціонала, представители Антанты и заправилы-соціалисты, считали, что арміи уже не существуетъ.

Въ тылу, въ Иркутскѣ и Владивостокѣ, эсъ-эры, вновь выползшіе теперь изъ подполья, какъ крысы изъ норъ, захватили власть въ свои руки.

Только въ Забайкальѣ была сохранена русская національная сила. Но когда атаманъ Семеновъ двинулъ свои части на западъ, чтобы занять Иркутскъ и выгнать оттуда захватчиковъ власти — эсъ-эровъ (среди которыхъ опять три четверти были изъ племени обрѣзанныхъ), то въ тылъ русскимъ войскамъ выступили чехо-словаки, поддержанные 30-мъ американскимъ полкомъ, и разоружили Семеновскіе отряды. Вслѣдствіи этого, части Иркутскаго гарнизона, оставшіеся вѣрными до конца, не могли одни справиться съ чехами и большевиками; подъ командой генерала Сычева они отступили въ Забайкалье, когда выяснилось, что оттуда помощь придти не можетъ.

Поѣздъ съ вагономъ адмирала Колчака и золотой эшелонъ медленно подвигались на востокъ. На станціи Черемхово, гдѣ большія каменно-угольныя копи, была сдѣлана первая попытка овладѣть обѣими этими цѣнностями. Чешскому коменданту удалось уладить инцидентъ, пойдя на компромиссъ и допустивъ къ участію въ охранѣ красную армію изъ рабочихъ.

Когда подъѣзжали къ Иркутску, тотъ же чешскій комендантъ предупредилъ нѣкоторыхъ офицеровъ изъ свиты адмирала, чтобъ они уходили, такъ какъ дѣло безнадежно. По словамъ сопровождавшихъ адмирала лицъ, чувствовалось, что нависло что-то страшное, молчаливое и темное, какъ гнусное преступленіе. Верховный Правитель, увидавъ на путяхъ японскій эшелонъ, послалъ туда съ запиской своего адьютанта старшаго лейтенанта Трубчанинова, но чехи задержали его и вернули въ вагонъ.

Японцы не предпринимали ничего, такъ какъ вѣрили, — это я слышалъ спустя полгода въ Японіи, — заявленію французскаго генерала Жанэна, что охрана чеховъ надежная, и адмиралъ Колчакъ будетъ въ безопасности вывезенъ на востокъ.

Поѣздъ съ адмираломъ былъ поставленъ въ Иркутскѣ на задній тупикъ, и въ вагонъ къ Верховному Правителю вошелъ чехъ-комендантъ:

— «Приготовьтесь. Сейчасъ Вы, г-нъ Адмиралъ, будете переданы мѣстнымъ русскимъ властямъ,» отрапортовалъ онъ.

— «Почему?»

— «Мѣстныя русскія власти ставятъ выдачу Васъ условіемъ пропуска всѣхъ чешскихъ эшелоновъ за Иркутскъ. Я получилъ приказъ отъ нашего главнокомандующаго генерала Сыровего.»

— «Но какъ-же, мнѣ генералъ Жанэнъ гарантировалъ безопасность. А эти флаги?!» показалъ адмиралъ Колчакъ на молча и убого висѣвшіе флаги — великобританскій, японскій, американскій, чешскій и французскій.

Чехъ-комендантъ потупилъ глаза и молча въ отвѣтъ развелъ руками.

— «Значитъ, союзники меня предали!» вырвалось у адмирала.

Черезъ минуту въ вагонъ вошли представители соціалистической думы Иркутска, въ сопровожденіи конвоя изъ своихъ революціонныхъ войскъ.

Верховный Правитель былъ имъ переданъ чехами; въ сопровожденіи нѣсколькихъ адъютантовъ, адмирала Колчака повели пѣшкомъ черезъ Ангару въ городскую тюрьму. Съ нимъ же вели туда и премьеръ-министра В. Пепеляева, который такъ все время ратовалъ за эту общественность и своими руками рубилъ дерево, на которомъ сидѣлъ.

Узнавъ объ арестѣ Верховнаго Правителя, правильнѣе, — о предательствѣ, японское командованіе, располагавшее въ Иркутскѣ всего лишь нѣсколькими ротами, обратилось съ протестомъ и предъявило требованіе объ освобожденіи адмирала Колчака. Но ихъ голосъ остался одинокимъ, — ни Великобританія, ни Соединенные Штаты, ни Италія ихъ не поддержали; силы японцевъ здѣсь были слишкомъ малы, и они, не получивъ удовлетворенія, ушли изъ Иркутска.

Соціалистическая дума города Иркутска, торжественно объявила, что она беретъ на себя всю, полноту государственной Россійской власти и назначаетъ чрезвычайную слѣдственную комиссію для разслѣдованія преступленій Верховнаго Правителя адмирала Колчака и его премьеръ-министра В. Пепеляева, виновныхъ «въ преслѣдованіи демократіи и въ потокахъ пролитой крови».

Въ то же время, опасаясь русской арміи, эта кучка инородцевъ — интернаціоналистовъ, начала спѣшно фабриковать свою революціонную армію. Во главѣ былъ поставленъ штабсъ-капитанъ Калашниковъ, партійный эсъ-эръ, бывшій долго въ штабѣ Сибирской арміи Гайды. Товарищъ Калашниковъ поспѣшилъ отдать рядъ громкихъ приказовъ объ отмѣнѣ погонъ, титулованія, о введеніи обращенія «гражданинъ полковникъ, гражданинъ капитанъ . . .» и началъ собирать силы, чтобы ударить съ востока по нашей боевой арміи.

9.

Отъ задуманнаго плана дать большевицкой арміи генеральное сраженіе на линіи Томскъ-Тайга пришлось отказаться, такъ какъ 1-я Сибирская армія Пепеляева почти цѣликомъ снималась со счета. Части ея находившіяся въ Томскѣ, теперь съ приближеніемъ красныхъ выступили противъ бѣлыхъ въ открытую по приказу своихъ новыхъ вождей съ лозунгомъ: «Долой междоусобную войну!» Новыми вождями явились тѣ же подпольные комитеты эсъ-эровъ съ присоединившимися къ нимъ старшими офицерами сорта А. Пепеляева, генерала Зиневича, полковника Ивакина. Строевое офицерство и солдаты въ большинствѣ были обмануты и шли за новымъ лозунгомъ, потому что не видѣли другого выхода. Но тѣ части 1-й Сибирской арміи, которыя присоединились къ боевому фронту, вошли въ него въ раіонѣ Барнаулъ-Новониколаевскъ, остались до конца вѣрными долгу.

Когда фронтъ нашей арміи приблизился къ Томску, то тамъ произошло вооруженное выступленіе частей 1-й Сибирской арміи съ арестомъ и убійствомъ лучшихъ офицеровъ, съ передачей на сторону красныхъ. Самъ командармъ (какъ его называли) Пепеляевъ принужденъ былъ одиночнымъ порядкомъ въ троечныхъ саняхъ скрытно пробираться изъ Томска на востокъ.

Въ то же время въ Красноярскѣ его достойный помощникъ, командиръ 1-го Сибирскаго корпуса генералъ Зиневичъ все атаковалъ по прямому проводу штабъ главнокомандующаго, добиваясь опредѣленнаго отвѣта, какого курса будетъ держаться армія и согласна ли она подчиниться новой власти, присоединиться къ нимъ для прекращенія войны. Подъ конецъ Зиневичъ въ компаніи со своимъ политическимъ руководителемъ эсъ-эромъ Колоссовымъ взяли угрожающій тонъ, заявляя, что, если бѣлая армія не присоединится къ нимъ, то весь Красноярскій гарнизонъ выступитъ противъ нее съ оружіемъ въ рукахъ и не пропуститъ на востокъ.

Прямого отвѣта Зиневичу не давали, чтобы выиграть время. Въ то же время спѣшно стягивали къ Красноярску части 2-й и 3-й армій, имѣя цѣлью съ боемъ занять городъ и разсѣять бунтовщиковъ. Части наши двигались ускоренными маршами черезъ первую густую тайгу Сибири, по непролазнымъ, глубокимъ снѣгамъ, совершая труднѣйшіе въ военной исторіи марши, теряя много конскаго состава и оставляя ежедневно часть обоза и артиллеріи. Отъ какой-либо обороны и задержки большевицкой красной арміи, наступавшей съ запада по пятамъ за нами, пришлось отказаться совершенно. Необходимо было спѣшить во-всю къ Красноярску: тамъ силы бунтовщиковъ

увеличивались съ каждымъ днемъ; были получены свѣдѣнія, что и Щетинкинъ съ одиннадцатью полками спускается внизъ по Енисею изъ Минусинска, на поддержку Зиневичу.

Въ это время генералъ Зиневичъ началъ уже переговоры съ большевицкой красной арміей, черезъ голову боевого фронта, использовавъ одинъ неиспорченный желѣзнодорожный проводъ. Зиневичъ велъ переговоръ съ командиромъ бригады 35-й совѣтской дивизіи Грязновымъ, предлагая послѣднему свою помощь противъ бѣлой арміи. Большевикъ, какъ и всегда, оказался цѣльнѣе эсъ-эра; всякое сотрудничество онъ отвергъ и потребовалъ сдачи оружія при подходѣ совѣтской арміи къ Красноярску. Тогда генералъ Зиневичъ сталъ выговаривать «почетныя» условія сдачи.

Особенно трудно было двигаться 3-й арміи, которая имѣла районъ къ югу отъ желѣзнодорожной магистрали съ крайне скудными дорогами, по мѣстности гористой и сплошь заросшей дѣвственной тайгой. По той же причинѣ была потеряна связь со штабомъ 3-й арміи.

Штабъ главнокомандующаго выжидалъ приближенія корпусовъ въ своемъ эшелонѣ, медленно продвигаясь на востокъ, простаивая по нѣсколько сутокъ на каждой большой станціи. Въ Ачинскѣ на второй день нашего пребыванія, около полудня, какъ разъ, когда къ вокзалу подошелъ поѣздъ одной изъ частей 1-й Сибирской арміи, раздался около штабного эшелона оглушительный взрывъ.

Былъ ясный морозный день. Солнце бросало съ нѣжно-голубого холоднаго неба свой золотой свѣтъ, какъ гордую улыбку — безъ тепла. Морозъ доходилъ до остервенѣнія. По обѣ стороны яркаго солнца стояли два радужныхъ столба, поднимаясь высоко въ небо и растворяясь тамъ въ вѣчномъ эфирѣ.

Я вернулся изъ городка Ачинска, куда ѣздилъ купить кошеву для предстоящаго похода-присоединенія къ 3-й арміи. Только вошелъ въ свой вагонъ, не успѣлъ еще снять полушубокъ, какъ раздался страшный по силѣ звука ударъ. Задрожалъ и закачался вагонъ, изъ оконъ посыпались разбитыя стекла.

Схвативъ винтовку, которая всегда висѣла надъ моей койкой, я выбѣжалъ изъ вагона. На платформѣ у вокзала было смятеніе. Ничкомъ лежало нѣсколько убитыхъ, и ихъ теплыя тѣла еще содрогались послѣдними конвульсіями. Бѣжали женщины съ окровавленными лицами и руками; солдаты пронесли раненаго, въ которомъ я узналъ моего кучера, только-что вернувшагося со мной. Въ серединѣ штабного эшелона горѣли вагоны, бросая вверхъ огромные, жадные языки ярко-краснаго пламени.

Кровь и огонь... Вотъ провелъ офицеръ маленькаго прелестнаго ребенка съ залитымъ кровью личикомъ и огром-

ными глазами съ застывшимъ въ нихъ выраженіемъ ужаса; мальчикъ послушно шелъ и только повторялъ:

— «Мама, ма-ама... Хочу къ мамѣ...»

Выйдя изъ вагона, я встрѣтился съ генералами Каппелемъ и Ивановымъ-Риновымъ; вмѣстѣ направились къ горящимъ вагонамъ. Надо было распоряжаться, чтобы спасти всѣхъ, кого можно, и не дать распространиться огню.

Число жертвъ было очень велико. Убитые, покалѣченные, жестоко израненные; у одной дѣвушки, сестры офицера, выжгло взрывомъ оба глаза и изуродовало лицо, нѣсколько солдатъ также лишились зрѣнія; многимъ поотрывало руки и поломало ноги.

Кому это было нужно? Ползъ слухъ, что сейчасъ же вслѣдъ за взрывомъ послѣдуетъ атака красныхъ, что взрывъ, какъ подготовка къ ней, произведенъ соціалистами... Были высланы патрули и дозоры, вызвана изъ города воинская часть. Закипѣла работа по пріостановкѣ и очисткѣ пожарища.

Кто сдѣлалъ, на комъ вина, что-за причина? Всѣ эти вопросы не удалось выяснить точно. Упорно держался слухъ, что злодѣяніе, — погибло и пострадало нѣсколько сотъ человѣкъ, — что взрывъ былъ произведенъ эсъ-эровской боевой ячейкой.

Возможно, — не даромъ эти приверженцы новой религіи ненависти, соціализма, своимъ знаменемъ взяли ярко-красный цвѣтъ, цвѣтъ страданія, разрушенія и смуты. Кровь и огонь...

Черезъ два дня, взявъ всѣхъ раненыхъ, нашъ эшелонъ двинулся дальше и вечеромъ 3 января 1920 года подошелъ на станцію Минино, послѣдняя остановка передъ Красноярскомъ. Здѣсь мы узнали, что въ городѣ произошло «углубленіе» новой революціи, что фактическими господами сдѣлались большевики, что печальный герой генералъ Зиневичъ, «сынъ рабочаго и крестьянина,» арестованъ и посаженъ въ тюрьму. Чѣмъ-то не угодилъ!

Было рѣшено брать Красноярскъ съ боемъ, на слѣдующій день съ утра. Дѣйствіями долженъ былъ руководить командующій 2-й арміей генералъ Войцеховскій. Сначала все шло успѣшно. Наши части повели наступленіе на желѣзнодорожную станцію, ворвались въ нее, но вдругъ неожиданно появился броневой поѣздъ съ краснымъ флагомъ. Наши передовыя роты повернули и начали отходить. Это подбодрило красныхъ, которые перешли въ контръ атаку. Наступленіе не удалось и было отложено.

На слѣдующій день подтягивались новыя части 2-й арміи; удалось войти въ связь и съ 3-й арміей, выходъ которой къ Красноярску ожидался черезъ сутки. Штабъ главнокомандующаго рѣшилъ выйти изъ поѣзда, перейти изъ вагоновъ на сани.

Жалко, что это было сдѣлано такъ поздно. Во-первыхъ, такой переходъ никогда не удается гладко сразу, всегда требуется три-четыре дня, чтобы все утряслось, чтобы заполнить всѣ недочеты, во-вторыхъ, служба связи и штабная ведется изъ походной колонны совершенно иначе, къ чему надо также приспособиться, въ-третьихъ, необходимо время, чтобы втянуть силы людей и особенно лошадей.

Размѣстившись на саняхъ, неумѣло, еще не по-походному, съ массой лишнихъ вещей, подъ охраной Екатеринбургской учебной инструкторской школы полковника Ярцова, — двинулся штабъ главнокомандующаго походнымъ порядкомъ. Къ вечеру пришли и остановились на ночлегъ въ дер. Минино, сѣверо-западнѣе города Красноярска.

Ночью въ эту же деревню прiѣхалъ генералъ Войцеховскiй; составился военный совѣтъ. Въ результатѣ мнѣнiе командующаго 2-й армiи восторжествовало, и генералъ Каппель отдалъ приказъ армiямъ двигаться дальше на востокъ въ обходъ Красноярска; города рѣшили не брать, такъ какъ гарнизонъ его усилился, подошелъ со своими полками съ юга Щетинкинъ; видѣлась такая угроза: если новая попытка взять Красноярскъ не увѣнчается успѣхомъ, бѣлыя войска попадутъ въ положенiе безвыходное, между насѣдавшими съ запада красными и бандами Красноярска. Рѣшено было обходить городъ съ сѣвера.

6 января на разсвѣтѣ наша небольшая колонна начала вытягиваться на дорогу, которая ведетъ изъ Минина на село Есаульское, переправу черезъ Енисей. Дѣло въ томъ, что, хотя стояла зима, все же необходимо было двигаться только на переправы: на сѣверъ отъ Красноярска по обоимъ берегамъ рѣки тянутся высокiя горы, нѣсколькими грядами идутъ онѣ, представляя серьезныя преграды; часто попадаются между ними глубокiе овраги; берега Енисея также очень крутые и обрывистые, въ большинствѣ недоступные конницѣ и обозамъ.

Въ морозномъ туманѣ зимняго утра медленно подвигались длинныя вереницы саней. Долгiя, почти безконечныя остановки, — въ одну колонну вливались новые подходящiе обозы. Теперь вмѣстѣ съ штабомъ шли части 2-го Уфимскаго корпуса, 4-я и 8-я стрѣлковыя дивизiи и 2-я кавалерiйская.

Дорога чѣмъ дальше, тѣмъ дѣлалась все труднѣе. Лошадямъ тяжело было ступать и тащить сани по размолотому, перемѣшанному съ землей, сухому снѣгу. Частыя, неопредѣленныя по времени остановки утомляли еще больше. Сознанiе у людей какъ-то притуплялось и отъ мороза, и отъ этихъ остановокъ, отъ полной неопредѣленности впереди . . . и отъ неуклюжихъ сибирскихъ зимнихъ одеждъ, въ которыхъ человѣкъ представляетъ собой безпомощный обрубокъ.

Туманное предразсвѣтное утро перешло незамѣтно въ сѣрый зимній день. Около десяти часовъ снова остановка. По колоннѣ передается приказаніе обозу остановиться на привалъ, а школѣ Ярцова и 4-й дивизіи идти впередъ.

Оказалось, что всѣ дороги къ сѣверу отъ Красноярска были заняты сильными отрядами красныхъ. Завязались бои. Выбили наши красныхъ изъ одной деревни, въ это время начинается пулеметный обстрѣлъ со слѣдующей гряды горъ. Надвигались въ то же время и отряды противника съ запада. Большевицкая артиллерія, выдвинутая отъ Красноярска, начала обстрѣливать наши колонны съ юга. Врагъ оказался всюду, каждая дорога была преграждена въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Шелъ не бой, не правильное сраженіе, какъ это бывало на фронтѣ, а какая-то сумбурная сумятица, — противникъ былъ всюду, появлялся въ самыхъ неожиданныхъ мѣстахъ.

Армія, представлявшая огромные санные обозы, — такъ какъ пѣхота вся къ этому времени ѣхала въ саняхъ, — заметалась. Тучи саней неслись съ горъ обратно на западъ, попадали здѣсь подъ обстрѣлъ большевиковъ и поворачивали снова, кто на сѣверъ, кто на востокъ, кто на югъ, къ Красноярску.

Большевики и мятежныя войска изъ Красноярска высылали къ нашимъ колоннамъ делегатовъ съ предложеніемъ класть оружіе, такъ какъ «гражданская война-де кончена». Нашлись среди бѣлыхъ легкомысленныя части, которыя повѣрили этому, не сообразили, почему же сами красные не кладутъ оружія, . . . и сдались. Тогда комиссары стали высылать навстрѣчу нашимъ новымъ колоннамъ этихъ сдавшихся бѣлыхъ солдатъ; толпами выходили они съ крикомъ:

— «Война кончена, нѣтъ больше нашей арміи! Кладите оружіе!» Многіе клали. Два Оренбургскихъ казачьихъ полка сдали винтовки, пулеметы, шашки и пики; послѣ этого вышелъ комиссаръ къ безоружнымъ полкамъ съ такими словами:

— «Ну, а теперь можете убираться за Байкалъ, къ Семенову, — намъ не нужно такихъ нагаечниковъ. . .»

Зачесали казаки въ затылкахъ; ихъ манила другая перспектива — вернуться въ свои станицы, къ своимъ семьямъ, хозяйству, двинуться изъ Красноярска на западъ. Пришлось же снова поворачивать на востокъ. И, опять обманутые соціалистами, шли казаки дальше тысячи верстъ на своихъ маштачкахъ, безоружные.

Но далеко не всѣ попадались на удочку. Многія части дрались. Цѣлый день продолжались безсистемныя безпорядочныя стычки вокругъ Красноярска. Дробь пулеметной и ружейной стрѣльбы трещала во всѣхъ направленіяхъ. На пространствѣ десятковъ верстъ творилось нѣчто невообразимое, небывалое въ военной исторіи.

Остатки великой русской военной силы, Императорской арміи, оставившей, — для спасенія Франціи и Англіи, — на боевыхъ поляхъ одними убитыми три милліона людей, — остатки этой силы, бѣлая армія, продѣлали тысячи верстъ пути, прошли черезъ долины и горы необъятныхъ пространствъ Руси; чтобы спасти ея честь и независимость, они дрались, какъ львы; здоровье, кровь и жизнь, всѣ свои силы отдавали они, отдавали и большее, — свои семьи. И они вѣрили въ правоту своего дѣла и въ святость своего долга. Вѣрили также русскіе люди въ безкорыстную и честную помощь своихъ союзниковъ; вѣдь весь міръ всталъ на ихъ сторону, на поддержку бѣлыхъ. Великобританія, Соединенные Штаты и Франція безъ конца суетились, волновались и старались, чтобы усилилась и окрѣпла бѣлая русская армія. Японія даже посылала свои части биться бокъ о бокъ съ нашими; кровь японскаго самурая была пролита на поляхъ Сибири вмѣстѣ съ русской кровью и за русское національное дѣло. Италія и Сербія также старались не отстать. . .

Но когда бѣлая сила окрѣпла, и русскій національный стягъ началъ все выше и выше подниматься, какъ залогъ скораго оздоровленія и возвышенія Великой Единой Россіи, тогда началась какая то темная, вначалѣ осторожная игра. Тѣ же европейскіе и американскіе дипломаты вели ее; и куда же было намъ, сермяжной Руси, сразу понять и стряхнуть съ себя гадовъ этого новаго, скрытаго интернаціонала, еще болѣе смертельнаго и ужаснаго, чѣмъ кровавый, Московскій. Тонко велась союзными представителями интрига въ полномъ согласіи и взаимодѣйствіи со всѣми нашими домашними соціалистами. Предательство разыгрывалось, какъ по нотамъ, — тихо, систематично и упорно. И послѣднимъ актомъ его былъ — Красноярскъ. Послѣ ареста Верховнаго Правителя, они расчитывали тамъ ликвидировать совершенно и бѣлую армію.

Два прежнихъ святыхъ слова, дорогихъ раньше для каждаго человѣка, — «товарищъ» и «союзникъ» были за четыре года обращены въ самыя низкія, презрѣнныя слова. Дѣятели типа Керенскаго-Бронштейна-Ленина обратили значеніе перваго слова «товарищъ» — въ синонимъ громилы-убійцы, вора и растлителя — за періодъ 1917—1918 годовъ; а за время 1919—1920 годовъ дѣятели типа Вудро Вильсона-Клемансо-Ллойдъ Джоржа дали слову «союзникъ» значеніе предателя, поджигателя и скупщика краденаго.

Да не забудетъ этого русскій народъ. . .

Предпослѣднимъ актомъ этой міровой драмы предательства національной Россіи былъ Красноярскій бой, разыгравшійся 6 января 1920 года, какъ разъ въ русскій сочельникъ, наканунѣ праздника рожденія Бога-Искупителя. Но вмѣсто ра-

достнаго гимна славословія раздавались теперь ругательства, хула, крики убиваемыхъ и стоны раненыхъ. До поздней ночи. Бѣлая армія потеряла всѣ свои обозы, артиллерію и болѣе шестидесяти тысячъ убитыми, раненными и плѣнными. Казалось, что цѣль объединеннаго интернаціонала достигнута, русская національная армія перестала существовать. Такъ казалось къ вечеру этого дня и тѣмъ немногимъ изъ насъ, которые пробились изъ окруженія, когда разрозненныя небольшія колонны стягивались къ замерзшему дикому Енисею и становились на ночлегъ.

Но силенъ духъ Русскаго народа. И не судилъ Богъ погибнуть его Державѣ. Теплится огонь жизни, сохраняется, чтобы въ назначенный день вспыхнуть и загорѣться снова огромнымъ величественнымъ пламенемъ. Бѣлая армія не погибла. Она вышла изъ этого самаго величайшаго испытанія и пронесла къ берегамъ Тихаго Океана Русскій Стягъ и Русскую Государственность.

Прежде чѣмъ говорить объ этомъ, надо разъяснить невольное недоумѣніе: что же мѣшало русскимъ вождямъ выгнать непрошенныхъ гостей-предателей изъ Сибири? Какъ не замѣчали они двойной игры ихъ? Не разбирались въ этой обстановкѣ, когда всѣ пріѣхавшіе помощники, союзническія миссіи, начали сотрудничать съ новыми іудами Россіи — соціалистами — и плести интригу заговора? Не видали жаднаго блеска въ чужеземныхъ очахъ и оскала широко открытой ихъ пасти на русское природное, Богомъ данное, богатство?

Разбирались, замѣчали, видѣли и понимали. Но не могли освободиться. Слишкомъ тонко провели «союзники» въ Сибири свою игру, на-вѣрняка. Они расчитали — съ одной стороны — на русскую обычную мягкотѣлость, благородство и добродушіе; съ другой же — они стали съ первыхъ шаговъ систематически укрѣплять и усиливать свою позицію, обезпечивать крѣпко и сильно свои дальнѣйшіе шаги. Одной изъ мѣръ — была интервенція, ввозъ своихъ войскъ; но ихъ было не много, да и не всѣ пошли бы на это темное дѣло. Тогда прибѣгли къ другому; и нужную силу нашли въ бывшихъ русскихъ военноплѣнныхъ, взятыхъ Императорской арміей въ многочисленныхъ бояхъ, когда во славу и спасеніе Франціи и Великобританіи потоками лилась русская кровь и безъ счета ломались русскія кости.

Ядромъ этой силы, враждебной національной Россіи, — былъ чехо-словацкій корпусъ.

ГЛАВА V.

Чехо-словацкій корпусъ.

1.

Настоящая глава не можетъ имѣть своей задачей дать полный очеркъ чехо-словацкой эпопеи въ Сибири; это заняло бы очень много мѣста и времени, слишкомъ отклонило бы насъ въ сторону отъ главной темы. Несомнѣнно въ недалекомъ будущемъ появится не одно исчерпывающее изслѣдованіе «чехо-словацкихъ подвиговъ» въ Россіи. Наша цѣль — освѣтить лишь общія причины, давшія интернаціоналу побѣду надъ бѣлымъ національнымъ движеніемъ, дать отвѣтъ на то, какими силами располагалъ международный соціалистическій комплотъ; мы не можемъ пройти поэтому не коснувшись многихъ сторонъ дѣятельности чехо-словацкаго корпуса, который игралъ большую и печальную роль въ направленіи и исходѣ борьбы бѣлыхъ за національное возрожденіе Россіи.

Война, которую съ 1914 года велъ великій Русскій народъ во главѣ съ Царемъ-Мученикомъ Николаемъ II, имѣла, — въ числѣ многихъ другихъ благотворительныхъ цѣлей, — и задачу — освободить отъ австрійскаго владычества Богемію, возстановить самостоятельность древней державы св. Вячеслава.

Чешскіе патріоты возлагали всѣ свои надежды на Россійскую Имперію; въ теченіе 1914, 1915 и 1916 г. г. центръ всей ихъ работы былъ въ Петроградѣ. Въ 1916 году создана на русскія средства и русскими властями первая чехо-словацкая дивизія, состоявшая изъ добровольцевъ-чеховъ, жившихъ въ Россіи, или бѣжавшихъ туда для активнаго участія въ борьбѣ. Въ 1917 году начали формировать вторую дивизію, на этотъ разъ уже изъ военно-плѣнныхъ чеховъ и словаковъ, захваченныхъ русской арміей въ бояхъ, приэтомъ брали въ полки изъ концентраціонныхъ лагерей только лучшихъ, испытанныхъ людей.

Когда изъ тучъ, вызванныхъ затянувшейся войной, грянулъ громъ, когда величайшее несчастье стряслось надъ нашимъ отечествомъ; когда бунтъ распущенныхъ солдатъ Петроградскаго гарнизона, съ помощью союзныхъ и доморощенныхъ «общественныхъ» дѣятелей, обратился въ дикую уродливую революцію; когда тѣ же дѣятели, въ перегонки, начали развращать боевые полки русской арміи и топтать въ грязь старыя славныя знамена, – зашатался русскій боевой фронтъ; опьяненные полной разнузданностью солдаты жадно впитывали въ свою массу «демократизацію», начатую Гучковымъ, Поливановымъ, и Нахамкесомъ, охотно поддавались и слѣдовали новымъ лозунгамъ, бросаемымъ демагогами всѣхъ оттѣнковъ, отъ толстаго Родзянки до Ленина. Люди точно посходили съ ума. Началась травля офицерства. Отказъ отъ наступленія. Пошли братанія съ врагомъ. Затѣмъ дезертирство, распродажа нѣмцамъ орудій, пулеметовъ. И гнусное массовое избіеніе лучшихъ генераловъ и офицеровъ.

Только самыя крѣпкія части, гдѣ имѣлось больше старыхъ настоящихъ офицеровъ и солдатъ, сохраняли еще видъ воинской силы. И среди нихъ была первая чехо-словацкая дивизія. За этотъ періодъ она проявила много доблести и оказала не мало подвиговъ; эта дивизія пыталась сдержать натискъ германской пѣхоты на Стоходѣ, она старалась сдержать около себя и худшее, а именно — разложеніе русской арміи, сохраняя въ себѣ и дисциплину, и боеспособность, и даже внѣшній воинскій видъ; въ грустные дни Тарнопольскихъ боевъ въ іюлѣ 1917 года 1-я чешская дивизія совмѣстно съ немногими крѣпкими русскими частями прилагала всѣ силы, чтобы остановить бѣгство «революціонныхъ войскъ 18 іюня» и преградить вражеское вторженіе вглубь страны.

Но Каиново дѣло — русская революція шла гигантскими шагами и докатилась до своего логическаго конца, до «похабнаго» Брестъ-Литовскаго мира. Тогда, чехо-словацкія части, сведенныя къ этому времени въ отдѣльный корпусъ, рѣшили, что имъ въ Россіи больше дѣлать нечего, надо выбираться на Западный фронтъ, во Францію. Да и не безопасно имъ было дальше пребываніе въ свободной совѣтской республикѣ, такъ какъ въ случаѣ выдачи ихъ австро-германцамъ (а тогда большевики исполняли еще всѣ приказы главной германской квартиры), что́ ожидало бы чеховъ, какъ измѣнниковъ присяги и вѣрности своему отечеству? Чехо-словацкій корпусъ въ полномъ составѣ, съ оружіемъ въ рукахъ, погрузился въ эшелоны, чтобы выбраться изъ Россіи. Не было надежды пробиться въ Архангельскъ, рѣшили ѣхать на Владивостокъ, черезъ Сибирь.

Большевики какъ будто были согласны выпустить чехословаковъ, но требовали сдачи оружія; Бронштейнъ (Троцкій)

отдалъ приказъ объ этомъ и предписалъ принять рѣшительныя мѣры. Многіе подчинились приказу и сдали пушки, пулеметы и винтовки. Но часть чеховъ, лучшіе, понимали, что безоружные они будутъ игрушкой въ рукахъ коммунистовъ, и рѣшили пробиваться силой.

Произошелъ почти одновременно рядъ выступленій, отъ Пензы до Байкала, такъ какъ чешскіе эшелоны успѣли уже растянуться чуть не по всей длинѣ Великаго Сибирскаго пути.

Всюду чехамъ оказали помощь тайныя организаціи русскихъ офицеровъ и казаки. Общими ихъ усиліями была очищена отъ красныхъ бандъ вся огромная восточная часть Россіи. Какъ разъ около этого времени прозвучали, какъ міровой набатъ, призывы союзныхъ народовъ — Великобританіи, Америки, Японіи, Италіи и Франціи — всѣмъ сплотиться вокругъ русскаго національнаго знамени и образовать снова восточный фронтъ для борьбы противъ Германіи и большевиковъ. Отпала, поэтому, необходимость чешскимъ дивизіямъ выбираться изъ Россіи на французскій фронтъ. Надо было усиливать и развивать дѣйствія здѣсь; всѣ взоры были устремлены на Сибирь и Уралъ; на Волгѣ образованъ былъ фронтъ. Загорѣлась борьба.

Это былъ періодъ героевъ. Русскіе и чехи дрались вмѣстѣ, какъ братья, не считаясь жертвами и подвигами, видя передъ собой общую священную цѣль освобожденіе Россіи отъ большевиковъ, этихъ «апостоловъ соціализма и насадителей на землѣ новаго рая».

Справедливость требуетъ сказать, что безъ помощи офицерскихъ организацій возстаніе чехо-словаковъ не имѣло бы успѣха, — на каждой станціи, по уходѣ чеховъ, снова появлялись бы большевицкія банды, борьба приняла бы затяжной характеръ въ чужой для чеховъ странѣ, на желѣзной дорогѣ длиной въ пять тысячъ верстъ со всѣми преимуществами на сторонѣ красныхъ; чехи были бы разбиты по частямъ и уничтожены. Доблестное многострадальное русское офицерство встало съ оружіемъ въ рукахъ на всемъ пространствѣ отъ Волги до Тихаго Океана и оказало братскимъ славянскимъ полкамъ могучую поддержку. Да и самыя боевыя дѣйствія чехо-словацкихъ полковъ, имѣвшія такое славное начало, направлялись также русскими офицерами (какъ полковникъ Ушаковъ, павшій въ бою у Байкала, Войцеховскій, Степановъ и много другихъ). Цѣлый рядъ городовъ, — Омскъ, Иркутскъ, Челябинскъ, Орскъ, Оренбургъ и Троицкъ, — былъ очищенъ отъ большевиковъ безъ всякаго участія чеховъ, одними бѣлогвардейскими организаціями и казаками. Въ освобожденіи Сибири отъ бандъ кроваво-красной арміи лѣтомъ 1918 года первая и бóльшая заслуга была за русскими бѣлогвардейскими организаціями. Но эти

настоящіе герои, русскій офицеръ и доброволецъ, цѣнили помощь братьевъ-чеховъ, рады были ей безконечно и уступали въ благодарность имъ первое мѣсто. Населеніе же встрѣчало чехо-словаковъ повсюду, какъ избавителей, засыпало цвѣтами и подарками.

Временное Сибирское Правительство, образовавшееся 30 іюня послѣ сверженія большевиковъ, издало въ первый же день своей власти благодарственную грамоту, гдѣ отмѣчало крупныя заслуги чеховъ и словаковъ въ исторіи освобожденія и спасенія Сибири, и даже передъ всѣмъ славянствомъ.

Послѣ быстрыхъ успѣховъ перваго выступленія, чехи были повернуты, по приказу изъ Парижа, на западъ, къ Волгѣ, — союзникамъ необходимо было образовать восточный фронтъ противъ нѣмцевъ, — тогда судьба міровой войны еще далеко не была ясна.

Такъ развивались событія. Безъ особыхъ трудовъ и потерь были взяты города Уфа, Самара и Симбирскъ. 7-го августа 1918 года заняли Казань, послѣ чего и былъ созданъ Волжскій фронтъ, командованіе которымъ было вручено чешскому поручику Чечеку, произведенному въ генералы. Операціи на этомъ фронтѣ велись, главнымъ образомъ, также русскими добровольцами-бѣлогвардейцами, отряды которыхъ шли безропотно въ подчиненіе чешскимъ безграмотнымъ офицерамъ и генераламъ; изъ послѣднихъ только одинъ Чечекъ былъ лейтенантомъ военнаго времени австрійской службы, Янъ Сыровой служилъ раньше комивояжеромъ, Гайда — фельдшеромъ. . . .

Порывъ въ то время, лѣтомъ 1918 года, былъ грандіозенъ. Наша, тогда еще не выбитая и не забитая, интеллигенція посылала тысячами свою учащуюся молодежь въ ряды бѣлой гвардіи; офицерство поголовно бралось за винтовки, даже старые генералы становились простыми номерами къ орудіямъ. Выдвинулся блестящій военный талантъ молодого полковника генеральнаго штаба В. О. Каппеля, который дѣлалъ чисто суворовскіе чудо-маневры, поспѣвалъ вездѣ и билъ красныхъ, какъ хотѣлъ. Чешскіе полки, увлеченные этимъ порывомъ и успѣхомъ, шли вмѣстѣ съ нашими; ихъ охватила та же могучаа волна и увлекли легкія побѣды. И опять таки вся слава и бллгодарность радостными волжанами, освобожденными отъ гнета большевиковъ, отдавалась чехо-словакамъ. Ихъ только-только не носили на рукахъ. И дарили имъ все, дарили широко, по русски, отъ сердца. Забитые и полуголые бѣдняки чехи стали богатѣть отъ русской щедрости, аппетиты у нихъ разожглись, и очень скоро у чеховъ вошло въ обычай — тотчасъ по занятіи города, — нашими ли бѣлогвардейцами или ими, — приступать уже просто къ реквизиціи русскихъ казенныхъ складовъ, налагая руку иногда и на частное имущество. И на это вначалѣ

махали рукой наши: «Все бери, наплевать, — только помоги съ большевиками покончить».

Бронштейнъ и Ленинъ, напуганные успѣшными дѣйствіями бѣлыхъ на Волгѣ, начали собирать всѣ возможныя силы и направлять ихъ на Казань; сюда шли лучшія и наиболѣе надежныя красноармейскія части во главѣ съ латышскими полками. Вначалѣ чехи, подъ командой отличнаго офицера, полковника Швеца, сдерживали здѣсь натискъ красныхъ и отбивали ихъ атаки. Но съ каждымъ днемъ боеспособность чеховъ понижалась, — они привыкли за первый періодъ къ легкимъ побѣдамъ, къ веселой службѣ быстрыхъ налетовъ, тріумфальныхъ занятій пустыхъ городовъ; теперь приходилось имѣть дѣло съ многочисленнымъ и упорнымъ противникомъ, нужно было вести серьезные и трудные оборонительные бои съ безсонными ночами, съ тяжелыми потерями.

Въ то же время падали, выбывали изъ строя лучшія силы, тѣ чехи-герои, имена и память которыхъ для Россіи будутъ всегда священны. А на ихъ мѣсто шли худшіе элементы: брались пополненія изъ числа военноплѣнныхъ, изъ концентраціонныхъ лагерей Сибири. Этими людьми начали заполнять небольшіе кадры уже безъ всякой мѣры, довели составъ чехо-словацкаго корпуса свыше пятидесяти тысячъ человѣкъ. Большинство изъ этихъ новыхъ людей мѣняло убогую жизнь военноплѣннаго концентраціоннаго лагеря на почетное званіе стрѣлка для того, чтобы получить новую нарядную одежду и сытую привольную жизнь; драться же, а тѣмъ болѣе подвергать риску въ бояхъ свою жизнь они не желали. Только желѣзная дисциплина и хорошіе начальники могли бы сдѣлать эту массу боеспособной, сумѣли бы добиться хорошихъ результатовъ.

А на мѣсто этого пришло вотъ что. Чехо-войскомъ руководилъ теперь чешскій національный комитетъ, члены котораго состояли къ концу лѣта 1918 года почти сплошь изъ соціалистовъ, вродѣ Богдана Павлу, Гирса, Патейдль, Краль, Модекъ, Клофачъ, Благошъ (предавшій въ декабрѣ 1919 года адмирала Колчака) и др. Всѣ они были нашими военноплѣнными и отсиживались въ лагеряхъ, ожидая конца міровой войны. Теперь, когда Америка, Франція и Англія взяли чеховъ подъ покровительство, эти милостивые государи выползли на свѣтъ и, чтобы попасть къ власти, пользоваться большимъ вліяніемъ на солдатскую массу, пустили въ ходъ самую беззастѣнчивую демагогію.

Повторилась печальная исторія лѣта 1917 года, развала русской арміи Керенскимъ и его партійными соратниками. Со всѣхъ угловъ Россіи полѣзли русскіе соціалисты, главнымъ образомъ, эсъ-эры, и устремились на Волгу къ своимъ «товарищамъ-чехамъ»; приплылъ въ Самару на пароходѣ «Дѣдъ»

одинъ изъ главныхъ разрушителей и предателей Россіи В. Черновъ, цѣлый рядъ «отвѣтственныхъ» партійныхъ работниковъ и много рядовой мелкоты. Всѣ они были приняты чешскимъ національнымъ совѣтомъ, какъ свои люди, съ распростертыми объятіями. Закипѣла общая работа, зачадила политическая кухня. Совмѣстными усиліями и ловкими вольтами было образовано Самарское правительство — комитетъ членовъ учредиловки (по сокращенному Комучъ).

Опираясь на чешскіе штыки, центральный комитетъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ захватилъ власть въ Волжскомъ районѣ, чтобы продолжать свой преступный и кровавый опытъ насажденія въ Россіи соціализма.

Понятно, чешскіе дѣльцы, политиканы-соціалисты изъ національнаго комитета, получили за это свою плату; уже съ самой Самары они повели сначала осторожныя комерческія дѣла, затѣмъ открытую и беззастѣнчивую спекуляцію и наконецъ чистый грабежъ.

Этотъ примѣръ вдохновителей и политическихъ вожаковъ чешскаго воинства подѣйствовалъ заразительно на ихъ массы. Ихъ руководящими стимулами скоро стали: обогащеніе и борьба «противъ русской реакціи». На этой почвѣ шелъ быстро развалъ чешскихъ полковъ. Политиканы чешско-русскаго соціалистическаго блока поспѣшили удалить съ чешской службы, съ отвѣтственныхъ постовъ всѣхъ русскихъ офицеровъ, замѣняя ихъ своими людьми.

Удержаніе Казани, для насъ, русскихъ, было крайне важно; поэтому сюда были направлены изъ подъ Симбирска отряды полковника Каппеля, его чудо-богатыри, Волжскіе добровольцы. Каппель обрушился на большевиковъ съ фланга и готовъ былъ нанести имъ сокрушительный ударъ, но въ самую рѣшительную минуту чехи не поддержали его, отказались выполнить боевой приказъ, очистили свой участокъ. Вслѣдствіе этого наши части понесли большія потери и, продержавшись нѣсколько дней на оборонительныхъ позиціяхъ, должны были отступить. 9-го сентября Казань пала и подверглась еще бо́льшимъ ужасамъ краснаго террора.

Черезъ два дня большевики заняли Симбирскъ, затѣмъ Сызрань и Самару. Чехи перестали сражаться. Они уходили при первомъ натискѣ красныхъ, увозя на подводахъ и въ поѣздахъ все, что могли забрать изъ богатыхъ войсковыхъ складовъ — русское казенное добро. Надо имѣть ввиду, что на Волгѣ оставались тогда еще колоссальныя заготовки времени 1916 и 1917 годовъ для нуждъ Міровой войны.

За чехами тянулись толпы бѣженцевъ съ Волги, стариковъ, женщинъ, дѣтей; то населеніе, которое нѣсколько недѣль тому назадъ забрасывало чехо-словацкіе полки цвѣтами и востор-

женно привѣтстовало ихъ, какъ братьевъ-освободителей, шло теперь пѣшкомъ, рѣдкіе ѣхали на подводахъ, потревоженные съ насиженныхъ мѣстъ, на востокъ, въ неизвѣстное будущее; оставаться имъ по домамъ было нельзя, ибо не только за помощь чехамъ, но даже за простое сочувствіе имъ большевики истребляли цѣлыя семьи.

Можно себѣ представить, какія чувства были у этой обездоленной и преданной толпы.

Царилъ неописуемый ужасъ, и невольно среди многихъ тысячъ бѣженцевъ и населенія, брошеннаго на произволъ чрезвычаекъ, возникалъ вопросъ: Зачѣмъ было все это? Лучше и не было бы чеховъ совсѣмъ, чтобы они и не выступали...

Дѣйствительно это было бы лучше, такъ какъ ихъ выступленіе было преждевременно, оно сорвало тайную работу бѣлогвардейскихъ организацій, творящуюся подпольно тогда на всемъ пространствѣ Россіи, сорвало въ тотъ моментъ, когда дѣло не было еще налажено и объединено.

На заборахъ и стѣнахъ всѣхъ городовъ и желѣзнодорожныхъ станцій еще пестрѣли разноцвѣтныя обращенія и прокламаціи чеховъ къ русскому населенію — съ призывомъ общей борьбы противъ большевиковъ, съ громкими обѣщаніями драться до побѣднаго конца.

А вмѣсто этого — сдача всѣхъ позицій, отказъ отъ выполненія боевыхъ приказовъ, предательство по отношенію къ русскимъ добровольцамъ.

Не всѣ чехи и словаки были виновны въ этомъ. Въ рядахъ ихъ полковъ не мало состояло еще настоящихъ солдатъ, истинныхъ героевъ. Эти искренно возмущались недостойнымъ поведеніемъ своей массы, негодовали, но безсильны были что-либо измѣнить. Да и не понимали они ясно, гдѣ причина этого, кто истинные виновники позора и неудачъ.

Озлобленная всѣми этими неудачами чешская солдатская масса готова была проклинать всѣхъ и вся, не видя, что главные преступники свалившагося несчастья и напрасныхъ жертвъ сидѣли въ чешскомъ національномъ комитетѣ и въ Комучѣ — въ лицѣ узкихъ, партійныхъ дѣльцовъ — соціалистовъ.

На ихъ отвѣтственности и на ихъ совѣсти лежала вся кровь, пролитая за эти мѣсяцы, и моря слезъ.

2.

Совершенно ошибочное мнѣніе, что чехо-словацкій корпусъ выступилъ въ борьбу съ большевиками идейно, для освобожденія Россіи, для возрожденія великой славянской страны, потрясенной до основанія безсмысленной, ужасной революціей. Первыя ихъ дѣйствія, какъ уже было сказано, диктовались интересами личнаго спасенія отъ возмездія за ихъ измѣну

тогдашнему отечеству, Австро-Венгерской Имперіи. Нельзя требовать отъ людей и ожидать больше того, что они могутъ дать, но недопустимо, съ другой стороны, считать героями тѣхъ, которые представляли массу, состоявшую изъ средняго и худшаго элемента. Это было сборище вооруженныхъ людей, бывшихъ нашихъ военноплѣнныхъ, правда сдавшихся частью добровольно, — но опять таки не изъ за идейныхъ причинъ, какъ то привыкли считать, а изъ за того же мелкаго и низкаго желанія спасти свою драгоцѣнную жизнь, которое доминировало у нихъ и въ описываемый періодъ.

Помню, какое чувство омерзѣнія вызывали подобные случаи на фронтѣ великой войны. Среди многихъ эпизодовъ галиційскаго наступленія 1916 года былъ въ нашей дивизіи (3-й Финляндской стрѣлковой) 27 іюля упорный бой за дер. Лязарувку, у Золотой Липы. Послѣ горячихъ атакъ съ жестокимъ напряженіемъ съ обѣихъ сторонъ мы заняли эту деревню, захватили свыше двухъ тысячъ плѣнныхъ; германскій егерскій батальонъ съ австро-венгерскими частями были выдвинуты изъ резерва противника и перешли въ контръ-атаку. Мы удачно справились тогда и съ этимъ; ликвидація контръ-атаки происходила у меня на глазахъ, — нашъ 9-й полкъ удачно охватилъ флангъ и вышелъ въ тылъ непріятельской позиціи. Благодаря умѣлому маневру, мы захватили снова много плѣнныхъ, хотя всѣ они дрались и упорно, и хорошо. И вотъ, когда участь боя была уже рѣшена, дальнѣйшее сопротивленіе становилось совершенно безцѣльнымъ, наши стрѣлки принимали и вели сдавшихся въ плѣнъ, — всѣ непріятельскіе офицеры и солдаты были мрачны, усталы, подавлены. Вдругъ два фендрика, чехи, вырвались изъ толпы плѣнныхъ, кинулись ко мнѣ, одинъ охватилъ за шею, другой пытался поцѣловать. Они кричали что-то о своей дружбѣ, о своей горячей любви къ Россіи, о нежеланіи воевать; въ ихъ глазахъ было опьяненіе опасностью боя и страхомъ. Какъ будто холодная, непріятная большая лягушка прикоснулась, — такое ощущеніе было отъ этихъ объятій и поцѣлуевъ.

Неправдою было мнѣніе, будто чешскіе части, служившія въ австрійской арміи, сдавались добровольно и безъ боя. Вотъ другой случай. Противъ нашей дивизіи на р. Стрыпѣ у д. Гайворонки стоялъ чешскій полкъ, держался крѣпко всю зиму 1915—16 г. г., дрался съ отличнымъ упорствомъ, а когда послѣ трехдневныхъ боевъ наши стрѣлки переправились черезъ Стрыпу и начали подрывать удлиненными зарядами тридцать рядовъ колючей проволоки, — всѣ чехи этого полка[1]) успѣли убѣжать; мы взяли ихъ плѣнными лишь нѣсколько десятковъ.

[1]) Насколько помню, 88-го пѣхотнаго.

Въ тѣ же дни у дер. Висневчика на Стрыпѣ наши стрѣлки захватили почти цѣликомъ 10-й гонведный венгерскій полкъ, выйдя неожиданно ему въ тылъ. Тогда же мы всѣ высказывали мысль, что разсказы о добровольной сдачѣ цѣлыхъ чешскихъ полковъ — басня. Это была своего рода игра съ двойнымъ обезпеченіемъ: драться хорошо до побѣды своихъ, а въ случаѣ пораженія, или въ трудную минуту — прикрыться славянскимъ братствомъ, чтобы и въ плѣну было не плохо.

Ясно, что изъ массы военноплѣнныхъ-шкурниковъ не могли образоваться крѣпкія воинскія части. Когда имъ грозила опасность быть выданными большевиками графу Мирбаху, германскому посланнику въ Москвѣ, — они рванули, ведомые своими лучшими и храбрыми; въ первыхъ же стычкахъ многихъ изъ нихъ, героевъ, потеряли, и, какъ только встрѣтили опасность, столкнулись съ крѣпкими красными частями, то повернули назадъ. Отступленіе чеховъ съ ихъ «военной добычей» легло теперь всей тяжестью на русское многострадальное офицерство и добровольцевъ; плохо снабженные, полуголодные, недостаточно даже вооруженные, эти истинные герои прикрывали чешскіе эшелоны, наполненные здоровыми сильными людьми, съ изобиліемъ всякихъ запасовъ.

Естественно, что чувства русскихъ начали мѣняться и, вмѣсто прежнихъ иллюзій восхищенія освободителями и братьями, стало нарождаться чувство возмущенія и презрѣнія къ жаднымъ и трусливымъ чужакамъ, нашимъ же военноплѣннымъ.

Собственно говоря, отступленіемъ отъ Волги и кончилась боевая дѣятельность чехо-словацкаго корпуса. Нѣкоторое время они стояли еще на фронтѣ, правильнѣе сказать обозначали свое тамъ мѣсто, каждый разъ только до перваго появленія красныхъ силъ, затѣмъ сматывались и уходили на востокъ. Всѣ бои и вся арьергардная служба легли своей тяжестью исключительно на русскіе добровольческіе отряды Волжанъ и Уфимцевъ.

Всякое отступленіе вноситъ въ ряды войскъ нѣкоторую деморализацію, это лежитъ въ самой природѣ событія. Такое же отступленіе, какъ то было осенью 1918 года съ чехо-словацкими полками, безпорядочное, безнаказанное, быстро дополнило ихъ разложеніе; этотъ процессъ еще болѣе усиливался отъ той демагогіи, которую расплодили и усиливали съ каждымъ днемъ тогдашніе ихъ руководители, соціалисты изъ національнаго комитета.

Они прокричали на всѣ концы, что «ихъ цѣль — борьба за демократію», что «вмѣшиваться во внутреннія дѣла Россіи они не желаютъ». И въ то же время они самымъ беззастѣнчивымъ образомъ поддерживали партію эсъ-эровъ, добывали для нея власть надъ русскими массами. Такъ было, когда они оказали,

въ лицѣ доктора Павлу, давленіе на образованіе соціалистической директоріи, въ Томскѣ чехи открыто выступили на поддержку Сибирской областной думы, состоявшей почти поголовно изъ эсъ-эровъ, шедшей противъ временнаго Сибирскаго правительства и командовавшаго Сибирской арміей генерала Гришина-Алмазова. Въ низахъ чехо-словацкихъ полковъ велась постоянная и все усиливающаяся пропаганда: дѣльцы-соціалисты, обдѣлывая свои темныя махинаціи, увѣряли солдатскую массу, что они соблюдаютъ интересы ихъ и русскаго народа, стоятъ на стражѣ революціи и «борятся противъ реакціи». Между прочимъ, какъ ясный признакъ ея, выдвигалось то, что русскіе офицеры и солдаты одѣли погоны, свою старую, историческую форму.

Чехо-словацкій національный комитетъ скоро повелъ козни даже противъ созданной при его же помощи соціалистической Уфимской директоріи и сталъ всецѣло на сторону лѣвыхъ эсъ-эровъ, группировавшихся около В. Чернова. Несмотря на это съ чехами продолжали носиться. Директорія и входящій въ нее членомъ верховный главнокомандующій генералъ Болдыревъ — оставили командованіе всѣмъ Уральскимъ фронтомъ въ рукахъ чешскаго генерала Яна Сырового, не смотря на то, что фактически боевая служба неслась одними русскими добровольческими отрядами, и чехи лишь мѣстами еще занимали второстепенные участки, да кое-гдѣ стояли въ резервахъ. Въ отвѣтъ на такой реверансъ — Сыровой отказался исполнять приказы генерала Болдырева. Послѣ долгихъ сценъ и уговариваній, онъ заявилъ, что будетъ подчиняться Болдыреву лишь временно, до пріѣзда французскаго генерала Жанэна; на самомъ дѣлѣ не выполнилось и это, чехи дѣйствовали совершенно самостоятельно.

Не было у нихъ уже и внутренней, своей дисциплины: скоро полки ихъ пріобрѣли такой же видъ, какъ наши «товарищи» конца семнадцатаго года. Безъ погонъ, въ умышленно-небрежной и неформенной одеждѣ съ копной длинныхъ кудлатыхъ волосъ, съ насупленнымъ злобнымъ взглядомъ, вѣчно руки въ карманахъ, — чтобы по ошибкѣ и по старой привычкѣ не отдать честь офицеру; толпы ихъ были на всѣхъ станціяхъ, молчаливыя, державшіеся кучками по десять — пятнадцать человѣкъ, ничего не дѣлавшіе, кромѣ регулярнаго наполненія своихъ желудковъ и безконечныхъ, безтолковыхъ словопреній. Было у нихъ еще одно занятіе: они сторожили свои огромные запасы, охраняли ихъ усиленными караулами, съ винтовками въ рукахъ.

Вотъ краткій перечень вывезеннаго чехами въ первый періодъ, послѣ отступленія отъ Волги («Чехо-Словаки» статья Славянофила въ газетѣ «Дѣло Россіи» № 12. 1920 года.)

«Отойдя въ тылъ, чехи стали стягивать туда же свою *военную* добычу. Послѣдняя поражала не только своимъ количествомъ, но и разнообразіемъ. Чего, чего только не было у чеховъ. Склады ихъ ломились отъ огромнаго количества русскаго обмундированія, вооруженія, сукна, продовольственныхъ запасовъ и обуви. Не довольствуясь реквизиціей казенныхъ складовъ и казеннаго имущества, чехи стали забирать все, что попадало имъ подъ-руку, совершенно не считаясь съ тѣмъ, кому имущество принадлежало. Металлы, разнаго рода сырье, цѣнныя машины, породистыя лошади — объявлялись чехами военной добычей. Однихъ медикаментовъ ими было забрано на сумму свыше трехъ милліоновъ золотыхъ рублей, резины на 40 милліоновъ рублей, изъ Тюменьскаго округа вывезено огромное количество мѣди и т. д. Чехи не постѣснялись объявить своимъ призомъ даже библіотеку и лабораторію Пермскаго университета. Точное количество награбленнаго чехами не поддается даже учету. По самому скромному подсчету эта своеобразная контрибуція обошлась русскому народу во многія сотни милліоновъ золотыхъ рублей и значительно превышала контрибуцію наложенную пруссаками на Францію въ 1871 г. Часть этой добычи стала предметомъ открытой купли-продажи и выпускалась на рынокъ по взвинченнымъ цѣнамъ, часть была погружена въ вагоны и предназначена къ отправкѣ въ Чехію. Словомъ, прославленный коммерческій геній чеховъ расцвѣлъ въ Сибири пышнымъ цвѣтомъ. Правда, такого рода коммерція скорѣй приближалась къ понятію открытаго грабежа, но чехи, какъ народъ практическій, не были расположены считаться съ *предразсудками.*»

Къ этому добавимъ, что чехами было захвачено и объявлено ихъ собственностью огромное количество паровозовъ и свыше двадцати тысячъ вагоновъ. Одинъ вагонъ приходился примѣрно на двухъ чеховъ; понятно, что такое количество имъ было необходимо для провоза и храненія взятой съ бѣдной Россіи контрибуціи, а никакъ не для нуждъ прокормленія корпуса и боевой службы.

Пропаганда и демогогія соціалистовъ, руководителей изъ національнаго комитета, попустительство русскихъ властей и представителей Антанты, безнаказанный грабежъ, сытая и бездѣятельная жизнь — вотъ тѣ факторы, которые окончательно разложили чехо-словацкій корпусъ.

Уже въ октябрѣ 1918 года чехи окончательно отказались драться и потребовали вывода ихъ въ тылъ, мотивируя это тѣмъ, что они хотятъ быть отправленными въ Европу, на французскій фронтъ. Русское командованіе противъ этого не протестовало, такъ какъ имѣть на фронтѣ подобную разнузданную, доведенную соціалистами до степени большевизма массу — было

только во вредъ. Русское командованіе настаивало на одномъ и обращалось съ этой просьбой — подождать нѣсколько недѣль и дать возможность закончить начатое формированіе: нашихъ частей; чешское командованіе, кромѣ генерала Гайды, не соглашалось и на это. И къ началу ноября 1918 года весь чехо-словацкій корпусъ былъ убранъ въ тылъ, на фронтѣ остались только русскіе молодые полки.

Около этого времени доблестный чешскій полковникъ Швецъ, одинъ изъ ветерановъ первой чешской дивизіи, не стерпѣлъ развала своей части, не могъ перенести позора и застрѣлился.

Возмущеніе среди арміи и населенія Сибири противъ чеховъ росло съ каждымъ днемъ. Когда чехо-словацкіе полки уходили въ тылъ, они забрали съ собою все вооруженіе, причемъ нѣкоторыя ихъ батареи имѣли двойной комплектъ пушекъ; увезли они большіе склады обмундированія и обуви. И это въ то время, когда на фронтѣ имъ на смѣну становились русскіе полки плохо и недостаточно вооруженные, полураздѣтые и полуобутые, съ огромнымъ недостаткомъ орудій, пулеметовъ и винтовокъ. Терпѣли мы и переносили все это потому, что не было силы расправиться съ этими пятидесятитысячными бандами, не было возможности обезоружить ихъ и загнать снова въ концентраціонные лагери, — единственно чего они заслуживали. Въ свою очередъ среди чеховъ росло недружелюбное чувство ко всѣмъ русскимъ, къ самой Россіи. Докторъ Павлу и другіе политическіе руководители разжигали это чувство еще тѣмъ, что умышленно натравливали свою массу на русское офицерство, на русскую армію.

Въ началѣ ноября военный и морской министръ директоріи адмиралъ А. В. Колчакъ прибылъ особымъ поѣздомъ въ Екатеринбургъ, чтобы лично ознакомиться съ нуждами фронта. Разнузданные чешскіе солдаты начали задѣвать самой площадной бранью всѣхъ чиновъ конвоя русскаго военнаго министра, чешскіе офицеры, стоявшіе тутъ же, не только не останавливали ихъ, но даже подзадоривали. Одинъ изъ офицеровъ направился къ вагонамъ адмирала, проходъ куда былъ запрещенъ. Русскій часовой пытался остановить чеха-офицера; со стороны послѣдняго въ отвѣтъ послѣдовала отборная ругань, а затѣмъ попытка ударить часового. Тогда русскій стрѣлокъ пустилъ въ ходъ оружіе, — что онъ былъ обязанъ сдѣлать по закону, — и смертельно ранилъ чеха.

Всѣ иностранцы проявили возмущеніе этимъ случаемъ и стал на сторону безобразниковъ, нарушителей порядка-чеховъ. Создали помпеозныя похороны, анти-русскую демонстрацію; политиканы изъ національнаго комитета говорили надъ могилой этого печальнаго героя рѣчи. полныя ненависти къ Россіи и Русскимъ.

Характерно то, что союзническія военныя части и высокіе комиссары вѣдь видѣли и знали все это, имъ была открыта истинная картина и до мелочей было знакомо положеніе дѣла: и предательство на фронтѣ, и безконечный грабежъ союзника-Россіи, и вмѣшательство въ государственныя дѣла, и угрозы самой возможности дальнѣйшей борьбы отъ присутствія въ тылу этой многотысячной разнузданной, вооруженной массы.

Конный развѣдчик – Мих. полка.

Но они стыдливо закрывали глаза, загадочно улыбались и бездѣйствовали; втайнѣ же, за спиной они всячески ублажали и поощряли чеховъ.

Въ ноябрѣ пріѣхалъ въ Сибирь французскій генералъ Жанэнъ, глава миссіи, и вступилъ въ главнокомандованіе чехо-словацкимъ корпусомъ, какъ равно и другими «союзными» войсками. Къ этому времени война съ Центральными Державами была окончена побѣдой Антанты. Чехо-Словакію провозгласили самостоятельнымъ государствомъ. Съ Жанэномъ пріѣхалъ новый чешскій военный министръ генералъ Стефанекъ. Онъ имѣлъ задачу ликвидировать національный

комитетъ, привести въ порядокъ части, наладить дисциплину и добиться ихъ фактическаго подчиненія Жанэну; кромѣ того Стефанекъ надѣялся, — какъ онъ говорилъ въ первые дни пріѣзда въ Сибирь, — заставить чешскіе полки драться противъ большевиковъ. Высокой честности, доблестный солдатъ, человѣкъ незатемнѣнный политической партійной мутью, генералъ Стефанекъ пришелъ въ ужасъ отъ того, что онъ увидѣлъ въ своемъ воинствѣ въ Сибири.

Но чешскому военному министру ничего сдѣлать не удалось. Онъ встрѣтилъ сильное противодѣйствіе и среди своего командного состава, и у политическихъ руководителей, и въ солдатской массѣ; послѣдняя отвѣтила даже тѣмъ, что открыто потребовала учрежденія полковыхъ и дивизіонныхъ комитетовъ солдатскихъ депутатовъ, на подобіе тѣхъ, что были созданы Гучковымъ и Керенскимъ для развала русской арміи въ 1917 году.

Ничего не добившись, генералъ Стефанекъ уѣхалъ обратно въ Прагу, сконфуженно прощаясь съ русскими друзьями и открыто выражая имъ свои искреннія и глубокія сожалѣнія.

Все больше росло недовольство среди чеховъ, все чаще и громче раздавались ихъ требованія объ эвакуаціи изъ Сибири и о возвращеніи на родину, — война съ Центральными Державами была кончена. Верховный Правитель, замѣнившій собою кастрата-директорію, а равно наше высшее командованіе поддерживали передъ союзниками эту просьбу чеховъ: намъ было необходимо убрать какъ можно скорѣе изъ Сибири этотъ вредный баластъ, 50000 разнузданныхъ, вооруженныхъ и враждебныхъ Россіи солдатъ.

Какое это было зло и какая угроза въ тылу! И какой гибельный примѣръ нашимъ солдатамъ. Приходится еще больше и ниже преклониться передъ отличными свойствами русскаго человѣка, — вѣдь на ряду съ этими полу-большевиками, потерявшими человѣческій образъ, не желавшими отдавать честь не только своимъ и русскимъ офицерамъ, но даже французамъ и американцамъ, предъ которыми чехи все время благоговѣли, зная, что отъ нихъ зависитъ отесылка ихъ на родину, — на ряду съ этими массами въ нашихъ русскихъ полкахъ дисциплина укрѣплялась съ каждымъ днемъ, отданіе чести было не только исправное, но даже отчетливое, щеголеватое, служба неслась и на фронтѣ и въ тылу на совѣсть, по уставу.

Союзники не нашли возможнымъ удовлетворить просьбу чеховъ, объяснили имъ, что сейчасъ-де нѣтъ достаточного количества транспортовъ для перевозки всего корпуса, но обѣщали, что при первой возможности ихъ вывезутъ. Этимъ обѣщаніемъ чеховъ заставили подчиниться приказу Жанэна — стать вдоль желѣзной дороги и охранять ее. Какъ неслась эта охрана и служба, описано въ предыдущей главѣ.

Невольно возникаетъ вопросъ: что же за отношеніе у Союзныхъ Державъ было къ Россіи и русскому народу? Представители ихъ въ Сибири знали всю вопіющую правду о тѣхъ неслыханныхъ, безобразныхъ преступленіяхъ, которыя произвелъ въ Россіи чехо-словацкій корпусъ, знали въ какомъ состояніи находилось это войско, не могли не видѣть постоянной угрозы русскому національному дѣлу со стороны этой взрывчатой массы. А кромѣ того къ нимъ были обращены и неоднократныя просьбы Русскаго правительства убрать чеховъ изъ Россіи. Но не нашли возможнымъ сдѣлать это.

Можетъ быть, дѣйствительно не было транспортовъ и достаточнаго количества тоннажа? Допустимъ, что такъ, но у нихъ, этихъ руководителей союзнической, а къ тому времени и міровой политики, было за то достаточно въ Сибири силъ, — три доблестныхъ японскихъ дивизіи, одна канадская, по батальону сербовъ, румынъ, итальянцевъ, и французовъ, два батальона англичанъ, — чтобы обуздать чешскую массу, обезоружить, привести въ порядокъ. Это сдѣлать можно было, это сдѣлать должны были наши бывшіе союзники, на это имъ не разъ указывали. Но они этого не сдѣлали. А, можетъ быть, и не хотѣли сдѣлать?

3.

Чехо-словацкія части двигались все болѣе въ глубокій тылъ, чтобы тамъ выжидать возможности эвакуаціи; среди ихъ массъ продолжался все тотъ же процессъ разложенія, и параллельно шло укрѣпленіе эсъ-эровскаго вліянія. Полное бездѣльничаніе и разгильдяйство среди чеховъ стало нормальнымъ явленіемъ; единственно, чѣмъ они продолжали усиленно заниматься, — развили торговлю и спекуляцію не только награбленнымъ имуществомъ, но и новыми товарами, привозимыми съ Дальняго Востока. Для этой цѣли чешское командованіе и политическіе руководители начали беззастѣнчиво использовать русскую желѣзную дорогу, которая при всемъ напряженіи не могла даже удовлетворить потребностей боевыхъ армій и населенія Сибири. Довольствіе чехо-войска брало треть всего наличнаго транспорта, обращавшагося тогда на Сибирской желѣзной дорогѣ, что давало на каждаго чешскаго солдата по нѣсколько десятковъ пудовъ ежемѣсячно. На дѣйствительныя потребности войсковыхъ частей изъ этого количества шла меньшая часть, — львиную долю транспорта составляли различные ходкіе товары, поступавшіе потомъ отъ чеховъ на сибирскій рынокъ. Не довольствуясь этимъ, чешскіе руководители начали вскорѣ передавать частнымъ лицамъ, ловкимъ спекулянтамъ, свое право на цѣлые вагоны.

Возникало нѣсколько громкихъ дѣлъ. Однако Омское Правителство, имѣвшее среди своихъ членовъ партійныхъ соціалистовъ, закрывало на это глаза, проповѣдуя, нежеланіе обострять отношенія; съ другой стороны, такъ это все надоѣло и такъ все еще дорожили помощью союзниковъ, что предпочитали терпѣть и ждать, когда эти «доблестные» воины-спекулянты уберутся изъ Сибири.

Но адмиралъ Колчакъ твердо рѣшилъ положить въ будущемъ конецъ этому вопіющему безобразію; онъ ждалъ также, когда можно будетъ выбросить чеховъ изъ Сибири во Владивостокъ, чтобы тамъ, передъ ихъ посадкой на суда, произвести ревизію всѣхъ ихъ грузовъ. Отъ участія въ этой ревизіи не могли бы уклониться и союзники. И несомнѣнно, тогда преступленіе встало бы во весь ростъ и во всей своей неприглядной наготѣ; грабителей уличили бы съ поличнымъ.

И ясно, — чѣмъ крѣпче былъ бы порядокъ въ тылу, чѣмъ сильнѣе упрочилась бы тамъ государственная организація, тѣмъ вѣрнѣе поплатились бы всѣ преступные элементы. Данныя же были на лицо, что усиленіе государственности и порядка, несмотря на всѣ препятствія, идутъ вѣрными шагами впередъ; и виднѣлся день, когда русская національная мощь окрѣпнетъ въ тылу также, какъ она была крѣпка на боевомъ фронтѣ. Вотъ тогда то и состоялось тайное соглашеніе между партіей эсъ-эровъ и главарями чешскаго національнаго комитета: чехи будутъ содѣйствовать сверженію правительства адмирала Колчака и переходу власти въ руки эсъ-эровъ, за что получатъ право вывоза своихъ многомилліонныхъ грузовъ. Такова основа соглашенія, реальная цѣль — рука руку моетъ.

Понятно вполнѣ, что не представляется возможнымъ установить точно время, когда состоялось это соглашеніе, каковы были детальныя условія, способы осуществленія, — все это дѣлалось въ глубокой тайнѣ. Въ сущности, полное согласіе не только между эсъ-эрами и чехами, но и съ третьей стороной, съ союзническими миссіями, установились еще съ лѣта 1918 года, съ той же поры велась и общая работа, направленная ко вреду національной Россіи, но раньше все это носило случайный и временный характеръ; теперь былъ заключенъ союзъ, народился сплоченный комплотъ, сильный заговоръ, организованное проведеніе плана въ жизнь.

Вся зима 1918—1919 г. прошла въ передвиженіи чехословацкаго корпуса по желѣзной дорогѣ, въ долгихъ уговариваніяхъ солдатъ стать въ тотъ или другой городъ, или на станцію, въ упрашиваніяхъ со стороны союзныхъ миссій согласиться на службу по охранѣ желѣзной дороги.

Всю зиму эти пятьдесятъ тысячъ военноплѣнныхъ, разжирѣвшихъ на сибирскихъ хлѣбахъ, ничего ровно не дѣлали,

Всюду были толпы этихъ парней; наглое одутловатое лицо, чубъ выпущенъ изъ подъ фуражки по большевицкой модѣ, бѣгающій взглядъ глазъ, останавливающійся на каждомъ русскомъ съ враждебнымъ и виноватымъ выраженіемъ. Всѣ чехи были одѣты щеголями, какъ наши писаря Главнаго Штаба былыхъ временъ, — новенькая форма, сшитая изъ русскихъ суконъ, форсистые сапоги бутылками и перчатки. Нельзя не повторить, что многострадальная боевая русская армія въ то же время была въ рубищахъ и терпѣла недостатокъ во всемъ.

Къ веснѣ, наконецъ, размѣстили чеховъ по квартирамъ, но они заявили, что поѣздовъ не отдадутъ, выставили къ нимъ караулы и оставили вагоны нагруженными накраденнымъ добромъ, чтобы въ любую минуту быть готовыми къ отъѣзду. Во всѣхъ городахъ междусоюзническая комиссія отвела для чехо-словацкихъ частей лучшія помѣщенія, въ большинствѣ русскія школы.

Союзные представители продолжали всячески ублажать чеховъ; какъ будто русскихъ интересовъ совершенно не существовало для этихъ миссій, пріѣхавшихъ въ Сибирь намъ же помогать.

Въ добавокъ ко всѣмъ качествамъ чехо-войска среди солдатъ ихъ появился огромный процентъ больныхъ скверными, секретными болѣзнями. Для нихъ очистили госпитали и наводнили ими всѣ города включительно до Владивостока. Нашихъ раненыхъ выбрасывали или отказывали въ мѣстѣ, такъ какъ больнымъ чехамъ необходимы были лучшій уходъ и заботы.

Ранней весной, проѣздомъ въ Омскъ, я и генералъ Ноксъ остановились на нѣсколько дней въ Иркутскѣ. Командующій войсками этого округа генералъ-лейтенантъ Артемьевъ развернулъ передъ нами ужасную картину безобразнаго поведенія солдатъ-чеховъ; старый боевой русскій генералъ трясся отъ гнѣва и отъ сдерживаемаго желанія поставить на мѣсто разнузданную массу чеховъ, которыхъ въ свое время и корпусъ генерала Артемьева взялъ не мало въ плѣнъ въ Галиціи и въ Польшѣ. Представитель Великобританіи Ноксъ, который былъ отлично въ курсѣ всего, который самъ возмущался въ интимномъ кругу этими порядками, теперь пожималъ только плечами и говорилъ, что надо терпѣть, такъ какъ въ будущемъ чехо-словацкія войска принесутъ-де пользу.

Ненависть и презрѣніе къ дармоѣдамъ, обокравшимъ русскій народъ, возростали въ массахъ населенія сибирскихъ городовъ, въ деревняхъ и въ арміи. Когда мы проѣзжали по улицамъ Иркутска, Красноярска и Новониколаевска, то видѣли на заборахъ почти всѣхъ улицъ надписи мѣломъ и углемъ: «Бей жидовъ и чеховъ. Спасай Россію».

Ноксъ опять пожималъ плечами и бормоталъ что-то о несдержанности Русскаго народа.

На остановкѣ въ Красноярскѣ въ апрѣлѣ 1919 года я долго говорилъ съ начальникомъ 3-й чехо-словацкой дивизіи, маіоромъ Пржхаломъ, бравымъ офицеромъ типа полковника Швеца. Онъ высказывалъ также полное возмущеніе своей массой и допущеннымъ развaломъ; офицерская совѣсть маіора Пржхалъ не мирилась съ сидѣньемъ за спиной русской арміи. Но, по его мнѣнію, дѣло можно было исправить, можно было даже получить для борьбы съ большевиками хорошую и достаточную силу, — для этого требовалось провести лишь три мѣры: упраздненіе всякихъ политическихъ руководителей, отдѣлить около половины негоднаго элемента, обезоружить его, заключивъ въ концентраціонные лагери, и вернуть строевымъ начальникамъ всю дисциплинарную власть, съ учрежденіемъ военно-полевыхъ судовъ. Понятно, на это не шли ни политическіе руководители чеховъ, ни союзные представители, ни «главнокомандующій русскими военно-плѣнными» Жанэнъ. Имъ нужно было не то. . . .

Лѣто и начало осени 1919 года чехи провели на охранѣ желѣзныхъ дорогъ. Весьма характерно то, что съ ихъ появленіемъ въ этой роли, нападенія и порча желѣзной дороги участились и наконецъ сдѣлались мѣстами повседневнымъ, регулярнымъ явленіемъ.

Постепенно усиливался комплотъ въ тылу, крѣпъ заговоръ, росли вражескія силы; какіе были у нихъ планы и расчеты, тогда нельзя было въ точности выяснить. Но документально установлено, что возстаніе противъ власти адмирала Колчака во Владивостокѣ и въ Иркутскѣ было поднято и проведено при близкомъ участіи и даже при помощи чеховъ. Гайда, жившій съ іюля во Владивостокѣ и готовившій при широкой поддержкѣ тамошняго чешскаго штаба возстаніе, получилъ послѣ паденія Омска телеграмму отъ оффиціальнаго чешскаго представителя при Омскомъ правительствѣ доктора Гирсы такого содержанія: «Начинайте, все готово».

Вслѣдъ за этимъ тотъ же докторъ Гирса и Павлу издали въ концѣ ноября меморандумъ, обращенный ко всѣмъ союзнымъ представителямъ. Они драпировались въ тогу гуманности и законности, они требовали или вывоза ихъ войскъ на родину, или «предоставленія имъ свободы воспрепятствованія безправію и преступленію, съ какой бы стороны они не исходили» . . .

Въ началѣ меморандума эти обогатившіеся русскимъ добромъ политическіе шуллера обращаются «къ союзнымъ державамъ съ просьбой о совѣтѣ, какимъ образомъ чехо-словацкая армія могла бы обезпечить собственную безопас-

ность и свободное возвращеніе на родину, вопросъ о чемъ разрѣшенъ съ согласія всѣхъ союзныхъ державъ». . .

Далѣе говорится о произволѣ русскихъ военныхъ органовъ, объ «обычномъ явленіи разстрѣловъ безъ суда представителей демократіи по простому подозрѣнію въ политической неблагонадежности», «объ отвѣтственности за все это передъ судомъ народовъ всего міра, почему мы, имѣя военную силу, не воспротивились этому беззаконію».

Это точныя цитаты изъ документа. И все здѣсь отъ начала до конца ложь, — даже и касательно разстрѣла такъ называемыхъ представителей демократіи, т. е. русскихъ соціалистовъ.

Къ несчастью, это было не такъ, ибо если бы дѣйствительно это широко примѣнялось, то былъ бы живъ до сихъ поръ адмиралъ Колчакъ, существовала бы его армія и, надо вѣрить, она освободила бы Святую многострадальную Русь отъ кровавыхъ тисковъ интернаціонала.

Во всемъ меморандумѣ правда лишь въ его началѣ, — а именно въ просьбѣ совѣта, какимъ образомъ чехо-словацкимъ эшелонамъ выбраться изъ Сибири на родину и вывезти всѣ захваченныя богатства. Цѣль же меморандума была одна — оправдать заранѣе участіе чехо-войска въ мятежныхъ и измѣнническихъ возстаніяхъ.

Но руководители заговора видимо не все расчитали. Послѣ паденія Омска, когда отступленіе бѣлой арміи пошло быстрымъ и ежедневнымъ ходомъ, чехо-словацкіе полки, жившіе постоянной мыслью выѣзда изъ Сибири, охватила паника. Какъ стадо, напуганное призракомъ смерти, рванулись легіонеры назадъ, на востокъ, ничего не видя, кромѣ страха опасенія за свои жизни. Подъ вліяніемъ паники, пользуясь силой и покровительствомъ высокихъ русскихъ гостей-союзныхъ представителей, эти банды стали совершать подлинно Каиново дѣло. Остановить взбунтовавшіеся, бѣшенныя массы можно было только силой японскихъ и англійскихъ штыковъ, да рѣзкими крайними мѣрами; возможность этого была въ рукахъ генераловъ Нокса и Жанэна, но они не захотѣли помочь намъ это сдѣлать.

Вотъ короткое описаніе происходившей трагедіи («Чехо-Словаки» статья Славянофила въ газетѣ «Дѣло Россіи» № 14. 1920 г.):

«Длинною лентой между Омскомъ и Новониколаевскомъ вытянулись эшелоны съ бѣженцами и санитарные поѣзда, направлявшіеся на востокъ. Однако лишь нѣсколько головныхъ эшелоновъ успѣли пробиться до Забайкалья, всѣ остальные безнадежно застряли въ пути.

Много беззащитныхъ стариковъ, женщинъ и дѣтей были перебиты озвѣрѣвшими красными, еще больше замерзло въ нетопленныхъ вагонахъ и умерло отъ истощенія или стали

жертвой сыпного тифа. Немногимъ удалось спастись изъ этого ада. Съ одной стороны надвигались большевики, съ другой лежала безконечная, холодная Сибирская тайга, въ которой нельзя было разыскать ни крова, ни пищи.

Постепенно замирала жизнь въ этихъ эшелонахъ смерти. Затихали стоны умирающихъ, обрывался дѣтскій плачъ, и умолкало рыданіе матерей.

Безмолвно стояли на рельсахъ красные вагоны — саркофаги со своимъ страшнымъ грузомъ, тихо перешептывались могучими вѣтвями вѣковыя сибирскія ели, единственные свидѣтели этой драмы, а вьюги и бураны напѣвали надъ безвременно погибшими свои надгробныя пѣсни и заметали ихъ бѣлымъ, снѣжнымъ саваномъ.

Главными, если не единственными, виновниками всего этого непередаваемаго словами ужаса были чехи.

Вмѣсто того, чтобы спокойно оставаться на своемъ посту и пропустить эшелоны съ бѣженцами и санитарные поѣзда, чехи силою стали отбирать у нихъ паровозы, согнали всѣ цѣлые паровозы на свои участки и задерживали всѣ, слѣдовавшіе на западъ. Благодаря такому самоуправству чеховъ, весь западный участокъ желѣзной дороги сразу же былъ поставленъ въ безвыходное положеніе».

И дальше: «Болѣе пятидесяти процентовъ имѣющагося въ рукахъ чеховъ подвижного состава было занято подъ запасы и товары, правдами и неправдами пріобрѣтенными ими на Волгѣ, Уралѣ и въ Сибири. Тысячи русскихъ гражданъ, женщинъ и дѣтей были обречены на гибель ради этого проклятаго движимаго имущества чеховъ».

Докторъ Гирса и Богданъ Павлу взывали въ своемъ меморандумѣ къ суду народовъ всего міра, — какъ разъ наканунѣ этого дѣла, подобнаго которому не было въ исторіи всѣхъ вѣковъ. . .

На этомъ гнусное предательство не кончилось; было ясно, что выполнители скрытой указки интернаціонала, соціалисты, пойдутъ теперь до конца, будутъ стремиться къ полному уничтоженію вождей національнаго дѣла. Къ несчастью, Верховный Правитель предолжалъ относиться довѣрчиво къ союзнымъ представителямъ, все также переоцѣнивалъ значеніе и вліяніе на жизнь своихъ министровъ. Оттого-то, вѣроятно, и ускользнула изъ его вниманія неизбѣжная послѣдовательность событій въ тылу, оттого-то, очевидно, слѣдуя призыву своихъ министровъ, онъ рѣшилъ и самъ ѣхать въ Иркутскъ, отдѣлился отъ боевой арміи.

А это и нужно было заговорщикамъ. Тутъ-то они и выявили, уже не стѣсняясь ничѣмъ, свое открытое лицо.

4.

Цѣпь злодѣяній, совершенныхъ иностранной интервенціей въ Сибири, дополнилась еще и предательствомъ чехо-словацкими вожаками самого адмирала Колчака — въ руки ихъ политическихъ единомышленниковъ и соучастниковъ, въ руки эсъ-эровъ.

Впослѣдствіи чешскіе политики выпустили обращеніе къ Сибири; въ немъ они заявляли, что, взявъ адмирала Колчака подъ свою охрану, чехи предали его «*народному суду* не только, какъ *реакціонера,* но и какъ *врага чеховъ,* такъ какъ адмиралъ приказалъ атаману Семенову не останавливаться передъ взрывомъ тоннелей для того, чтобы задержать чешское отступленіе на востокъ».

Каждая черточка всѣхъ этихъ дѣйствій, ихъ попытокъ обѣлиться и оправдаться путемъ нотъ и обращеній — перлы самой, беззастѣнчивой подлости смѣшанной съ наивностью, граничащей съ глупостью. Это А. В. Колчакъ-то реакціонеръ! Да если онъ отчего и погибъ, отчего рухнуло и возглавляемое имъ дѣло, — такъ это главнымъ образомъ, оттого, что онъ дѣлалъ слишкомъ много уступокъ, терпѣлъ соціалистовъ въ своемъ кабинетѣ министровъ, отказывался признать и объявить партію эсъ-эровъ противоправительственной, вредной и врагами народа, неоднократно упоминалъ въ своихъ декларацiяхъ о созывѣ по приходѣ въ Москву «учредительнаго собранія», наконецъ обѣщалъ и издалъ даже указъ о созывѣ въ Сибири «земскаго собора».

Кромѣ всего, — чехи постоянно заявляли, и въ послѣдній разъ въ пресловутомъ ноябрьскомъ меморандумѣ Гирса и Павлу, что они не хотятъ и не считаютъ себя въ правѣ вмѣшиваться во внутреннія русскія дѣла. Слѣдовательно, какое имъ могло быть дѣло до реакціонности того или другого изъ русскихъ дѣятелей!

Тотчасъ послѣ ареста Верховнаго Правителя чехами на станціи Нижнеудинскъ, совѣтъ министровъ какъ-то самъ собой распался, и большинство ихъ уѣхало на востокъ; а въ Иркутскѣ тотчасъ же образовался политическій центръ, состоящій изъ трехъ авантюристовъ, харьковскаго спекулянта Фельдмана, Косьминскаго и подпоручика – дезертира; этотъ «политическій центръ» объявилъ себя носителемъ Россійской верховной власти. Первое распоряженіе министра финансовъ этого новаго правительства, жидка-фактора и партійнаго эсъ-эра, Патушинскаго было телеграфное приказаніе управляющему Владивостокской таможней Ковалевскому: «Безпрепятственно и безъ всякаго досмотра пропускать къ погрузкѣ на пароходъ все, что пожелаютъ вывезти чехи, въ виду ихъ заслугъ передъ Россіей».

Россійское государственное достояніе, двѣсти восемьдесять тысячъ пудовъ золотого запаса, чехи довезли до Иркутска, причемъ было установлено, что по дорогѣ одинъ вагонъ, т. е. тысяча пудовъ, былъ ими разграбленъ («Чехи и С-Ры» статья въ газетѣ «Дѣло Россіи» № 10. 1920 г.). Въ Иркутскѣ золото было сдано своимъ людямъ, тому же политическому центру; на сдаточной вѣдомости были подписи спекулянта Фельдмана и еще какого-то рядового эсъ-эра, бывшаго владѣльца ресторана въ Иркутскѣ.

Эсъ-эры и ихъ политическій центръ продержались въ Иркутскѣ только восемь дней, послѣ чего власть была захвачена большевицкимъ совдепомъ во главѣ съ агентомъ Московской совѣтской власти. Чехи сумѣли сговориться и съ ними.

Гдѣ нашли Патушинскіе и компанія заслуги передъ Россіей: теперь ли, въ предательствѣ чеховъ, или въ ихъ выступленіи лѣтомъ 1918 года, когда они, добиваясь личной безопасности, потревожили русскій муравейникъ. Отвѣтъ ясенъ — помощь Московскому интернаціоналу, погубленіе русскаго дѣла — вотъ заслуга передъ Россіей, по мнѣнію Патушинскихъ.

И вѣдь представить себѣ только, что все это продѣлывалось на глазахъ всѣхъ союзныхъ странъ, — ибо эти глаза существовали тогда еще въ Сибири въ лицѣ высокихъ комиссаровъ и военныхъ миссій; всѣ они внимательно и пытливо слѣдили за разворачивавшимися событіями, ежедневно ставя о нихъ въ извѣстность Парижъ, Лондонъ и Нью-Іоркъ. Знаменитая въ исторіи фигура, достойная быть поставленной на ряду съ Искаріотскимъ Іудой, французской службы генералъ Жанэнъ телеграфировалъ въ Парижъ, что «доблестные» чехо-словаки по его приказанію передали золотой запасъ политическому центру.

Мѣсто не позволяетъ еще подробнѣе развернуть и вырисовать всѣ детали этой картины, какъ военно-плѣнные Россіи подъ командой французскаго генерала топтали въ грязи и крови все, что было въ Россіи національнаго, честнаго, готоваго до конца остаться вѣрнымъ долгу: очевидно, за то, что простецкая наша страна слишкомъ усердно спасала Парижъ; видно, это была расплата за то, что Святая Русь положила за дѣло союзниковъ въ Міровой войнѣ свыше трехъ милліоновъ своихъ лучшихъ сыновъ убитыми въ бояхъ.

Цѣль настоящаго очерка — лишь обрисовать въ общихъ чертахъ тѣ трудныя условія, въ какія было поставлено дѣло бѣлыхъ со стороны пресловутыхъ интервентовъ, какъ были собраны и подготовлены ими силы враждебныя національному возрожденію Россіи, какъ было совершено предательство.

Передавъ въ руки эсъ-эровъ Верховнаго Правителя, сдавъ политическому центру русскій золотой запасъ, чехо-словацкіе

эшелоны продолжали свое движеніе на востокъ. По пути они захватили наличную кассу Иркутскаго казначейства и клише экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ для печатанія денежныхъ знаковъ; купюры ихъ они начали усиленно печатать, преимущественно билеты тысячерублеваго достоинства. (»Чехи и С-Ры» статья въ газетѣ «Дѣло Россіи» № 10. 1920 г.).

На ихъ пути встрѣтился еще одинъ крѣпкій русскій раіонъ — Забайкалье съ Читой, гдѣ сохранилась русская національная сила подъ начальствомъ атамана Семенова. Чехи знали, что имъ не пройти мимо этой заставы безнаказанно.

Но и здѣсь они находятъ помощь интервентовъ-союзниковъ. Янъ Сыровой сосредотачиваетъ нѣсколько эшеленовъ къ станціи Мысовой и къ городу Верхнеудинску, высаживаетъ свои части и, при содѣйствіи и вооруженной поддержкѣ 30-го американскаго пѣхотнаго полка, нападаетъ внезапно на русскія части; послѣ короткаго боя чехи и американцы обезоружили эти отряды атамана Семенова. Разоруженіе въ Верхнеудинскѣ сопровождалось похищеніемъ восьми милліоновъ казенныхъ денегъ. («Чехо-Словаки» статья Славянофила въ газетѣ «Дѣло Россіи» № 14. 1920 г.).

То же самое собирались чехи продѣлать и въ Читѣ, главной квартирѣ атамана Семенова, но тамъ былъ уже раіонъ охраны желѣзной дороги японцами; со стороны ихъ командованія чехи встрѣтили серьезный отпоръ, вступать съ ними въ бой не посмѣли, а обратились къ заступничеству своего соучастника и руководителя Жанэна. Союзнымъ концертомъ было оказано на японцевъ давленіе, послѣ чего атаманъ Семеновъ былъ принужденъ разрѣшить чехо-словакамъ проѣзжать черезъ Читу на востокъ, но съ условіемъ, чтобы ни одинъ чехъ-солдатъ не смѣлъ выходить изъ поѣзда на станцію и въ городъ.

Первые чешскіе эшелоны вышли въ полосу отчужденія Восточной-Китайской желѣзной дороги и добрались до Харбина. Вотъ какъ описываетъ это очевидецъ («Чехо-Словаки» статья Славянофила въ газетѣ «Дѣло Россіи» № 14. 1920 г.):

«Интересную картину представлялъ Харбинъ въ дни прохода чешскихъ эшелоновъ. Прежде всего прибытіе чеховъ отмѣчалось рѣзкимъ паденіемъ курса рубля. Китайскіе мѣнялы сразу учитывали, что на рынокъ будетъ выброшенно много рублей и играли на этомъ. Мѣняльныя лавки были полны чехами, мѣнявшими русское золото и фунты кредитокъ на іены и доллары. На барахолкѣ шла бойкая распродажа движимаго имущества, начиная отъ граммофоновъ и швейныхъ машинъ и кончая золотыми брошками и браслетами.

На станціи же желѣзной дороги распродавались рысистыя лошади и всякаго рода экипажи.»

Цѣлые мѣшки сибирскихъ кредитныхъ билетовъ, частью похищенныхъ, частью напечатанныхъ самовольно, были выпущены чехами на Харбинскій денежный рынокъ. Во Владивостокѣ они представили для обмѣна 100 милліоновъ свѣжихъ купюръ тысячнаго достоинства.

То были первые эшелоны. Задніе же въ это время еще находились западнѣе Иркутска. Казалось бы, что для пропуска ихъ на востокъ, чехамъ необходимо было выгнать боемъ большевиковъ, засѣвшихъ въ Иркутскѣ, выхвативших тамъ власть изъ рукъ эсъ-эровскаго политическаго центра. Чехи отлично знали, что бѣлая русская армія окажетъ имъ въ этомъ самую дѣйствительную помощь. Но руководители чехо-словацкаго воинства во главѣ съ Яномъ Сыровымъ остались вѣрны себѣ до конца. Они предпочли пойти съ комиссарами на мировую и заключили форменное условіе, гдѣ было предусмотрѣно, какое разстояніе должно быть между послѣднымъ, заднимъ чешскимъ эшеленомъ и авангардомъ совѣтской красной арміи, кого еще чехи должны выдать большевикамъ, въ какихъ условіяхъ они должны обезоруживать отряды нашей, бѣлой арміи; негласно чехи снабжали мѣстныя красноармейскія банды оружіемъ и боевыми припасами.

Больше того — они возили въ своихъ поѣздахъ большевицкихъ агитаторовъ; доставили во Владивостокъ представителя Московскаго совѣтскаго правительства жида Виленскаго; предоставили въ распоряженіе большевиковъ пользованіе чехословацкой войсковой почтой. Словомъ дошли до предѣла.

Безконечно тяжелое положеніе было многихъ русскихъ офицеровъ, добровольцевъ, бѣженцевъ и женщинъ, такъ какъ многіе отбились отъ нашей арміи, шли и ѣхали одиночнымъ порядкомъ. Такъ какъ русскихъ поѣздовъ не было и вся желѣзная дорога была набита исключительно чешскими эшелонами, то естественно, что всѣ они обращались за помощью къ чешскимъ офицерамъ, расчитывая на ихъ самое примитивное благородство, а главное изъ-за безвыходности положенія: приходилось спасать жизнь отъ большевиковъ и эсъ-эровъ.

Чаще всего чехи отказывали русскимъ въ ихъ просьбѣ помѣститься въ вагонахъ, гдѣ просторно ѣхали ихъ нижніе чины, наши военно-плѣнные, и везли грузы. Иногда они принимали, но затѣмъ на одной изъ слѣдующихъ станцій выдавали большевикамъ.

За разрѣшеніе проѣхать въ нетопленномъ конскомъ вагонѣ чехи брали отъ пяти до пятнадцати тысячъ рублей, или золотыя вещи; но и плата не всегда гарантировала жизнь и доставленіе до Забайкалья, гдѣ была уже безопасная отъ большевиковъ зона.

Около станціи Оловянная изъ проходящаго чешскаго эшелона было выброшено три мѣшка въ рѣку Ононъ. Въ мѣш-

кахъ нашли трупы русскихъ женщинъ. Нѣтъ возможности установить хотя бы приблизительно синодикъ погубленныхъ и преданныхъ за этотъ періодъ.

Благодаря случайно спасшемуся полковнику барону Делинсгаузену выяснилась вся грязь предательства чехами славнаго Сибирскаго казака, генералъ-маіора Волкова и его небольшого отряда.

Генералъ Волковъ отбился отъ арміи и не могъ догнать ее. Между тѣмъ насѣдали красные съ запада и появились банды съ востока, отъ Иркутска; тогда около станціи Ангара Волковъ обратился за помощью и спасеніемъ къ начальнику стоявшаго тамъ чешскаго эшелона.

— «Впереди никакихъ красныхъ нѣтъ,» отвѣтилъ тотъ, — «Вы смѣло можете двигаться вдоль полотна, но только торопитесь.»

Въ 1½ верстахъ отъ станціи отрядъ былъ встрѣченъ залпами; первыми выстрѣлами былъ убитъ генералъ Волковъ и смертельно ранена его жена. Изъ всего отряда спаслись только шесть человѣкъ съ барономъ Делинсгаузеномъ. По возвращеніи на станцію они были встрѣчены словами:

«Какъ!.. Вы не пробились? Вѣдь красныхъ было такъ мало...»

Черезъ короткое время большевики подошли къ станціи, и всѣ шесть спасшихся были выданы имъ по приказанію того же начальника эшелона. Всѣ выданные были разстрѣлены; только барону Делинсгаузену удалось спастись буквально чудомъ. Подробный разсказъ его приведенъ былъ тогда же, по прибытіи его въ Харбинъ, во всѣхъ Дальне-Восточныхъ газетахъ.

Для полноты впечатлѣнія о степени предательства, надо сказать нѣсколько словъ и о томъ, въ какое положеніе была поставлена этимъ стаднымъ стремленіемъ на Востокъ чеховъ 5-я польская дивизія, которая формировалась также въ Сибири и находилась подъ покровительствомъ Франціи и подъ главнокомандованіемъ того же Жанэна.

Чтобы не дать возможности полякамъ продвинуть ихъ санитарные поѣзда и семьи раньше чешскихъ эшелоновъ, — что было опять таки только справедливо, — чехи поставили на главныхъ путяхъ западнѣе станціи Клюквенной три пустыхъ замороженныхъ эшелона.

На предложеніе поляковъ отдать чехамъ двадцать паровозовъ со всѣмъ имуществемъ за пропускъ на востокъ двухъ польскихъ санитарныхъ поѣздовъ и трехъ эшелоновъ съ семьями, былъ полученъ по телеграфу отвѣтъ отъ Жанэна и Сырового, что «планъ эвакуаціи остается неизмѣннымъ».

Назрѣвало кровавое столкновеніе польскихъ частей съ идущимъ въ хвостѣ бѣгущаго стада, 12-мъ чехо-словацкимъ полкомъ; для предупрежденія его, командиръ послѣдняго завѣрилъ честнымъ словомъ польское командованіе, что онъ уберетъ замороженные составы и откроетъ путь. Такъ тянулось дѣло три дня.

Путь не былъ очищенъ. Съ запада надвинулись части красной арміи, которыми и была плѣнена 5-я польская дивизія; капитуляція состоялась на условіяхъ, дававшимъ полякамъ возвращеніе на родину.

Но, ясно, что послѣ сдачи оружія большевики всѣ эти условія нарушили. Свыше двухъ тысячъ офицеровъ и солдатъ были посажены за проволоку, изъ остальныхъ составили рабочіе команды и отправили въ Сибирскіе рудники, а семьи — женщинъ и дѣтей выбросили изъ вагоновъ на тридцатиградусный морозъ.

5.

Дойдя до Владивостока чехи стали постепенно, по мѣрѣ предоставленія имъ «союзниками» транспорта, грузиться на суда, стаскивая сюда же и награбленное имущество. Никто не могъ защитить интересы нашего народа и страны, такъ какъ все русское національное было истреблено почти на чисто, остатки бѣлой арміи совершали тяжелый походъ черезъ Сибирь, временно на верху, у власти оказалась снова соціалистическая муть; во Владивостокѣ распоряжалось эсъ-эровское правительство Медвѣдева и К$^{\underline{о}}$, которое помогало чехамъ дополнить ихъ запасы, не забывая и себя[1]). Многое осталось неизвѣстнымъ, но тогда же было кое-что обнаружено; такъ, напримѣръ, было опубликовано, что эсъ-эры продали чехамъ сотни тысячъ пудовъ мѣди по 8 іенъ за пудъ, вмѣсто минимальной рыночной цѣны въ 20 іенъ пудъ.

Иностранцы смотрѣли на все это холодно, равнодушно и только иной разъ, — кто почестнѣе, — съ презрѣніемъ; лишь одинъ разъ англійскій консулъ остановилъ погрузку резины на общую сумму около пяти милліоновъ іенъ, взятой чехами изъ Владивостокскихъ пакгаузовъ, — остановилъ только потому, что тамъ пострадали бы интересы и англійскихъ подданныхъ.

---

[1]) «Они расхищаютъ частное имущество, частные грузы, частью отдаютъ чехамъ по баснословно дешевой цѣнѣ, частью грузятъ при содѣйствіи чеховъ на иностранные пароходы, будто въ Совѣтскую Россію, а частью сами распродаютъ исподтишка японцамъ и другимъ иностранцамъ.

Члены правительства Медвѣдева спѣшатъ за-границу. Бѣжитъ жена министра финансовъ Никифорова, кооператоръ Ландсбергъ съ 12 чемоданами платины, Огаревъ и др. Власть приказываетъ не осматривать ихъ вещей.» («Чехи и С-ры» газета «Дѣло Россіи» 1920 г. № 10).

Отдѣльные русскіе люди и несоціалистическая пресса пробовали протестовать, опубликовывать вопіющіе факты открытаго, безнаказаннаго ограбленія Россіи. Чехи или оставляли безъ отвѣта, — или отвѣчали отписками, иногда только подтверждавшими всѣ эти факты. Прочія страны Согласія хранили упорное молчаніе.

Вотъ одинъ изъ документальныхъ примѣровъ. Въ номерѣ отъ 1 мая 1920 г. газеты «Japan Advertiser» была помѣщена телеграфная корреспонденція, изъ Владивостока, слѣдующаго содержанія:

«Вчерашній отъѣздъ транспорта «Президентъ Грантъ» — оставилъ еще 16000 чеховъ для эвакуаціи; транспортъ для нихъ еще не предусмотрѣнъ и не ожидается раньше конца іюня. Есть предположеніе зафрахтовать японскіе пароходы, такъ какъ ничѣмъ не занятые чехи суть причина постоянныхъ волненій и недоразумѣній. «Президентъ Грантъ» увезъ 5500 чехословаковъ, а также сотни тоннъ золота, серебра, мѣди, машинъ, сахара и всякихъ другихъ продуктовъ, какъ и другое награбленное добро, которое чехи увозятъ съ собою изъ Сибири».

Чехо-словацкій посланникъ въ Токіо г-нъ Перглеръ нашелъ нужнымъ и возможнымъ представить такой отвѣтъ, помѣщенный вслѣдъ за тѣмъ, въ той же газетѣ и въ русской Дальне-Восточной прессѣ:

«Газеты содержатъ сообщеніе изъ Владивостока отъ 28-го апрѣля касательно возвращенія на родину чехо-словацкой арміи изъ Сибири, а также относительно отъѣзда американскаго транспорта «Президентъ Грантъ», увозящаго 5500 чехословаковъ. Сообщеніе газеты: «Президентъ Грантъ» увозилъ 5500 чехословаковъ, сотни тоннъ золота, серебра, мѣди, машинъ, сахара, снаряженій и другого награбленнаго добра, которое чехи увозятъ съ собою изъ Сибири. — Газеты озаглавливаютъ это сообщеніе слѣдующими словами; «Чехи увозятъ награбленное изъ Сибири» и «чехи грабятъ Сибирь». — Словарь опредѣляетъ слово награбленное, какъ обозначающее грабежъ въ связи съ войной и всеобщимъ разстройствомъ порядка; чехословацкіе солдаты такимъ бразомъ обвиняются въ весьма серьезномъ преступленіи.

Обязанности дипломата, насколько я[1]) ихъ понимаю, заключаютъ въ себѣ также защиту добраго имени своей страны и своихъ согражданъ. Эта обязанность особенно существенна, когда ставится вопросъ о добромъ имени арміи, которою *восторгался*[2]) весь свѣтъ, какъ въ данномъ случаѣ чехо-словацкой арміей въ Сибири. Тотъ фактъ, что чехо-словаки увозятъ изъ

---

[1]) Т. е. господинъ Перглеръ. Весь документъ, письмо Перглера въ редакціи газетъ, приведенъ точно безъ измѣненія.

[2]) Курсивъ вездѣ мой. К. С.

Сибири, въ этомъ случаѣ на американскомъ транспортѣ, *свое собранное имущество*, пріобрѣтенное на свои собственныя деньги. Чехо-словаки находились въ Сибири очень долго. Эти солдаты всѣ *воспитанные люди*, многіе изъ нихъ окончили университеты, интеллигентные рабочіе и ремесленники. Какъ солдаты они получали извѣстное количество денегъ. Вмѣсто того, чтобы расходовать свое жалованье, *они сложили свои финансы и основали большое торговое общество*, а также значительные банки, банкъ чехо-словацкихъ легіонеровъ. Эти *доходы увеличивались при русскихъ условіяхъ* потому, что жалованіе было уплачиваемо во франкахъ и выплачивалось по курсу дня русскими деньгами. Солдаты скупали большое количество запасовъ, и именно эти запасы теперь увозятъ въ республику. Для нихъ было особенно важно купить хлопокъ, необходимый въ текстильной промышленности и въ этихъ покупкахъ они дошли до такихъ размѣровъ, что въ октябрѣ русскій экономистъ рекомендовалъ сокращеніе покупокъ хлопка чехами, это, очевидно, доказываетъ, что эти сдѣлки были законныя, основанныя на обычныхъ методахъ покупки и продажи.

Что чешскіе солдаты дѣлаютъ со своимъ жалованіемъ, какъ бы *незначительно оно ни было*, видно изъ того, что въ 1918 году они подписали пять милліоновъ франковъ на заемъ чехословацкаго національнаго совѣта для поддержки этой же арміи.»

Поставимъ и мы точку. Этотъ документъ говоритъ самъ за себя и въ немъ есть подтвержденіе всего, что изложено въ настоящей V-й главѣ, — подтвержденіе частью словами, частью формой умолчанія.

Къ этому остается прибавить немного словъ, четыре короткихъ вывода. Во-первыхъ, объ общемъ славянскомъ дѣлѣ. — Какъ блестяще и полно доказали дѣйствія вожаковъ чехословацкаго корпуса правильность и справедливость вѣчныхъ безпокойствъ и хлопотъ старухи матери Россіи о мелкихъ, несчастныхъ, забитыхъ славянскихъ племенахъ! Доказали также и вѣрность нашего всегдашняго представленія о той большой любви, которую славянскіе народцы питали и питаютъ къ Святой Руси.

Обще-славянское дѣло было чуть ли не главной проблемой въ Императорской Россіи; и Міровая война, вѣдь, имѣла поводомъ къ ея началу ту же заботу о младшихъ братьяхъ-славянахъ, стремленіе защитить ихъ самостоятельность.

Сердце всей Россіи и сердца русскихъ были отзывчивы и бились для другихъ; Россія болѣла за нихъ и готова была жертвовать кровью и жизнями своихъ сыновъ за это обще-славянское дѣло и за свободу и счастье мелкихъ славянскихъ народцевъ.

Эпопея чехо-словацкой арміи въ Сибири, которой по словамъ чешскаго посла въ Японіи, восторгался весь міръ, — дала Россіи хорошую благодарность и еще лучшій урокъ. Никто на свѣтѣ, включая и честные элементы Чехо-Славіи, не будетъ спорить, что славянской задачѣ и славянскому единству чехо-словацкое воинство въ Сибири нанесло такой ударъ, какого не придумалъ бы и самый злѣйшій врагъ.

Второе. Горе Россіи безгранично. Истерзанная, окровавленная и распятая, она уже перестаетъ биться въ рукахъ ея палачей, подавляющее число которыхъ — интернаціональное еврейство. Наша великая страна покрыта пожарищами, ужасными застѣнками, безконечными кладбищами, залита кровью и слезами. И въ мученичествѣ Россіи — то, что совершено чехо-словаками въ 1918—1919 годахъ, есть страшная доля; русскому народу въ концѣ концовъ не такъ жалко тѣхъ многомилліонныхъ цѣнностей, которыя украли и увезли за море, и даже кровь и страданія, причиненныя по милости чехо-словацкаго корпуса, отходятъ и тонутъ въ прошломъ, — вѣдь били-то Россію, уже избитую интернаціоналомъ до безчувствія, и крали у Россіи ея богатства въ тѣ дни, когда у нея разворовали почти все, украли даже ея честь и право на жизнь. Поможетъ Господь, и Россія переживетъ и залечитъ все это.

Но предательство, смертельный ударъ брата изъ-за угла въ спину, ударъ въ то время, когда русскій народъ напрягъ всѣ усилія, чтобы сбросить со своей шеи цѣпкія лапы интернаціонала и вырвать ножъ, всаженный имъ въ сердце, — вотъ что страшнѣе всего и вотъ чего Россія простить не можетъ никогда. И не имѣетъ права.

Третье. Никто не собирается и не хочетъ винить народы чеховъ и словаковъ за дѣйствія кучки грязныхъ политическихъ дѣльцовъ чешскаго національнаго комитета и за стадное движеніе разнузданной ими массы военноплѣнныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Чехіи не мало есть честныхъ и доблестныхъ Швецовъ; нѣтъ сомнѣнія также, что народы Чехо-Славіи не знаютъ всего ужаса, содѣяннаго ихъ людьми въ Сибири, не имѣютъ представленія даже и о тысячной доли той низости, что была проявлена ими.

И пожалуй, что этимъ-то народамъ, чехамъ и словакамъ, ихъ собственной странѣ всѣ эти дѣльцы принесли вредъ и сдѣлали зло, не меньшее, чѣмъ нашей Россіи. Пройдутъ даже не вѣка, а десятки лѣтъ, человѣчество въ поискахъ справедливаго равновѣсія, не разъ еще столкнется въ борьбѣ, не разъ, возможно, измѣнитъ и карту Европы; кости всѣхъ этихъ Благошей и Павлу истлѣютъ въ землѣ; русскія цѣнности, привезенныя ими изъ Сибири, тоже вѣдь исчезнутъ, — на мѣсто ихъ человѣчество добудетъ и сдѣлаетъ новыя, другія. Но предательство,

Іудино дѣло съ одной стороны, и чистыя крестныя страданія Россіи — съ другой — не прейдутъ, не забудутся и будутъ долго, вѣками передаваться изъ потомства въ потомство.

А Благоши и К⁰ прочно укрѣпили на этомъ ярлыкъ: Вотъ что сдѣлалъ чехо-словацкій корпусъ въ Сибири!

И Россія должна спросить чешскій и словацкій народы, какъ они отнеслись къ іудамъ-предателямъ и что они намѣрены сдѣлать для исправленія причиненныхъ Россіи злодѣяній.

Наконецъ, въ четвертыхъ, — приходится повториться, но нельзя не подчеркнуть, что все зло, описанное здѣсь, это величайшее предательство, было продѣлано при свидѣтеляхъ, при молчаливомъ согласіи, а иногда и при поощреніи «союзныхъ» представителей. Не разъ брало раздумье русскихъ людей, стоявшихъ у власти въ тѣ кровавые годы: не былъ ли и камертонъ у нихъ въ рукахъ?

Во всякомъ случаѣ, если не камертонъ, то какія то скрытыя нити тянулись. Не даромъ Ллойдъ-Джорджъ сейчасъ же за окончаніемъ этого акта міровой трагедіи быстро перемѣнилъ гримъ и открылъ новую игру не только примиренія съ большевиками, но даже заключенія съ ними договоровъ.

Предыдущій актъ былъ имъ доигранъ — русское національное дѣло было почти погублено.

Главное, самое крупное, что произошло въ Восточной Россіи за 1918 и 1919 годы описано въ предыдущихъ главахъ. Но расчеты враговъ Россіи не оправдались, армія подъ Красноярскомъ была разбита, но не уничтожена. Цѣль слѣдующей главы — прослѣдить ея путь и дальнѣйшую судьбу.

ГЛАВА XI.

Ледяной Сибирскій походъ.

1.

Послѣ кошмарно-тревожной ночи, закончившей Красноярскую трагедію, наступило славное зимнее утро, одно изъ тѣхъ, что бываютъ только въ Россіи на святкахъ. Чистый прозрачный свѣжій воздухъ. Бѣлый снѣгъ блеститъ серебромъ и алмазами; нога утопаетъ слегка въ его упругой массѣ и при каждомъ шагѣ хруститъ мелодичнымъ волнующимъ звукомъ. Съ голубого неба лились потоки яркихъ, ослѣпляющихъ солнечныхъ лучей, ихъ тепло смягчало и безъ того некрѣпкій морозъ, который только слегка щипалъ за щеки и бодряще прохватывалъ все тѣло. Офицеры и солдаты спозаранокъ, еще до свѣту, выбѣгали изъ жарко-натопленныхъ избъ на улицу, чтобы подбросить лошадямъ сѣна или зайти къ сосѣдямъ узнать что-либо новое.

Было 7 января 1920 года — 25 декабря стараго русскаго стиля, торжественные праздники Христова Рождества. Колокола высокой каменной церкви, бѣлой съ зеленымъ куполомъ, пѣли торжественнымъ перезвономъ на все село Есаульское, расходясь звучными волнами далеко, за Енисей, сзывая православныхъ на общую молитву. И тянулись вереницы крестьянъ съ серьезными бородатыми лицами, шли группы улыбающихся молодицъ, разрумяненныхъ морозомъ, блестящихъ улыбками и ласковыми глазами, проносились ватаги мальчишекъ, тащившихъ салазки, и съ громкимъ смѣхомъ и крикомъ перебрасывавшихся снѣжками. На всѣхъ лицахъ лежала обычная печать того спокойствія и умиротворенія, какое столѣтіями испытывали русскіе люди въ этотъ великій праздникъ Славы въ вышнихъ Богу и мира на землѣ. . . .

И только небольшія кучки офицеровъ и солдатъ, толпившіеся около избъ, на церковной площади и по берегу Енисея,

не участвовали въ общей тихой радости. Они стояли, такіе свои, близкіе и въ то же время отчужденные, ушедшіе далеко отъ обычной жизни, оторванные отъ нее. У всѣхъ на лицахъ выраженіе неземной усталости, которая проглядываетъ во всемъ: изъ голоса, изъ улыбки, изъ каждаго движенія; работаетъ все время и пробѣгаетъ тѣнями по лицамъ напряженная мысль, къ ней примѣшались недоумѣніе и постоянное ожиданіе опасности. Въ то утро въ селѣ Есаульскомъ было двѣ Россіи: одна — старая, кондовая, спокойная, величавая Русь, другая — усталая, измученная, воюющая Россія, пытавшаяся быть новой, а теперь всѣми силами жаждавшая стараго счастья, спокойствія и мирнаго труда. Шесть лѣтъ воевали они, эти люди, и конца не видно было впереди. . .

То тамъ, то тутъ слышатся разговоры; сообщаются новости, съ вновь подходящими дѣлятся свѣдѣніями за вчерашній тяжелый день.

— «Всѣ наши, кто вышли изъ боя, повернули теперь на сѣверъ, прямо вдоль Енисея». . .

— «Куда же они идутъ?»

— «Да куда? Прямо на сѣверъ, чтобы хоть въ тундрахъ укрыться и перезимовать, до весны». . .

— «А много вышло-то вчера изъ боя?»

— «Почти половина полегла» . . . слышится унылый отвѣтъ.

Какъ игла впивается свѣжая новость, жужжитъ, какъ несносная комариная пѣснь.

— «На западъ не пройти, — всѣ дороги и всѣ станціи заняты красными.»

— «Генералъ Войцеховскій снялся сегодня рано утромъ съ тремя полками изъ Есаульскаго и тоже пошелъ на сѣверъ. Говорили, что если можно будетъ, то потомъ на Ангару выйдутъ.»

— «Надо и намъ за ними идти.»

— «Не иначе, какъ тоже на сѣверъ». . .

Раздавались торопливыя, опасливыя заключенія немногихъ, наиболѣе нервныхъ и потрясенныхъ вчерашнимъ Красноярскимъ боемъ. Масса же стояла молча, и только все озабоченнѣе и сумрачнѣе выглядѣли лица.

Въ сторонѣ, около сельской школы, на бревнахъ сидѣла кучка старшихъ офицеровъ, обсуждая тѣ же вопросы и по картѣ намѣчая путь. Только-что подошелъ еще одинъ небольшой отрядъ, егеря полковника Глудкина съ генераломъ Д. А. Лебедевымъ во главѣ. Они пробились у Красноярска одни изъ послѣднихъ и принесли намъ послѣднія свѣдѣнія о красныхъ; объяснилось, почему тѣ не насѣдаютъ теперь:

— «Занялись грабежами огромныхъ обозовъ, отбитыхъ вчера. Почти всѣ красные теперь въ Красноярскѣ. Дальше

на востокъ, если и есть большевики, то отдѣльныя небольшія банды. Надо быстрѣе, не теряя времени, двигаться форсированными маршами, — тогда пройдемъ.»

Рискъ нѣкоторый былъ. Но гдѣ его тогда не было?! Путь на сѣверъ по Енисею лежалъ мѣстами по ледяной пустынѣ, безъ признаковъ жилья на протяженіахъ въ восемьдесятъ — сто верстъ; затѣмъ, даже при условіи выхода потомъ на востокъ по рѣкѣ Кану или по Ангарѣ, снова вышли бы на ту же опасность, пожалуй еще большую, такъ какъ это сѣверное направленіе сильно удлиняло весь путь и вызывало большую потерю времени. Поэтому рѣшено было двигаться на востокъ, придерживаясь въ общемъ линіи желѣзной дороги.

— «Запрягать, сѣдла-а-ай,» раздались, звонко перекликаясь по улицамъ большого села, команды.

Люди встряхнулись и живо, съ прибаутками, кинулись по дворамъ. Черезъ нѣсколько минутъ выступили передовые дозоры, за ними небольшой авангардъ, и скоро весь отрядъ въ составѣ немногимъ болѣе тысячи людей вытянулся по зимней проселочной дорогѣ. Проводники изъ мѣстныхъ крестьянъ обѣщали провести насъ кратчайшимъ путемъ, въ обходъ занятыхъ красными деревень, — на главный трактъ.

Времени терять было нельзя, поэтому шли почти безъ приваловъ, со скоростью, какую допускали наши не вполнѣ отдохнувшіе кони.

Небольшой отрядъ, состоявшій на одну треть изъ конницы и на двѣ трети изъ пѣхоты и пулеметчиковъ на саняхъ, бодро подвигался впередъ. Настроеніе было такое же, вѣроятно, какое бываетъ у людей, только-что спасшихся отъ кораблекрушенія. Разразилась катастрофа, пронеслась буря, сокрушительный, уничтожающій все, ураганъ. И вотъ заброшенные въ волнѣ клокочущей стихіи, они случайно лишь, потому что не потеряли сознанія и способности разсуждать, ухватились за обломки, связали изъ нихъ плотъ. Внизу реветъ бездонная пучина, воетъ ураганъ, темно на горизонтѣ; и плотъ, маленькій и несчастный, носится, бьется, трепещетъ, но все-таки плыветъ, управляемый слабой рукой человѣка. Куда они плывутъ и зачѣмъ? Туда къ темному горизонту, гдѣ не видно ничего, но гдѣ все же есть надежда найти землю; плывутъ затѣмъ, чтобы не опустить руки, чтобы бороться до конца со стихіей и, можетъ быть, побѣдить ея взбунтовавшуюся силу. Главныя чувства, которыя испытываютъ люди въ такія минуты, — врожденная радость и жажда жизни, безотчетная гордость сознанія силъ, надежда на успѣхъ, вѣра въ побѣду. . .

Дорога шла по рѣкѣ Есауловкѣ, горный потокъ, бѣгущій между отвѣсныхъ скалъ. Гигантскими стѣнами возвышаются онѣ, то голыя и гладкія, точно отшлифованныя, то отходящія

уступами вглубь и покрытыя столѣтнимъ лѣсомъ. Кедры, пихты, лиственницы и сосны громоздятся въ полномъ безпорядкѣ, окруженныя густой дѣвственной зарослью. Стремнина горной рѣченки до того быстра, что мѣстами не замерзаетъ даже въ самые трескучіе морозы; сани проваливались и скрипѣли полозьями по каменному дну. Изрѣдка дорога уходила на берегъ, на узкую полоску его, подъ самыя скалы. Часа черезъ три попалось небольшое жилье сибирской семьи лѣсного промышленника, охотника. Отъ двора отходитъ въ лѣсъ небольшая, слабо наѣзженная проселочная дорога въ сосѣднее село. Вышелъ изъ избушки лѣсовикъ. Мрачное, но не хмурое лицо, здороваго красно-бураго цвѣта, острые глаза, смотрѣвшіе съ добродушнымъ участіемъ на обступившихъ его егерей и стрѣлковъ, широкіе угловатые жесты и грубый голосъ съ растяжкой на букву «о». Лѣсовикъ объяснилъ, что рано утромъ онъ вернулся изъ села, куда съ вечера прибыла банда красныхъ, человѣкъ въ триста. Ждали еще.

Выславъ въ направленіи на село, занятое большевиками, боковой авагардъ отъ конныхъ егерей, отрядъ продолжалъ движеніе по рѣкѣ. Горы и лѣсная чаща еще болѣе дикія, путь еще труднѣе. Въ одномъ мѣстѣ скалы сошлись вплотную: чтобы выйти на дорогу, пришлось свернуть въ лѣсъ и пробираться между гигантами-деревьями. Вдругъ новое препятствіе, — обрывъ въ нѣсколько десятковъ саженей передъ выходомъ снова въ ущелье рѣки. Остановка, долгій заторъ и осторожный спускъ саней, по одиночкѣ, на рукахъ.

Въ это время со стороны бокового авангарда послышалась, такъ привычная за послѣдніе годы, дробь ружейныхъ выстрѣловъ. Нѣсколько пулеметныхъ строчекъ. Выслали подкрѣпленіе и дозоръ на карьерѣ узнать въ чемъ дѣло. Оказалось, что по дорогѣ изъ села наступала колонна красныхъ, которая, послѣ короткаго боя съ нашимъ авангардомъ, отступила. Стрѣльба прекратилась, смолкли выстрѣлы, будившіе эхо вѣкового сибирскаго лѣса.

Короткій декабрьскій день кончался; быстро катилось по синему небу большое красное солнце, а съ другой стороны, изъ за горъ, между кедрами поднималась чистая серебрянная луна. Еще прекраснѣе и сказочнѣе стала дикая природа, — высокіе, громоздящіеся другъ на друга, какъ замки великановъ, горы, темныя глубокія ущелья и зубчатыя стѣны лѣсовъ.

Зажглись на небѣ рождественскія звѣзды. Отрядъ нашъ шелъ уже болѣе десяти часовъ. Безъ остановокъ, безъ отдыха, безъ пищи. Наконецъ, только къ полночи, горы стали уходить въ сторону, дорога дѣлалась легче, мы приближались къ тракту.

Вернулись передовые дозоры и доложили, что въ ближайшемъ селѣ большевиковъ нѣтъ, квартиры отведены. Оста-

новились на ночлегъ. Спали въ повалку, не раздѣваясь, тяжелымъ сномъ уставшихъ сверхъ мѣры людей, но чуткимъ отъ сознанія опасности, — спали съ винтовками въ рукахъ. Нѣсколько разъ поднималась тревога. Раздавались одиночные выстрѣлы, разъ разгорѣлась стрѣльба. Банды красныхъ подходили къ селу и тревожили всю ночь отдыхъ отряда.

Рано, еще не заалѣлся край востока, всѣ были на ногахъ, слышалась возня сборовъ въ походъ, раздавались въ темнотѣ отрывистые, охрипшіе отъ сна и мороза голосá. Наскоро поѣвъ, выступили дальше. Теперь мы шли уже по Сибирскому тракту. Старая, много видѣвшая дорога, широкая, сажень въ восемь, съ мостами, съ разработанными спусками и подъемами; бѣжитъ эта дорога на тысячи верстъ то степью безконечной, то дремучими густыми лѣсами, то подымаясь въ дикія горы, разсѣкая каменныя твердыни ихъ.

По Сибирскому тракту чаще попадались большія села, гдѣ нашъ отрядъ могъ дѣлать и привалы, и имѣть ночлегъ подъ крышей. Но послѣднее становилось труднѣе съ каждымъ днемъ, такъ какъ здѣсь, по тракту, тянулись отдѣльныя сани, небольшія партіи и отряды, проскочившіе черезъ Красноярскъ раньше рокового сочельника; всѣ они шли впереди нашего отряда и ежедневно мы догоняли все новыхъ и новыхъ.

Квартирьерамъ, которые высылались всегда на рысяхъ впередъ, приходилось имѣть массу затрудненій, иногда чуть не стычекъ, чтобы найти, занять и отстоять достаточное количество избъ для своей части.

Черезъ три дня мы вышли на желѣзную дорогу, у станціи Клюквенной. До сихъ поръ кругомъ насъ были полныя потемки, въ нихъ прорѣзывались слабыми отдѣльными проблесками-зигзагами кое-какіе слухи отрывочныя свѣдѣнія отъ мѣстныхъ жителей. Что творится въ Иркутскѣ и Владивостокѣ, каково положеніе въ Забайкальѣ, гдѣ и сколько находится нашихъ русскихъ воинскихъ частей, что дѣлаютъ союзники и ихъ войска? Какого пункта достигла наступающая совѣтская красная армія? Всѣ эти вопросы до сихъ поръ были полны неизвѣстностью.

На станціи Клюквенной мы нашли довольно много своихъ, — воинскія части и учрежденія, которыя прошли восточнѣе Красноярска раньше; тамъ же стояло нѣсколько чешскихъ эшелоновъ и была польская миссія. Здѣсь царила полная растерянность вслѣдствіе той же неясности, запутанности въ обстановкѣ. Питались и здѣсь, главное, слухами. Чехи встрѣчали нашихъ очень недружелюбно, такъ что на вокзалъ пришлось поставить отъ егерей вооруженный караулъ, чтобы обезпечить нашу безопасность, такъ какъ были попытки со стороны чеховъ обезоружить нѣсколькихъ одиночныхъ офицеровъ.

Вся желѣзная дорога оказалась во власти чеховъ, нечего было и думать получить хотя бы одинъ поѣздъ для нашихъ раненыхъ и больныхъ. Это можно было бы сдѣлать только силой оружія. Какъ разъ въ эти дни на станціи Клюквенной шелъ споръ между чешскимъ командованіемъ и 5-й польской дивизіей; братья-чехи категорически отказывались пропустить на востокъ даже санитарный польскій поѣздъ съ женщинами и дѣтьми.

На слѣдующее утро нашъ отрядъ, увеличившійся въ численности отъ присоединившихся новыхъ частей, выступилъ дальше на востокъ. Цѣлью движенія — былъ Иркутскъ, гдѣ по сбивчивымъ даннымъ велся бой между частями атамана Семенова и мѣстными красноармейцами. Стремленіе было — какъ можно скорѣе пройти туда, полнѣе собрать наши разрозненныя силы и соединиться съ Верховнымъ Правителемъ, о предательскомъ арестѣ котораго мы тогда еще не знали. На станціи Клюквенной стало извѣстно, что трактомъ, немного впереди насъ, идутъ части изъ состава 2-й арміи подъ начальствомъ генерала Вержбицкаго, миновавшія Красноярскъ безъ боя за два дня передъ главными силами бѣлыхъ армій; шли также изъ подъ Красноярска два полка Енисейскихъ казаковъ.

Движеніе по тракту стало теперь гораздо труднѣе: каждой колоннѣ, всякому отрядику хотѣлось проскочить впередъ, никто не стремился добровольно изобразить арьергардъ и нести его тяжелую службу. Населенные пункты во время ночлега были переполнены сверхъ мѣры, причемъ опять таки, благодаря разстройству управленія, происходило занятіе квартиръ чисто захватнымъ правомъ, чуть не доводя дѣло до схватокъ.

На слѣдующій день къ вечеру нашъ отрядъ подошелъ къ большому сибирскому селу Рыбному; на нѣсколько верстъ растянулось оно по обѣ стороны тракта; двѣ церкви, нѣсколько каменныхъ двухъэтажныхъ зданій. Оказалось, что въ этомъ же селѣ ночуютъ и отряды генерала Вержбицкаго, который вздумалъ было приказать егерямъ нашего отряда перейти въ другой районъ. Тѣ взялись за винтовки и пулеметы, и только путемъ переговоровъ съ Вержбицкимъ и отмѣны его требованія удалось устранить готовое вспыхнуть столкновеніе.

Село Рыбное поразило всѣхъ насъ своимъ богатствомъ. Вѣдь это былъ январь мѣсяцъ 1920 года, т. е. пять съ половиной лѣтъ прошло съ начала войны, и почти три года Россія билась въ конвульсіяхъ своей смертельной революціонной болѣзни. И вотъ — въ каждой избѣ Рыбнаго были огромные, неисчерпаемые запасы всякой провизіи, именно неисчерпаемые, такъ какъ не только всего было вдоволь для самихъ жителей Рыбнаго, но сердобольныя хозяйки всю ночь пекли нашимъ офицерамъ и егерямъ хлѣбы, жарили, варили и продавали намъ запасы на

дорогу. Въ каждомъ дворѣ было по нѣскольку десятковъ гусей, индѣекъ, куръ, всюду коровы и телята. Была даже такая роскошь, какъ варенье.

Отношеніе сибиряковъ-старосеповъ къ нашимъ отступающимъ отрядамъ было самое дружественное; всѣ эти русскіе крестьяне настроены очень патріархально, привыкли вѣками, отъ поколѣнія къ поколѣнію, къ своему укладу жизни, къ прочно сложившемуся порядку, понятіямъ и традиціямъ. Они религіозны, умѣли уважать и слушаться начальство, свято чтили Царя. И теперь еще во многихъ избахъ оставались на стѣнахъ портреты покойного Государя Николая Александровича, Императоровъ Александра III и Александра II, отъ отцовъ и дѣдовъ. Революція, какъ зловонный вѣтеръ въ чистое мѣсто, ворвалась въ ихъ жизнь со стороны, чужая, непонятная и враждебная имъ. Въ насъ они видѣли своихъ, такихъ же противниковъ революціи, контръ-революціонеровъ. И относились, какъ къ своимъ. Но не ясно имъ было: что же мы хотимъ, чего добиваемся? Или, дѣйствительно, мы воюемъ за свои «золотые погоны», за свою власть, за господствующее положеніе? Какъ и во всемъ бѣломъ движеніи, не проявлялось полной искренности, не было сказано все до конца; правда, почему-то, пряталась и скрывалась. Господа изъ канцелярій или изъ безпочвенной либеральной интеллигенціи думали, что мужикъ прогнѣвается, если они будутъ ясно, опредѣленно и правдиво говорить, что безъ Царя нѣтъ спасенія страны; крестьяне же, слыша только о единой великой Россіи и ни слова о Царѣ, начинали думать, что и впрямь, пожалуй, господа пошли противъ Царя и оттого-то вся бѣда и разруха. . .

Пройдя походомъ черезъ Сибирь тысячи верстъ, случалось много разъ натыкаться на это явленіе и тяжелымъ опытомъ убѣждаться, какъ всѣ наши политики и политиканы были далеки отъ жизни. . .

Послѣ Рыбнаго мы свернули немного на югъ, чтобы тамъ пересѣчь рѣку Канъ. По всѣмъ собраннымъ свѣдѣніямъ въ городѣ Канскѣ, лежащемъ въ мѣстѣ, гдѣ желѣзная дорога сходится съ трактомъ, собрались большія силы красныхъ; брать Канскъ въ лобъ для нашего небольшого, бѣднаго патронами, отряда было непростительной роскошью, безсмысленнымъ рискомъ, — на винтовку было всего отъ 20 до 30 патроновъ и больше никакихъ запасовъ.

Черезъ день подошли поздно вечеромъ къ огромному селу со страннымъ названіемъ — Голопуповка (Верхне-Аманатское тожъ). Нѣсколько длинныхъ параллельныхъ улицъ, правильно пересѣкающихся подъ прямыми углами, число дворовъ свыше четырехъ тысячъ. Вотъ гдѣ будетъ просторный ночлегъ, — думалъ каждый изъ насъ.

Но не тутъ-то было. Вся Голопуповка оказалась набитой войсками, улицы были запружены распряженными обозами, во многихъ мѣстахъ горѣли костры, облѣпленныя группами солдатъ. Это грѣлись тѣ, которымъ не хватило мѣста въ избахъ. Нашъ отрядъ долго бродилъ въ поискахъ, гдѣ бы остановиться, обогрѣться и поѣсть. Наконецъ, съ большимъ трудомъ, кое-какъ размѣстились, прямо втиснулись на окраинѣ села въ курныхъ избенкахъ. Зато всѣ были внутренно довольны, что снова собираются мало по малу русскія бѣлыя части; черезъ нѣсколько дней мы будемъ представлять значительную силу, организованную армію.

Но не успѣли разложиться на ночлегъ, какъ въ нашу избу вошли три офицера, изъ состава частей, пришедшихъ въ Голопуповку наканунѣ.

— «Какъ хорошо, что Вы пріѣхали, Ваше Превосходительство,» заявили они послѣ первыхъ привѣтствій, — «а то здѣсь творится что-то невообразимое».

— «Въ чемъ дѣло?»

— «Всѣ деревни по рѣкѣ оказались занятыми красными отрядами, высланными изъ Канска, гдѣ сосредоточились большія ихъ силы; революціонный большевицкій штабъ прислалъ письменное требованіе о сдачѣ оружія.»

— «Сегодня выслали развѣдку на рѣку Канъ. Разъѣзды наткнулись на красныхъ. Попробовали взять одну деревню съ боемъ, потеряли убитыми нѣсколькихъ драгунъ и отошли,» рапортовалъ другой офицеръ.

— «Что же думаютъ дѣлать? Кто старшій начальникъ въ деревнѣ?»

— «Ничего нельзя разобрать, Ваше Превосходительство, — мы оттого къ Вамъ и пришли. Какой-то совдепъ идетъ. Собирались два раза на совѣщаніе начальниковъ, — каждый свое тянетъ: кто въ Монголію уходитъ, на югъ, а нѣкоторые — такъ даже большевикамъ сдаваться предлагаютъ.»

Несмотря на поздній часъ я съ генераломъ Лебедевымъ влѣзли опять въ сани и принялись лично объѣзжать старшихъ начальниковъ всѣхъ частей, сосредоточившихся въ Голопуповкѣ. Нѣкоторыхъ приходилось поднимать съ постели, другихъ заставали на ногахъ, въ сборахъ къ выступленію. Дѣйствительно, растерянность была полная. Картина, нарисованная офицерами, оказалась блѣднѣе дѣйствительности.

Часть начальниковъ отрядовъ, – а здѣсь было много мелкихъ частей, остатковъ отъ кадровыхъ тыловыхъ полковъ, — во главѣ съ начальникомъ 1-й кавалерійской дивизіи генералъ-лейтенантомъ Миловичемъ, смотрѣли уныло и безнадежно. Рѣшили идти въ Канскъ сдаваться краснымъ, — обѣщана-де полная всѣмъ безопасность.

— «А что же дѣлать,» апатично добавилъ генералъ Миловичъ, — «патроновъ мало, а дальше за Каномъ, — даже если и пробьемся, — еще цѣлый рядъ такихъ же, коли не худшихъ затрудненій.»

Въ другихъ мѣстахъ почти та же безнадежность и неувѣренность, но меньше апатіи. Тамъ рѣшили повернуть изъ Голопуповки на югъ и черезъ горы уйти въ Монголію.

— «Да вѣдь это, господа, безуміе! Посмотрите на карту: двѣсти пятьдесятъ верстъ идти безъ жилья по горамъ, да и затѣмъ только рѣдкія маленькія кочевья монголовъ. Вѣдь вы всѣхъ погубите!»

— «Какъ-нибудь выйдемъ... А что же иначе дѣлать?» спросилъ полковникъ Оренбургскаго войска Энборисовъ.

— «Пробиваться силой, съ боемъ, на востокъ.»

— «Нѣтъ, ужъ довольно. Теперь насъ не заставишь больше, Ваше Превосходительство», нервно произнесъ другой изъ монгольцевъ, офицеръ съ русой бородкой, длинными волосами и всемъ обличьемъ интеллигента третьяго сословія. — «Теперь сами рѣшили искать спасенія».

Мы вернулись усталые только подъ самое утро домой, въ свою избу; послѣ небольшого совѣщанія рѣшено было отдать приказъ, гдѣ я, какъ старшій, объединялъ всѣ части подъ своимъ командованіемъ, распредѣлялъ ихъ на три колонны и въ 9 часовъ утра приказывалъ выступить изъ Голопуповки на востокъ. Приказъ заканчивался краткимъ напоминаніемъ о воинскомъ долгѣ, о дѣйствительномъ значеніи для насъ большевиковъ, а также указаніемъ сборнаго пункта, порядка выступленія и мѣста явки всѣхъ начальниковъ для полученія боевыхъ задачъ.

Окончивъ приказъ и разославъ его съ ординарцами во всѣ части и отряды, я прилегъ отдохнуть. Въ маленькой тѣсной избѣ вповалку спали офицеры и солдаты; здѣсь же прикурнула и большая семья хозяина избы, качалась на круглой пружинѣ зыбка съ груднымъ младенцемъ, который поминутно просыпался и пищалъ отъ непривычной шумной ночи. Въ комнатѣ трудно было дышать, тяжелый кислый запахъ мѣшалъ заснуть. Я одѣлъ полушубокъ и вышелъ на улицу.

Темная ночь, зимняя, глубокая, безъ просвѣта и безъ звѣздъ, окутала землю. Улицы тонули въ туманѣ, сквозь который мутными пятнами кое-гдѣ просвѣчивали костры. Часовые у воротъ и дозорные нервно окликали каждую тѣнь.

Темно было въ деревнѣ; тяжело и смутно было на душѣ у каждаго изъ пяти-шести тысячъ русскихъ, занесенныхъ сюда, въ эту никому до сихъ поръ неизвѣстную Голопуповку. Шестой годъ скитаній, — столько принесено въ это время жертвъ для счастья родной страны. Личное счастье, семья, здоровье,

кровь и самая жизнь. И за все это — очутиться загнанными гдѣ-то въ глуши Сибири, въ этой деревнѣ съ такимъ страннымъ названіемъ, какъ красному звѣрю въ садкѣ. Мрачнымъ казалось настоящее, безпросвѣтно тяжелымъ, обиднымъ — прошедшіе пять лѣтъ. А тамъ впереди за деревней, на востокѣ, еще темнѣе. Тамъ полная неизвѣстность, можетъ быть западня, а, — кто знаетъ, — можетъ быть и конецъ страданіямъ — смерть безъизвѣстная, мучительная, съ издѣвательствами. Все представлялось неопредѣленнымъ и зловѣщимъ. Ясно было одно, — необходимо до конца быть твердымъ, сохранить бодрость въ себѣ и въ другихъ.

Что-то скажетъ завтрашній рѣшительный день?

2.

Съ ранняго утра всѣ улицы Голопуповки пришли въ движеніе; вытягивались запряженные санные обозы, стояли правильными рядами небольшіе конные отряды, пѣхота шагала около саней, пулеметчики тщательно укутывали свои пулеметы, чтобъ не застыли.

Зимнее солнце поднималось тусклое и красное изъ ночныхъ тумановъ, густыхъ и бѣлыхъ, какъ паровозный паръ. Вверху голубѣло небо. Воздухъ былъ свѣжій, бодрящій, наполненный крѣпкимъ сибирскимъ озономъ. Настроеніе въ отрядахъ и даже обозахъ было приподнятое и какъ будто довольное. Не замѣчалось и слѣда вчерашней растерянности.

Одинъ за другимъ являлись въ избу, гдѣ расположился мой маленькій штабъ, начальники и старшіе офицеры, чтобы получить боевую задачу и дать точныя свѣдѣнія о состояніи частей, о числѣ бойцовъ, количествѣ оружія и патроновъ. Послѣднее было всего хуже, — бѣдность въ патронахъ была крайняя, — въ нѣкоторыхъ отрядахъ было на винтовку всего по 15 штукъ.

Нашъ отрядъ, состоявшій вначалѣ только изъ кучки въ нѣсколько сотъ офицеровъ и добровольцевъ, вышедшихъ изъ-подъ Красноярска, да присоединившихся въ Есаульскомъ егерей, теперь увеличился до нѣсколькихъ тысячъ бойцовъ. Вошли почти всѣ, сосредоточившіеся въ селѣ. 1-я кавалерійская дивизія почти въ полномъ составѣ не раздѣляла взглядовъ генерала Миловича и вошла въ армію, какъ одна изъ лучшихъ боевыхъ частей.[1])

Изъ всѣхъ частей были составлены двѣ боевыя колонны, одна для удара съ фронта, вторая обходная, а всѣ обозы и мало боеспособные части вошли въ третью колонну, которая должна была слѣдовать по дорогѣ за первой, ввидѣ резерва.

Морозъ за ночь покрѣпчалъ и здорово кусалъ щеки; пальцы коченѣли такъ, что больно было держать поводъ. День

[1]) Подъ командой полковника Семчевскаго.

предстоялъ трудный: на такомъ морозѣ, послѣ пятнадцати-верстнаго перехода, было тяжело вести наступательный бой.

Объяснивъ начальникамъ боевой приказъ, раздавъ задачи, я объѣхалъ войска и началъ пропускать ихъ у выхода изъ села. Несмотря на самыя фантастическія костюмы, на самый пестрый и разношерстный видъ, чувствовалось сразу, что это были отборные испытанные люди, стойкіе бойцы. Красно-бронзовыя отъ мороза и зимняго загара лица, заиндивѣлые отъ инея, точно сѣдые, усы и бороды, изъ подъ нависшихъ также бѣлыхъ, густыхъ бровей всюду смотрятъ глаза упорнымъ, твердымъ взглядомъ, — въ немъ воля и готовность идти до конца.

Это были тѣ же закаленные русскіе витязи, что съ осени 1914 года по безчисленнымъ полямъ боевымъ совершали чудесные подвиги, проявляли высшую красоту человѣческаго духа. Это тѣ же орлы — или родные братья ихъ, которые спасая Парижъ, вторглись могучимъ порывомъ въ Галицію и Восточную Пруссію, которые брали Львовъ, Перемышль, Эрзерумъ, защищали и отстаивали Варшаву, удивляли міръ своимъ геройскимъ отступленіемъ въ 1915 году, шагъ за шагомъ, съ палками въ рукахъ, противъ вооруженнаго до зубовъ противника; про ихъ легендарные подвиги на Карпатахъ французы складывали пѣсенки, распѣвавшіеся тогда на всѣхъ бульварахъ Парижа. Это они рванули въ 1916 году снова въ Галиціи, нанесли вторичный разгромъ австро-венгерской арміи и тѣмъ спасли Италію. Это остатки тѣхъ, кто подобно урагану, три года вели величайшіе бои, въ то время, какъ на западѣ союзники танцевали свою военную кадриль, — метръ впередъ, полтора метра назадъ, двадцать пять плѣнныхъ и три раненныхъ... Для дѣла «союзниковъ» за то время легло въ братскія боевыя могилы три милліона этихъ русскихъ орловъ. И теперь, въ благодарность за все это, брошенные всѣми и всѣми преданные, они стояли въ далекой Сибири, смыкая свои порѣдѣвшіе ряды, готовые до конца биться за честь, жизнь и счастье родной страны.

Вѣдь все это были прямые потомки тѣхъ крѣпкихъ русскихъ людей, нашихъ предковъ, которые въ теченіи тысячелѣтней исторіи, бились за русскую землю подъ Великокняжескими стягами, подъ Царской хоругвью и подъ славными Императорскими знаменами. И Россія могла гордиться этой многовѣковой боевой службой своихъ сыновъ: слава ея гремѣла на весь міръ, а трудами и кровью ея арміи была образована величайшая въ мірѣ Имперія, — солнце никогда не заходило на земляхъ Бѣлаго Царя.

И останься только Россія и армія вѣрными Ему! Не поддайся подлой измѣнѣ въ черные дни марта 1917 года. Выполни до конца долгъ свой передъ Царемъ, землей родною и предками

своими. . . Не только русская исторія, — исторія всего міра пошла другимъ бы ходомъ.

Но слишкомъ это было не по вкусу всѣмъ врагамъ Россіи, да, видно, и «друзьямъ» также. Грянули взрывы. Самые ужасные, ядовитые и зловонные удушливые газы были пущены на русскую силу. Опьянили, отравили ее и общими усиліями разгромили. Вмѣсто свѣтлой побѣды лѣтомъ 1917 года, которая возвеличила бы зданіе Россійской Имперіи, начался величайшій позоръ и кромѣшный адъ. Страна наша, вся, цѣликомъ, начиная отъ Государя-Мученика и кончая трудолюбивымъ, скромнымъ и добродушнымъ крестьяниномъ, была предана міровому еврейству на распятіе. . .

Русскіе никогда, ни на одну минуту не должны этого забывать. Помнили объ этомъ и мы всѣ тамъ въ далекой бѣлой Сибири, въ доблестныхъ бѣлыхъ войскахъ. . . но безъ Бѣлаго Царя. Часъ тогда еще не пробилъ!

Долгъ свой передъ Родиной и предками мы выполняли до конца, — въ тяжеломъ, безрадостномъ подвигѣ страданій бѣлыя арміи боролись до конца за крестъ противъ кровавой пентограмы, боролись за Русь и за вѣру, заслуживая этой борьбой право для своего народа — громко и радостно кликнуть: и за Царя! И тогда побѣдить. . .

Колонны направились изъ села Голопуповки къ рѣкѣ Кану. Медленно, со скоростью не болѣе двухъ верстъ въ часъ совершалось движеніе, — вслѣдствіе трудныхъ, ненаѣзженныхъ дорогъ, также и изъ-за того, что передовыя части и разъѣзды шли крайне осторожно, нащупывая противника. Около трехъ часовъ дня первая колонна завязала бой; красные, имѣя всѣ преимущества, — и командующій правый берегъ рѣки, и богатство въ патронахъ и артиллеріи, и, наконецъ, возможность держать резервы въ избахъ, отогрѣвать ихъ тамъ, — оказывали намъ серьезное сопротивленіе; всѣ первыя атаки были отбиты; наши потери убитыми и ранеными росли.

Надо было торопиться съ маневромъ, который былъ разсчитанъ на то, чтобы глубокимъ обходомъ, крайняго лѣваго фланга большевиковъ, прорваться черезъ Канъ и ударить оттуда имъ въ тылъ. Я со штабомъ отъ первой колонны поѣхалъ вдоль лѣваго берега Кана ко второй, обходной.

Темнѣло. Мѣстность западнаго берега рѣки идетъ равниной съ ложбинами и обрывами, съ низкимъ кустарникомъ, засыпаннымъ тогда на полтора-два аршина снѣгомъ. Съ рѣки и изъ овраговъ поднимался густой зимній туманъ и медленно, упорно обволакивалъ всю равнину.

Нѣсколько нашихъ троекъ и десятка два всадниковъ продвигались въ этомъ туманѣ почти наугадъ, безъ дороги. Цѣлина, глубокій снѣгъ и темнота все гуще. Справа рѣдкіе звуки вы-

стрѣловъ, слѣва глубокая, зловѣщая тишина. Вотъ въ туманѣ начинаютъ свѣтиться, какъ мутныя пятна масляныхъ фонарей, далекіе костры. Все ближе и ближе. Различаемъ уже группы людей, громаду обоза и массу лошадей.

— «Какая часть? Кто такіе?»

— «Сибирскіе казаки-и-и, » слышится въ отвѣтъ разрозненный крикъ съ разныхъ мѣстъ.

— «А вы кто такіе?» спохватился чей-то голосъ.

— «Командующій арміей.»

Останавливаюсь. Подходятъ ко мнѣ полковники Глѣбовъ и Катанаевъ. Распрашиваю въ чемъ дѣло, почему стоятъ здѣсь.

Оказывается, что это все, что поднялось съ Иртыша, изъ Сибирскаго, Ермака Тимофѣевича, казачьяго войска; поднялось и пошло на востокъ, не желая подчиниться интернаціоналу, власти Лейбы Бронштейна. Здѣсь и войсковое правительство, и воинскія части, разрозненныя сотни нѣсколькихъ боевыхъ полковъ, и семьи, старики, женщины, дѣти, и больные, и раненые, и войсковая казна.

Толпа номадовъ, точно перенесшаяся за тысячи лѣтъ, изъ великаго переселенія народовъ. Больше обозовъ, чѣмъ войска. Но все же, — бригада набралась и подъ командой полковника Глѣбова двинулась на поддержку первой колонны.

Черезъ часъ, примѣрно, я нагналъ обходящія части, которыя наступали подъ командой генералъ-маіора Д. А. Лебедева.

— «Какъ обстоитъ дѣло?»

— «Нашъ авангардъ внезапно атаковалъ красныхъ, тѣ бѣжали. Деревня занята нашими уже на восточномъ берегу.»

— «Сейчасъ же усильте авангардъ и направьте его внизъ по рѣкѣ, въ тылъ большевикамъ. Въ первой колоннѣ вышла заминка.»

Маневръ удался вполнѣ. Красные, только почувствовавъ нашъ нажимъ въ тылъ, дрогнули, началась паника, и они, бросая оружіе, бѣжали по направленію къ городу Канску. Наши войска, наступавшіе въ лобъ, воспользовались этимъ, дружно ударили, и уже къ десяти часамъ вечера всѣ наши части были на восточномъ берегу рѣки. Захватили много оружія, патроновъ, взяли нѣсколько пулеметовъ. Но плѣнныхъ не было. Неистовство стрѣлковъ и казаковъ было безпредѣльно. Воткинцы изъ отряда генерала Вержбицкаго, который наступалъ сѣвернѣе моей первой колонны, ворвались въ одну деревню и истребили въ этой атакѣ нѣсколько сотъ большевиковъ, трупы, которыхъ лежали потомъ кучами по берегу рѣки, какъ тихіе безмолвные свидѣтели ужаса гражданской войны.

Ночь послѣ боевъ принесла войскамъ отдыхъ, перерывъ въ опасности, спокойный ночлегъ. Характерная подробность.

Въ занятыхъ боемъ деревняхъ мы нашли такой обильный ужинъ, какъ будто насъ ждали радушные хозяева. Въ каждой избѣ варилось мясо или свинина, а то даже и птица, — куры, гуси, индѣйки, — жирные наваристые русскіе щи, пироги, ватрушки и сибирская брага. И всего въ изобиліи.

— «Что вы насъ поджидали что-ли?» добродушно спрашивали хозяекъ стрѣлки, уплетая послѣ голоднаго и холоднаго боевого дня такъ, что трещало за ушами.

— «Нѣтъ, родимые,» съ наивной откровенностью отвѣчали тѣ, — «не жда-а-ли. Вишь, понаѣхали къ намъ комиссары съ приказомъ, чтобы варить, печь и жарить, что ихъ войска много придетъ, что бѣлыхъ будутъ бить тута. Ну, значитъ, по приказу мы и исполняли.»

— «Такъ вы для красныхъ все это наготовили?» слѣдовалъ грозный, въ шутку, вопросъ.

— «А мы, батюшка, не знамъ; намъ все равно, что красный, что бѣлый. Намъ неизвѣстно»...

Въ послѣдующія недѣли, при походѣ черезъ всю Сибирь, приходилось не разъ слышать подтвержденіе этой недоумѣнной мысли. Это высказывалось только въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьяне относились къ намъ, именно какъ къ своимъ, не видали въ насъ начальства, когда откровенность и довѣріе были не стѣснены. И невольно мысль буравила мозгъ, ища разгадку такого безразличія, такой, на первый взглядъ, преступной, неразберихи; все равно, что бѣлые, что красные, никакой разницы! Сначала это возмущало до глубины души, позднѣе сердило. Но, когда разъяснилось, — разгадка оказалась простой; и возмущеніе, и обида исчезли — только жалость осталась, жалость къ нимъ, нашимъ сѣрымъ русскимъ крестьянамъ, и жалость къ намъ, къ русскимъ бѣлымъ войскамъ, и жалость къ рядовымъ сермяжнымъ красноармейцамъ.

— «Намъ, батюшка, все равно, что красный, что бѣлый»... Да, въ сущности, это было именно такъ, особенно теперь и въ этихъ глухихъ, медвѣжьихъ углахъ Сибири. Бѣлые воюютъ противъ красныхъ, и воюютъ страшно, упорно, до смертнаго конца. А за что? Чего добиваются? Это-то крестьянской массѣ было и не понятно.

За что воевали бѣлые? За Россію? А развѣ красные не русскіе, не такіе же тамъ полки, батареи и сотни? Развѣ не путали мы сами легко, особенно теперь зимою, когда всѣ одѣлись въ разнообразныя зимнія русскія одежды? Развѣ не ставили мы въ наши ряды взятыхъ въ плѣнъ красноармейцевъ? Вѣдь руководители, эти инородцы, слуги интернаціонала и его пятиконечной звѣзды, были далеко, и главные изъ нихъ сидѣли въ Московскомъ Кремлѣ за крѣпкими латышско-китайскими заставами и караулами.

А большинству нашихъ рядовыхъ офицеровъ и солдатъ развѣ было все ясно? Нѣкоторымъ — да, они отдавали отчетъ, причемъ въ началѣ такихъ было большинство. Но потомъ остался только вопросъ чести, — быть вѣрнымъ до конца, да чувство инстинктивнаго пониманія, скорѣе, вѣры, — что мы сражаемся за нашу родную тысячелѣтнюю Россію, которая всегда такъ полно и мощно воплощалась для каждаго русскаго въ словѣ Русскій Царь.

Вотъ прозвучи громко это близкое каждому русскому слово. Начертай его бѣлое движеніе на своемъ знамени подъ святымъ восмиконечнымъ крестомъ. Все бы стало ясно для всѣхъ. Раздвинулись бы ставни, развѣялся бы туманъ, исчезло бы недоумѣніе, опредѣлилось бы совершенно и стало понятнымъ для всѣхъ различіе между красными и бѣлыми. И крестьянство бы россійское стало все на сторону послѣднихъ. Да и въ красныхъ рядахъ тогда осталось бы немного русскихъ людей. . .

Послѣ Кана мы шли нѣсколько дней безъ препятствій. Прорывъ линіи большевиковъ и разгромъ, нанесенный имъ, нагналъ такого страха, что дальше банды ихъ бѣжали при одномъ нашемъ приближеніи. Мы двигались все время южнѣе желѣзной дороги, опять оторванные отъ всего міра, въ полной неизвѣстности, что творилось на западѣ и востокѣ, что ждало насъ у Иркутска, куда мы такъ спѣшили, надѣясь соединиться со своими.

Глухіе мѣста! По истинѣ, медвѣжьи углы. Села разбросаны на большомъ разстояніи одно отъ другого, раздѣленныя вѣковымъ дремучимъ лѣсомъ, сибирской тайгой, по которой ни прохода, ни проѣзда, особенно въ зимнюю пору. Между многими селами совершенно не было дорогъ.

— «Мы туда не ѣздимъ, намъ безъ надобности,» отвѣчали обыкновенно крестьяне на наши разспросы, — «вотъ къ желѣзной дорогѣ, къ станціи приходится ѣздить, тамъ есть дорога хорошая».

— «Да ты пойми, мы не о томъ спрашиваемъ, — войску надо не къ желѣзной дорогѣ, а вотъ въ это село,» — добивались мы нужной дороги прямо на востокъ, — «какъ туда проѣхать?» Мужики, даже мѣстные старожилы, такъ называемые чалдоны, становились въ тупикъ и въ лучшемъ случаѣ заявляли:

— «Лѣтомъ, молъ, еще можно проѣхать вдоль рѣчки, а зимою, слыхать, никогда и не ѣздили туда.»

Приходилось сильно забирать на сѣверъ, затѣмъ снова спускаться на югъ; чтобы пройти разстояніе въ сорокъ верстъ, иногда дѣлали восемьдесятъ и тратили два дня. Къ желѣзной дорогѣ и къ тракту выходить мы не хотѣли, такъ какъ тамъ было очень тяжело съ фуражомъ. При ежедневномъ движеніи,

при полномъ напряженіи силъ лошадей, этихъ нашихъ вѣрныхъ друзей, было совершенно необходимо давать имъ хотя бы по десять фунтовъ овса въ день. На трактѣ, — въ торговыхъ селахъ, найти его могли только самые передовые отряды, идущимъ сзади не оставалось ничего. Плохо было и съ сѣномъ. Къ тому же какъ разъ на этомъ участкѣ были села сожженные за время пресловутой охраны желѣзной дороги. Черезъ одни такія руины мы прошли на третій день послѣ Красноярска. Огромное село, когда-то богатое, дышавшее довольствомъ, полное своей, русской незлобливой жизни, представляло теперь пустырь, на которомъ тянулись на версты кучи обуглившихся развалинъ избъ. Кое-гдѣ только высились уцѣлѣвшіе дома; тамъ ютилось теперь по нѣскольку семействъ напуганныхъ и озлобленныхъ крестьянъ. Да бѣлая церковь стояла одиноко и сиротливо... Печальные слѣды подвиговъ защитниковъ правъ «русской демократіи!»

Нѣкоторыя лошади нашего отряда прошли уже не одну тысячу верстъ, и теперь, вслѣдствіе безпрерывной работы и безкормицы, начали терять силы, выбывать изъ строя. Идетъ изъ послѣднихъ силъ и вдругъ остановится среди дороги; и никакими усиліями не сдвинешь ее съ мѣста. А кругомъ глухая угрюмая тайга, занесенная снѣгомъ, трещитъ сибирскій морозь и чуть не по пятамъ за нами крадутся большевики. Что дѣлать?

Нѣтъ, нѣтъ, да и натыкаешься на такую картину. Стоятъ въ сторонѣ отъ дороги сани, выпряженная лошадь безсильно, съ какой-то эпической покорностью, опустила голову, согнула устало ноги; рядомъ хлопочутъ около нее два-три человѣка, наши офицеры и солдаты, пробуютъ пробудить въ животномъ энергію; или такъ, просто сидятъ безнадежно на саняхъ и ждутъ своей участи, помощи или чуда. Но надо сказать, что никого у насъ не бросали, не оставляли товарища въ трудную минуту. Такихъ злосчастныхъ сѣдоковъ, владѣльцевъ отслужившей въ чистую лошади, забирали и распредѣляли съ ихъ незатѣйливымъ грузомъ по другимъ санямъ.

Съ каждымъ днемъ все больше и больше лошадей выбивалось изъ силъ, оставались на вѣчно въ тайгѣ. Весь путь былъ уставленъ, какъ вѣхами, этими животными. Проѣзжаетъ обозъ, мелкой, ровной рысью проходитъ вереница коннаго отряда, — иначе какъ гуськомъ нельзя было проѣхать по узкимъ таежнымъ дорогамъ, — оборачиваются мимоходомъ люди и грустнымъ тяжелымъ взглядомъ окидываютъ эту картину, которая такъ часто повторялась въ дни ледяного сибирскаго похода.

Между столѣтними деревьями, по колѣно въ снѣгу стоитъ понуро лошадь. Почти безъ движенія. Иной разъ заботливый,

благодарный хозяинъ набросаетъ передъ ней въ снѣгу ворохъ сѣна. Не смотритъ на него благородное животное. Безучастно и не хотя ухватило оно клокъ сѣна и стоитъ, не жуя, провожая унылыми глазами проѣзжавшія безъ конца мимо сани. И во всей позѣ животнаго видна такая смертельная усталость, такой безконечный и безвозвратный расходъ силъ.

Стоитъ животное долго, упорно, затѣмъ ложится въ снѣгъ, и кончена лошадиная жизнь. Вся тайга на тысячи верстъ была усѣяна трупами такихъ лошадей, вѣрно отслужившихъ свою службу. Съ каждой изъ нихъ была связана молчаливая, тихая, но великая драма человѣческой жизни. Сколько печальныхъ мыслей, горькихъ чувствъ, сколько безъисходнаго мужского горя и женскихъ слезъ клубилось около каждой изъ этихъ тысячъ павшихъ лошадей. Не сосчитать, не представить и не понять. . .

Въ нашемъ отрядѣ десятки лошадей ежедневно выбывали изъ строя. Положеніе создавалось трудное, почти страшное. Мы не имѣли права оставить никого изъ своихъ, всѣ мы были связаны увами бо́льшими, чѣмъ дружба и братство. При каждомъ отрядѣ ѣхали немногія семьи офицеровъ и добровольцевъ, мы везли всѣхъ своихъ раненыхъ и больныхъ; пока можно было, размѣщали по другимъ санямъ, но всему есть предѣлъ. Стало настоятельной необходимостью находить замѣну ослабѣвшимъ и павшимъ лошадямъ, искать ремонтъ у мѣстнаго населенія. Обмѣнивали плохихъ лошадей у крестьянъ; пока были деньги, доплачивали, а затѣмъ поневолѣ перешли къ тяжелымъ реквизиціямъ.

Это было дѣйствительно тяжело, но неизбѣжно и неустранимо, какъ сама судьба. Крестьяне, особенно староселы-сибиряки, понимали, сочувствовали намъ и не разъ, въ откровенномъ разговорѣ, высказывали это; а иной разъ даже сами предлагали лошадей.

Приходилось поневолѣ установить реквизиціи, кромѣ лошадей и фуража, также на хлѣбъ и на теплую одежду. Если-бы не было реквизицій подъ расписку старшаго начальника и только съ его разрѣшенія, — то офицерамъ и солдатамъ пришлось бы просто на просто отбирать: не умирать же имъ было отъ голода, не оставаться же въ дикой тайгѣ на вѣрную смерть отъ мороза.

— «Ты, парень,» утѣшали солдаты сибиряка-таежника, — «дома вѣдь не замерзнешь, да и лошадь вотъ мы оставляемъ тебѣ, она не гляди, что слабая, она лучше твоей. Ты ее подкорми, такъ къ веснѣ она тебѣ такъ заслужитъ, не въ примѣръ противъ твоей.»

И таежникъ, хотя и скрѣпя сердце, кивалъ головой и самъ становился рядомъ помогать запречь свою лошадь въ сани

бѣлаго воина. Вѣдь что̀ это было: столкнулись въ необычныхъ революціонныхъ условіяхъ два русскихъ крестьянина, — одинъ съ Волги или съ Уральскихъ горъ, другой, рожденный въ холодной, беспредѣльной Сибири; несмотря на это, они были такъ близки, такъ родственны другъ другу, какъ могутъ быть только близки сыны одного народа, выросшіе въ одинаковыхъ жизненныхъ условіяхъ, имѣющіе одну общую, присущую всѣмъ чисто-русскимъ людямъ душу.

Трудно было и съ ночлегами. Иной разъ на сотни верстъ въ тайгѣ не встрѣтишь ничего, кромѣ новоселовъ, съ маленькими избами, съ плохими дворами, почти безъ хозяйственныхъ построекъ, — бѣднота. А всѣ люди отряда, продѣлавъ за день сорокъ-пятьдесятъ верстъ похода, изголодались, смерзли, застыли, — кровь, казалось, замерзаетъ въ жилахъ. Всѣмъ надо дать мѣсто подъ кровомъ, въ теплой избѣ. Втискивались въ маленькія комнатушки почти вплотную, — всѣ вмѣстѣ, отъ генерала до рядового стрѣлка. Но на всѣхъ не хватало помѣщеній. Разводили костры на улицѣ и по дворамъ; около огней окоченѣвшіе люди проводили длинную зимнюю ночь, чтобы утромъ снова двигаться дальше на востокъ.

Число больныхъ все увеличивалось. Тифъ и простуда косили людей. Не рѣдкость было встрѣтить розвальни, на которыхъ пластомъ лежало три-четыре человѣческихъ тѣла, завернутыхъ чѣмъ только можно и, какъ мѣшки, привязанныхъ толстыми веревками къ санямъ. Возница, офицеръ или стрѣлокъ, только изрѣдка оборачивается, чтобы посмотрѣть, не развязались ли веревки, цѣлъ ли его безгласный, живой грузъ. На каждой остановкѣ подходили къ нимъ друзья и нѣсколько сестеръ милосердія, этихъ скромныхъ большихъ героинь отряда, и заботливо распутывали больныхъ, давали пить лекарство, кормили, поправляли и заворачивали снова. Въ долгій путь!

Не обходилось, естественно, безъ ссоръ изъ-за ночлеговъ. Квартирьеры что нибудь напутали или несправедливо распредѣлили избы; то опоздалъ кто-нибудь. Ѣздитъ пять-шесть саней по селу въ темнотѣ, скрипятъ полозья по бѣлому снѣгу, стучатъ въ каждое свѣтящееся оконце, — напрасно ищутъ пристанища: все переполнено до отказа. Въ такихъ случаяхъ приходилось еще уплотнять и назначать такихъ несчастныхъ, безприкровныхъ на цѣлый районъ какой-либо части; только по строгому приказу впихивали тогда въ полную избу къ двадцати-тридцати человѣкамъ еще одного, двухъ.

Много непріятностей было съ отдѣльными самостоятельными отрядами. Послѣ Голопуповки, когда мы прорвали Канъ, никто, понятно, въ Монголію не пошелъ; выждавъ время и результаты, всѣ, передъ тѣмъ буддировавшія, двинулись вслѣдъ за нашимъ отрядомъ. Кромѣ нихъ появлялись еще и другія

части, выныривали совершенно неожиданно откуда-то съ боковыхъ дорогъ. Благодаря постоянному движенію, — не было возможно привести все въ порядокъ, установить какое-либо подобіе организаціи; да и совершенно естественно, что внутри, среди такихъ отбившихся отрядовъ накопилась значительная доля деморализованнаго элемента, нежелавшаго подчиниться стѣснительнымъ подчасъ приказамъ. Съ такими отрядиками было всего больше непріятностей и возни изъ-за ночлеговъ.

Кѣмъ-то изъ предпріимчивыхъ начальниковъ одного изъ этихъ летучихъ отрядовъ былъ изобрѣтенъ не лишенный остроумія способъ добычи квартиръ. Движеніе наше происходило съ частыми встрѣчами и стычками съ бандами красныхъ, а при малѣйшей задержкѣ насъ нагоняли съ запада авангарды совѣтской арміи; естественно, отъ всего этого нервность въ людяхъ сильно повысилась. Вотъ на этомъ-то и построили всѣ расчеты наши изобрѣтатели.

Только расположились люди отряда на ночлегъ или привалъ, уплотнились выше мѣры, задали корму конямъ, поставили самовары. Впереди ночь отдыха. Вдругъ съ запада, откуда пришли, изъ тайги, раздается трескотня ружейныхъ выстрѣловъ, пулеметъ выпускаетъ нѣсколько строчекъ. Сейчасъ же высылаются дозоры, развѣдка, — и въ то же время торопливо запрягаютъ обозъ. Все тяжелое, небоеспособное снимается и, несмотря на усталость, плетется дальше на востокъ до слѣдующаго селенія. Черезъ часъ-полтора возвращается наша развѣдка.

— «Никакихъ красныхъ нѣтъ. Летучій отрядъ стрѣлялъ въ двухъ верстахъ отъ нашего бивака.»

— «Что за причина?»

— «Говорятъ, что прочищали стволы,» ухмыляются наши развѣдчики, — «пробовали пулеметы, не замерзли-ли». . .

Черезъ три дня послѣ Канскаго прорыва наша колонна снова поднялась на сѣверъ къ желѣзной дорогѣ, тамъ переночевали, прошли немного по тракту и спустились опять на югъ. Здѣсь мы совершенно неожиданно встрѣтились съ частями генераловъ Каппеля и Войцеховскаго, ушедшихъ послѣ Красноярка внизъ по Енисею. Радость была полная, — нашли другъ друга люди, считавшіеся потерянными навсегда.

Эти отряды перенесли тяжелыхъ невзгодъ много больше насъ. Движеніе ихъ по Енисею на сѣверъ, а особенно отъ впаденія въ него Кана по этой рѣкѣ на востокъ — было неимовѣрно трудно и полно такихъ лишеній, что даже главнокомандующій генералъ Каппель отморозилъ себѣ обѣ ноги. Канъ въ своемъ нижнемъ теченіи бѣжитъ сдавленный высокими скалистыми горами, стремнина рѣки здѣсь не вездѣ замерзла, не-

смотря, на трещавшій тогда сорокоградусный морозъ. Генералъ Каппель провалился съ санями въ одну изъ полыней, промочилъ ноги, а ѣхать до ближайшаго селенія нужно было еще очень далеко и долго, — переходъ въ тотъ день выдался въ девяносто верстъ. Въ результатѣ обѣ ноги оказались отмороженными.

Сколько было среди нихъ такихъ страдальцевъ, сколько было погибшихъ, — никто не зналъ — и не узнаетъ никогда.

Съ генералами Каппелемъ и Войцеховскимъ шли части, прорвавшіеся изъ Красноярскаго разгрома въ сочельникъ; за Есаульской ихъ нагнали еще Ижевцы и Уральцы, изъ состава 3-й арміи, двигавшейся сзади и обошедшей Красноярскъ на слѣдующій день послѣ катастрофы.

Теперь, если подсчитать все, что шло въ колоннахъ генераловъ Вержбицкаго, Каппеля, Войцеховскаго и моей, то можно было составить силу тысячъ въ тридцать бойцовъ; не считая бродившихъ отдѣльныхъ летучихъ отрядовъ, до сихъ поръ никому не подчинявшихся. Необходимо было возможно скорѣе провести организацію, свести всѣ отряды въ полки и дивизіи, наладить службу связи и правильность походнаго движенія; равно назрѣвала крайняя необходимость упорядочить вопросы снабженія, добыть фуражъ, хлѣбъ и патроны — съ желѣзной дороги, установить случаи и однообразную форму законныхъ реквизицій. Не менѣе существенно и важно было поставить себѣ точную, по возможности, опредѣленную и выполнимую цѣль. До сихъ поръ всѣ шли просто на востокъ — послѣ разгрома, послѣ крушенія всѣхъ прежнихъ усилій; до сихъ поръ передъ нами не было выбора задачи, потому что не было силъ выполнить ихъ; представлялось необходимымъ какъ, можно скорѣе пройти тысячи верстъ угрюмой холодной тайги, чтобы скорѣе соединиться съ русскими національными войсками Забайкалья.

Теперь же, когда наши отряды составили внушительную силу сами по себѣ, стало возможнымъ и нужнымъ рѣшить, какъ мы пойдемъ дальше.

Надо было разобраться и уяснить себѣ ту общую обстановку, и всѣ ея частности, какая сложилась въ Иркутскомъ районѣ, въ Забайкальѣ и на Дальнемъ Востокѣ; до сихъ поръ мы шли въ совершенныхъ потемкахъ, вѣрныхъ свѣдѣній не имѣли; большинство же слуховъ было явно провокаціоннаго характера, выпускаемыхъ изъ враждебныхъ соціалистическихъ или чешскихъ круговъ. Усиленно поддерживалась версія, что войска атамана Семенова разбиты, самъ онъ бѣжалъ въ Монголію, всѣ города до Тихаго океана въ рукахъ совѣтской власти. Цѣль была — поколебать наши ряды, убить духъ, погасить вѣру въ возможность дальнѣйшей борьбы.

Было рѣшено дойти скорѣе до города Нижнеудинска и тамъ собрать совѣщаніе изъ старшихъ войсковыхъ начальниковъ, на которомъ и выяснить всѣ вопросы и принять правильныя рѣшенія.

Соціалисты, считавшіе, что они покончили съ бѣлымъ движеніемъ, что арміи подъ Красноярскомъ были уничтожены, встревожились не на шутку, когда до нихъ стали доходить вѣсти о движеніи на востокъ массы отдѣльныхъ отрядовъ. Но они успокаивали и себя, и свои красныя банды тѣмъ, что «идутъ безоружныя, разрозненныя группы и отдѣльные офицеры, которыхъ уничтожить», — какъ писали Иркутскіе заправилы, — «не трудно». Попробовали на Канѣ, — обожглись. Теперь къ Нижнеудинску были стянуты бóльшія силы, причемъ красное командованіе рѣшило дать намъ отпоръ у села Укъ, верстахъ въ пятнадцати западнѣе города.

Колонна генерала Вержбицкаго, имѣя въ авангрдѣ Воткинскую дивизію (сестру Ижевской, составленную сплошь изъ рабочихъ Воткинскихъ заводовъ), лихой штыковой атакой обратила красныхъ въ бѣгство; наши полки ворвались въ Нижнеудинскъ на плечахъ большевиковъ, которые понесли въ этомъ бою очень большія потери.

Отъ захваченныхъ плѣнныхъ, изъ мѣстныхъ прокламацій, приказовъ, изъ Иркутскихъ газетъ, частью и отъ чеховъ, эшелоны которыхъ были на станціяхъ западнѣе и восточнѣе Нижнеудинска, — обстановка начала по немногу вырисовываться. Атаманъ Семеновъ крѣпко держалъ Забайкалье; въ Приморьѣ шла неразбериха, но «союзныя» части еще оставались тамъ; Иркутскъ въ рукахъ у соціалистовъ, причемъ фактически тамъ распоряжаются большевики-коммунисты; бывшій сотрудникъ Гайды, эсъ-эръ, штабсъ-капитанъ Калашниковъ былъ назначенъ главковерхомъ, онъ-то и руководилъ теперь дѣйствіями красныхъ бандъ для уничтоженія «остатковъ бѣлогвардейщины». Адмиралъ Колчакъ заключенъ въ Иркутской тюрьмѣ; соціалисты спѣшно вели слѣдствіе, собирали противъ Верховнаго Правителя обвинительный матеріалъ. Золотой запасъ стоитъ въ вагонахъ на путяхъ станціи Иркутска и охраняется красной арміей. Чехо-словацкія войска рѣшили соблюдать «вооруженный нейтралитетъ», чтобы сохранить для себя желѣзную дорогу. Въ этомъ имъ помогали всѣ союзники Россіи, объявившіе полосу русской желѣзной дороги — нейтральной!

Вотъ тѣ данныя, которыя выяснились передъ военнымъ совѣщаніемъ, собраннымъ генераломъ Каппелемъ въ Нижнеудинскѣ 23 января 1920 года. На немъ былъ принятъ такой планъ: двигаться дальше двумя колоннами-арміями на Иркутскъ, стремиться подойти къ нему возможно скорѣе, чтобы, по возможности, внезапно завладѣть городомъ, освободить Верхов-

наго Правителя, всѣхъ съ нимъ арестованныхъ, отнять золотой запасъ; затѣмъ, установивъ соединеніе съ Забайкальемъ, пополнить и снабдить наши части въ Иркутскѣ, наладить службу тыла и занять западнѣе Иркутска боевой фронтъ. Всѣ войска, шедшіе отъ Нижнеудинска далѣе на востокъ, сводились въ двѣ колонны-арміи: 2-я, сѣверная, генерала Войцеховскаго и 3-я, южная, подъ моимъ командованіемъ. Главнокомандованіе оставалось въ рукахъ генерала Каппеля, который со своимъ штабомъ двигался при сѣверной колоннѣ.

3.

Послѣ Нижнеудинска движеніе начало принимать все болѣе правильный видъ, былъ внесенъ порядокъ, приводились въ ясность точное число бойцовъ, всѣхъ слѣдующихъ съ арміей людей; старались поднять и боеспособность частей. Результаты стали сказываться съ первыхъ же дней.

Къ этому времени чрезмѣрно усилился новый нашъ врагъ, — разыгрались во-всю эпидеміи. Тифъ, сыпной и возвратный, буквально косилъ людей; ежедневно заболѣвали десятки, выздоровленіе же шло крайне медленно. Иногда выздоровѣвшій отъ сыпного тифа тотчасъ заболѣвалъ возвратнымъ. Докторовъ было очень мало, по одному-по два на дивизію, да и тѣ скоро выбыли изъ строя, также заболѣли тифомъ. Трудно представить себѣ ту массу насѣкомыхъ, которые набирались въ одеждѣ и бѣльѣ за долгіе переходы и на скученныхъ ночлегахъ. Не было силъ остановить на походѣ заразу: всѣ мы помѣщались на ночлегахъ и привалахъ вмѣстѣ, объ изоляціи нечего было и думать. Да и въ голову не приходило принимать какія-либо мѣры предосторожности. Это не была апатія, а покорность судьбѣ, привычка не бояться опасности, примиреніе съ необходимостью.

На ночлегѣ для моего штаба отводятъ домъ сельскаго священника. Входимъ, а стоявшіе тамъ передъ нами садятся въ сани, чтобы послѣ дневного отдыха продолжать путь до слѣдующей деревни. Старика генерала Ямшинецкаго, начальника Самарской дивизіи, два офицера сводятъ съ крыльца подъ руки; узнаю, что онъ пятый день болѣетъ. Предлагаю генералу остаться переночевать у меня.

— «Благодарю, но ужъ разрѣшите, не отдѣляться отъ своей части,» слабымъ, тихимъ голосомъ говоритъ онъ.

— «Плохо чувствуете себя? Что съ Вами?»

— «Да все жаръ сильный и голова болитъ. На морозѣ легче.»

— «Ну поѣзжайте съ Богомъ!»

Священникъ и матушка хлопотливо и радушно принимали насъ; ужинъ, огромный мѣдный нечищенный самоваръ, и даже

какимъ-то способомъ сохранившаяся бутылка вина. За столомъ, какъ и всюду, разговоры на больныя и близкія для насъ темы; о разрухѣ, о русскомъ несчастьи.

— «Скажите батюшка, какъ настроеніе крестьянъ? Чего они хотятъ?»

Священникъ помолчалъ минуту и затѣмъ отвѣтилъ:

— «По правдѣ скажу, что наши крестьяне такъ устали, что хотятъ только спокойствія, да чтобы крѣпкая власть была, а то много ужъ больно сброда всякаго развелось за послѣдніе годы. Вотъ, передъ вашимъ приходомъ комиссары были здѣсь, всѣ убѣжали теперь; такъ они запугивали нашихъ мужиковъ: бѣлые, говорятъ, придутъ, все грабятъ, насилуютъ, а чуть-что не по нимъ, — убьютъ. Мы всѣ, прямо скажу, страшно боялись васъ. А на дѣлѣ увидали послѣ первой же вашей партіи, что наши это, настоящіе русскіе господа офицеры и солдаты».

На мѣстахъ была полная неосвѣдомленность, до того, что даже священникъ не имѣлъ никакого представленія, какія цѣли преслѣдовалъ адмиралъ Колчакъ, что такое представляла изъ себя бѣлая армія, чего она добивается.

— «Крестьяне совсѣмъ сбиты съ толку. Боятся они, боятся всего и больше молчатъ теперь, про себя думы хранятъ. Ну, а только всѣ они кромѣ Царя ничего не желаютъ и никому не вѣрятъ. Смѣло могу сказать, что девяносто процентовъ моихъ прихожанъ монархисты самой чистой воды. А до остального они равнодушны: что бѣлые, что красные, — они не понимаютъ и не хотятъ никого.»

Кончили ужинъ и долгіе разговоры, въ которыхъ священникъ развивалъ и доказывалъ эти основныя мысли. Ложимся спать. Я уже улегся въ кровать, какъ входитъ изъ кухни адъютантъ, пошептавшійся тамъ о чемъ-то со священникомъ, и докладываетъ:

— «Ваше Превосходительство, Вы лучше не спите на этой кровати: здѣсь отдыхалъ генералъ Ямшинецкій, а у него сыпной тифъ.»

— «Ну, какая разница?» И дѣйствительно, — не все ли равно было спать на этой кровати, или на полу рядомъ. И на каждой, буквально, остановкѣ были такъ перемѣшаны больные и здоровые.

Черезъ день утромъ выхожу садиться на лошадь, кругомъ идутъ сборы въ походъ; изъ нашей избы выводятъ подъ руки нѣсколько слабыхъ шатающихся фигуръ. Въ одной узнаю подполковника К., офицера съ Русскаго Острова. Узналъ и онъ меня, смотритъ съ похудѣвшаго лица огромными, какими-то туманными глазами. Здороваюсь, рука офицера горячая, какъ раскаленная печь.

— «Что съ Вами, подполковникъ?»

— «Виноватъ, Ваше Превосходительство,» отвѣчаетъ онъ въ полубреду: «сыпной тифъ.»

— «Ну, поправляйтесь скорѣе, будьте молодцомъ.»

— «Постараюсь, Ваше Превосходительство». . .

Съ каждымъ днемъ все больше и больше больныхъ; почти половина саней, нашихъ длинныхъ обозовъ, занята ими. Но, видимо, свѣжій морозный воздухъ Сибири дѣйствовалъ лучше всякихъ лекарствъ: смертныхъ случаевъ почти не было, всѣ, кромѣ очень пожилыхъ людей, выживали.

Движеніе колоннъ было расчитано такъ, что пять дней каждая изъ нихъ должна была двигаться самостоятельно, по заранѣе составленному маршруту; разстояніе между дорогами было отъ 60 до 90 верстъ, почему поддерживать связь на походѣ было почти немыслимо. Единственно къ чему мы должны были стремиться, — это, чтобы движеніе совершалось точно по расчету. Тогда, около станціи Зима (съ городкомъ того же названія) обѣ арміи должны были сойтись въ одинъ и тотъ же день, соединиться снова, чтобы намѣтить дальнѣйшій планъ дѣйствій.

Третья армія шла южной дорогой черезъ два-три большихъ старыхъ села, и нѣсколько новыхъ деревень, созданныхъ главнымъ переселенческимъ управленіемъ, въ періодъ передъ самой войной, для новоселовъ. И мѣстность, и деревни, и дороги — все было еще болѣе глухое, дикое, заброшенное, жившее своимъ укладомъ, своими мѣстными интересами, далекое отъ гремѣвшихъ событій, отъ великой русской трагедіи, разыгрывавшейся тогда на необъятныхъ пространствахъ Руси.

Но и здѣсь оказалось нѣсколько бандъ, сформированныхъ соціалистами; и здѣсь они распустили свою вредную паутину, — кооперативы работали во всю, не столько занимаясь снабженіемъ населенія товарами, какъ политическими интригами. Всѣ эти банды бѣжали при одномъ приближеніи арміи, бѣжали на югъ, въ горы.

На третій день марша до насъ дошли слухи черезъ крестьянъ, что генералъ Каппель умеръ. Онъ сильно страдалъ отъ невыносимой боли въ отмороженныхъ ногахъ, простуда все больше охватывала ослабѣвшій организмъ, началось воспаленіе въ легкихъ. Сердце не выдержало, и 25 января ушелъ отъ жизни одинъ изъ доблестнѣйшихъ сыновъ Россіи, генералъ-лейтенантъ Владиміръ Оскаровичъ Каппель. Всю свою душу онъ отдавалъ русскому дѣлу, ставъ съ самаго начала революціи на борьбу съ ея разрушительными силами. В. О. Каппель былъ полонъ вѣры въ правду бѣлаго движенія, въ жизненный инстинктъ русскаго народа, въ свѣтлое будущее его, въ возвращеніе на славный историческій путь. Чистый офицеръ,

чуждый больного честолюбія, онъ умѣлъ привлекать къ себѣ людей и среди подчиненныхъ пользовался прямо легендарнымъ обаяніемъ. Смерть его среди войскъ, на посту, при исполненіи тяжелаго долга, обязанности вывести офицеровъ и солдатъ изъ безконечно тяжелаго положенія, — эта смерть окружила личность вождя ореоломъ свѣтлаго почитанія. И безъ всякого сговора, какъ дань высокому подвигу, стали называться всѣ наши войска «каппелевцами»; такъ окрестили насъ мѣстные крестьяне, такъ пробовали ругать насъ соціалисты, такъ съ гордостью называли себя наши офицеры и нижніе чины.

Я получилъ увѣдомленіе о смерти генерала Каппеля отъ Войцеховскаго на четвертый день пути; одновременно онъ сообщилъ мнѣ, что, по смерти В. О. Каппеля, онъ вступилъ въ главнокомандованіе бѣлыми войсками.

Вторая армія двигалась по Московскому главному тракту, вдоль желѣзной дороги, по которой безконечной вереницей тянулись поѣзда чехо-словацкаго воинства. Странная и постыдная картина: въ великодержавной странѣ по русской желѣзной дорогѣ ѣхали со всѣми удобствами наши военноплѣнные, везли десятки тысячъ нашихъ русскихъ лошадей, полные вагоны-цейхаузы съ русской одеждой, мукой, овсомъ, чаемъ, сахаромъ и пр., съ цѣннымъ награбленнымъ имуществомъ. А въ то же время остатки Русской арміи въ неимовѣрныхъ лишеніяхъ шли, ободранные, голодные, шли тысячи верстъ среди трескучихъ сибирскихъ морозовъ, ломая небы-

валый въ исторіи походъ. И не имѣя у себя дома ни одного поѣзда, ни одного вагона, даже для своихъ раненыхъ и больныхъ!

Чехи продавали нашимъ частямъ продукты и фуражъ, но требовали расплаты золотомъ или серебромъ. Предлагали они намъ купить и лошадей, но по цѣнамъ въ нѣсколько тысячъ рублей за каждую. Были, понятно, и среди этихъ «легіонеровъ» люди не потерявшіе совѣсти и чести, но, къ несчастью, такихъ было слишкомъ немного, почему они и не имѣли почти никакого вліянія.

Чехъ-докторъ, лечившій генерала Каппеля, уговаривалъ его перейти въ чешскій эшелонъ и ѣхать въ тепломъ вагонѣ, но тотъ на отрѣзъ отказался, — не было никакой гарантіи, что тѣ изъ нихъ, которые предали адмирала Колчака и сотни русскихъ офицеровъ, — остановятся передъ предательствомъ и на этотъ разъ.

Нѣкоторые болѣе слабые физически офицеры, много стариковъ и женщинъ ѣхали въ поѣздахъ, занятыхъ чехами. И мы знаемъ, въ какихъ ужасныхъ условіяхъ они всѣ были. Вѣчныя угрозы выдачи большевикамъ, самое грубое обращеніе, требованіе исполнять всѣ тяжелыя, черныя работы и киданіе изъ милости, пренебрежительно объѣдковъ. Пожилыхъ людей, русскихъ генераловъ, чехи-солдаты заставляли чистить своихъ лошадей, выносить помои, убирать вагоны, таскать дрова, — за корку хлѣба и остатокъ пустыхъ щей. Разжирѣвшіе военноплѣнные ѣхали въ поѣздахъ, везли вагоны награбленнаго добра, измываясь надъ русскими людьми!

Ни въ одной странѣ, ни у одного народа было бы немыслимо даже что-нибудь близкое этому безобразно-гнусному явленію. Только наша русская дряблость, да муть, поднявшаяся послѣ революціи, вызвали къ жизни эту позорную страницу въ Сибири.

Соціалисты, захватившіе теперь власть, напрягали всѣ усилія, чтобы разсѣять и уничтожить нашу армію. Изъ Иркутска были высланы къ станціи Зима красныя части около десяти тысячъ бойцовъ при пяти орудіяхъ и даже съ двумя аэропланами; главковерхъ штабсъ-капитанъ Калашниковъ выѣхалъ сюда же, чтобы лично руководить дѣйствіями. Красные были въ изобиліи снабжены патронами и имѣли опять то же преимущество обороны въ зимнюю стужу: они могли обогрѣвать своихъ бойцовъ въ теплыхъ избахъ, въ то время какъ наши стрѣлки подходили къ мѣсту боя иззябшіе, продрогшіе, съ закоченѣлыми руками. Какъ тутъ стрѣлять и колоть!

Части второй арміи подошли къ станціи Зима первыми и повели наступленіе съ ранняго утра. Около десяти часовъ, послѣ упорного боя, красные отступили съ передовой позиціи,

вынесенной западнѣе станціи. Къ этому времени вышла и моя колонна; авангардъ быстро наступалъ, охватывая лѣвый флангъ большевиковъ. Тѣ дрогнули и начали отступать. Главковерхъ Калашниковъ со штабомъ уѣхалъ поѣздомъ въ Иркутскъ; послѣ этого, неожиданно для насъ и для красныхъ, выступилъ конный чешскій полкъ, стоявшій въ эшелонахъ на станціи Зима. Доблестный начальникъ 3-й чехо-словацкой дивизіи маіоръ Пржхалъ рѣшилъ не оставаться безучастнымъ, его честная солдатская натура заставила принять рѣшеніе и взять на себя всю отвѣтственность. Онъ выступилъ съ коннымъ полкомъ своей дивизіи и потребовалъ сдачи красныхъ, гарантируя имъ жизнь. Большевики положили оружіе и были собраны подъ стражей чеховъ въ желѣзнорожныхъ казармахъ.

Наши арміи вступили въ городъ Зиму. За помощь, оказанную намъ маіоромъ Пржхало, наши офицеры и стрѣлки были готовы простить все зло, сдѣланное легіонерами и ихъ руководителями раньше. Начали строить, съ чисто славянской порывистостью, планы о дальнѣйшихъ совмѣстныхъ дѣйствіяхъ — операціи противъ совѣтской арміи. Но уже черезъ нѣсколько часовъ отъ Яна Сырового пришли по телеграфу и строжайшій разносъ маіору Пржхалъ, и приказаніе вернуть краснымъ оружіе, и требованіе ничего не давать бѣлогвардейцамъ, не оказывать намъ никакого содѣйствія.

Установившіеся было отношенія между нами и чехами были сразу прерваны. Маіоръ Пржхалъ, показавъ полученныя имъ телеграммы, заперся въ вагонъ, а его штабъ, во исполненіе приказа Сырового, захватилъ отбитый у большевиковъ денежный ящикъ и брошенныя ими орудія; даже патроны, въ которыхъ мы испытывали самую острую нужду, выдавали намъ подъ сурдинку, тайнымъ образомъ.

Пораженіе у станціи Зима разстроило планы большевиковъ. Ихъ банды бѣжали на сѣверо-востокъ, въ направленіи на городъ Балаганскъ. До самаго Иркутска стала распространяться паника, причемъ даже такіе завзятые приверженцы большевиковъ, какъ развращенные соціалистами рабочіе Черемховскихъ копей, сами разоружали банды красноармейцевъ. Иркутскіе заправилы попытались взять армію съ другого конца, — повели переговоры съ стоявшимъ во главѣ бѣлыхъ войскъ генераломъ Войцеховскимъ. Для этого была использована его старая связь съ чехо-словацкимъ корпусомъ. Отъ имени большевиковъ говорили изъ Иркутска по прямому проводу чешскій представитель Благошъ и американскій инженеръ Стивенсъ.

Было понятно само собою, что наша армія не сдастся ни на какія условія, — поэтому эти почтенные дипломаты спрашивали, на какихъ условіяхъ были бы мы согласны обойти Ир-

кутскъ, — чтобы избѣжать кровопролитія. Генералъ Войцеховскій собралъ совѣщаніе старшихъ начальниковъ для составленія отвѣта. Поставленныя нами условія сводились въ общемъ къ слѣдующему:

1. Немедленная передача адмирала Колчака иностраннымъ представителямъ, которые должны доставить его въ полной безопасности за-границу.

2. Выдача Россійскаго золотого запаса.

3. Выдача арміи по наличному числу комплектовъ теплой одежды, сапогъ, продовольствія и фуража.

4. Исполненіе всего изложеннаго подъ отвѣтственностью и гарантіей иностранныхъ представителей, ведшихъ переговоры.

Но все это съ той стороны, были только новые вольты, продолженіе той же фальшивой игры краплеными картами: большевикамъ нужно было выгадать время. Поэтому чехъ и американецъ начали оттягивать отвѣтъ. Штабъ съ Войцеховскимъ остались еще на одинъ день въ городѣ Зима, — войска выступили дальше на востокъ. Теперь моя армія, 3-я, шла по Московскому тракту, а 2-я армія дорогой, верстъ на 30—40 сѣвернѣе.

Получились свѣдѣнія о томъ, что большевики въ Иркутскѣ бьютъ тревогу, — тамъ шла мобилизація рабочихъ, усиленныя формированія, ежедневная спѣшная эвакуація цѣннѣйшихъ грузовъ на подводахъ по Балаганскому тракту на сѣверъ. Нашей неотложной задачей стало двигаться какъ можно быстрѣе, форсированными переходами, чтобы налетѣть на Иркутскъ врасплохъ.

3-я армія шла день и ночь съ самыми минимальными отдыхами. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ мы встрѣчали высланные изъ Иркутска красныя банды, два раза задерживались на полдня, вели бои. Не мало зла и хлопотъ при этомъ причинили намъ латышскіе поселки. Императорское Русское переселенческое управленіе, въ заботахъ о всѣхъ подданныхъ Царя, отводило въ Сибири большіе надѣлы и безземельнымъ латышамъ. Здѣсь образовались цѣлыя колоніи этой народности, богатыя землей и лѣсомъ, ни въ чемъ не нуждавшіяся. И вотъ характерно, — въ то время, когда русское крестьянство оказывало намъ полное содѣйствіе, относилось сочувственно даже въ дни наибольшей нашей слабости, эти колонисты-латыши организовали банды, чтобы вести противъ бѣлыхъ партизанскую войну.

Какая поразительная связь съ тѣмъ явленіемъ, что на протяженіи всей грязной русской революціи латыши являлись самыми ярыми углубителями ея, надежной опорой всѣхъ революціонныхъ вождей отъ Керенскаго до Бронштейна!

2-я армія встрѣтила на своемъ пути болѣе серьезное сопротивленіе, верстахъ въ 70 сѣверо-западнѣе Иркутска. Большевики боялись нашего движенія на Балаганскъ, ихъ базу, куда они вывозили все цѣнное; для прикрытія этого направленія ими были высланы сильныя части. Цѣлый день, 6 февраля, и слѣдующую ночь шелъ упорный бой во 2-й арміи, причемъ она ввела въ дѣло всѣ свои силы.

Моя армія также наткнулась въ этотъ день на значительный красный авангардъ, но къ вечеру разсѣяла его и послѣ небольшого отдыха продолжала движеніе, форсируя его до послѣдняго предѣла.

Гулко раздавались орудійные выстрѣлы боя 2-й арміи, сначала на одной высотѣ съ нами, затѣмъ стали отдаляться все дальше въ тылъ.

На слѣдующій день послѣ полудня авангардъ 3-й арміи съ налета занялъ станцію Инокентьевскую, что лежитъ на западномъ берегу Ангары — противъ Иркутска. Движеніе было настолько быстро и такъ неожиданно было наше появленіе, что когда я со своимъ штабомъ въѣхалъ, одновременно съ авангардомъ, въ поселокъ Инокентьевскій, то наткнулся на такую картину.

Стоитъ длинный обозъ. По обыкновенію послалъ ординарца узнать, какой части.

— «107-го совѣтскаго полка,» отвѣчали бородачи обозники, не узнавъ въ нашихъ закутанныхъ въ тулупы и дохи фигурахъ — бѣлогвардейцевъ, какъ и мы не распознали въ нихъ «большевиковъ».

— «Для чего пріѣхали сюда, «товарищи»? спросилъ находчивый ординарецъ.

— «За снарядами, въ чихаусъ прислали, насъ-то. А вы чьи будете?»

— «Штабъ генерала Сахарова, командующаго 3-й арміей,» послѣдовалъ громкій отвѣтъ.

Полная растерянность. Руки вверхъ и мольба о пощадѣ.

Въ то же самое время начальникъ развѣдывательнаго отдѣленія штаба арміи полковникъ Новицкій съ пятью своими людьми захватилъ у красныхъ два орудія, причемъ, обезоруживъ часть большевиковъ, остальнымъ приказалъ держать караулъ до прихода нашихъ.

Какіе богатые склады нашли мы въ Инокентьевской! Всего было полно: валенокъ, полушубковъ, сапогъ, сукна, хлѣба, сахара, муки, фуража и даже новыхъ сѣделъ. Только теперь встало во весь ростъ преступленіе тылового интендантства и министерства снабженія, оставившихъ въ октябрѣ нашу армію полуголой. Всю ночь и слѣдующій день шла спѣшная раздача частямъ изъ складовъ всего, что хотѣли, — и то боль-

ше половины мы должны были оставить въ Инокентьевской, — не на чемъ было поднять; разрѣшили брать мѣстнымъ жителямъ.

Занятіе нами Инокентьевской облегчило положеніе 2-й арміи, которая, отбивъ противника на сѣверъ, свернула къ Московскому тракту и должна была на слѣдующій день выйти на Иркутскъ.

Со всѣхъ сторонъ подтверждалась полная растерянность большевиковъ. Ясно было, что при быстромъ проведеніи операціи, взять Иркутскъ не составитъ большого труда.

Только нельзя было терять времени.

4.

Всю ночь, не ложась спать, проработали надъ составленіемъ плана операціи по овладенію Иркутскомъ. Къ утру приказъ былъ готовъ. Атака назначалась въ 12 часовъ дня. Генералъ Войцеховскій, прибывшій въ Инокентьевскую передъ разсвѣтомъ, согласился со всѣми соображеніями, одобрилъ планъ и послалъ распоряженіе 2-й арміи согласовать свои дѣйствія — ударомъ на Иркутскъ съ сѣвера.

Утромъ грянулъ громъ. Сначала былъ доставленъ документъ за подписью начальника 2-й чехо-словацкой дивизіи полковника Крейчій, адресованный «начальнику передового отряда войскъ генерала Войцеховскаго»; въ немъ заключался наглый ультиматумъ, — чехи категорически требовали не занимать Глазговскаго предмѣстья и не производить никакихъ репрессій по отношенію желѣзнодорожныхъ служащихъ, — иначе чехи угрожали выступить вооруженно противъ насъ.

Надо пояснить, что Глазговское предмѣстье расположено на высотахъ, командующихъ городомъ; не занимая его, мы оставляли бы въ рукахъ большевиковъ тактическій ключъ всей позиціи; кромѣ тото, тамъ могли бы сосредоточиться красные въ любыхъ силахъ и бить во флангъ наши наступающія части. И все это проходило бы подъ прикрытіемъ чешскихъ штыковъ.

Вскорѣ затѣмъ съ разныхъ сторонъ, — въ томъ числѣ и отъ чеховъ, — поступили свѣдѣнія, что наканунѣ утромъ, Верховный Правитель адмиралъ А. В. Колчакъ былъ убитъ комиссарами во дворѣ Иркутской тюрьмы. Это печальное извѣстіе, какъ громомъ, поразило всѣхъ.

Картина смерти за Россію свѣтлаго слуги ея, адмирала А. В. Колчака, рисуется такъ, — по разсказамъ и описаніямъ многихъ лицъ, пробравшихся затѣмъ изъ Иркутска на востокъ. Почувствовавъ, что имъ Иркутска не отстоять, комиссары рано утромъ, 7 февраля, вывели изъ тюрьмы во дворъ Верховнаго Правителя и съ нимъ министра В. Пепеляева. Послѣдній страшно нервничалъ и умолялъ пощадить его жизнь. Адмиралъ хранилъ полное самообладаніе, вынулъ папиросу, закурилъ ее,

отдавъ серебряный портсигаръ одному изъ красноармейцевъ сопровождавшаго его конвоя. Величавое спокойствіе адмирала Колчака такъ подѣйствовало на красноармейцевъ, что они не исполняли команды комиссара и не стрѣляли. Тогда адмиралъ, отшвырнувъ докуренную папиросу, самъ отдалъ приказъ стрѣлять; по его собственной командѣ красноармейцы и произвели залпъ, прекратившій жизнь одного изъ лучшихъ сыновъ Россіи.

Главная цѣль нашего быстраго движенія къ Иркутску — освободить адмирала — не удалась. Но тѣмъ не мѣнѣе нужно было взять городъ, наказать убійцъ и искупить жертву великаго человѣка — продолженіемъ дѣла, за которое онъ положилъ свою жизнь. Свѣдѣнія, все болѣе подтверждали, что у большевиковъ дрожали поджилки, и они не расчитывали удержаться въ Иркутскѣ. Масса развѣдчиковъ и лазутчиковъ побывали въ городѣ отъ насъ, много переходило къ намъ и оттуда, изъ большевицкаго стана. Самое большое и неизгладимое впечатлѣніе оставили тогда два солдата-чеха, которые три дня слонялись по Иркутску, побывали во всѣхъ большевицкихъ учрежденіяхъ, съ цѣлью все разузнать. Затѣмъ эти добровольные развѣдчики вышли изъ Иркутска, пробрались на нашу сторону и явились прямо въ мой штабъ, требуя допуска ко мнѣ.

Предо мною были два бравыхъ солдата; загорѣлыя, обвѣтренныя, добродушныя лица, глаза смотрятъ смѣло и прямо, во всемъ обликѣ та внѣшняя выправка и дисциплина, которая присуща только постоянному солдату.

Чехи разсказали мнѣ, что Иркутскіе красноармейцы трусятъ нашей атаки и между собой поговариваютъ о томъ, что они сдались бы, если бы не боялись съ одной стороны своихъ комиссаровъ, съ другой — жестокой расправы бѣлыхъ.

— «Брате-генерале, ничего не стоитъ взять Иркутскъ, ибо и ихъ комиссары также боятся дюже. А рабочихъ-коммунистовъ всего нѣсколько сотенъ,» закончилъ одинъ изъ этихъ славныхъ чеховъ.

Другой добавилъ:

— «И позиціи ихъ совсѣмъ не страшны, — они только мѣстами понастроили изъ снѣговъ окопы и облили ихъ водой, чтобы ледъ былъ, но обойти вездѣ можно. Я, брате-генерале, въ Вашемъ штабѣ планъ всѣхъ ихъ окоповъ нарисую. Мы вездѣ были.»

— «Только скорѣе надо идти и сразу Иркутскъ возьмете.»

Это были послѣдніе изъ могиканъ, остатки тѣхъ братьевъ-чеховъ, воиновъ школы полковника Швеца, маіора Пржхалъ; ихъ остались единицы, которыя были поглощены моремъ разнузданной и трусливой массы легіонеровъ новой школы Яна Сырового и всѣхъ его политическихъ соратниковъ.

Мы были готовы произвести ударъ. Но ультиматумъ, предъявленный, отъ имени 2-й чешской дивизіи, полковникомъ Кречій, произвелъ на большинство нашихъ начальниковъ отрицательное впечатлѣніе.

Генералъ Войцеховскій собралъ военный совѣтъ, на котокоромъ присутствовало десять старшихъ генераловъ. Разобрали всѣ данныя предстоящей операціи, обстановку въ случаѣ неуспѣха, почти всѣ напирали особенно сильно на ограниченное количество патроновъ у нашихъ стрѣлковъ. Только два мнѣнія, — атамана Енисейскихъ казаковъ генералъ-маіора Ѳеофилова и мое, — были за немедленное наступленіе для овладѣнія Иркутскомъ; остальные высказались за уклоненіе отъ боя и обходъ города съ юга. Войцеховскій присоединился къ этому рѣшенію и отдалъ приказъ отмѣнить наступленіе.

Генералъ Ѳеофиловъ особенно волновался; онъ прослужилъ въ Иркутскѣ долгіе годы, зналъ каждую складку мѣстности, каждую тропинку. А его молодцы казаки сѣтью разъѣздовъ входили чуть не въ самое предмѣстье города съ юга. Ѳеофиловъ доказывалъ, что мы возьмемъ Иркутскъ безъ всякаго риска неудачи. А такъ, преступно было отказаться отъ этого и оставить у большевиковъ массу арестованныхъ офицеровъ, весь Россійскій Государственный золотой запасъ и богатые военнымъ имуществомъ Иркутскіе склады.

Послѣ военнаго совѣта я провѣрилъ настроеніе войскъ моей арміи; всѣ офицеры, посланные мной, принесли самыя отрадныя впечатлѣнія. Части ждали боя, желали его и почти каждый офицеръ и солдатъ мечтали войти въ Иркутскъ. Ультиматумъ чеховъ произвелъ на войска иное впечатленіе, — всѣ страшно возмущались, накопившаяся ненависть къ дармоѣдамъ, захватившимъ нашу желѣзную дорогу, прорывалась наружу.

— «Не посмѣютъ чехи выступить противъ насъ. А если и выступятъ, то справимся. Надо посчитаться!!»

Посовѣтовавшись еще съ генераломъ Ѳеофиловымъ, я отправился на квартиру къ Войцеховскому и уговорилъ его дать мнѣ разрѣшеніе — произвести налетъ на Иркутскъ съ юга одними моими силами. Не сомнѣваясь въ успѣхѣ, мнѣ удалось убѣдить въ томъ же и его.

Вернувшись къ себѣ, я только началъ отдавать распоряженія для боя, какъ былъ полученъ письменный приказъ генерала Войцеховскаго съ новымъ категорическимъ запрещеніемъ брать Иркутскъ.

Въ 11 часовъ ночи было назначено выступленіе авангарда для обходнаго движенія города. Въ Инокентьевской оставался заслонъ, который долженъ былъ демонстрировать подготовку нашего наступленія на Иркутскъ и тѣмъ отвлечь вниманіе боль-

шевиковъ отъ нашихъ обходящихъ колоннъ. Войска выступили сначала въ южномъ направленіи, чтобы затѣмъ свернуть на востокъ и черезъ горы выйти къ Байкалу.

Темная ночь. Зимняя стужа. Гудитъ вѣтеръ и крутитъ бѣлыми снѣжными вихрями; отъ завыванья бурана, отъ непроглядной темноты ночи дѣлается еще тяжелѣе на душѣ. Всѣ нервничаютъ, всѣ недовольны другъ другомъ и собою. Чувствуется, что съ этимъ отказомъ отъ овладѣнія Иркутскомъ рвется надежда, пропадаетъ та свѣтлая цѣль ,которая вела насъ тысячи верстъ черезъ тайгу, снѣга Сибири и ея лютые морозы, черезъ сыпной тифъ и красныя большевицкія заставы . . .

Идемъ часъ, другой. Всѣ молчатъ, нахохлились въ этой воющей холодной зимней ночи, каждый полный своими невеселыми мыслями. Впереди, авангардомъ Ижевская дивизія, затѣмъ егеря, мой небольшой штабъ, генералъ Войцеховскій со своимъ штабомъ и дальше остальныя части арміи. Въ бездонной черной пропасти ночи не разберешь, какъ мы идемъ, — повернули разъ, другой, третій, — наконецъ и счетъ потеряли; не знаемъ, въ какомъ направленіи двигаемся. Изъ-за темныхъ тучъ и снѣжнаго бурана не видно звѣздъ. Правильно-ли идемъ? А! Все равно: такая безразличная усталость послѣ всего, — при авангардѣ проводники, авось не собьются.

Прошли лѣсомъ, гдѣ бурная ночная вьюга стала еще мрачнѣе и зловѣщѣе, спустились въ оврагъ, поднялись. И передъ нами замигали сотни огоньковъ.

Авангардъ остановился. Я проѣхалъ впередъ узнать въ чемъ дѣло.

— «Проводники сбились съ дороги. Это Иркутскъ». Доложилъ мнѣ начальникъ Ижевской дивизіи, генералъ-маіоръ Молчановъ: «наши походныя заставы подошли почти къ самому предмѣстью. Видно здѣсь большевики не ждутъ насъ!»

Сама судьба стала за проведеніе плана генерала Ѳеофилова и моего — захвата города внезапнымъ налетомъ.

— «Что это нарочно Вы хотите настоять на своемъ, Ваше Превосходительство?» раздался сзади недовольный голосъ подошедшаго къ намъ Войцеховскаго, — «вѣдь я приказалъ опредѣленно — Иркутска не брать».

Я объяснилъ причину: проводникъ сбился съ дороги, заплутался; выходъ къ Иркутску для меня и моихъ подчиненныхъ начальниковъ — полная неожиданность. Но и большевики не ждутъ насъ также. Надо этимъ воспользоваться и занять городъ, что теперь можно было сдѣлать почти безъ боя, безъ потерь.

Но генералъ Войцеховскій упорно стоялъ на своемъ, не считая возможнымъ мѣнять налаженныя и отданныя имъ распоряженія для обходнаго отступательнаго марша; онъ отдалъ снова приказъ двигать авангардъ на юго-востокъ-къ Байкалу.

Прощай Иркутскъ! . . .

Долго и медленно двигались мы, усталые и обозленные. Заалѣлъ востокъ. Раздвинулись тѣни. Стало свѣтлѣть. Морозъ усиливался и трещалъ теперь во всю, чисто по сибирски.

Утромъ мы вышли къ деревнѣ, уже верстахъ въ пятнадцати восточнѣе Иркутска, и здѣсь остановились на привалъ. Надо было выкормить лошадей и дать людямъ обогрѣться.

Черезъ три часа выступили дальше.

Дикой горной дорогой шли мы весь день и еще одну ночь. Казалось конца не будетъ этому длинному утомительному переходу. Морозъ крѣпчалъ; сильный порывистый вѣтеръ вырывался изъ горныхъ ущелій, съ воемъ и визгомъ, забрасывая сани, людей и животныхъ цѣлыми ворохами снѣга. Не было силъ, двигала всѣми какая-то посторонняя автоматическая воля. На вторыя сутки, передъ разсвѣтомъ, наша колонна дотянулась наконецъ къ большому прибрежному селу Лиственичному.

Здѣсь Ангара вливается въ Байкалъ. Несется прозрачная, какъ хрусталь, рѣка. Быстрый бѣгъ и такая чистота, что видна на днѣ каждая галька, видны плавающія форели. Въ самые лютые морозы не замерзаетъ здѣсь вода. Кругомъ нависли горы, живописными утесами громоздясь другъ на друга. А вдали растилается ровная безконечная гладь огромнаго озера, таинственнаго, полнаго мистическихъ легендъ, бездоннаго Байкала.

Снова, второй разъ за этотъ переходъ, всходило солнце. Первые косые лучи его окрасили ледяную поверхность озера и дальнія горы въ нѣжные розовые тона, какъ цвѣты вишневыхъ деревьевъ. Ангара стала еще красивѣе и бѣжала съ немолчнымъ рокотомъ, точно живая широкая голубая дорога. Усталые люди, выбившіеся изъ силъ кони, подходили къ концу своего безконечно длиннаго пути.

Богатое прибрежное село Лиственичное раскинулось по берегу Байкала на нѣсколько верстъ. Большинство жителей рыбаки; они и теперь, въ этотъ крѣпкій февральскій морозъ, вытаскивали свои снасти и собирались раннимъ утромъ на ловлю. Есть въ селѣ нѣсколько мельницъ, фабрика, пароходство и судостроительные доки. Но все теперь, со времени революціи, заглохло, пріостановилось; жизнь тлѣла еще кое-какъ при бѣлыхъ, поддерживаемая надеждой на лучшее будущее. Теперь исчезла эта надежда; впереди стоялъ призракъ смерти и разрушенія; приближалась власть красныхъ . . .

Лиственичное встрѣтило наши войска радушно, тепло, но именно съ этимъ оттѣнкомъ горечи обреченныхъ на погибель. Они все-таки ждали, что мы выбьемъ большевиковъ изъ Иркутска, займемъ городъ, соединимся съ Забайкальемъ и воз-

становимъ порядокъ. Сквозь обычные разговоры, во взглядахъ, въ отношеніяхъ просвѣчивала мысль: «Эхъ, отчего вы не можете защитить насъ?! Да, вѣрно, вы не можете . . .»

Здѣсь также, какъ и на всемъ остальномъ пути нашемъ, проступало неудовлетворенное и скрываемое чувство отчужденности и недоумѣнія. Что же внутри бѣлаго движенія? Какова сущность, чѣмъ руководились вожди? Столько разъ за эти мѣсяцы пришлось встрѣтить въ массѣ русскихъ людей вѣру, а еще больше жажду вѣрить, что сущность бѣлыхъ, ихъ внутренняя правда — заключается въ возвращеніи къ Царской власти.

Много, много разъ, каждый день на этомъ тысячеверстномъ пути, приходилось говорить съ крестьянами, съ учителями, съ купцами и ремесленниками, съ сельской интеллигенціей, съ тысячами русскихъ людей — и почти у всѣхъ на умѣ была одна эта общая мысль, въ сердцахъ — одно общее чувство. И не упрекъ, а сожалѣніе, — почему не объявили открыто, не сказали громко и прямо? Отчего? . . . Тогда подъемъ народный былъ бы не таковъ, — всѣ встали бы на поддержку бѣлыхъ . . .

Наши части остановились въ Лиственичномъ на продолжительный дневной отдыхъ, чтобы подкрѣпить силы людей и конскаго состава для предстоящаго на завтра перехода черезъ Байкальское озеро. Ночевать здѣсь мы не могли, — надо было освобождать мѣсто для идущей сюда же 2-й арміи. Ея арріергарду пришлось уходить отъ Иркутска уже съ боями, такъ какъ большевики, осмѣлѣвшіе послѣ тревожнаго ожиданія, увидавшіе въ нашемъ обходѣ — слабость, рѣшили преслѣдовать, разсѣять и уничтожить остатки «каппелевцевъ», какъ они писали въ прокламаціяхъ и разсылали приказы по телеграфу на станціи желѣзной дороги, бывшія въ ихъ рукахъ.

Несмотря на подходъ вплотную къ Забайкалью, все еще обстановка тамъ, впереди, рисовалась очень неясной: станція Мысовскъ по ту сторону Байкала была нѣсколько дней тому назадъ въ рукахъ японцевъ. Какъ теперь, неизвѣстно, а было слышно, что будто большевики повели наступленіе, шелъ бой. Кто теперь тамъ, гдѣ атаманъ Семеновъ, каковы его силы, — никто въ точности не зналъ. Лиственичное жило и питалось только слухами.

Также обстояло и съ дорогой черезъ Байкалъ. Раньше въ прежніе годы ѣздили прямо изъ Лиственичнаго или изъ Голоустнаго, верстъ 40—45 по льду; теперь совсѣмъ не ѣздятъ, — не зачѣмъ, да и опасно, неравно и на большевиковъ наткнешься на другомъ берегу. Намъ предстояло идти первымъ, нащупывая и прокладывая дорогу.

Къ вечеру стали прибывать въ Лиственичное передовыя части 2-й арміи. Моимъ войскамъ нужно было выступать даль-

ше, пройти около десяти верстъ по льду до поселка Голоустнаго.

Байкальское озеро вулканическаго происхожденія. Бездонной глубины бездна его бунтуется и клокочетъ иногда въ самую тихую погоду; раздаются раскаты подземныхъ громовъ, ворчитъ глухой рокотъ и поднимаются черные волны-валы. А зимой, когда морозы, сковываютъ поверхность Байкала, въ такіе дни толстый слой льда грохочетъ, ломается, даетъ глубокія трещины, которыя тянутся иной разъ на многія версты.

Рыбачьи села, что пріютились кругомъ озера въ дикихъ Байкальскихъ горахъ, живутъ въ вѣчномъ страхѣ, поколѣніе отъ поколѣнія перенимая легенды о тайнѣ своего «моря». Ни одинъ настоящій, коренной байкалецъ не осмѣлится назвать его озеромъ. Священное, таинственное море! Неизвѣданная, богатая и щедрая природа, но также и дикая, первобытная, полная крайностей, какія неизвѣстны въ другихъ странахъ. Въ Лиственичномъ жители намъ разсказывали нескончаемыя исторіи про трудность переѣзда черезъ Байкалъ и въ обычное-то время, когда всѣ рыбаки выѣзжаютъ на ледъ уже съ ноября, когда шагъ за шагомъ устанавливаютъ и провѣшиваютъ они дорогу на другой берегъ. А въ этомъ году еще никто не ходилъ на ледъ.

— «И есть ли переѣздъ черезъ море, не знаемъ, не можемъ сказать,» получали мы отвѣтъ.

— «Часто гремѣлъ Байкалъ, почти что каждый день; поди широкія и глубо-о-окія трещины по срединѣ. А только въ точности неизвѣстно.»

— «Не иначе, какъ въ Голоустное идти вамъ, а оттуда, можетъ, и найдете проводниковъ въ Мысовскъ, на ту сторону.»

— «Только и про Мысовскъ въ точности не знаемъ. Были тамъ японцы двѣ недѣли тому назадъ; да, сказываютъ, большевики наступленіе на нихъ сдѣлали. . . Ничего въ точности неизвѣстно». . .

Это постоянное «неизвѣстно» было самое непріятное, тяжелое и давило на духъ, на психику людей.

Тысячи бѣлыхъ воиновъ стояли, какъ и раньше, весь путь отъ Красноярска, передъ этой полной неизвѣстностью. Черезъ всю Россію прошли они; своими ногами измѣрили безпредѣльныя пространства Сибири, пробились сквозь сказочныя препятствія. А дальше что?

Изможденные и усталые, закаленные въ бояхъ, привыкшіе къ опасности, смѣявшіеся надъ голой безстыдной улыбкой костлявой смерти, — они надѣялись на заслуженный отдыхъ, вѣрили въ возможность продолженія борьбы, въ успѣхъ своего праваго дѣла, имѣли впереди цѣль. Вѣрили до послѣдняго дня.

Въ рядахъ бѣлаго войска были смѣшаны люди самыхъ различныхъ слоевъ русской жизни: гвардейскіе офицеры и солдаты, кадровые офицеры арміи, для которыхъ традиціи сѣдой старины, честь мундира и слава старыхъ простреленныхъ знаменъ были дороже всего; волжскіе и уральскіе крестьяне, оставившіе свои черноземныя поля, чтобы бороться до побѣды надъ захватчикомъ и насильникомъ, жидомъ-комиссаромъ; казаки Урала, Иртыша и Енисея, вѣрные потомки своихъ предковъ, строившихъ ширь и могущество Государства Россійскаго; рабочіе Ижевскихъ, Воткинскихъ и другихъ Уральскихъ заводовъ бросили станки свои, чтобы побѣдить врага Россіи; сотни молодежи изъ сибирскихъ городовъ, — кадеты, студенты, реалисты и техники, — составляли отборные партизанскіе отряды, безпощадные къ комунистамъ и комиссарамъ, безстрашные въ бояхъ; и много отдѣльныхъ русскихъ людей со всѣхъ концовъ земли нашей, тѣхъ, что не могли и не хотѣли примириться съ властью темнаго преступнаго интернаціонала, тѣхъ, которые поклялись уничтожать большевиковъ до конца, до самого своего смертнаго часа. Среди нихъ были женщины и дѣвушки, раньше избалованныя красивой, нѣжной русской жизнью, — теперь дѣлившія тягости похода и боевъ на ряду съ офицеромъ. У многихъ соціалисты-большевики убили, замучили отца, мать, братьевъ, сожгли дома, разграбили имущество, надругались, растоптали все свѣтлое.

Теперь эти тысячи бѣлыхъ крестоносцевъ, напрягая остатокъ силъ, дошли до священнаго Байкальскаго моря, достигли предѣла, за которымъ ждали отдыха, братской встрѣчи, подмоги, опоры для дальнѣйшей борьбы. А вдругъ это только миражъ, обманъ довѣрчиваго воображенія?!

Люди отъ усталости, отъ изможденія трудами, голодомъ и тифомъ доходили до галюцинацій.

Вотъ высокій стройный полковникъ въ тонкой сѣрой, солдатскаго сукна шинели, но въ погонахъ и формѣ своего родного гвардейскаго полка, входитъ легкой походкой въ комнату. Лицо, какъ у схимника, худое, прозрачное съ огромными ввалившимися глазами, горящими упорнымъ тусклымъ огнемъ. Безкровныя губы кривятся судоргой страданія-улыбкой.

— «Ваше Превосходительство, позвольте доложить, — Байкалъ трещитъ. Я выступилъ съ авангардомъ, но пришлось остановиться, — нѣтъ прохода, — трещины, какъ пропасть»...

— «Взять саперъ, досокъ и бревенъ. Строить мостъ. Не терять времени. Продолжайте движеніе, — Вы задерживаете всѣ колонны.»

— «Невозможно, — Байкалъ трещитъ. И нѣтъ дороги...»

Подхожу, беру руку полковника, — она горячая, какъ изразецъ раскаленной бѣлой гладкой печки. Въ глазахъ глу-

бокая пропасть пережитихъ страданій, собрался весь ужасъ пройденнаго крестнаго пути. Стройное, сроднившееся со строемъ и войной, тѣло тянется привычно и красиво, несмотря на то, что страшный сыпной тифъ проникъ уже въ его кровь и отравилъ ее своимъ сильнымъ ядомъ.

Слабѣла воля. Падали силы. Терялся смыслъ борьбы, и сама жизнь, казалось, уходила. . .

5.

Темная ночь окутала и горы скалистаго берега, и дали Байкала, и глубокое небо безъ звѣздъ. Ничего не видно, — черная бездна вокругъ. Двумя яркими нитками прорѣзываютъ ее два фонаря у переѣзда-моста, сдѣланнаго наскоро черезъ трещину.

— «Держи правѣе, пра-а-вѣ-ѣ-ѣй, чортъ!» слышится по-временамъ крикъ. Лошади волнуются, храпятъ, прядутъ ушами и неловко дергаютъ, чуя опасность бездонной пучины. Проходитъ колонна, медленно и осторожно, однѣ сани за другими.

Лишь къ полночи добираемся до Голоустнаго. Маленькая прибрежная деревушка, всего нѣсколько рыбачьихъ избъ, большихъ, богатыхъ, рубленныхъ изъ столѣтнихъ кедровъ — хоромы сибирскихъ староселовъ.

Останавливаемся на ночлегъ. Какъ камни, падаютъ на лавки и на полъ люди и засыпаютъ тяжелымъ сномъ безконечно уставшаго. Только часовые стоятъ съ винтовками у костровъ. Да полевые штабы составляютъ приказъ на завтрешній переходъ, совѣщаются съ проводниками, взятыми изъ Голоустинскихъ рыбаковъ.

— «Господи, а въ Мысовскѣ-то, кажется, бой идетъ. Такъ и гудитъ артиллерійская канонада», раздается нервный отрывистый шепотъ дежурнаго офицера, вернувшагося съ улицы, съ повѣрки постовъ.

Всѣ выходятъ изъ избы; толпятся темные силуэты на берегу ледяного моря и замерли, — жадно слушаютъ, ловятъ далекіе звуки. А тамъ, изъ открытой черной пасти, несется немолчный рокотъ, то стихая на минуту, то усиливаясь снова, точно ворчащій звукъ отдаленной артиллерійской подготовки. Среди группы людей на берегу Байкала идетъ тихій разговоръ.

— «Несомнѣнно, это бой идетъ. Только гдѣ?»

— «Это въ Мысовскѣ, Ваше Благородіе; прямо вотъ такъ, направленіе берите, туды,» машетъ рукой одинъ изъ рыбаковъ Голоустнаго.

— «Да, только что-то больно ужъ долго и громко шумъ идетъ», — раздается одинъ сомнѣвающійся голосъ, — «вѣдь у

насъ и на Германскомъ фронтѣ только въ самыя большія сраженія такъ шумѣло. А сколько тамъ одной тяжелой артиллеріи бывало». . . .

— «Нѣтъ это не пушки. Байкалъ трещитъ! . .»

— «Ну, вотъ! Спросите нашихъ артиллеристовъ, — всякій скажетъ, что это бой идетъ, артиллерійскій. Очевидно, большевики атакуютъ въ Мысовскѣ семеновцевъ и японцевъ.»

— «Э-эхъ, хоть бы до завтра продержались, пока мы нашимъ на подмогу придемъ». . .

Разошлись, вернулись въ избы, полные бѣлогвардейцами, спавшими тяжелымъ глубокимъ сномъ. Заканчиваются послѣднія распоряженія, разсылаются съ ординарцами приказы. Добродушная круглолицая хозяйка избы со своими дочерьми возится около печки и самовара, готовитъ на завтра подорожники. Добрые глаза ихъ останавливаются на лицахъ офицеровъ, на спящихъ фигурахъ, съ выраженіемъ неподдѣльнаго участія и печали. За долгіе годы войны, передумавъ и перечувствовавъ безконечно много надъ ея ужасами, теперь впервые увидали эти простые люди армію, тысячи вооруженныхъ солдатъ въ ихъ особомъ мірѣ отношеній, понятій и традицій; и надъ туманными грезами, надъ страшными легендами и сказками слегка приподнялся уголъ завѣсы. . .

До зари поднялись всѣ, запряжены сани, посѣдланы лошади, отрядъ готовъ къ выступленію, чтобы успѣть засвѣтло сдѣлать этотъ переходъ въ 40—45 верстъ по ледяной дорогѣ. Предъутренній холодъ пробираетъ тѣло, еще не отошедшее отъ сна. Вытягивается колонна, проходитъ улицей Голоустнаго и спускается по отлогому берегу на Байкалъ. Жители затеряннаго поселка, рыбаки съ семьями, провожаютъ и прощаются добрыми, задушевными словами, идущими изъ сердца пожеланіями.

Выѣзжаютъ троечные сани изъ большого двора, гдѣ стоялъ штабъ отряда; хозяйка суетливо бѣгаетъ около, засовывая жаренныхъ куръ, хлѣбы, пироги, рыбу. Ея младшая дочь, крѣпкая четырнадцатилѣтняя сибирячка, стоитъ у дверей, кутаясь въ толстый платокъ, и переговаривается съ отъѣзжающими, блестя чистыми, бѣлыми зубами.

— «Поѣдемъ, Сонька, со мной,» обращается одинъ изъ офицеровъ, одѣтый въ оленью доху, улыбаясь глазами.

— «А чаго-жъ и поѣду. . . Только куды-ы-ы съ тобой ѣхать. Нѣтъ, не хочу.»

— «Почему не хочешь?»

— «Да тебя большевики-то забьютъ, а съ кѣмъ я одна останусь,» жеманно отвѣчаетъ Сонька при общемъ дружномъ смѣхѣ...

Но у всѣхъ остается осадокъ горечи отъ этихъ простыхъ, увѣренныхъ и жалостливыхъ словъ подростка-сибирячки: большевики забьютъ. . .

Тяжело было идти по Байкалу. Только мѣстами попадались небольшія пятна, покрытыя снѣгомъ, который осѣлъ, какъ песокъ на морскихъ дюнахъ, тонкими, извилистыми, волнистыми линіями. Все пространство озера было ровной ледяной пустыней. Взошедшее солнце блескомъ своимъ сверкало и переливалось на льду милліонами брильянтовыхъ искръ. Вѣтеръ, вырвавшійся изъ горъ, несся свободно и буйно, завывая по временамъ и ударяя съ такой силой, что валилъ пѣшехода съ ногъ. Ѣхать все время въ саняхъ было невтерпежъ, — морозъ и пронзительный вѣтеръ обращали все тѣло въ сплошную ледяшку, ныли кости, останавливалась кровь. Люди выскакивали изъ саней и бѣжали пѣшкомъ рядомъ, чтобы отогрѣться. Двигались очень медленно съ остановками, такъ какъ при авангардѣ шелъ спеціальный отрядъ проводниковъ, Байкальскихъ рыбаковъ, съ длинными шестами, опредѣляя прочность льда, осторожно отыскивая путь, чтобы не наткнуться на трещину.

Всего труднѣе было съ нашими лошадьми. Кованныя на обычныя подковы, безъ шиповъ, онѣ шли по ледянной дорогѣ Байкала, скользя и спотыкаясь на каждомъ шагу. Бѣдныя животныя напрягали всѣ свои силы, видно было какъ при каждомъ шагѣ вздувались и дрожали мускулы ногъ, какъ напрягалась спина и сгибалась шея, чтобы сохранить равновѣсіе. Болѣе слабыя лошади выбивались изъ силъ и падали. Пробовали ихъ поднять, провести нѣсколько шаговъ. И людьми и животными управляли не обычныя силы, а сверхъестественное напряженіе воли: еще двадцать-десять верстъ — и все рѣшится. И, можетъ быть, настанетъ заслуженный покойный отдыхъ послѣ многихъ тысячъ тяжелаго, полнаго опасностей, ледяного похода.

Февральское зимнее солнце поднялось невысоко и быстро стало спускаться по небосклону. Блестѣло яркими бликами необъятное ледяное пространство Байкала. По дорогѣ попалось нѣсколько старыхъ трещинъ; на полтора аршина кристалъ льда, какъ дивные гигантскіе аквамарины, а между ними черныя полосы зіяющей бездны бездонныхъ водъ. Кругомъ ровная, ровная пустыня и лишь легкими силуэтами обрисовываются навстрѣчу намъ горы восточнаго берега. Мысовскъ!

Все меньше силъ, все ближе вечеръ. И все больше падаетъ по нашему пути бѣдныхъ боевыхъ слугъ, нашихъ усталыхъ лошадей. Бредетъ животное по льду, ноги расползаются въ стороны, не за что уцѣпиться стертыми подковами, не осталось силъ въ истощенномъ тѣлѣ. И лошадь падаетъ, грохается всей своей тяжестью. Нѣтъ больше возможности поднять ее. Быстро снимаютъ сѣдло или хомутъ, кладутъ на ближайшія сани. . . и дальше въ путь.

Къ концу дня вся дорога черезъ Байкалъ чернѣла раздувшимися конскими трупами. Печальныя вѣхи!

Людей двигала воля и твердость души, но шли изъ послѣднихъ силъ, изможденные, прозябшіе до костей на ледяномъ вѣтру, голодные и безпріютные. Также скользили и расползались ноги, также не за что было уцѣпиться на скользкой дорогѣ, также напрягалось тѣло, — иногда равновѣсіе терялось, падалъ человѣкъ. Лежитъ на льду, надъ бездонной пучиной Байкала, а мимо идутъ, идутъ свои, тянется безостановочно вереница пѣшеходовъ, саней и конныхъ; кое-кто подойдетъ съ участливымъ словомъ и дальше. Отлежится человѣкъ нѣсколько минутъ, мысль стучитъ въ усталой крови: «Вставай, вставай, вставай, — не то смерть, смерть, смерть. . .»

Подымается, тяжело, точно съ похмѣлья или послѣ тяжкой болѣзни, и медленно бредетъ дальше. Къ близкой уже цѣли. Въ Мысовскъ. . .

Трудно дать настоящую картину тѣхъ дней, — слишкомъ необычна она, такъ угарно-устало прошли они, эти дни, и кажутся, такими далекими, какъ кошмарный сонъ. Но представьте себѣ, заставьте себя на минуту, среди обычной вашей жизни въ теплой обстановкѣ, вообразить — тысячи верстъ Сибирскаго вѣкового простора; глухая тайга, куда не ступала нога человѣка, дикія горы съ трудно доступными подъемами, огромныя рѣки, скованные льдомъ, снѣгъ глубиной въ два аршина, морозъ трещитъ и доходитъ до сорока градусовъ по Реомюру, затерявшіяся въ тайгѣ и засыпанныя снѣгомъ деревни. И представьте тысячи русскихъ людей, идущихъ день за днемъ по этимъ глубокимъ безпредѣльнымъ снѣгамъ; цѣлые мѣсяцы, день за днемъ, въ обстановкѣ жуткой по своей жестокости и лишеніямъ. А тутъ еще чуть не на каждомъ шагу, опасность братоубійственной войны. Бродячія шайки красныхъ разсыпаны всюду, съ запада преслѣдуетъ организованная большевицкая сила, совѣтская армія, съ востока выдвинуты сильные отряды эсъ-эровъ.

И полная неизвѣстность. Гдѣ конецъ? Что будетъ дальше?

Байкалъ съ его ледяной дорогой — это апофеозъ всего ледяного похода. Бѣлая армія шла черезъ озеро-море, не зная, что ждетъ ее на другомъ берегу, ожидая тамъ противника, жестокаго и безпощаднаго врага гражданской войны.

Но звуки, казавшіеся наканунѣ гуломъ отдаленнаго артиллерійскаго боя, были иллюзіей усталаго слуха, возбужденнаго, уже больного воображенія. То гудѣлъ Байкалъ, трещалъ, раскалываясь ледъ.

Къ Мысовску мы подошли подъ вечеръ. Маленькій заштатный городокъ расползся своими плоскими домами и избами по невысокому берегу озера, раскинулся одной длинной широ-

кой улицей и нѣсколькими переулками. Жители Мысовска толпятся небольшими кучками, издали наблюдая, какъ, извиваясь безконечной лентой, приближается колонна бѣлыхъ войскъ. Молча, не отрываясь, смотрятъ они, какъ вступаютъ въ ихъ городокъ эти люди, прошедшіе черезъ всю Сибирь. И лишь только тогда, когда вслѣдъ за авангардомъ появляется штабной значекъ, флагъ на половину русскій трехцвѣтный, на половину бѣлый съ синимъ Андреевскимъ крестомъ, сами собой снимаются шапки, кучки людей подходятъ ближе, толпятся около колонны.

— «Эхъ не такъ бы васъ встрѣчать надо, родные,» раздался голосъ изъ толпы, — «да нѣтъ у насъ ничего».

— «Настрадались-то сколько вы».

— «Сердечные. Герои!»

Сейчасъ же нашлось масса добровольныхъ квартирьеровъ, звали на перебой офицеровъ и солдатъ къ себѣ. И черезъ часъ отряды уже отдыхали въ просторныхъ теплыхъ избахъ, обогрѣвались; и снова хозяйки пекли, варили и жарили, какъ въ праздникъ.

Въ Мысовскѣ оказалась рота японцевъ, ихъ передовой отрядъ; временно оставили, — какъ намъ объяснили, — если бы еще два дня не пришли бѣлые, — то японцы ушли бы на востокъ, въ Верхнеудинскъ.

И тогда Мысовскъ заняли бы большевики. . .

Какъ только наши солдаты увидали первыхъ японцевъ, которые стояли на желѣзнодорожномъ полотнѣ, проходящемъ надъ озеромъ, радостный гулъ пошелъ среди нашихъ. Посыпались остроты, шутки, крики. Маленькіе японскіе солдаты, зябкіе и закутанные въ непривычные для нихъ мѣха, стояли на вытяжку и отдавали честь вступавшимъ въ Мысовскъ русскимъ войскамъ.

Вотъ отдѣляется нѣсколько стрѣлковъ-Ижевцевъ и бѣжитъ къ японцамъ, стоящимъ зрителями. Рукопожатія. Самураи бормочатъ что-то на своемъ непонятномъ языкѣ и улыбаются узкими раскосыми глазами. Наши хлопаютъ радостно ихъ по плечу.

— «Здорово, братъ-япоша, ты теперь будешь все одно, какъ Ижевецъ.»

— «Спасибо, японецъ, — одинъ ты у насъ вѣрный союзникъ остался.»

— «Будешь помогать намъ большевика бить? . .

— «Ура! . . Банзай!»

Маленькіе желтые люди тоже кричатъ ура и банзай. Сразу устанавливаются близкія, дружескія отношенія. И наши солдаты уходятъ подъ руки съ «япошками» по квартирамъ.

Тепло, уютно, и появилась увѣренность въ завтрашнемъ днѣ, въ томъ, что кончился тяжелый походъ, оправдались частью наши надежды на возможность новаго дѣла, продолженія борьбы за Россію.

Въ Забайкальѣ крѣпко держался атаманъ Семеновъ со своимъ корпусомъ. Въ Мысовскѣ оказался присланный имъ встрѣтить насъ полковникъ, который, впервые за все время, сообщилъ дѣйствительныя, правдивыя и полныя свѣдѣнія о положеніи въ восточной Сибири. Узнали мы, что большевики не рискуютъ еще наступать на Забайкалье изъ Иркутска, но за то организуютъ банды изъ мѣстныхъ жителей, снабжая ихъ оружіемъ, агитаторами и инструкторами. Западная часть Забайкалья кишитъ такими шайками и съ каждымъ днемъ все больше волнуется. Передалъ намъ полковникъ, что адмиралъ Колчакъ успѣлъ передъ своимъ арестомъ издать слѣдующій указъ:

Указъ Верховнаго Правителя.

4 января 1920 года.
г. Н-Удинскъ.

Въ виду предрѣшенія мною вопроса о передачѣ верховной всероссійской власти Главнокомандующему вооруженными силами юга Россіи Генералъ-Лейтенанту Деникину, впредь до полученія его указаній, въ цѣляхъ сохраненія на нашей Россійской восточной окраинѣ оплота Государственности на началахъ неразрывнаго единства со всей Россіей:

1. Предоставляю Главнокомандующему вооруженными силами Дальняго Востока и Иркутскаго военнаго округа Генералъ-Лейтенанту Атаману Семенову всю полноту военной и гражданской власти на всей территоріи Россійской восточной окраины, объединенной Россійской верховной властью.

2. Поручаю Генералъ-Лейтенанту Атаману Семенову образовать органы Государственнаго управленія въ предѣлахъ распространенія его полноты власти.

Верховный Правитель Адмиралъ Колчакъ.
Предсѣдатель Совѣта министровъ В. Пепеляевъ.
Директоръ канцеляріи Верховнаго Правителя
Генералъ-Маіоръ Мартьяновъ.

Узнали, мы также, что японцы оказываютъ полную поддержку и помощь, которая еще видимо, усилится съ выходомъ нашей арміи, — этого ждали, хотя никто не былъ увѣренъ.

Скоро были получены изъ Читы телеграммы; атаманъ Семеновъ запрашивалъ о составѣ и силахъ арміи и о томъ, какая

и въ чемъ первая неотложная нужда. Японское командованіе и миссія прислали горячій привѣтъ и восхищеніе передъ подвигами ледяного похода Русской арміи.

Той же ночью мы получили нѣсколько вагоновъ продовольствія и теплой одежды. Снова почувствовалась забота, прочная связь и опора, выросла еще болѣе увѣренность въ то, что кончено тяжелое испытаніе.

Послѣ одного дня отдыха, закончивъ эвакуацію части больныхъ по желѣзной дорогѣ, двинулись дальше: 3-я армія на Верхнеудинскъ, 2-я — въ раіонъ западнѣе его.

6.

Дѣйствительно, все пространство западнаго Забайкалья кишѣло бандами; онѣ организовывались по общей схемѣ, проведенной соціалистами по всей Сибири, т. е. съ привлеченіемъ къ работѣ органовъ коопераціи и, такъ называемыхъ, земствъ выборовъ 1917 года. Всѣ распоряженія шли изъ Иркутска, оттуда же доставлялось оружіе и патроны; военное руководство принялъ на себя товарищъ Калашниковъ, перешедшій теперь отъ эсъ-эровъ на службу къ большевикамъ. Главнымъ райономъ сосредоточенія бандъ было большое село Кабанье.

Здѣсь и произошло первое столкновеніе. Передовыя части 3-й арміи послѣ короткаго боя выбили красныхъ лихой конной атакой, овладѣли деревней и разсѣяли банды. Путь былъ открытъ. Остальныя колонны прошли безпрепятственно до Верхнеудинска.

Трудность движенія заключалась теперь въ другомъ. Забайкалье обычно отличается безснѣжными зимами, не было исключенія и въ томъ году; бѣднымъ нашимъ конямъ приходилось тянуть сани почти по голой землѣ, или по рыхлому мелкому снѣгу перемѣшанному съ пескомъ. Если бы не нѣкоторые участки пути, когда можно было идти рѣкою Селенгой, по льду, лошади были бы зарѣзаны окончательно.

Верхнеудинскъ большой городъ съ казармами, съ каменными домами, магазинами, базарами, гостинымъ дворомъ, имѣетъ богатое населеніе въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Бѣлыя войска были здѣсь встрѣчены такъ тепло и искренно, къ нимъ всѣ проявили такую массу заботливости и даже нѣжности, какъ могутъ сдѣлать это только свои близкіе люди. Но была и ложка дегтя въ этомъ сладкомъ меду.

Въ Верхнеудинискѣ, какъ всюду по Сибири, благодаря неопредѣленному курсу и слабости тыловыхъ властей, эсъ-эровщина пустила прочные корни. Повторялась одна и та же исторія: всѣ слои коренного населенія страстно желали порядка, ненавидѣли всѣми своими силами злую революцію и тосковали

по прошлому величію и покою жизни подъ Царской Державой, а кучка пришельцевъ, наглыхъ инородцевъ и своихъ, русскихъ предателей кричала о завоеваніяхъ революціи, о правахъ «демократіи» и объ опасности реакціи.

Какъ и всюду, здѣсь они были также трусливы и наглы. Послѣ прихода арміи, которую эти іуды предали вмѣстѣ съ ея вождемъ, они притихли и попрятались. Но черезъ нѣсколько дней была сдѣлана первая попытка: застрѣльщики направились къ генералу Войцеховскому и къ японскому командованію, начали разнюхивать и развѣдывать. И увидали, что эти, видимо, не понимая ничего въ происходящемъ, продолжаютъ вѣрить ихъ высокопарнымъ словамъ объ какихъ-то ихъ правахъ, какъ народныхъ избранниковъ, о пресловутой демократіи и пр. Послѣ перваго успѣха, тотчасъ же вылѣзла вся шайка и часами стала засѣдать въ домѣ генерала Войцеховскаго. Ихъ работа была направлена теперь на то, чтобы поссорить Войцеховскаго съ атаманомъ Семеновымъ и внести смущеніе въ ряды арміи.

Здѣсь же, въ Верхнеудинскѣ, пришлось встрѣтиться съ генераломъ Дитерихсомъ. Онъ какъ-то весь сжался, похудѣлъ и смотрѣлъ въ сторону пустымъ взглядомъ своихъ еще не такъ давно молодыхъ и вѣчно полныхъ жизни глазъ. Не долго говорилъ я съ нимъ, не находилось ни съ той, ни съ другой стороны настоящихъ словъ, — слишкомъ велика была пропасть съ того дня въ Омскѣ, когда онъ передалъ мнѣ, въ трудную минуту, главнокомандованіе боевымъ фронтомъ, а самъ уѣхалъ на востокъ.

Съ того дня прошло всего три мѣсяца, но по пережитому, казалось, пронеслись годы. Величайшія напряженія спасти положеніе, непрестанные бои, рядъ предательствъ, катастрофа, тысячи верстъ ледяного похода дикой сибирской тайгой — у насъ всѣхъ; постоянное воспоминаніе о томъ, что бросилъ армію въ трудную минуту, думы тяжкіе и переживанія въ одиночествѣ, здѣсь въ тылу, за Байкаломъ, — у него и несомнѣнно муки совѣсти съ сознаніемъ тяжести отвѣтсвенности, которую снять можетъ только жертва и подвигъ, да исполненный до конца долгъ.

Трудно объяснить психологію и связь въ цѣлой цѣпи поступковъ этого дѣятеля. Генералъ Дитерихсъ всегда казался полнымъ горячаго желанія принести пользу Родинѣ, развить живую дѣятельность и для этого стремился занять центральное мѣсто. Но со времени революціи слишкомъ много проступало взаимныхъ противорѣчій въ словахъ, поступкахъ и даже мысляхъ этого незауряднаго человѣка.

Въ концѣ августа 1917 года Дитерихсъ, пріѣхавъ изъ Салоникъ, идетъ, какъ начальникъ штаба генерала Крымова,

какъ мозгъ этой арміи народнаго гнѣва, на Петроградъ, чтобы ликвидировать совдепъ и покончить съ керенщиной. Полная неудача. Крымовъ стрѣляется, его армія распыляется агентами Керенскаго и постепенно подготовляется революціоннымъ развратомъ къ принятію Ленина и Бронштейна. Корниловъ съ помощниками арестованъ. Дитерихсъ молча, тихо возвращается въ Могилевскую ставку и занимаетъ стулъ генералъ-квартирмейстера у шута-главковерха Керенскаго.

Въ концѣ октября того же года этотъ главковерхъ бѣжитъ сначала изъ Петрограда, а затѣмъ ночью скрывается и отъ свой арміи. Пропадаетъ на нѣсколько лѣтъ. Прапорщикъ Крыленко съ красными матросами наступаетъ на Могилевъ и убиваетъ доблестнаго и честнаго солдата-генерала Николая Николаевича Духонина, который заступилъ автоматически мѣсто главковерха, освобожденное дезертиромъ Керенскимъ. Дитерихсъ избѣгаетъ этой участи, и ему послѣ нѣсколькихъ дней удается скрыться въ Кіевѣ.

Новый этапъ — онъ съ чехами. Въ ихъ эшелонѣ, какъ начальникъ штаба, добирается до Владивостока, гдѣ его застаетъ весна 1918 года. Общее выступленіе; при содѣйствіи японцевъ чехи берутъ и этотъ городъ. На помощь сюда спѣшитъ отрядъ русскихъ офицеровъ изъ полосы отчужденія Восточно-Китайской желѣзной дороги, но Дитерихсъ передаетъ, что онъ будетъ разговаривать съ ними только въ томъ случаѣ, если они положатъ оружіе. Вскорѣ онъ появляется въ роли начальника штаба Яна Сырового, одѣваетъ на себя чешскую форму безъ погонъ, защищаетъ узко-чешскіе интересы, зачастую съ большой настойчивостью.

Когда чехи ушли въ тылъ, они стали производить чистку въ своихъ командныхъ верхахъ и всѣхъ русскихъ офицеровъ убрали вонъ. Принужденъ былъ уйти и Дитерихсъ. Въ началѣ 1919 года онъ опять во Владивостокѣ, уже въ русской формѣ, съ очень маленькими защитными погонами генералъ-лейтенанта.

Съ разрѣшенія Верховнаго Правителя онъ, въ спеціальномъ поѣздѣ, отвозитъ на англійскій крейсеръ «Кентъ» для сохранности всѣ вещи, оставшіеся отъ Царской Семьи въ Тобольскѣ и Екатеринбургѣ, тщательно собранные русскими людьми; цѣлый вагонъ реликвій.

Послѣ этого — генералъ Дитерихсъ становится во главѣ слѣдственной комиссіи по дѣлу о злодѣйскомъ убіеніи Государя, Государыни и Августѣйшихъ Дѣтей. Тщательно ведетъ онъ розыски, строитъ цѣлую систему, отдается весь дѣлу, помогая большой работѣ слѣдователя Н. А. Соколова.

Когда Гайда пытался, по указкѣ эсъ-эровъ, пойти противъ адмирала Колчака, и рѣшено было убрать его, генералъ Лебе-

девъ ѣздилъ къ Дитерихсу и, предложивъ ему постъ командующаго Сибирской арміей, составилъ совмѣстно съ нимъ планъ дѣйствій и исправленій дезорганизаціи внесенной Гайдой. Генералъ Дитерихсъ съ большою радостью ухватился за это предложеніе. Онъ началъ съ того, что отмѣнилъ всѣ приказы Гайды и довольно спѣшно повелъ армію въ тылъ, надѣясь здѣсь ее перестроить на новыхъ началахъ.

Лебедевъ, которому адмиралъ вѣрилъ до конца чуть-ли не больше всѣхъ, вскорѣ долженъ былъ уйти. Его мѣсто занялъ генералъ Дитерихсъ, сдѣлавшись главнокомандующимъ фронтомъ и одновременно начальникомъ штаба Верховнаго Правителя. Такъ что цѣль, поставленная соціалистами Гайдѣ — убрать Лебедева, — была достигнута.

Здѣсь съ вершины власти начинается рядъ непонятныхъ дѣйствій, словъ, распоряженій, вплоть до самаго ухода генерала Дитерихса съ поста и до отъѣзда его изъ Омска. То онъ самъ заявляетъ:

— «Подумайте, Пепеляевъ мнѣ доложилъ, что онъ и его генералы требуютъ созыва учредительнаго собранія или земскаго собора немедленно, — иначе будто дѣло не пойдетъ. Я посовѣтовалъ имъ: пустить пулю въ лобъ, если они такъ думаютъ. Это какая-то керенщина.»

А затѣмъ тотъ же Дитерихсъ беретъ въ самый трудный моментъ, снимаетъ армію Пепеляева съ фронта и перебрасываетъ ее по желѣзной дорогѣ въ тылъ, чѣмъ, невольно, создаетъ смертельную угрозу са́мому существованію боевой арміи; какъ показали событія, эти дѣйствія и привели къ предательству Зиневича и къ Красноярской катастрофѣ.

Но въ это время Дитерихсъ сталъ уже горячимъ сторонникомъ и заступникомъ идеи созыва земскаго собора въ Сибири; идеи, съ которой носились Омскіе министры и такъ называемая общественность.

То онъ выпускаетъ во Владивостокѣ, мужественно и открыто, за своей подписью прокламацію о еврейской міровой опасности, о необходимости самой упорной борьбы съ ними, общаго крестоваго похода. А затѣмъ, получивъ власть, чуть ли не потакаетъ эсъ-эрамъ, среди которыхъ больше половины были и есть жиды.

— «Нельзя, надо считаться съ общественностью. . .»

Во время осенняго напряженія арміи, нашей побѣдной Тобольской операціи, генералъ Дитерихсъ не можетъ подать на фронтъ ни одного эшелона пополненій, не можетъ заставить тылъ, полный складами и людскими запасами, помочь арміи, одѣть ее, снабдить хотя бы самымъ необходимымъ; и повторяетъ съ таинственнымъ видомъ:

— «Важно не то. Надо лишь продержаться только до октября, когда Деникинъ возьметъ Москву. Необходимо до этого времени сохранить Верховнаго Правителя и министровъ. Остальное не важно.»

Что онъ думалъ, какія мысли роились у него въ головѣ, когда онъ сидѣлъ въ своемъ вагонѣ, уставленномъ иконами и хоругвями, и работалъ за письменнымъ столомъ цѣлыя ночи напролетъ? Также трудно понять, какъ и то, что таилось у него на душѣ тогда, когда онъ шелъ съ Крымовымъ, работалъ съ Керенскимъ, служилъ у чеховъ, ѣхалъ изъ Омска на востокъ, сидѣлъ въ Верхнеудинскѣ во время нашего тяжелаго похода черезъ Сибирь.

Такія же неясныя и неопредѣленныя были его мысли и рѣчи здѣсь въ Верхнеудинскѣ, во время послѣдней встрѣчи. Видно было только, что его оставила или, покрайности, сильно ослабла въ немъ мистическая увѣренность въ особомъ призваніи спасти Россію; та неотвязная идея, которая раньше проявлялась во всемъ, и которая дала основаніе П. П. Иванову-Ринову мѣтко назвать его Жанной д'Аркъ въ рейтузахъ. Временно опять генералъ Дитерихсъ затихъ и вскорѣ уѣхалъ въ Харбинъ.

Въ Верхнеудинскѣ стояла бригада японцевъ подъ командой генералъ-маіора Огата. Во всемъ Забайкальѣ въ ту пору однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ являлись японцы. Ихъ воинскія части были вѣдь настоящей Императорской арміей, такой, какъ наша въ 1914 году. Организація и воинская дисциплина стояли также высоко, какъ въ обычное время; офицерскій корпусъ и солдаты представляли отличный боевой матеріалъ причемъ сила дивизіи простиралась до 12—14 тысячъ штыковъ и была достаточна для разгрома всѣхъ большевицкихъ войскъ, — если бы японцы рѣшили выступить на помощь бѣлымъ активно. Этого добивались отъ нихъ давно и директорія, и Омское правительство, и теперь атаманъ Семеновъ; давно и напрасно, такъ какъ японцы, не говоря окочательно «нѣтъ», оттягивали время и въобщемъ держались пассивно.

Необходимо, — въ цѣляхъ справедливости и правды, а слѣдовательно и интересовъ нашей Родины, — сказать о томъ, что отношеніе японцевъ во всѣхъ случаяхъ, кромѣ самаго перваго періода интервенціи, значительно отличалось отъ всѣхъ остальныхъ союзниковъ. Только въ началѣ, въ 1918 году, японцы, и то не командованіе ихъ и не воинскія части, а спеціальныя миссіи, — стремились какъ можно больше и скорѣе набрать того, что плохо лежало; это были, главнымъ образомъ, секретныя карты и планы, дѣлались съемки въ раіонѣ Владивостокской крѣпости, занимались казармы въ важныхъ стратегическихъ пунктахъ. Но уже съ января 1919 года все

это было совершенно устранено, отношенія рѣзко перемѣнились въ самую лучшую сторону. Поведеніе японскаго командованія и войскъ стало вполнѣ союзническимъ, даже рыцарственнымъ. И они одни остались теперь въ Сибири, чтобы помочь русскимъ людямъ, русскому дѣлу.

Положеніе ихъ было не изъ легкихъ. Какъ разъ въ тѣ дни, въ началѣ 1920 года, игроки міровой сцены начали перестраиваться. Слабое своей разрозненностью и расплывчатостью бѣлое движеніе отшатнуло Ллойдъ Джорджа, Клемансо и К°, успѣвъ ихъ напугать все-таки призракомъ возрожденія сильной національной Россіи. Видимо, этотъ испугъ и былъ одной изъ причинъ, почему они поспѣшили приложить преступную руку свою къ предательству и погубленію бѣлыхъ. Эти современные руководители міровой политики, только-что проклинавшіе большевиковъ, призывавшіе «всѣхъ чистыхъ русскихъ къ борьбѣ съ этими врагами не только Россіи, но всего человѣчества», — начали говорить о невмѣшательствѣ въ русскія дѣла; Ллойдъ Джорджъ шелъ дальше и уже нащупывалъ почву для переговоровъ съ совѣтскимъ правительствомъ, съ тѣми же большевиками. Подъ вліяніемъ сложныхъ и путанныхъ причинъ, «союзники» бросили бѣлыхъ и отошли отъ нихъ, умывъ руки.

Остались одни японцы. Они не отходили потому, что, во-первыхъ, духъ рыцарства, правила чести и вѣрность слову живы и развиты въ народѣ Восходящаго Солнца значительно сильнѣе, чѣмъ въ народахъ Европы, всѣхъ вмѣстѣ и въ каждомъ порознь; а во-вторыхъ, — и это было не маловажно, — японцы сильно опасались за Манчжурію и Корею, гдѣ бурлили темныя массы подъ вліяніемъ большевицкой агитаціи. Надо помнить, что Корея, провинція присоединенная къ имперіи лишь съ 1911 года, представляетъ собою сильно взрывчатый, опасный очагъ: покоренная, насильно подчиненная страна, лишенная своего національнаго правленія, придавленная и имѣющая потому много недовольныхъ элементовъ.

Японскія войска оставались на Дальнемъ Востокѣ и въ Забайкальѣ, стремясь оказать намъ самую полную поддержку. Но въ этихъ своихъ стремленіяхъ они наталкивались на французскія и американскія миссіи, на своихъ друзей-англичанъ. Императорскому японскому правительству приходилось сталкиваться не только съ бездѣйствіемъ этихъ союзниковъ Русскаго народа, но и съ открытымъ подчасъ противодѣйствіемъ; «союзники» выставляли Японіи требованіе увести изъ Сибири войска и не помогать, ни въ коемъ случаѣ, колчаковцамъ или, какъ теперь звали наши войска, «каппелевцамъ».

Стоявшая въ Верхнеудинскѣ бригада 5-й японской дивизіи занимала казармы въ самомъ городѣ. Командиръ бригады

генералъ Огата, человѣкъ недалекій и хитрый, съ типичнымъ раскосымъ лицомъ азіата, а не японца, съ постоянной широкой улыбкой, — выставилъ требованія, чтобы наши части въ городѣ не становились, указавъ на рѣшенную общесоюзническимъ совѣтомъ нейтрализацію желѣзной дороги. Долго спорили, — мы не сдавались, Огата не хотѣлъ уступить, — наконецъ, пришли къ соглашенію: въ городѣ станутъ штабы съ охраной, а части расположатся въ военномъ городкѣ въ восьми верстахъ и въ окрестныхъ деревняхъ.

Тамъ далеко было не спокойно. Красные партизаны, соорганизованные Иркутскимъ штабомъ и главковерхомъ товарищемъ Калашниковымъ, совершали на деревни нападенія, набѣги, установили своеобразную блокаду, прекративъ подвозъ къ городу крестьянами продовольствія и фуража. Приходилось снаряжать цѣлыя экспедиціи, усиленныя фуражировки.

Ежедневно много войскъ отвлекалось на службу охраненія и развѣдки; отдыхъ въ Верхнеудинскомъ районѣ получался очень куцый, а о регулярыхъ занятіяхъ нечего было и думать.

Въ самомъ городѣ охрана неслась японскими солдатами исправно и неутомимо. Ходили патрули этихъ маленькихъ людей, такъ непривычныхъ къ морозамъ, завернутыхъ въ торчащій пушистый мѣховой воротникъ, въ теплыхъ шапкахъ, въ валеныхъ сапогахъ. Трудно было объясняться имъ со случайными прохожими по ночамъ на улицѣ, съ нашими патрулями, вѣстовыми и съ лицами команднаго состава. Пробовали установить общій пароль, пропускъ и отзывъ, — ничего не вышло: слишкомъ различенъ и труденъ для каждой стороны языкъ другой . Выйти изъ затрудненій помогли чувства взаимной пріязни. Наши скоро подмѣтили, что японцы съ особой симпатіей относятся къ нашей арміи, къ каппелевцамъ. Именемъ погибшаго героя установился самъ собою и пароль.

— «Капель-капель?» спрашивалъ ночной японскій патруль встрѣчныхъ офицеровъ и солдатъ.

— «Каппелевцы!» раздавалось въ отвѣтъ.

Пріятной улыбкой скалились зубы маленькаго желтаго солдата и вмѣстѣ съ морознымъ паромъ вылетала какая-то фраза, сопровождавшаяся похлопываньемъ по рукаву или ласковымъ смѣхомъ.

И расходились. . .

Было устроено нѣсколько офиціальныхъ обѣдовъ. Японцы дали первый въ нашу честь, привѣтствовали, — какъ переводчикъ съ чисто-восточной пышностью перевелъ рѣчь генерала Огата, — героевъ, сдѣлавшихъ небывалый въ мірѣ походъ черезъ ледяное море Сибири. Затѣмъ мы отвѣтили японцамъ. Непріятно было только слышать, что въ рѣчахъ японскихъ представителей звучала здѣсь какая-то невѣрная, смущавшая

насъ нотка о нейтралитетѣ союзниковъ, объ ихъ общихъ обязанностяхъ передъ чехо-словаками. Эти нотки начали проходить черезъ всѣ ихъ завѣренія о дружбѣ къ національной Россіи, о необходимости борьбы съ большевиками, до полной побѣды надъ ними. Японцы, какъ люди очень компанейскіе, охотно пьютъ и любятъ выпить. Къ концу обѣда обычно чувства шире, рѣчи смѣлѣй; особенно у молодыхъ офицеровъ. Эти опредѣленно заявляли о своей готовности драться съ нами вмѣстѣ, плечо къ плечу. Только бригадиръ Огата, даже и подъ парами, не забывалъ своего основного мотива, а нѣсколько разъ такъ договорился даже до пространнаго и несвязнаго лепета о «демократіи и демократичности».

Все это было несомнѣнно наносное, подъ вліяніемъ союзнаго совдепа; отразилась также нѣсколько и та двойственная игра, которую генералъ Войцеховскій велъ съ мѣстными верхнеудинскими эсъ-эрами, этими темными дѣльцами мѣстныхъ кооперативовъ и земствъ. Характерно, что и внѣшность всѣхъ этихъ милостивыхъ государей была какая-то темная, сѣрая, полупочтенная: угловатыя движенія, длинныя космы, косые воровскіе взгляды, рѣчь или съ еврейскимъ, или польскимъ акцентомъ. Съ ихъ помощью вскорѣ выползъ на свѣтъ и печальный герой Красноярскаго предательства — генералъ Пепеляевъ, революціонный командармъ 1-й Сибирской арміи.

Сперва было доложено, какъ слухъ, что онъ скрывается въ городѣ въ штатскомъ платьѣ, прячась по квартирамъ верхнеудинскихъ «общественныхъ» дѣятелей. Послѣ провѣрки этого слуха, я приказалъ доложить это генералу Войцеховскому, который здѣсь былъ старшимъ начальникомъ, и отъ котораго потому зависѣлъ арестъ. Отвѣтъ отъ Войцеховскаго былъ полученъ, что онъ знаетъ о пребываніи Пепеляева въ Верхнеудинскѣ и будетъ сегодня же имѣть съ нимъ разговоръ. До этого онъ просилъ никакихъ мѣръ не предпринимать.

Пепеляевъ появился въ штабѣ командующаго арміей, держа себя неувѣренно и даже робко, проговорили они около двухъ часовъ, послѣ чего революціонный герой вышелъ съ бодрымъ и даже веселымъ видомъ; черезъ день онъ появился снова, уже въ формѣ русскаго генерала.

Считая совершенно вреднымъ такое попустительство офицеру, виновному въ государственномъ преступленіи, въ предательствѣ арміи подъ Красноярскомъ, многіе офицеры частей, проведшіе въ рядахъ арміи на фронтѣ всѣ эти пять лѣтъ, начали волноваться, ко мнѣ поступали рапорты съ выраженіемъ недовольства тѣмъ, что преступникъ остается на свободѣ.

Обо всемъ этомъ было снова доложено генералу Войцеховскому; тотъ, видимо, только для успокоенія офицеровъ зая-

вилъ, что весь этотъ вопросъ откладываетъ до рѣшенія главнокомандующаго атамана Семенова, до Читы.

— «Если Пепеляевъ не выѣдетъ къ назначенному сроку въ Читу, то приказываю его арестовать и отправить подъ конвоемъ», получена была черезъ два дня шифрованная телеграмма изъ Читы, куда переѣхалъ со штабомъ Войцеховскій.

Въ назначенный день Пепеляевъ пробрался тайкомъ въ теплушку, полную его сторонниками и отправился по вызову.

На этомъ сравнительно мелкомъ эпизодѣ приходится такъ задержаться, чтобы яснѣе обрисовались многія стороны тогдашнихъ настроеній.

Части 3-й арміи, сведенныя къ этому времени, по моему представленію, — въ отдѣльный корпусъ, были въ очень тяжеломъ положеніи; болѣе половины личнаго состава болѣло тифомъ, причемъ многіе перенесли обѣ формы: сыпной и возвратный. Всѣ были измучены и страшно устали отъ послѣднихъ мѣсяцевъ зимней кампаніи, отъ многихъ тысячъ верстъ похода; и физическія силы и, еще болѣе, состояніе духа требовали предоставленія частямъ продолжительнаго отдыха; нужно было время, чтобы переформировать части, дивизіи свести въ полки, уничтожить излишніе штабы и учрежденія, влить пополненія, вести регулярныя занятія. Тогда черезъ мѣсяцъ-полтора можно было снова начать наступленія на западъ.

Главнокомандующій генералъ-лейтенантъ атаманъ Семеновъ вполнѣ оцѣнивалъ эту необходимость. Черезъ недѣлю имъ была прислана въ Верхнеудинскъ монголо-бурятская дивизія на смѣну 3-го корпуса, которому было приказано двигаться походнымъ порядкомъ на Читу.

Несмотря на самое благожелательное отношеніе японскаго командованія и ихъ полное желаніе намъ помочь, не могли предоставить для корпуса достаточнаго количества поѣздовъ. Изъ Верхнеудинска повезли только больныхъ, раненыхъ и Уфимскую дивизію, сведенную изъ бывшаго Уфимскаго корпуса. Для остальныхъ частей поѣзда были обѣщаны отъ Петровскаго Завода.

Петровскій Заводъ отстоитъ отъ Верхнеудинска верстъ на 140—150, на четыре перехода. Дорога предстояла крайне трудная, такъ какъ весь нашъ обозъ, да и большинство пѣхоты двигались на саняхъ. А этотъ районъ, къ востоку отъ Верхнеудинска, отличался еще большимъ безснѣжіемъ; на десятки верстъ земля была совершенно обнаженна или прикрыта слоемъ снѣга толщиною не болѣе вершка.

Войска корпуса были распредѣлены на три эшелона, одна группа двигалась за другой, чтобы такимъ путемъ всѣхъ обезпечить ночлегомъ. Мѣстность здѣсь сильно пересѣченная оврагами и холмами, покрыта на три четверти густымъ дѣв-

ственнымъ лѣсомъ; селенія до крайности рѣдки, расположены на 30—40 верстъ одно отъ другого, дорогъ очень мало.

Впереди шли Ижевцы и егеря, за ними Уральская дивизія, драгуны и Волжане, въ третьей группѣ казаки, Оренбургскіе и Енисейцы. Послѣдніе везли съ собою своего маститаго, смѣлаго атамана генерала Ѳеофилова, который не избѣгъ общей участи и свалился въ сыпномъ тифу.

Тяжелая дорога. Лошади, хоть и отдохнули въ Верхнеудинскѣ, съ большимъ трудомъ тащатъ сани, скрипятъ, точно пробкой по стеклу, полозья, задѣвая землю, проходя по песку, цѣпляясь за камни. На подъемахъ изъ овраговъ вѣчные заторы, — приходится сани выносить на рукахъ.

Ночлеги въ Забайкальскихъ деревняхъ съ старосельческимъ населеніемъ, изъ тѣхъ же «семейныхъ». Такъ прозвались издавна эти, одни изъ первыхъ поселенцевъ угрюмаго Забайкалья, старовѣры Петровской эпохи, которыхъ выселяли сюда съ ихъ семьями. Истовые русскіе крестьяне, чуждые и враждебные, не только непонятной имъ революціи, но и всему, что пошло за ней. Повсюду чувствовалось здѣсь, а иногда открыто высказывалось одна общая основная мысль, причина этой враждебности:

— «Зачѣмъ отняли и погубили нашего Царя? Зачѣмъ разрушили нашу жизнь? Что вамъ еще надо?»

На этой почвѣ разросталось повстанческое движеніе, именно на почвѣ крайней контръ-революціонности крестьянства. Большевики только использовали ихъ, усиливъ свою агитацію и направивъ изъ Иркутска транспорты съ оружіемъ и патронами. Банды повстанцевъ группировались на юго-западъ отъ Петровскаго Завода. Первой колоннѣ было приказано атаковать ихъ и уничтожить. Егеря и Ижевцы повели бой, сильнымъ натискомъ опрокинули красныхъ и погнали ихъ въ горы. Но въ этомъ бою былъ раненъ въ обѣ руки начальникъ первой колонны генералъ-маіоръ Молчановъ. Поэтому дѣло не удалось закончить, — красныхъ потрепали, отогнали, но не уничтожили.

Я со своимъ штабомъ шелъ съ Волжанами, въ полупереходѣ сзади двигалась Уральская дивизія, на сутки позже шли казаки. Послѣдній ночлегъ передъ Петровскимъ Заводомъ мы имѣли въ большомъ бурятскомъ аулѣ Коссотахъ.

Среди пустынной всхолмленной мѣстности, слегка запорошенной снѣгомъ, разбросано нѣсколько сотенъ мазанокъ и кибитокъ. Посрединѣ высится капище-храмъ буддистовъ-бурятъ. Эти инородцы въ массѣ своей настроены непримиримо къ совѣтской власти, къ большевикамъ и всей соціалистической братіи; какъ и всѣ инородцы въ Россіи, на всемъ ея необъятномъ просторѣ, всѣ инородцы, — кромѣ избраннаго инород-

ческаго племени, обрѣзанныхъ іудеевъ. Слуги ихъ, этихъ держателей мірового золота, объясняютъ прикосновенность инородцевъ къ контръ-революціи и приверженность старому режиму тѣмъ, что они всѣ слишкомъ-де мало культурны, неразвиты, темны и не понимаютъ сами своей пользы. Такъ говорили и до сихъ поръ готовы утверждать почти всѣ, принадлежащіе къ лагерю «демократовъ» и даже профессора ихъ лагеря, типа Милюкова; вѣроятно, въ глубинѣ своей души эти господа сознаютъ, что эти ихъ утвержденія ложь отъ начала до конца, но тактика и партійная дисциплина, двигатели современной совѣсти, мало считаются съ правдой.

Сохраненіе инородцами Россіи бережнаго, святого почитанія Царскаго Имени, ихъ затаенныя мечты о возвращеніи Царской Власти основываются главнымъ образомъ на томъ, что только эта власть была абсолютно справедлива ко всѣмъ безъ различія національности и вѣроисповѣданія; кромѣ евреевъ, по весьма понятной причинѣ, справедливость которой они такъ наглядно доказали на дѣлѣ за періодъ 1917—1920 годовъ; нельзя ставить враговъ государства въ положеніе равноправное съ остальными вѣрными поддаными его. Жизнь каждой національности развивалась спокойно и естественно, въ условіяхъ жизненно прирожденныхъ ей. Рѣдкія отклоненія, эксцессы случались, безъ сомнѣнія. Но вѣдь гдѣ ихъ нѣтъ? Только маньяки теоретической политики или завѣдомые шулера могутъ утверждать обратное.

А вотъ когда грянула революція, бунтомъ обманутаго народа были растоптаны Царская Власть и весь государственный аппаратъ ея, тутъ сразу картина перемѣнилась: инородцы стали подвергаться всяческимъ стѣсненіямъ, нарушались ихъ вѣковыя права, попирались обычаи, своеобразные устои жизни; когда же это было на руку новой власти, соціалистической, и сосѣднему населенію, русскому, то цѣлыя племена инородцевъ подвергались систематическому угнетенію, близкому къ уничтоженію. Такъ было съ Астраханскими и Донскими калмыками, Уфимскими татарами и башкирами, Забайкальскими бурятами.

Не мудрено, что здѣсь среди зимовниковъ бурятъ-буддистовъ приходилось встрѣчать повышенное и рѣзко опредѣленное контръ-революціонное настроеніе.

7.

Съ ночлега, изъ Коссотъ Волжане выступили рано утромъ, до разсвѣта. Мой штабъ съ конвойной Оренбургской сотней и квартирьерами 2-й колонны, общимъ числомъ не болѣе двухсотъ всадниковъ, ожидалъ подхода головного отряда Уральцевъ. Кони были посѣдланы, небольшой обозъ запряженъ.

Около половины десятаго утра летятъ верховые бурята, наши добровольные развѣдчики, и докладываютъ, что на Коссоты наступаетъ банда красныхъ, человѣкъ до тысячи. Вскорѣ прискакали съ такими же донесеніями изъ сторожевого охраненія казаки.

Двинувъ впередъ по дорогѣ на Петровскій Заводъ небольшой, въ нѣсколько саней, обозъ, я приказалъ нашему маленькому отряду выходить изъ аула, чтобы затѣмъ съ двухъ сторонъ атаковать красныхъ и отбросить ихъ на подходящихъ Уральцевъ.

Идемъ небольшой сомкнутой колонной, легкой спокойной рысью. Только вышли изъ послѣдней улицы Коссотъ, какъ съ ближайшихъ холмовъ затрещали винтовки большевиковъ, заработалъ пулеметъ.

— «Ваше Превосходительство, скорѣе, скорѣе,» кричитъ мнѣ подъ ухомъ начальникъ штаба корпуса, полковникъ К.

— «Не кричите, — крики всегда вызываютъ волненіе и безпорядокъ», только успѣлъ я ему отвѣтить, какъ съ боку послышались нѣсколько испуганныхъ голосовъ:

— «Ваше Провосходительство, Ваша лошадь ранена!»

Нагнувшись съ сѣдла, я увидалъ что дѣйствительно изъ лѣваго плеча «Маруси» била фонтаномъ темная, алая кровь. Любимая полукровка, дѣлившая со мной походъ отъ Уфы, напрягала усилія и еще выше выбрасывала въ своемъ легкомъ бѣгѣ раненую стройную ногу. Видѣнъ былъ сбоку умный карій глазъ лошади, смотрѣвшій напряженно и печально, но безъ малѣйшей тѣни испуга или страха.

Прошло всего нѣсколько мгновеній. Вдругъ «Маруся» рухнула на землю, придавивъ мою лѣвую ногу, такъ что съ трудомъ удалось мнѣ ее вытащить. Вторая пуля въ голову сразила моего вѣрнаго боевого товарища на смерть.

Лежа на землѣ я видѣлъ, какъ весь небольшой отрядъ пронесся мимо меня; такъ что, когда мнѣ удалось встать на ноги, я очутился одинъ среди пустыннаго поля, одѣтый въ неуклюжія мѣховыя сибирскія одежды; вотъ что было одѣто на мнѣ: фуфайка, гимнастерка съ погонами, шведская куртка, полушубокъ и мѣховая доха, а на ногахъ валенки. Красные, продолжая обстрѣлъ, двинулись впередъ и приближались. Пришлось пережить нѣсколько жуткихъ минутъ, самыхъ отвратительныхъ.

Но вотъ, изъ-за холмовъ, за которыми скрылся мой конвой, показались четыре всадника. Вскорѣ подъѣхали ко мнѣ два офицера, полковникъ Семчевскій и ротмистръ Исаевъ, и два казака-Оренбуржца. Подхватили меня и помогли выбраться. А вслѣдъ за ними смѣлый начальникъ партизанскаго отряда прапорщикъ Маландинъ лично подалъ изъ обоза мнѣ

тройку. Кошева подъѣхала, звеня колокольцами подъ дугой, сдѣлала поворотъ и, забравъ меня и одного раненаго драгуна, плавно полетѣла обратно изъ подъ самаго носа красныхъ; успѣли даже положить съ собою мое сѣдло, снятое казакомъ съ убитой «Маруси».

Такія минуты способны вознаградить за многіе дни, даже мѣсяцы страданій и лишеній. То самопожертвованіе, которое проявили г.г. офицеры и казаки, красота этого невиднаго, непоказного, но большого подвига говоритъ лучше всякихъ словъ о связи начальника съ подчиненными, о той настоящей братской связи, которая нѣкогда была присуща всей Россійской арміи; и эту-то связь, съ весны 1917 года, всѣми силами стремились вытравить растлители русской боевой силы: Гучковы, Керенскіе, Бронштейны со всей ихъ компаніей дантистовъ, акушеровъ и адвокатовъ, устремившихся въ дни революціи на высшія должности въ арміи. . .

Волжане, издали услышавъ перестрѣлку, повернули назадъ, на Коссоты, навстрѣчу намъ. И очень кстати, такъ какъ другая банда красныхъ направилась по дорогѣ къ Петровскому Заводу, чтобы отрѣзать этотъ путь. Волжская кавалерійская бригада, предводимая лично своимъ безсмѣннымъ начальникомъ генераломъ Нечаевымъ, разбила большевиковъ; часть была уничтожена, остальные убѣжали въ лѣса.

Красные, наступавшіе на Коссоты, были прогнаны нашими силами. Часть всадниковъ, спѣшившись подъ командой полковника Новицкаго, повела на нихъ наступленіе съ фронта, а небольшой отрядъ пошелъ съ фланга въ конную атаку во главѣ съ полковникомъ Семчевскимъ. Большевики бѣжали.

Вскорѣе мы соединились съ Волжанами и уже къ полудню безъ дальнѣйшихъ помѣхъ достигли Петровскаго Завода.

Большой поселокъ, основанный еще въ царствованіе Петра Великаго, около каменноугольныхъ копей и богатыхъ залежей желѣзной руды; нѣсколько тысячъ жителей, — рабочіе завода, торговцы, скотопромышленники, немного земледѣльцевъ. Сплошь почти всѣ они тѣ же «семейные», старообрядцы.

Замѣчательно то, что по всей Сибири, не только въ городахъ и мѣстечкахъ, но и въ большихъ селахъ лучшіе дома принадлежатъ евреямъ. Здѣсь наблюдался особый типъ сибирскаго еврея, нѣсколько поколѣній котораго жили въ этомъ суровомъ, холодномъ краѣ Великой Руси. Они утратили многія отталкивающія черты своей расы, — юркость, граничащую съ мошенничествомъ, трусливую наглость, безмѣрную хвастливость; и даже внѣшне они сдѣлались нѣсколько похожими на степеннаго бородатаго сибирскаго крестьянина. Но при всемъ томъ они сохранили свою непримиримую ритуальную религію, доходя до того, что отказывались давать ѣсть русскимъ изъ

своей посуды; сохранили евреи и принадлежность къ кагалу, полную подчиненность этому государству въ государствѣ, и отчужденность отъ великаго русскаго народа, пріютившаго ихъ въ своей странѣ. И не только пріютившаго, но давшаго имъ больше, чѣмъ имѣлъ самъ. Ибо по всей Сибири «бѣдное гонимое избранное племя» жило во много разъ лучше и богаче, чѣмъ коренные русскіе.

Въ Петровскомъ Заводѣ мы простояли нѣсколько дней, ожидая пока будутъ поданы составы, чтобы погрузить пѣхоту и штабы, которымъ былъ обѣщанъ переѣздъ отсюда въ Читу по желѣзной дорогѣ. Люди отдыхали, мылись въ банѣ, приходили въ себя отъ всего пережитаго ужаса междоусобной войны.

Но не оставляло нопряженное состояніе, какъ не прекращались и слухи о новыхъ опасностяхъ. Наша развѣдка къ этому времени была налажена уже хорошо и давала очень полныя свѣдѣнія. Было установлено, между прочимъ, совершенно точно, что чехи, которые все еще проходили эшелонами на востокъ, снабжали красныя шайки оружіемъ и патронами. Въ ихъ поѣздахъ скрывались большевицкіе комиссары, и оттуда шло фактическое руководство военными дѣиствіями противъ замученной усталой Русской арміи.

На третій день нашего пребыванія въ Петровскомъ Заводѣ, на базарѣ нѣсколько чешскихъ солдатъ и офицеровъ продавали русскія казенныя вещи. А какъ разъ передъ тѣмъ мной былъ отданъ приказъ запрещающій дѣлать это нашимъ солдатамъ подъ страхомъ преданія суду. Нашъ патруль, высланный отъ егерей на базаръ, отобралъ у чеховъ казенныя вещи. Тѣ начали ругаться и грозить; тогда егеря выгнали чеховъ съ базара плетьми.

Черезъ нѣсколько часовъ развѣдка доставила свѣдѣнія, что въ эту ночь чехи собираются выступить противъ насъ съ цѣлью обезоружить отряды бѣлыхъ, стоявшіе въ Петровскомъ Заводѣ.

Были приняты мѣры, чтобы обезопасить себя. Выставили сторожевое охраненіе, сильныя заставы, на станцію желѣзной дороги отправили патрули. Старшему чешскому начальнику отъ моего штаба было послано требованіе, чтобы впредь ни одинъ чехъ не смѣлъ приходить въ поселокъ, — во избѣжаніе недоразумѣній. Въ каждой части было приказано имѣть всю ночь дежурныя роты и сотни, въ полной боевой готовности.

Когда ночью я повѣрялъ части, то нашелъ, что всѣ люди, поголовно, не спали. Всѣ ждали, сжимая винтовки въ рукахъ, выступленія чехо-словаковъ. Настроеніе нашихъ было самое бодрое, приподнятое и даже радостное.

— «Эхъ, хорошо бы, если бы чехи выступили. Надо имъ помять бока. Довольно поизмывались они надъ Россіей!» Такъ говорили наши офицеры, солдаты и казаки.

Чехи пробовали своими дозорами пробраться въ Петровскій Заводъ. Но отогнанные нашими заставами оставили эту затѣю.

На слѣдующій день начали намъ подавать поѣзда для отправки въ Читу.

Довольные, какъ дѣти, садились г.г. офицеры и стрѣлки въ теплушки, лошадей грузили въ открытыя платформы-углярки; на весь корпусъ дали всего на всего одинъ вагонъ III класса. Но и за то мы говорили: спасибо отъ души. Вѣдь впервые за полтора мѣсяца послѣ Красноярска Русскія войска получили возможность воспользоваться своей собственной, русской желѣзной дорогой.

Чехи пробовали и на этотъ разъ протестовать, симулировали даже угрозу, но атаманъ Семеновъ съ помощью дружественныхъ японцевъ быстро привелъ этихъ шакаловъ Сибири въ спокойное состояніе, пригрозивъ, что, если со стороны чехословаковъ послѣдуетъ хоть одно враждебное дѣйствіе, то ни одинъ изъ эшелоновъ не пройдетъ въ полосу отчужденія.

Чехи притихли. А наши войска двинулись дальше на востокъ по желѣзной дорогѣ. Не хватило составовъ только для конницы: 1-я кавалерійская дивизія и казаки пошли походомъ долиною рѣки Хилокъ. Насколько былъ тяжелъ этотъ безснѣжный путь можно судить по цифрамъ — только за пять дней ихъ марша отъ Петровскаго Завода до Читы погибло около 30 % лошадей.

Желѣзная дорога охранялась японцами. Но даже несмотря на это было нѣсколько попытокъ устроить крушенія. Въ одномъ мѣстѣ подорвали путь, портили стрѣлки, устроили взрывъ небольшого моста какъ разъ въ моментъ прохода броневика «Забайкалецъ», который двигался непосредственно передъ поѣздомъ моего штаба. Японскіе саперы быстро исправляли всѣ поврежденія; всѣ ихъ части представляли собою отличные организмы, неразвращенные революціей, неиспорченные демократизаціей, такъ непохожіе на остальныхъ представителей нашихъ бывшихъ союзниковъ. Дисциплиной они были проникнуты до того, что не было случая неотданія чести не только своимъ офицерамъ, но и нашимъ.

Бросалась въ глаза какая-то даже подчеркнутая ласковость къ русскимъ со стороны этихъ маленькихъ желтыхъ людей. Они старались угодить каждому отъ генерала до солдата, до каждаго самаго мелкаго желѣзнодорожнаго служащаго. Особенно велики были ихъ заботы о послѣднихъ, — имъ японцы даже доставляли продовольствіе.

Не рѣдко можно было видѣть одинокаго японца, простого солдата, который попадая среди русскихъ, принимался участливо разговаривать на плохомъ, ломаномъ русскомъ языкѣ и сейчасъ же вытаскивалъ папиросы, какія-нибудь лакомства, чтобы угостить бѣлыхъ хозяевъ-собесѣдниковъ.

Пока мы шли, а затѣмъ и ѣхали до Читы, до новой столицы, приходилось слышать самые лучшіе отзывы о новомъ главнокомандующемъ, атаманѣ Семеновѣ; среди части населенія Забайкалья, даже у эсъ-эровъ Верхнеудинска, самой ходячей фразой было:

«Семеновъ-то самъ хорошъ, — семеновщина невыносима.»

Это повторялось почти всѣми и на всѣ лады. Когда старались выяснить причины возстаній «семейныхъ», этихъ крѣпкихъ патріархальныхъ старовѣровъ, обычно объясненія были тѣ же:

— «Они воюютъ не противъ Семенова, а противъ семеновщины.»

Это былъ какой-то лозунгъ дня, подобный тѣмъ, которые съ несчастнаго 1917 года туманили русскія головы и бурлили массы. Нелѣпые ложные лозунги, заключавшіе въ себѣ полную безсмысленность: такъ и здѣсь — атамана Семенова хвалили за его простоту, доступность, за силу духа, за искренность стремленій, твердость въ борьбѣ, за чисто-національный русскій курсъ, за его пріемы и стараніе сдѣлать все возможно лучше для широкихъ массъ народа, за справедливость, — и въ то же время кляли семеновщину, т. е. то самое, что только-что нахваливали подъ другимъ названіемъ.

Въ Читу наши части прибыли въ концѣ февраля. Городъ, игравшій все время гражданской войны исключительное значеніе, бывшій какъ бы второй столицей полу-самостоятельнаго княжества, а теперь оставшійся единственнымъ центромъ всего, что сохранилось отъ колоссальной русской національной постройки на востокѣ. Все остальное было залито ядовитыми, смертельными волнами соціалистической, интернаціональной нечисти: или ввидѣ кроваваго жестокаго большевизма или, какъ переходная къ нему ступень, безвольной, слюнявой эсъ-эровщиной.

Чита производила впечатлѣніе полнаго порядка и большой энергичной работы. Внѣшнее впечатлѣніе было, что эта работа имѣетъ всѣ шансы на успѣхъ, что на этотъ разъ, наученные горькимъ опытомъ большихъ разочарованій и катастрофическихъ неудачъ, русскіе люди нашли силы и умѣнье пойти настоящимъ путемъ къ побѣдѣ за національную самостоятельность, къ возрожденію жизни своей великой страны.

Человѣкъ, который стоялъ во главѣ и направлялъ работу и борьбу, былъ генералъ-лейтенантъ, атаманъ Григорій Ми-

хайловичъ Семеновъ. Мнѣ пришлось видѣть его впервые теперь. Высокаго роста, съ большой головой, широкими, могучими плечами, одѣтый въ русскую поддевку, съ погонами, со знакомъ на нихъ монгольской «суувастики», — форма монгольско-бурятской дивизіи, — атаманъ имѣлъ видъ богатыря самородка. Высокій гладкій лобъ, изъ подъ котораго смотрятъ спокойные сѣрые глаза, смотрятъ прямо, открыто и нѣсколько испытующе, выражая большое вниманіе, постоянную и законченную свою мысль, храня въ глубинѣ волю, которой не сломать самымъ тяжелымъ испытаніямъ и неудачамъ.

Размѣренный, спокойный голосъ. Изрѣдка освѣщается лицо улыбкой доброй, естественной и искренней. И во всей фигурѣ, и въ лицѣ, въ словахъ, рѣчахъ и мысляхъ, во всей жизни и поступкахъ — спокойствіе, его главная черта. Рѣдкая способность — оставаться самимъ собою при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, при затрудненіяхъ и неожиданностяхъ, которыми такъ богата стала русская жизнь за послѣдніе три года.

Послѣ первой встрѣчи у всѣхъ устанавливались съ нимъ сразу ровныя и довѣрчивыя отношенія, несмотря на то, что болѣе года — при работѣ на большихъ разстояніяхъ — все время шли усилія со многихъ сторонъ, чтобы настроить всѣхъ противъ атамана Семенова. При дальнѣйшемъ знакомствѣ усилилось и подкрѣпилось первое впечатлѣніе, что это былъ человѣкъ съ недюжиннымъ, все охватывающимъ, умомъ, съ крѣпкой, совершенно ненадломленной волей и съ чисто эпическимъ спокойствіемъ, которымъ было пропитано все его существо.

Атаманъ Семеновъ не старался казаться, а былъ дѣйствительно доступенъ всѣмъ и каждому. Несмотря на чрезвычайно занятое время, — такъ какъ вѣдь вся масса государственныхъ вопросовъ и организація дальнѣйшей борьбы падали на него, — онъ выслушивалъ каждаго, кто имѣлъ до него дѣло; выслушивалъ и старался дать сейчасъ же, не откладывая, лучшее, наиболѣе правильное и справедливое рѣшеніе. Депутаціи отъ крестьянъ, казаковъ, бурятъ, желѣзнодорожниковъ, пріѣхавшая съ фронта сестра милосердія, или офицеръ, сельскій священникъ, учитель, вдова солдата — всѣ находили доступъ къ атаману. И уходили отъ него почти очарованные, ставшіе его друзьями.

Такое впечатлѣніе послѣ первой встрѣчи получали даже люди изъ враждебнаго ему лагеря, изъ такъ называемыхъ демократовъ, изъ общественности; понятно, это бывало лишь тогда, когда попадались среди нихъ люди честные.

И еще болѣе крѣпло и ширилось нелѣпое крылатое слово: «Семеновъ самъ очень хорошъ, семеновщина невыносима».

Атамана Семенова не измѣнила революція; онъ былъ и остался русскимъ человѣкомъ, преданнымъ безъ конца Ро-

динѣ и любящимъ ее всѣмъ существомъ своимъ. Онъ былъ и остался убѣжденнымъ монархистомъ, ибо атаманъ зналъ, что такое же убѣжденіе, такую же вѣру исповѣдуютъ, въ глубинѣ своихъ душъ, массы Русскаго народа; онъ зналъ навѣрное, что внѣ возвращенія на этотъ историчесткій путь невозможно ни возрожденіе Россіи, ни самое существованіе ея, какъ великой, самостоятельной страны.

По приходѣ въ Забайкалье, наши войска были размѣщены по широкимъ квартирамъ, 2-й корпусъ генерала Вержбицкаго въ Читѣ и ея окрестностяхъ, 3-й корпусъ въ ближайшихъ деревняхъ. Начались усиленныя занятія, реорганизація, принимались всѣ мѣры къ тому, чтобы добиться возможно большаго числа бойцовъ, поднять боеспособность и, черезъ мѣсяцъ повести наступленіе, съ цѣлью очистить отъ большевицкихъ бандъ всю Восточную Окраину Россіи, отъ Тихаго Океана до Байкальскаго Озера.

Въ то же время намѣчено было успокоеніе страны внутри: мѣрами устроенія жизни, путемъ удовлетворенія, хотя бы примитивныхъ, повседневныхъ потребностей, такъ необходимыхъ для рядового обывателя и для массы.

Структура зародыша государственности слагалась такъ: атаманъ Семеновъ, какъ главнокомандующій и глава правительства, имѣлъ нѣсколько помощниковъ, — управляющихъ отдѣлами: внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и торговли, путей сообщенія и иностранной политики; затѣмъ ему же подчинялся командующій Дальневосточной арміей генералъ-маіоръ Войцеховскій. Въ армію входили три корпуса: 1-й образованный изъ Забайкальскихъ войскъ, 2-й и 3-й — изъ остатковъ арміи покойнаго адмирала Колчака, вышедшихъ сюда черезъ всю Сибирь.

8.

Генералъ Войцеховскій былъ и раньше совершенно не ясенъ въ своемъ политическомъ міровоззрѣніи. Самъ онъ не подпалъ подъ новыя революціонныя вліянія, не увлекся ни однимъ изъ модныхъ, дешевыхъ теченій, не сдѣлался соціалистомъ мартовскаго призыва, но въ то же время Войцеховскій считалъ возможнымъ не только общую дѣятельность и работу съ соціалистами, но даже допускалъ компромиссы съ ними; онъ не могъ подняться до сознанія: что наши русскіе соціалисты — всѣ люди одного лагеря; что для всѣхъ нихъ національная Россія враждебна и, именно она-то, національная Россія опредѣляется словами «контръ-революція» и «реакція»; что для борьбы съ національной Россіей всѣ соціалисты готовы объединитъся всегда съ большевиками, какъ и доказало ихъ участіе въ Сибирской бѣлой эпопеѣ.

Генералъ Войцеховскій, во время переговоровъ со станціи Зима, готовъ былъ признать власть преступнаго политическаго центра въ Иркутскѣ и только рѣшительный протестъ остальныхъ генераловъ остановилъ это; онъ разговаривалъ и вырабатывалъ совмѣстно съ «общественностью», т. е. съ эсъ-эрами, въ Верхнеудинскѣ основанія для продолженія борьбы противъ большевиковъ. Онъ былъ другомъ чеховъ и оставался имъ до конца, находя общій языкъ и общія чувства.

За такое, болѣе чѣмъ лойяльное отношеніе къ такъ называемой демократіи и общественности, Войцеховскій былъ людьми этого лагеря превозносимъ; даже въ самые подлые періоды, когда эта свора накидывалась на армію, въ періоды ихъ успѣха и побѣды надъ національной Россіей, — Войцеховскаго они не трогали. Вотъ это обстоятельство, въ связи съ весьма развитой силой характера, повліяло, въ значительной степени, на дальнѣйшее. Войцеховскій сразу занялъ по отношенію къ атаману Семенову позицію осторожнаго, вѣчно наблюдающаго и готоваго на разрывъ, случайнаго сотрудника, подчеркивая это и стремясь отмежевать и отвоевать себѣ возможно больше самостоятельности.

Такъ продолжалось всѣ пять мѣсяцевъ пребыванія генерала Войцеховскаго въ Читѣ на посту командующаго арміей. Къ сожалѣнію это сыграло свою печальную роль, въ числѣ другихъ причинъ, въ ускореніи конца Забайкальскаго періода.

Враги русскаго народа пустили въ ходъ опять таки тотъ же пріемъ, который они съ большимъ успѣхомъ примѣняли съ самаго начала революціи. И снова русскіе попались на крючекъ, пошли на приманку. Всячески стремились внести расколъ въ арміи. Упорной и подчеркнутой работой укрѣпляли дѣленіе офицеровъ и солдатъ на два лагеря: семеновцы и каппелевцы. Первымъ говорили о нежеланіи каппелевцевъ воевать, о нежеланіи подчиниться атаману Семенову, о томъ, что каппелевцы ненадежны, что ихъ командованіе даже собирается арестовать атамана; а арміи, сдѣлавшей ледяной походъ черезъ Сибирь, твердили о томъ, что семеновцы гораздо лучше всѣмъ снабжены и обезпечены, что въ то время, какъ они, каппелевцы, шли съ боями черезъ Сибирь, семеновцы ничего не дѣлали и т. д. Зарождалась глухая отчужденность, раздвоенность. Временами, особенно подъ вліяніемъ алкоголя, вспыхивали ссоры и чуть-ли не стычки.

Большой работой офицеровъ и, главное, личнымъ участіемъ въ ней атамана Семенова, который объѣзжалъ войска, близко подходилъ къ нимъ и буквально очаровывалъ, — удалось потушить эту рознь. Но не вполнѣ. И черезъ много, много мѣсяцевъ она снова проступила наружу, какъ скрытая, не вполнѣ вылеченная болѣзнь, и опять стала разъѣдать тамъ русскую

массу и мѣшать ея усиліямъ въ смертномъ бою за нашу Родину, за ея жизнь и самостоятельность.

Все это не проходило незамѣченнымъ для иностранцевъ. Одни изъ нихъ, — тѣ самые, которые подготовили и помогли разгрому адмирала Колчака, — потирали отъ удовольствія руки. Другіе, наши друзья въ тотъ періодъ, японцы, искренно огорчались.

На потомковъ самураевъ произвела глубокое и сильное впечатлѣніе наша гражданская война. Вникая во всѣ ея подробности и въ самую сущность, зная хорошо истинное положеніе вещей, — японцы стали пылкими врагами большевиковъ. Всѣ, начиная отъ генераловъ до маленькаго солдата — «муси-муси», желали искренно нашей полной побѣды надъ краснымъ интернаціоналомъ. Это доказали они не разъ дѣломъ, самымъ явнымъ и страшнымъ доказательствомъ, сражаясь бокъ-о-бокъ съ бѣлыми войсками, противъ комунистовъ и кровь самурая окрашивала не разъ бѣлые сибирскіе снѣга.

Японское командованіе жадно, пытливо разглядывало условія нашей русской дѣйствительности, стараясь понять настроеніе массъ, офицеровъ, солдатъ, стараясь уяснить себѣ, что такое подразумѣвается подъ словами демократія и общественность. Особенно чутко относились они къ начавшемуся дѣленію на семеновцевъ и каппелевцевъ, искали разрѣшенія новой загадки. Японское командованіе и офицерство прилагали всѣ усилія, чтобы не дать расколу разгорѣться, чтобы помочь намъ слить армію въ одинъ могучій, крѣпкій организмъ.

На одномъ обѣдѣ, который давали въ честь прибывшаго новаго начальника военныхъ сообщеній, генерала Шибо, начальникъ 5-й японской дивизіи генералъ Судзуки произнесъ красивую рѣчь о рыцарствѣ, устанавливающейся дружбѣ двухъ армій, о будущемъ долгомъ общемъ пути двухъ народовъ-сосѣдей; желалъ скорой побѣды надъ большевиками и соціалистами, чтобы начать спокойно большую работу по возрожденію великой страны. Судзуки закончилъ свою рѣчь фразой:

— «И всегда тѣнь Императорскаго японскаго знамени будетъ рядомъ съ тѣнью дружественнаго знамени великой Русской Арміи.»

Эта рѣчь была знаменательна. Впервые опредѣленно заявлялось не только о поддержкѣ, но о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ. Скоро японскія войска стали готовиться къ выступленію на передовыя позиціи, чтобы помочь 1-му корпусу и дать время двумъ другимъ корпусамъ отдохнуть и привести себя въ порядокъ.

Жизнь въ Читѣ въ то время била ключемъ. Всѣ работали для общей цѣли — усилить армію, быть къ веснѣ готовыми къ рѣшительному наступленію, наладить въ то же время порядокъ

внутри области. Войсковыя части пополнялись, снабжались, одѣвались, цѣлыми днями вели занятія, чтобы вывѣтрить духъ партизанщины, невольно привившійся за мѣсяцы длиннаго похода. Работа кипѣла во всю. И впереди, казалось, крѣпла надежда не только на возможность продолженія борьбы, но и на успѣхъ ея.

Чешскіе эшелоны уходили на востокъ, и скоро вся область могла очиститься отъ этого враждебнаго, вреднаго элемента. Благодаря пріятельскимъ связямъ генерала Войцеховскаго съ чехо-словацкимъ корпусомъ по его прежней службѣ въ немъ, чехи получили разрѣшеніе выходить въ Читѣ на станцію, а затѣмъ и въ самый городъ. Они вели себя наружно гораздо менѣе нагло, но за то продолжали скрытную работу помощи не только эсъ-эрамъ, но даже и большевикамъ; такъ въ ихъ поѣздахъ проѣзжали переодѣтые, подъ чужими паспортами, большевицкіе комиссары, перевозилась регулярно совѣтская почта. Свѣдѣнія объ этомъ давала своевременно наша контръ-развѣдка, агенты которой проникали и въ чешскіе эшелоны; но Войцеховскій дѣлалъ видъ, что не вѣритъ этому, и былъ противъ принятія рѣшительныхъ мѣръ пресѣченія зла.

Вообще онъ занялъ довольно опредѣленную позицію, которая клонилась все больше и больше на-лѣво, въ сторону не только прощенія вчерашнихъ предателей эсъ-эровъ, но и возможности совмѣстной работы съ ними. Атаманъ Семеновъ, бывшій въ то время главнокомандующимъ войсками, не считалъ своевременнымъ рѣзко рвать съ подчиненнымъ ему генераломъ, авторитетъ котораго среди войскъ, вышедшихъ изъ подъ Красноярска, стоялъ тогда еще довольно высоко. Поэтому начался рядъ компромиссовъ.

Японцы, въ сущности, поощряли такую линію поведенія, ибо для нихъ, видимо, было всего важнѣе установленіе единства и полной согласованности въ новомъ русскомъ военномъ аппаратѣ, образовавшемся чисто случайнымъ порядкомъ.

Самымъ жизненнымъ и настоятельнымъ въ тѣ дни было рѣшеніе вопроса въ Приморьѣ и въ частности во Владивостокѣ. Положеніе въ этомъ городѣ было до сихъ поръ въ переходномъ состояніи; единственными войсками, охранявшими порядокъ, оказались тамъ японскія части. На нихъ же опиралось и такъ называемое мѣстное правительство, образовавшееся послѣ всѣхъ описанныхъ перепитій; въ него вошло нѣсколько безличныхъ господъ изъ партій эсъ-эровъ и кадетъ, да мѣстные земцы. Большевики и примыкавшіе къ нимъ активные эсъ-эры спрятались снова въ подпольѣ, откуда и направляли довольно свободно свою дѣятельность по организаціи красныхъ шаекъ въ окрестностяхъ Владивостока, стремясь поднять пожаръ

возстаній среди сельскаго населенія. Изъ Москвы имъ была поставлена цѣль — сформировать красную армію, которой и обрушиться на Забайкалье съ востока, чтобы совмѣстно съ совѣтской арміей отъ Иркутска задавить послѣднюю искру Русской Государственности. Надо отдать справедливость, что работа соціалистовъ подъ руководствомъ большевиковъ шла и на этотъ разъ энергично, безъ потери времени.

Намъ было чрезвычайно важно укрѣпить свою позицію во Владивостокѣ, сосредоточить тамъ отборныя войска, хотя бы въ небольшомъ сначала числѣ, сформировать аппаратъ власти и образовать прочную базу. Въ этомъ отношеніи велась подготовка и шли переговоры атамана Семенова съ японцами. Но опять таки и здѣсь сказывалась ненормальность во взаимоотношеніяхъ начальниковъ, Семенова и Войцеховскаго; сильно мѣшало заигрываніе послѣдняго съ лѣвыми элементами.

Въ этомъ отношеніи дошло до того, что Войцеховскій разрѣшилъ генералу Пепеляеву вновь формировать дивизію. Пепеляевъ, робкій вначалѣ отъ сознанія своей огромной вины, смѣлѣлъ день ото дня; окруженный своими сторонниками изъ революціонныхъ офицеровъ и партійнихъ дѣльцовъ, онъ началъ скоро выступать уже открыто; печатать аршинныя афиши, призывавшіе каждаго «честнаго сына Родины вступать въ партизанскую дивизію имени народнаго героя генерала Пепеляева». Такъ и печаталось, безъ всякаго стѣсненія, съ присущей демократіи наглостью дурного тона. Самъ Пепеляевъ и его компанія выступали на устраиваемыхъ ими секретныхъ митингахъ, заманивая къ себѣ молодыхъ офицеровъ и солдатъ, то обѣщаніями дать новое обмундированіе, то указаніями на то, что въ «партизанской дивизіи» будетъ установлена «революціонная дисциплина, безъ какихъ-либо признаковъ и отрыжекъ стараго режима».

Въ подтвержденіе этого была принята особая форма присяги. Пепеляевъ приказалъ титуловать себя «гражданинъ-генералъ» или «братъ-генералъ». Изобрѣтательность далеко не шла. Всѣ революціонные герои играли одними пріемами — и товарищъ Калашниковъ въ Иркутскѣ, Янъ Сыровой и другіе коммивояжеры — въ чеховойскѣ, купецъ Гучковъ и Керенскій въ Императорской Русской Арміи; теперь Пепеляевъ шелъ той же избитой тропою въ Забайкальѣ.

Также одинаково были всѣ они трусливы, когда было — къ расчету стройся. Гучковъ убрался заблаговременно, Керенскій дезертировалъ ночью, Пепеляевъ пробирался по Сибири сначала тайкомъ въ саняхъ, а затѣмъ въ чешскомъ вагонѣ.

Прошелъ февраль. Въ серединѣ марта наступили первые теплые дни, стало чувствоваться приближеніе весны. Войска

вели усиленныя занятія; цѣлыми днями шла работа въ полѣ, улицы города съ утра были полны стройными колоннами войскъ, на полигонахъ раздавалась учебная стрѣльба.

Въ это время прибылъ въ Читу, совершенно неожиданно для всѣхъ, атаманъ Сибирскихъ казаковъ генералъ-лейтенантъ П. П. Ивановъ-Риновъ. Подъ Красноярскомъ, въ день нашей катастрофы, онъ отбился отъ колонны штаба генерала Каппеля и очутился отрѣзаннымъ отъ своихъ. Трое сутокъ провелъ атаманъ Сибиряковъ въ лѣсу, ночуя въ заброшенномъ шалашѣ, въ сторонѣ отъ дороги. Затѣмъ, истощенный отъ голода, онъ пробрался въ Красноярскъ, гдѣ и прожилъ, скрываясь, около двухъ мѣсяцевъ, иногда попадая въ самую гущу красноармейщины и совѣтскихъ дѣятелей. Присутствіе духа выручало всегда генерала Иванова-Ринова. Нашлись у него и благожелетели, съ помощью которыхъ удалось достать паспортъ на имя «гражданина Армянской республики»; благодаря этому, онъ пробрался черезъ Иркутскъ въ Забайкалье неузнаннымъ.

Генералъ Ивановъ-Риновъ привезъ самыя полныя, свѣжія свѣдѣнія о состояніи Средней Сибири, попавшей теперь подъ власть совѣтовъ. Общее недовольство наступило уже черезъ недѣлю послѣ прихода красной арміи, а вслѣдъ за нею и чрезвычаекъ. Въ рѣзкую оппозицію большевикамъ стали всѣ слои населенія, даже рабочіе заводовъ и желѣзнодорожныхъ мастерскихъ; особенно сильно проявлялось недовольство новой властью у крестьянъ. Полки Щетинкина заставили его выступить съ оружіемъ въ рукахъ противъ комиссаровъ. Повсемѣстно вспыхивали возстанія, которыя не принимали большихъ размѣровъ изъ-за всеобщей усталости, зимнихъ холодовъ, а главное, потому что не было вождей, да и всѣ наиболѣе активные элементы ушли на востокъ или погибли.

Чрезвычайки проявляли страшную, неслыханную жестокость. Такъ: на словахъ была отмѣнена смертная казнь, какъ милость побѣдителей; но чтобы уничтожить захваченныхъ въ плѣнъ бѣлогвардейцевъ, эти десятки тысячъ офицеровъ, солдатъ и казаковъ, ихъ сосредоточили въ казармахъ, въ особыхъ городкахъ, около Томска и Красноярска, въ невозможныхъ, страшныхъ условіяхъ жизни, безъ воды, пищи и топлива, совершенно внѣ санитарныхъ условій, безъ медицинской помощи. И смерть отъ тифа буквально косила тамъ русскихъ людей; ежедневно умирало по нѣсколько сотъ. Мертвыхъ не убирали, оставляя лежать вмѣстѣ съ живыми. Томскъ и Новониколаевскъ пріобрѣли жуткое названіе «черныхъ городовъ».

Въ городахъ, съ приходомъ большевиковъ, исчезли всѣ продукты, жизнь непомѣрно вздорожала. Комиссары стали

тогда организовывать сборъ продовольствія по деревнямъ, посылая реквизиціонные отряды, что окончательно озлобило крестьянъ.

Въ то же время новые властители Сибири ничего не предпринимали для устроенія жизни, для удовлетворенія самыхъ примитивныхъ нуждъ населенія; и не могли ничего сдѣлать, и не хотѣли. Гордые своими побѣдами надъ бѣлыми, комиссары заговорили новымъ языкомъ теперь даже и съ рабочими. Особо уполномоченный комиссаръ изъ Москвы, «товарищъ» Смирновъ, проѣхалъ въ спеціальномъ поѣздѣ по всей Сибири до Иркутска, вводя всюду четырнадцати часовой рабочій день и грозя всѣмъ ослушникамъ расплатой, такой же суровой, какъ «съ контръ-революціонерами».

Большевики провели недѣли черезъ три послѣ завоеванія Сибири анулированіе колчаковскихъ денегъ, причемъ сдѣлано было это самымъ беззастѣнчивымъ образомъ: служащимъ и рабочимъ выдали буквально наканунѣ жалованье впередъ этими самыми сибирскими (колчаковскими) знаками; затѣмъ анулированіе денегъ вводили по районамъ, и комиссары переѣзжали изъ одного города въ другой, ведя на этомъ многомилліонную спекуляцію.

Сибирь, начавши испытывать большевизмъ, сразу почувствовала его смертельныя объятія и начала повсемѣстно готовиться къ сверженію его.

Эти свѣдѣнія подтверждались многими офицерами и казаками, пробиравшимися почти каждый день изъ совѣтской Сибири на востокъ. То же самое говорили и польскіе офицеры, вырвавшіеся въ небольшомъ числѣ изъ большевицкаго плѣна.

Ясно было, что при надлежащей работѣ въ Приморьѣ и въ Забайкальѣ, можно было лѣтомъ получить мощную поддержку въ массахъ средней Сибири, при движеніи туда нашей арміи. Но къ сожалѣнію у насъ-то самихъ мало было надежды наладить дѣло.

Кренъ влѣво, взятый штабомъ генерала Войцеховскаго, заигрываніе съ эсъ-эрами, непонятная дружба, послѣ всего происшедшаго, съ чехо-словацкими войсками. Пепеляевъ продолжалъ взращивать свою дивизію, махрово-эсъ-эровскаго толка; несмотря на опредѣленное несочувствіе къ этому предпріятію главнокомандующаго атамана Семенова, вопреки самому настойчивому недовольству со стороны остальной арміи, генералъ Войцеховскій взялъ его подъ свое непосредственное покровительство.

Когда же вдобавокъ ко всему было проявлено желаніе поставить Пепеляевскую партизанскую дивизію снова въ тылу нашихъ корпусовъ, я окончатекьно рѣшилъ уйти. Мнѣ былъ данъ отпускъ за-границу.

Тогда я собралъ ближайшихъ, мнѣ подчиненныхъ начальниковъ и объяснилъ имъ, какъ смотрю на создавшееся положеніе, на лежащій передъ нами путь, что разрѣшеніе нашей задачи вижу въ одномъ: идти въ Россію съ Царскимъ знаменемъ, поднятымъ прямо и открыто. Для этого необходимо было предпринять рядъ шаговъ въ Европѣ. На этомъ засѣданіи присутствовало шесть подчиненныхъ мнѣ старшихъ офицеровъ, начальниковъ крупныхъ частей 3-го корпуса. Всѣ они согласились съ моей точкой зрѣнія, высказали убѣжденіе въ необходимости такой подготовки въ Европѣ, а далѣе работы и въ самой Россіи.

Тяжело было уѣзжать и разставаться сь тѣми офицерами, солдатами и казаками, съ которыми вмѣстѣ продѣлалъ всю кампанію, дѣлилъ радость побѣды, горе пораженія и труды ледяного похода, которые стали близкими, какъ братья.

Передъ отъѣздомъ изъ Читы я объѣзжалъ ввѣренныя мнѣ войска. Во всѣхъ частяхъ были парады, служились молебны. Изъ многихъ разговоровъ съ офицерами и солдатами приходилось убѣждаться, что только открыто поднятый монархическій флагъ, съ именемъ Законнаго Царя, вернетъ имъ потерянную вѣру въ свои силы, въ правду, въ побѣду.

По многу и съ полной откровенностью говорилъ я съ атаманомъ Семеновымъ. Для меня выяснилось, что главнокомандующій не считалъ возможнымъ въ тѣ дни идти рѣзкими, опредѣленными путями къ намѣченной цѣли. То было еще сумеречное время, когда мракъ, окутавшій Русскую землю въ чаду трехлѣтней революціи, не прояснился. Только, только загоралась заря сознанія, изрѣдка вспыхивали зарницы-проблески національной мысли и чувства.

Умы массъ были еще въ состояніи того тяжелаго и труднаго раздумья, какое бываетъ послѣ сильнаго русскаго похмѣлья или отъ оглушительнаго удара по головѣ. Руководители и вожди зачастую чувствовали себя неувѣренно и даже отставали отъ массъ въ ощущеніи жизненной необходимости, въ сознаніи жизненной исторической правды.

Особенно памятно изъ дней передъ моимъ отъѣздомъ за-границу и дорого для меня воспоминаніе о парадѣ въ Ижевской дивизіи. Ижевцы и егеря выстроены стальнымъ каррэ на площади большаго сибирскаго села. Весенній вѣтеръ рветъ полотнища знамени и хоругвей, когда подъ живой трезвонъ выходитъ изъ церкви крестный ходъ. Высокое мартовское солнце заливаетъ яркимъ свѣтомъ всю площадь и горитъ бликами на золотыхъ ризахъ священниковъ. Служится напутственный молебенъ. Затѣмъ священникъ произноситъ короткую проповѣдь о нашей борьбѣ за Родину и Вѣру, о нашемъ долгѣ побѣдить и освободить русскій народъ отъ иноземныхъ

захватчиковъ власти. Старые Ижевцы выносятъ икону Нерукотворнаго Спаса, которой священникъ благословляетъ меня.

Парадъ. Стройными рядами проходятъ полки Ижевцевъ и егерей. Серьезныя обвѣтренныя лица, молодецкая выправка, прямой открытый взглядъ русскихъ витязей. Послѣ ледяного похода всѣ отдохнули, пріодѣлись, подправились.

Затѣмъ обѣдъ въ сельской школѣ, временномъ офицерскомъ собраніи. Много теплыхъ заздравныхъ рѣчей. И первый тостъ за Святую Русь, за нашу Родину, которая будетъ жить, будетъ снова Великой и свободной! Этотъ тостъ былъ покрытъ могучими радостными аккордами безсмертнаго русскаго гимна.

«Боже Царя храни!
Сильный Державный,
Царствуй на славу намъ.
Царствуй на страхъ врагамъ,
Царь Православный.
Боже Царя храни!»

У многихъ на глазахъ слезы; цѣнныя мужскія слезы воина текутъ по огрубѣлымъ лицамъ. А кругомъ школы гудитъ толпа егерей и Ижевцевъ, гудитъ довольная, близкая, гудитъ не поганымъ революціоннымъ безсмысленнымъ гамомъ, а близкимъ, братскимъ единеніемъ, какое было всегда между русскими г. г. офицерами и ихъ солдатами.

Среди послѣднихъ многіе, слыша гимнъ, крестятся. И раздается въ толпѣ часто общая всѣмъ мысль:

«Господи, неужто понастоящему придетъ теперь освобожденіе!» . .

Заключенiе.

«Чувство, которое заставляетъ работать ихъ, не есть то чувство мелочности, тщеславiя, забывчивости, которое испытали вы сами, но какое-нибудь другое чувство, которое, сдѣлало изъ нихъ людей такъ же спокойно живущихъ подъ ядрами, при ста случайностяхъ смерти, вмѣсто одной, которой подвержены всѣ эти люди, и живущихъ въ этихъ условiяхъ среди безпревывнаго труда, бдѣнiя, и грязи. Изъ-за креста, изъ-за названiя, изъ-за угрозы не могутъ люди принять эти условiя: должна быть другая, высокая побудительная причина. И эта причина есть чувство, рѣдко проявляющееся, стыдливое въ русскомъ, но лежащее въ глубинѣ души каждаго, — любовь къ Родинѣ.»

Графъ Л. Н. Толстой.
«Севастополь въ декабрѣ мѣсяцѣ 1854 г.»

«У насъ, русскихъ, есть, конечно, двѣ страшныя силы, стóющiя всѣхъ остальныхъ во всемъ мiрѣ, — это всецѣлость и духовная нераздѣльность народа нашего и тѣснѣйшее единенiе его съ Монархомъ.»

Ѳ. М. Достоевскiй.
«Дневникъ писателя за 1877 г.»
Январь. Гл. I.

1.

Кончился, если не блестящiй, то во всякомъ случаѣ большой, крупный перiодъ нашей русской дѣйствительности. Мѣсто для оцѣнки его мы всѣ, современники, должны предоставить будущему. Тогда же разберутся и выяснятся всѣ причины, которыя привели бѣлое движенiе къ неуспѣху. И скажутъ, несомнѣнно, безпристрастное слово, сдѣлаютъ правильные выводы. Но намъ, современникамъ величайшаго потрясенiя нашей Родины, принадлежитъ право, и на насъ лежитъ обязанность — высказать тѣ ясныя и правдивыя положенiя, которыя подчасъ многими затемняются и искажаются, умышленно или по недомыслiю.

Прежде всего, — о бѣломъ движенiи. Нельзя забывать и преступно замалчивать, что движенiе бѣлыхъ русскихъ массъ вылилось совершенно естественно и вылилось мощной волной, какъ неизбѣжное послѣдствiе, какъ отвѣтъ на всю революцiонную подлость и гадость. Бѣлогвардейщина зародилась на всѣхъ концахъ Руси, на всемъ необъятномъ пространствѣ, въ каждомъ углу ея; и это былъ отвѣтъ Русскаго народа на

то ужасное униженіе, которое, какъ изъ бездоннаго ушата, вылили на страну и на народъ творцы и углубители революціонной смуты.

Бѣлое движеніе явилось проявленіемъ чести націи, и поэтому оно было неизбѣжно и неустранимо. Неустранимо, такъ какъ всѣ честные элементы нашй Великой Россіи, во всѣхъ слояхъ ея и во всѣхъ народностяхъ, не хотѣли и не могли примириться съ захватомъ Государственной власти кучкой презрѣнныхъ инородцевъ, дезертировъ и преступниковъ. Если бы не не проявилось бѣлаго движенія, то пришлось бы съ горькимъ сознаніемъ поникнуть всѣмъ русскимъ людямъ и опустить глаза; не будь бѣлыхъ, не было бы у Россіи права сказать, что честь и честность въ русскомъ народѣ являются самыми сильными, самыми живучими его свойствами.

Прослѣдите все бѣлое движеніе, отъ его зарожденія, черезъ зенитъ славы, успѣховъ, могущества и до упадка, — и нельзя не увидѣть той простоты и естественности, какими все оно проникнуто. Людей поднимало и гнало на величайшіе труды и лишенія, на смерть, на подвиги — только чувство. Чувство оскорбленной чести за великую Родину, чувство мести низкимъ растлителямъ родной арміи и страны, чувство долга передъ Россіей. И это было настолько могуче, что двигались на это дѣло, собирались подъ бѣлыми знаменами сотни тысячъ, милліоны насъ, русскихъ.

Не только настоящей книгѣ не подъ силу, — думается, что многіе и многіе еще труды не въ состояніи будутъ дать полное отраженіе всѣхъ перенесенныхъ бѣлыми лишеній, жертвъ, трудовъ и подвиговъ, совершенныхъ зачастую въ обстановкѣ почти полной безнадежности успѣха. Но ими двигало горячее, сильное чавство и глубокая вѣра въ правоту своего дѣла. И потому получались величайшія напряженія, удесятерялись силы, ломались гигантскія препятствія, создавался самый успѣхъ. Во всемъ этомъ — красота бѣлаго движенія, такая красота, которая приближаетъ его не къ завоевательнымъ войнамъ,но къ скромнымъ, сіяющимъ внутреннимъ свѣтомъ черезъ чреду вѣковъ — Крестовымъ походамъ.

Въ этомъ то и заключается моральное значеніе бѣлыхъ, какъ-бы сила побѣды въ самомъ пораженіи. Пускай Ллойдъ Джорджи и Вальтеры Ратенау торгуютъ и договариваются съ совѣтскимъ правительствомъ, пусть даже признаютъ ихъ, этихъ татей, насильниковъ и трусовъ, равноправными съ собою, — лучшіе элементы каждой страны и народа стоятъ и всегда будутъ стоять на сторонѣ бѣлыхъ, хотя бы только морально. И слѣдующее поколѣніе русскихъ вправѣ сказать: наши отцы сдѣлали все, что могли для спасенія своей страны

отъ позора, униженія и рабства; не ихъ вина, что многія посторонній причины свели всѣ усилія бѣлыхъ на нѣтъ.

Да и такъ ли это? Дѣйствительно ли всѣ труды и жертвы пропали даромъ, не дали ничего? Это еще спорный вопросъ, рѣшитъ его недалекое будущее; но думается, что сѣмя брошено, и придетъ срокъ, когда оно дастъ всходы и свой могучій ростъ.

Русское національное анти-соціалистическое движеніе зародилось стихійно по всему простору нашей страны, съ первыхъ же дней революціи. И надо помнить, какъ велика была всеобщая ненависть къ большевикамъ и желаніе скорѣе съ ними покончить; но руководители этихъ первыхъ тайныхъ организацій берегли ихъ, ждали пока движеніе созрѣетъ, искали въ то же время полнаго объединенія всѣхъ силъ. И думается, что предоставленные самимъ себѣ, русскіе сумѣли бы справиться съ большевизмомъ и уничтожить его съ корнемъ, какъ то сдѣлали у себя Финляндія, Баварія и Венгрія. На горе вмѣшались эти «союзники» Россіи, которымъ выгодно оказалось использовать для себя наше національное движеніе, и они вызвали его наружу преждевременно, постарались выявить бѣлыхъ, какъ можно ранѣе, обѣщая полную помощь противъ соціалистовъ (большевиковъ). А затѣмъ когда, несмотря на этотъ срывъ національныхъ огранизацій, все же общій подъемъ русскихъ массъ оказался настолько могучимъ, что обѣщалъ конечный успѣхъ и возрожденіе страны, тѣ же иностранцы начали помогать тогда соціалистамъ (эсъ-эрамъ). Бѣлое движеніе показало истинное отношеніе иностранцевъ къ Россіи: только благодаря «союзникамъ» національное русское движеніе потерпѣло крахъ; «союзникамъ» до Россіи не было никакого дѣла, — болѣе того, — національное возрожденіе Россіи для нихъ явилось нежелательнымъ, какъ что-то враждебное, опасное. Отнынѣ Русскій народъ долженъ въ корнѣ пересмотрѣть и измѣнить свое отношеніе къ такъ называемой Антантѣ, этимъ бывшимъ «своимъ союзникамъ».

Въ бѣломъ движеніи необходимо различать еще двѣ стороны, одна изъ коихъ до сихъ поръ совершенно замалчивалась. Первая — это то, что бѣлое движеніе, будучи исключительно чистымъ, преслѣдовавшимъ высокія цѣли спасти свой народъ и вырвать его изъ цѣпкихъ лапъ большевицкаго стервятника, — явилось въ политическомъ отношеніи совершенно незрѣлымъ и шло вслѣпую. Все дѣлалось для народа и во имя народа, но что́ хочетъ народъ, что́ именно ему жизненно необходимо, никто не только не выявилъ открыто и прямо, но видимо и не могъ, не зналъ этого. Потребовался долгій періодъ бѣлыхъ, чтобы подойти къ рѣшенію такого основного вопроса; и только бѣлымъ движеніемь опредѣленно установилось, что́

нужно и что́ приметъ народъ. Бѣлое движеніе выявило это всѣмъ своимъ путемъ и подтвердило своимъ неуспѣхомъ, выявило опредѣленно и ясно для всѣхъ, незатемненныхъ узкопартійнымъ сектантствомъ; даже иностранцы-очевидцы, искренно относившіеся къ Россіи, увидали, въ чемъ должно состоять разрѣшеніе вопроса.

Второе, — и это чрезвычайно важно не для прошедшихъ годовъ, а для настоящаго и ближайшаго будущаго, — бѣлое движеніе въ самой сущности своей явилось первымъ проявленіемъ фашизма. Той волны народныхъ массъ, которая все выше вздымаетъ свой валъ; и въ которой человѣчество готово уже видѣть единственное средство отъ общаго паралича государственной власти, знаменующаго наше время, начало двадцатаго вѣка.

Бѣлое движеніе было даже не предтечей фашизма, а чистымъ проявленіемъ его. Дѣйствительно, если пристально вглядѣться въ стимулы, двигавшіе бѣлыми, то въ нихъ выступаетъ все то же, что создаетъ фашизмъ въ другихъ странахъ. И не только создаетъ самый фашизмъ, но и дѣлаетъ его желаннымъ для всѣхъ, даетъ ему стальную силу и крѣпкую прочную опору, обезпечиваетъ успѣхъ.

Невольно можетъ возникнуть вопросъ: почему же тогда неудача бѣлаго движенія, даже разгромъ его? Вѣдь фашизмъ идетъ всюду вѣрными шагами къ побѣдѣ — для торжества права, правды и справедливости? Отвѣтъ на это лежитъ въ томъ, что, во-первыхъ, русскій фашизмъ, бѣлое движеніе было лишь первымъ робкимъ опытомъ его; во-вторыхъ же, этотъ первый опытъ проходилъ въ неимовѣрно трудныхъ условіяхъ, въ которыхъ и явилось много причинъ его временнаго крушенія. Частью эти причины открыты, по возможности, въ предыдущихъ главахъ; но всѣ ихъ выяснитъ и выскажетъ только изслѣдователь изъ будущаго поколѣнія.

Теперь же можно сказать безошибочно слѣдующее: необходимое условіе успѣха фашизма, неотдѣлимая отъ него сущность его — это диктатура. И вотъ, къ несчастью, ни одно бѣлое народное движеніе, какъ и всѣ вмѣстѣ взятыя, не смогло дать диктатора. Не нашлось такой воли и души одного человѣка, который все подчинилъ бы себѣ, а себя самого подчинилъ бы цѣликомъ этой великой идеѣ — служенію всему народу путемъ проявленія непререкаемаго, безусловнаго закона, воплощеннаго въ немъ одномъ. Вся та масса большихъ патріотовъ, бѣлыхъ офицеровъ и солдатъ, отдѣльные крупные вожди и дѣятели, — все поэтому расплывалось, разбивалось и не могло добиться полной концентраціи силъ, безъ чего окончательная побѣда никогда невозможна.

Къ этому примѣшалась и неизбѣжно вытекающая изъ-за отсутствія диктатуры та дряблость, которая вездѣ губила бѣлое движеніе. Именно дряблость, ибо она одна допустила не только терпимость къ соціалистамъ, но даже и совмѣстную работу съ ними. Вѣдь фашизмъ всегда и всюду болѣе чѣмъ противуположенъ сущности соціализма (марксизма), — фашизмъ прямо враждебенъ ему: первый является движеніемъ чисто народнымъ, направленнымъ къ улучшенію, къ упрочненію человѣческихъ отношеній и устройства государства, второе же — соціализмъ — есть проведеніе насильно нежизненныхъ, искусственныхъ нормъ, выводимыхъ изъ теоріи, пропитанной завистью и ненавистью къ человѣчеству, презрѣніемъ къ человѣку. А потому и приводящій къ тѣмъ, разультатамъ всеобщаго горя и разрушенія, что соціалисты и выполнили такъ безпредѣльно въ нашей несчастной Россіи.

И несомнѣнно, за эти годы прибавилась къ прежнимъ новая заслуга Россіи передъ человѣчествомъ, передъ всѣмъ міромъ: она своимъ бѣлымъ движеніемъ сняла маску съ соціализма и показала его истинное лицо. Тѣмъ самымъ облегченъ путь торжествующаго, побѣднаго фашизма; дано предостереженіе, что вождь народнаго фашизма, терпящій соціализмъ, допускающій его дѣятельность въ государствѣ, хотя бы и подпольную, — обрекаетъ народное дѣло и себя на неуспѣхъ.

Возвращаясь къ сказанному выше о выявленіи черезъ бѣлое движеніе того, чтó хочетъ народъ и чтó необходимо ему для устройства его жизни, приходится подробнѣе остановиться на этомъ, чтобы не было недоговоренности; иначе можетъ показаться людямъ, смотрящимъ на Русскій вопросъ предвзято, невязка и даже противорѣчіе между высказанными положеніями. Съ одной стороны, выявилась опредѣленная и всѣми сознаваемая необходимость диктатуры, того, что всѣ называли твердой властью; а съ другой, также опредѣленно, сначала робко, но затѣмъ все шире и сильнѣй, выявилась не только необходимость, но даже тоска Россіи по Монархіи, по Царской Власти. Но это только кажется на первый взглядъ, что здѣсь двѣ стороны. На самомъ дѣлѣ — это одно и тоже.

Не приходится много доказывать, что Россія нуждается и хочетъ именно такой власти, которая служила бы народу, соблюдая его жизненные интересы, охраняя его трудъ и жизнь, оберегая его духовныя цѣнности. И народъ, въ его цѣломъ, отъ крестьянской массы до лучшей интеллигенціи, не отдѣляетъ въ своемъ сознаніи этой власти отъ Царя. Только въ немъ одномъ видитъ народъ, и теперь яснѣе, чѣмъ когда-либо, соединеніе всѣхъ свойствъ, необходимыхъ для дѣйствительнаго достиженія обще-народнаго блага.

Всѣ партіи, начиная отъ союза русскаго народа и октябристовъ, до эсъ-эровъ и коммунистовъ, являются въ глазахъ народа, — да такъ оно и по существу, — противниками этого народнаго идеала. Ибо каждая изъ партій заключаетъ въ себѣ партійныхъ вожаковъ, партійные интересы и солидарность, партійную дисциплину и партійныя вождѣленія, которые всѣ вмѣстѣ ставятъ партію въ ея сознаніи и дѣйствіяхъ не только превыше народа, но и выше этой народной власти, т. е. Царя. Это несомнѣнно такъ; это станетъ ясно и среднимъ партійнымъ людямъ, если они дадутъ себѣ трудъ честно проанализировать эти вопросы, для чего используютъ богатый опытъ надъ Россіей всѣхъ партій за послѣднее десятилѣтіе.

Оттого-то ни одна партія, никогда и нигдѣ, не выражала народныхъ массъ и не можетъ выразить; оттого-то лучшіе и настоящіе вожди фашизма въ Европѣ отвергаютъ всякія партіи; наконецъ, оттого-то въ нашей Россіи все сильнѣе и значительнѣе разростается число безпартійныхъ. Это именно и есть та масса Русскаго народа, отъ которой и только отъ которой зависитъ будущее Государства Россійскаго и устройство его.

Такими же безпартійными были и тѣ милліоны, которые составляли полчища бѣлыхъ; ихъ безпартійность была совершенно того же характера и направленія, какъ и у массы безпартійныхъ въ самой Россіи. Но и тѣ, и другіе русскіе люди никогда не считали и никогда не признаютъ монархизмъ за партію.

Русскій народъ былъ всегда монархиченъ; а теперь, когда на его горбу перебывали и смѣнились послѣ марта 1917 года сотни владыкъ, отъ Родзянки, Милюкова до Нахамкеса и Бронштейна, — всѣ эти партійные вожаки, крупные партійные люди, а результатъ отъ всѣхъ нихъ получался одинъ, т. е. все бо́льшая и бо́льшая разруха, все сильнѣйшее униженіе національнаго достоинства: не осталось, думается, ни одного честнаго русскаго, который явно или, пока, тайно не былъ бы проникнутъ монархической идеей.

И, безспорно, бѣлое движеніе дало толчекъ къ выявленію этого, доказало силу, значеніе и жизненность этой идеи.

Но также несомнѣнно, — и это также опредѣлилось изъ бѣлаго движенія, — Русскій народъ желаетъ, даже жаждетъ осуществленія монархической идеи не для самой идеи, а для счастья и пользы Россіи. Народъ признае́тъ поэтому только дѣйственный монархизмъ, т. е. такой, который сможетъ устроить Государство, поднять его на высоту и защитить народную жизнь отъ всего, что было гадко и скверно не только въ періодъ революціонной смуты, но и до нее, до 1917 года.

Когда за адмираломъ А. В. Колчакомъ шли массы, несли подъ его знаменемъ въ жертву долгу свои труды, кровь и жизни, — людей охватывалъ порывъ и вѣра въ то, что вождь откроетъ народу возможности приближенія къ его, народнымъ, идеаламъ права, правды и справедливости. Другихъ вождей въ то время не было, и быть не могло, ибо народъ монархиченъ не на словахъ, а на дѣлѣ. До какого предѣла это могло дойти, видно изъ слѣдующаго: почти всегда, когда адмиралъ Колчакъ пріѣзжалъ въ армію, ко мнѣ являлись начальники проходящихъ частей, дивизій, полковъ и батарей, съ просьбой, чтобы Верховный Правитель вышелъ къ войскамъ; ихъ солдаты просили: «Покажите намъ того, за кого Россія воюетъ». Крестьяне въ Сибири и въ Забайкальѣ называли покойнаго адмирала въ періодъ успѣховъ арміи: «царь Колчакъ». И надо было видѣть тотъ восторгъ въ войскахъ, какой охватывалъ ихъ, когда они видѣли своего вождя. Болѣе тихо, но съ глубокой преданностью, почти съ обожаніемъ встрѣчали его и крестьянскія массы въ тѣхъ тысячахъ сёлъ, которые посѣтилъ адмиралъ. Что произошло, бы если бы бѣлые имѣли конечную, полную побѣду? . .

Вотъ что́ пріоткрыло и показало еще бѣлое движеніе. И ярко, страшно доказало, что слабость, бездѣйствіе и забвеніе простыхъ народныхъ идеаловъ влечетъ неминуемо за собою сначала разочарованіе массъ, а затѣмъ гибель и еще большую разруху.

Теперь успокаивается, внѣшне и временно, взбаламученное русское море, затихаютъ его усталыя народныя массы; но волненіе идетъ, широко и глубоко расходится оно, это волненіе чистой монархической идеей, тоской по Законномъ Царѣ. И все больше будутъ волны, все шире движеніе, и, быть можетъ, не далекъ уже тотъ день, когда вскипитъ снова русское море и вынесетъ свой грозный девятый валъ. Вознесетъ для того, чтобы смыть всю нечисть, загрязнившую Россію, а на гребнѣ высоко поднять исконную Русскую Царскую Власть и съ нею право, правду и высшую справедливость.

2.

Въ бѣломъ движеніи была одна ужасная для всѣхъ русскихъ сторона, та самая, которая заставляла, быть можетъ, интервентовъ не разъ потирать радостно руки; это — взаимное уничтоженіе русскими другъ друга. Народъ и страна раздѣлились на два лагеря, на бѣлыхъ и красныхъ.

Въ станѣ бѣлыхъ никогда не было не только ненависти и злобы по отношенію къ краснымъ массамъ, не было даже и вражды. Кромѣ отдѣльныхъ, весьма рѣдкихъ случаевъ рас-

правы за предательство, за измѣну и за звѣрство, никто не можетъ указать на систематическое преслѣдованіе и истребленіе, на терроръ, который широко примѣнялся въ противномъ лагерѣ. Болѣе того, среди бѣлыхъ всегда существовала жалость къ своимъ страждущимъ братьямъ и вытекающая изъ нея мягкость къ нимъ.

И это понятно само собой: тотъ безпощадный терроръ, какимъ пропитана вся красная, большевицкая Россія, направляется и проводится исключительно инородцами, главнымъ образомъ интернаціональнымъ жидовствомъ. Бѣлая же Русь имѣла вождями и руководителями только своихъ, русскихъ людей, была строго національна.

Бѣлые разобрались своевременно и полно въ тѣхъ разслоеніяхъ, на которые дѣлилась тогда часть Россіи, оставшаяся подъ властью коммунистовъ-большевиковъ. Больше всего, на первомъ планѣ была масса, вначалѣ одурманенная революціей, но быстро отрезвѣвшая, и потому ненавидѣвшая соціалистовъ всѣми своими силами. Но масса усталая, инертная, бездѣятельная и совершенно неспособная сама по себѣ, своими силами сбросить присосавшихся паразитовъ. Въ этой массѣ кое-гдѣ въ очень маломъ числѣ, проступали преступные элементы, и то, главнымъ образомъ, не среди крестьянства, а изъ рабочей бѣдноты. Это были или совершенно люди отпѣтые, иной разъ изъ каторжанъ, или ослѣпленные и тогда еще не прозрѣвшіе.

Далѣе шелъ весьма значительный слой тѣхъ русскихъ людей, изъ интеллигенціи, для которыхъ Россія составляла и составляетъ все, которые, являясь русскими до мозга костей, не могутъ жить внѣ Россіи, для которыхъ понятія Родина, Вѣра, Царь — не одни слова. Такихъ было и есть большинство во всѣхъ городахъ русскихъ; съ ними всѣ мы связаны неразрывными узами крови и общаго духа. Среди этихъ многихъ сотенъ тысячъ русскихъ наблюдалось всегда не только полное сочувствіе бѣлымъ, но ихъ горячія молитвы сопутствовали намъ, и ихъ желанія были направлены въ сторону нашей полной и скорой побѣды.

Многіе изъ нихъ, этихъ простыхъ, честныхъ и цѣльныхъ русскихъ людей, принуждены были служить большевицкимъ комиссарамъ, правда не съ первыхъ дней возникновенія бѣлаго движенія, а примѣрно съ конца лѣта 1919 года. Кто обрекъ себя на это тяжкое дѣло изъ-за семьи, изъ-за куска хлѣба, многихъ заставила неизбѣжность — иначе грозила тюрьма или растрѣлъ.

Только небольшой сравнительно процентъ русской безпартійной интеллигенціи пошелъ на службу теперешнихъ владыкъ Русской земли, жидовскаго интернаціонала, изъ-за лич-

ныхъ разсчетовъ, изъ-за мелкаго честолюбія или по полной безпринципности. Богъ и совѣсть судья имъ!

А чѣмъ лучше тѣ, которыхъ не мало нашлось среди самой первой русской эмиграціи, изъ тѣхъ такихъ же безпринципныхъ людей, что въ самомъ началѣ смуты уѣхали за-границу. Случайно ускользнувъ отъ красныхъ, они не примкнули и къ бѣлымъ, выжидая въ безопасности, когда на ихъ сторонѣ опредѣлится успѣхъ. Теперь многіе изъ нихъ начинаютъ прикрываться фарисейскими заявленіями, что будто бы они все предвидѣли и знали заранѣе. Ну, а это, видимо, просмотрѣли, упустили и тогда, да и теперь не понимаютъ: если бы всѣ дружно и соединенно пошли съ самаго начала на поддержку бѣлаго движенія, то временные успѣхи его легко обратились бы въ окончательную побѣду!

Чтобы представить полную картину, какъ шло разслоеніе красной стороны нашей общей матери Россіи, остается упомянуть о самомъ верхнемъ слоѣ, состоявшемъ почти сплошь изъ руководителей; это — люди по преимуществу не русскіе, для которыхъ Россія, Отечество, Вѣра, традиціи, — все это является ненавистнымъ, надъ истребленіемъ чего они и работаютъ въ открытую съ перваго дня революціи.

Кромѣ этой группы, которая цѣликомъ заключается въ рабочей коммунистической партіи (Р. К. П.), да небольшого числа безпринципныхъ господъ, служащихъ ей не за страхъ, а за совѣсть, — вся остальная русская масса тамъ была и осталась проникнутой національнымъ духомъ. Это несомнѣнно такъ, и доказательства этого разсыпаны во всѣхъ дняхъ и событіяхъ пережитаго потрясенія. Болѣе того, коммунисты сумѣли использовать для своихъ цѣлей русскій націонализмъ: когда они кричали по Россіи и распространяли въ десяткахъ тысячъ разнообразные плакаты о томъ, что бѣлые идутъ съ французской и англійской буржуазіей, дѣйствуютъ по ихъ указкѣ, бьются за какіе-то ихъ скрытыя цѣли, — большевики били въ точку.

Получалась ужасная гримаса жизни, страшное извращеніе. Въ бѣломъ чисто-національномъ движеніи появились со стороны анти-національныя теченія, примѣшалась политика интервентовъ, опредѣленно враждебная (кромѣ японской) Россіи; а среди красныхъ, управляемыхъ III-мъ интернаціоналомъ, забила струя національнаго русскаго подъема, непримиримаго и ненавидящаго все, идущее на Русь извнѣ.

Такіе крупные факты, какъ чехо-словацкая эпопея въ Сибири, спасеніе Варшавы и усиленіе Польши цѣною предательства арміи Юга Россіи, Рижскій миръ — говорятъ сами за себя. А сколько было еще болѣе мелкихъ, не такъ замѣтныхъ фактовъ!

Одна изъ главныхъ причинъ этой аномаліи лежитъ въ томъ, что большевики нашли силы и умѣнье справиться съ эсъ-эровщиной, скрутить ее и извести съ корнемъ. Бѣлые не сумѣли этого сдѣлать, оставили эсъ-эровщину не только жить, но дали ей работать, чѣмъ и впустили къ себѣ это внѣшнее, анти-національное теченіе, погубившее ихъ и усилившее красныхъ.

Приходится также съ большой грустью установить, что диктатура, которой такъ не хватало всему бѣлому движенію, у красныхъ нашла полное проявленіе. На горе Россіи — не въ лицѣ національнаго Русскаго вождя, а въ томъ же III-мъ интернаціоналѣ, т. е. въ лицѣ коллективнаго жида-большевика. Злая, безпощадная диктатура, направленная къ разрушенію Святой Руси, но твердая, со стальной волей, неумолимая и забывающая себя въ своей преступной работѣ, при достиженіи поставленныхъ цѣлей. И эта диктатура сумѣла заставить работать и драться всѣхъ для того, чтобы сломить бѣлое движеніе.

Грустно, безконечно грустно теперь положеніе каждаго русскаго. Всюду, и въ самой Россіи, въ нашемъ Отечествѣ, и за границами его, во всѣхъ странахъ Стараго и Новаго Свѣта. Тяжесть непомѣрная придавила камнемъ душу, нѣтъ не только радости жизни, но исчезаетъ временами надежда на улучшеніе, самая вѣра въ скорый конецъ великихъ испытаній. И приходятъ дни, когда многимъ русскимъ, разбросаннымъ по различнымъ угламъ цѣлаго міра, кажется, что нѣтъ впереди просвѣта. Понятны и это настроеніе, и упадокъ силъ, и даже временная потеря вѣры въ свѣтлое будущее нашей страны. Но долгъ насъ всѣхъ вмѣстѣ, и каждаго порознь — не допускать въ себѣ унынія, крѣпко держать въ умѣ мысль, что Святая Русь переживала уже на своемъ величавомъ тысячелѣтнемъ пути такія потрясенія, которые длились столѣтіями; чаще обращаться въ родную исторію и тамъ черпать силы для вѣры въ свѣтлое будущее.

Оскорблена національная гордость Русскаго народа. Свыше мѣры оскорблено это чувство, унижено и уязвлено самолюбіе народа. Въ этомъ виноваты сами. Одно изъ главнѣйшихъ преступленій русской интеллигенціи было и есть въ томъ, что одни эту національную гордость просмотрѣли, другіе умышленно, въ припадкѣ какого-то садизма, топтали ее въ себѣ и въ другихъ въ грязь. А среди нашихъ «передовыхъ» людей считалось чуть ли не за стыдъ, за какой-то пережитокъ проявленіе этого чувства. Надъ нимъ всячески измывались, называя его «зоологическимъ патріотизмомъ», «чувствомъ дикарей» и т. д.

Кто-то изъ этого лагеря «передовыхъ» пустилъ даже крылатую фразу: «русскіе любятъ заниматься самооплеваніемъ». Какая гнусная ложь! Эта интеллигентская традиція униженія національной гордости проистекала, помимо другихъ причинъ, отъ полной оторванности, отчужденности отъ народныхъ массъ, изъ-за незнанія его быта, жизни, запросовъ.

Приходилось часто удивляться, слыша другую ходячую фразу отъ людей, казалось бы, по своему рожденію, состоянію и образованію обязанныхъ знать духъ народныхъ массъ: «Нашъ русскій мужикъ даже не сознаетъ, что такое національная гордость. Ему видна только его деревня, да землицы бы побольше. Дальше онъ не видитъ ничего».

Или, во время войны, въ періоды неудачъ, послѣ героическихъ успѣховъ: «Да развѣ нашъ солдатъ понимаетъ войну за Россію, — ему дѣла до нея нѣтъ. Они такъ и говорятъ, что, молъ, до насъ, Скопскихъ или Калуцкихъ, не дойдетъ, — далеко».

Все это клевета на нашъ народъ; и клевета не только на современниковъ, но и на предковъ, которые вѣкъ изъ вѣка жили и умирали для своей родной Великой Россіи. И преступники тѣ русскіе люди, кто допускаеть эту клевету на свой народъ.

Развѣ гдѣ-нибудь въ другомъ народѣ возможны подобныя разсужденія, допустимы такія фразы. Да если бы и нашелся такой выродокъ среди нѣмцевъ, англичанъ, французовъ и даже американцевъ, вылѣзъ бы съ подобными фразами о своемъ народѣ, то нашлись бы сейчасъ же и здѣсь же десятки другихъ нѣмцевъ, англичанъ, французовъ или американцевъ, которые заткнули бы ротъ своему не въ мѣру «передовому» соотечественнику. И заткнули бы такъ, что не явилось бы новыхъ охотниковъ клеветать и поносить свой народъ. А наша Святая Русь молчала! И не только молчала, но продолжала, молча, творить чудеса подвиговъ, на которые можетъ подвинуть только высоко развитое чувство національной гордости и любви къ Родинѣ.

Не надо даже возвращаться мыслью такъ далеко, какъ къ Міровой войнѣ, достаточно взглянуть глазами, не прикрытыми личной злобой, себялюбіемъ или узкой партійностью, на бѣлое движеніе. Это сплошь — проявленіе чувства національной гордости, да притомъ еще въ такихъ величавыхъ образцахъ, на которые невольно съ уваженіемъ смотрѣли иностранцы. И теперь въ эмиграціи, во всѣхъ странахъ, если и принимаютъ русскихъ, какъ равныхъ себѣ, то этимъ обязаны той героической борьбѣ, которую вели бѣлые. Годы,

протекшіе въ этой борьбѣ, не прошли незамѣченными для міра; не мало искреннихъ, честныхъ иностранцевъ были при бѣлыхъ арміяхъ и черезъ нихъ-то, капля по каплѣ, просочилось сознаніе о подвигахъ русскихъ войскъ, объ ихъ трудахъ и великихъ жертвахъ, принесенныхъ во имя Родины, и только Родины.

Оскорбленное долгими незаслуженными неудачами Міровой войны чувство національной гордости привело народъ въ началѣ марта 1917 года къ принятію бунта тыловыхъ солдатъ за революцію, заставило повѣрить фарисеямъ типа Милюкова и истеричнымъ фиглярамъ Керенскимъ. Еще болѣе униженное и оплеванное то же чувство позоромъ отъ углубленія революціи кинуло народныя волны въ бѣлые ряды, подъ національныя знамена бѣлыхъ армій. Говоря о національной гордости нельзя, понятно, отдѣлять ея отъ любви къ Родинѣ, такъ какъ первое чувство проистекаетъ изъ второго. Всѣ слои Русскаго народа полны этимъ чувствомъ, всѣ, кромѣ «передовыхъ» интелигентовъ, пропитанныхъ духомъ космополитизма и поэтому глубоко преступныхъ передъ своимъ народомъ.

Бѣлое движеніе сіяло любовью къ Родинѣ. Г. г. офицеры, солдаты и казаки, массы населенія, учащаяся молодежь, — все горѣло однимъ желаніемъ — спасти Россію, вернуть ее на путь національной самостоятельности, очистить Отечество отъ всей мерзости, которая развелась въ немъ за послѣднее десятилѣтіе, и которая такимъ махровымъ цвѣтомъ распустилась послѣ февраля 1917 года. Десятки тысячъ безвѣстныхъ героевъ среди бѣлыхъ принесли великія жертвы только во имя любви къ Родинѣ.

Да и какъ можно не любить нашей милой страны! Революціонной бурей раскиданы русскіе люди по всему свѣту, народилось огромное число новыхъ эмигрантовъ изъ Россіи, эмигрантовъ другого типа, чѣмъ были до войны: не тѣхъ выродковъ русской семьи, что ковали гибель своей Родины, поклоняясь сатанинскому ученію Карла Маркса, а простыхъ, обыкновенныхъ русскихъ людей изъ числа «безпартійныхъ». Эти невольные изгнанники видятъ теперь неприкрашенную заграничную жизнь и дѣйствительность, сравниваютъ съ тѣмъ, что было до революціи въ нашемъ Отечествѣ. И всюду выводъ одинъ: все въ Россіи было лучшее, все было первосортное, превосходное передъ иностраннымъ, все и во всемъ. Какъ часто собираются русскіе эмигранты и мечтательно вспоминаютъ Святую Русь. Еще болѣе часто встаетъ въ поэтической дымкѣ этого недалекаго прошлаго наша великая Родина передъ очами нашихъ сестеръ и братьевъ, живущихъ въ неимовѣрно тяжелыхъ условіяхъ въ совѣтской федеративной соці-

алистической республикѣ. И эти мечты, и чувства, и кровь, и духъ, и Вѣра, и любовь къ Родинѣ, — у насъ съ ними общіе; и все же насъ раздѣлили и между наши провели черту, пока непереходимую.

Насъ раздѣляли и разъединяли съ перваго дня проклятой революціи. И мы сами поддавались этому злому разъединенію, забывъ, что мы должны быть прежде всего русскими, и только русскими. Сначала — дѣленіе на партіи, затѣмъ искусственная, дьявольски проведенная, враждебная отчужденность классовъ, классовая рознь; послѣ этого на сцену вывели «украинцевъ», пытались создать самостоятельную Сибирь и казачьи государства. Когда все это валилось, какъ постройка карточнаго домика, — обще-русское чувство и сила духа сметало эти перегородки, — появилось самое дикое дѣленіе по цвѣтамъ: бѣлые, красные, зеленые. И эти клички привились такъ прочно, точно наглухо затянули повязкой русскимъ глаза. На цѣлые годы была ими замѣнена наша сущность, чтобы разрушителямъ Россіи было тѣмъ легче докончить ихъ темное, преступное дѣло.

На великомъ русскомъ народѣ повторилась старая народная сказка объ умирающемъ отцѣ большой семьи и его духовномъ завѣщаніи. Призвалъ онъ передъ смертью всѣхъ своихъ дѣтей и велѣлъ принести вѣникъ. — Попробуйте сломать его, — отдалъ умирающій отецъ приказъ. Пытались сыновья сдѣлать это и не были въ силахъ. — Теперь развяжите его. — Развязали и разсыпались прутья. — Попробуйте теперь сломать. — Всѣ отдѣльные прутья были безъ труда переломлены дѣтьми. — Вотъ такъ и вы: пока будете вмѣстѣ жить дружной и крѣпкой семьей, будете сильны единеніемъ, васъ никто не тронетъ. Разъединитесь, разсыпитесь, и васъ, слабыхъ, легко сломаетъ порознь всякій, — завѣщалъ умирающій отецъ.

Забыта была простая народная мудрость. А враги наши использовали это свойство русскихъ начала двадцатаго вѣка къ разъединенію зачастую по самымъ пустякамъ, способность нашу къ непримиримой и разгорающейся розни. Вѣдь чистое національное движеніе бѣлыхъ было бы живительной струей воскресенія Россіи, поддержи его тѣ русскіе, которые уклонились въ сторону — изъ-за програмныхъ, партійныхъ и личныхъ разногласій. И давно былъ бы конченъ преступный опытъ надъ нашимъ Отечествомъ, производимый ничтожной кучкой Р. К. П. (рабочей комунистической партіи), ничтожной по числу, но сильной нашимъ разъединеніемъ и слабостью.

И пока разъединеніе русскихъ, этотъ зловредный процессъ, не кончится, пока не будутъ забыты споры и раздоры,

пока все не объединится въ одной цѣли спасти Родину и жить только для нея: до тѣхъ поръ не можемъ мы ждать милости Божіей и просвѣта.

Пусть же лозунгъ русскаго бѣлаго національнаго движенія ляжетъ прочно и непоколебимо въ сердцѣ каждаго: Наша единственная партія — Святая Русь. Нашъ классъ — весь Русскій народъ!

И да проникнетъ и соединитъ весь народъ нашъ право, выстраданное всѣмъ бѣлымъ движеніемъ, — право Россіи вернуться на свой историческій путь, къ своему Законному Царю.

Оглавленіе.

Стр.

Предисловіе 3

Глава I. Борьба за власть 7

Глава II. Армія и тылъ 48

Глава III. Подвигъ арміи 95

Глава IV. Предательство тыла 155

Глава V. Чехо-словацкій корпусъ 212

Глава VI. Ледяной Сибирскій походъ 242

Заключеніе 311